

ТВОРЕНІЯ
СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ,

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДЪ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

П Р И

МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

— 833 —

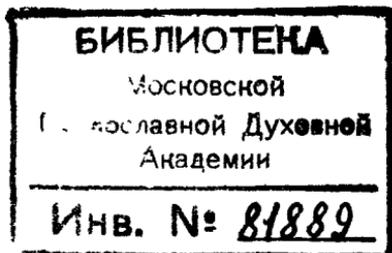
Томъ тридцать первый.

— 833 —

из Библиотечки
Саратовской Семинарши
ИЧ 4866

ТВОРЕНИЯ
ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО
НИЛА,
ПОДВИЖНИКА СИНАЙСКАГО.

— 636 —
Часть первая.

Святослав 3. 4766

МОСКВА,
Въ типографіи В. Готье.
1858.

ВЪ МОНАХУ АГАФЮ.

ОТДѢЛЕНІЕ 1.

ВВЕДЕНІЕ.

Г л а в а 1. Имѣя обычай, извѣстный и тебѣ, досточестнѣйшій Агафій, уклоняться, по большей части, отъ бесполезныхъ сходбищъ съ людьми скучными, и когда нужда заставляетъ выходить изъ дому, проводить время въ мѣстахъ наиболѣе тихихъ, и вчера прохаживался я за городомъ. И видѣ роши, и пріятное пѣніе стройно оглашающихъ ее птицъ, и чистое вѣяніе свѣжаго вѣтра, успокоивали меня подобно зыбкой колыбели. Въ это время идешь ко мнѣ ты, впрочемъ нерѣшительно, уподобляясь человѣку, который непрестанно, то припадаетъ на колѣно, то привстаетъ. По задумчивости моей заключилъ ты, что мое удивленіе (въ чемъ и дѣйствительная была правда) не даромъ. Этому безмолвно, разсуждалъ ты, непременно есть важ-

ная какая-нибудь причина: не бывает такого безмолвія безъ дѣла, если умъ не приведенъ въ самоуглубленіе чѣмъ-либо достойнымъ размышленія. Но замѣтивъ, что подаю тебѣ знакъ, и поджидаю тебя не безъ удовольствія, подлѣдши ты, привѣтствуешь меня, идешь со мною, и спрашиваешь о причинѣ моеи задумчивости; потомъ узнавъ, что занять и озабоченъ я изслѣдованіемъ вопроса, о которомъ пишу, берешь мою руку, подносишь къ устамъ, цѣлуешь, и улыбаясь весьма весело говоришь мнѣ: «а я вотъ принесъ тебѣ новую заботу, хочу указать предметъ, который стоитъ, чтобы о немъ написать, многимъ можетъ принести пользу, многихъ отъ успавшейся нынѣ роскоши обратить къ жизни цѣломудренной».

Г л а в а 2. Имѣя у себя достаточное по силамъ моимъ занятіе — псалмы, по какой-то алчности не упускать случая о чемъ-либо писать, не безъ заботливости спросилъ я у тебя, что же это за предметъ? что такое могло бы доставить пользу и нынѣшнимъ и будущимъ читателямъ? Широко распнула повсюду всеуловляющія сѣти суетность, всѣхъ она захватила, всѣхъ даже и безъ сѣти держитъ въ своей власти: какъ силки разставила кругомъ богатство, чины, господство, забавы, непристойныя наслажденія; каждый остается въ порабощеніи той страсти, къ какой суетность нашла его наиболѣе склоннымъ; она не только понуждаетъ его услуживать чреву, или другой какой тѣлесной потребности, но заставляеть еще сокровищ-

ницы свои наполнять несправедливо приобрѣтеннымъ имуществомъ, приневоливаетъ, когда другіе истаеваютъ отъ голода, тщательно сберегать худо накопленное, и сберегать, можетъ быть, для тѣхъ, которые не употребятъ сего во благо; почему собирающій осужденъ будетъ на сугубое наказаніе, и какъ обижавшій немощныхъ, вмѣсто того, чтобы имъ помогать, и какъ отнятымъ у нихъ приготовившій средство къ распутной жизни тѣмъ, которые при умѣренномъ достаткѣ могли бы перѣдко прожить цѣломудренно. Ибо изобиліе, возмозможностию тратитъ много увеличивая въ человѣкѣ привызанность къ наслажденіямъ испозволеннымъ, и постепенно доводя его до крайняго предѣла невоздержности, научаетъ велпчаться дѣламъ непристойными.

Г л а в а 3. Но ты сталъ съ жаромъ описывать мнѣ Перистерію, женщину, какъ гласитъ молва, знаменитую по сану, а какъ ты утверждалъ, еще болѣе знаменитую по душевнымъ добродѣтелямъ;— и ты перечислялъ въ ней множество высокпхъ добрыхъ качествъ, ся воздержаніе, нищелюбіе, непрестанное поученіе въ словесахъ Божіихъ, прплежную и умпленную молитву, щедрую расточительность имѣнія на нуждающихся, цѣломудріе даже во взорѣ и въ самомъ помышленіи, почтительную попечительность о скончавшихся странникахъ и убогихъ, сострадательность ко всѣмъ, по какой бы то ни было причинѣ, бѣдствующимъ, уваженіе къ богочестивымъ, заботливость о пріявшихъ на себя

жизнь плоческую , общительность съ ними въ потребномъ для нуждъ тѣлесныхъ , чтобы и ей , хотя супружеское иго препятствуетъ вмѣстѣ съ ними безмолвствовать и трудиться , участвовать однако же въ жизни ихъ , услуживая имъ въ необходимомъ для жизни , и тѣмъ , какъ ихъ освобождая отъ житейскихъ попеченій , такъ и себѣ удѣляя часть ихъ неразвлекаемаго ничѣмъ служенія Богу. — Пересказавъ же все это и еще большее , въ слѣдъ за тѣмъ сообщилъ ты , что часто , по кознямъ діавола , впадаетъ она въ искушенія и скорби , давая чрезъ это разумѣть , что подвигу ея есть сильный противоборщикъ.

Г л а в а 4. Сначала недоумѣвалъ я , дѣйствительно ли въ нашемъ родѣ возможно пропзростать такому насажденію , о какомъ сказываешь ты ; у насъ , говоря по сущей правдѣ , вмѣсто деревъ садовыхъ и плодовыхъ , наполнено все безплоднымъ и дикимъ лѣсомъ ; и въ немъ растутъ и зеленѣютъ новыя вѣтви ; онъ незыблемо стоитъ , держась глубоко пущенными въ землю корнями , необъятно въ ширину раскинулъ длинныя сучья , и покрытый густыми листьями даетъ такую тѣнь , что лучу доброй мысли никакъ уже не согрѣть никогда глубину сердца , омраченную грѣломъ , проникнувшимъ собою дѣла наши. Потомъ обдумавъ и признавъ излишнимъ , довѣдываться въ точности , есть ли такой человекъ на землѣ , или и нѣтъ подобнаго , съ готовностію приступилъ я къ сочиненію , увѣрившись , что предметъ полезенъ самъ по себѣ , хотя

бы и не нашлось никого, подтверждающего это своими дѣлами. Ибо, когда слово въ свою пользу имѣеть свидѣтельство въ самомъ существѣ дѣла, тогда убѣждаетъ оно скоро, и слушателя къ удовольствію въ доказываемомъ безъ всякаго примѣра приводитъ истинность и основательность доказываемаго, не давая возможности противорѣчить даже и крайне привыкшему къ прекословіямъ.

Г л а в а 5. Какъ никто не сомнѣвается, что и на облачномъ небѣ есть солнце, и совершаетъ свое теченіе, что и въ зимнее время заключается въ растеніи плодъ; потому что достойнымъ уваженія учителемъ имѣеть онъ для себя предшествующій опытъ: такъ и прекрасное всѣ безпрекословно признають прекраснымъ. Хотя худій навѣкъ поддерживаетъ, по видимому, въ душѣ привязанность къ дурному; однако же совѣсть стыдится съ упорствомъ уклоняться отъ признанія истины, гнуснымъ и крайне предосудительнымъ для себя почитаетъ оспаривать очевидное. Разсудилъ я и съ другой стороны: что для кого-либо возможно было древле, то и нынѣ возможно для желающихъ; потому что одно и то же естество и тогда было, и теперь продолжаетъ быть, во всѣхъ одинаковымъ, и не даетъ благовиднаго предлога ссылаться на безсиліе тѣмъ, которые, по собственному долговременному навѣку не дѣлать ничего, служащаго къ пользѣ, почитаютъ невозможными преспѣванія въ добродѣтели мужей и женъ жившихъ древле. Не призналъ я основательнымъ во все не вѣрять, что

возможно кому-нибудь возбудить въ себѣ рѣшимость къ соревнованію онимъ блаженнымъ въ строгомъ по закону житіи, и произращать плоды добродѣтели; потому что сила естества, какая была въ нихъ, достаточна къ тому, чтобы и отъ застарѣлаго пня произвести новыя и цвѣтуція отрасли.

Г л а в а 6. Если Нойъ изъ всего современнаго рода, осужденнаго на конечную гибель въ потопѣ и всецѣло истребленнаго потопными водами,—одинъ оказался благоугодившимъ Богу; если среди варваровъ, по долговременному навыку косившихъ въ беззаконіи, какъ бѣлая шлія среди разросшихся всюду терній, возникъ правдивѣйшій и истинный человекъ Іовъ; если и Содомская страна, сожженная молніеноснымъ огнемъ, имѣла въ себѣ удостоившагося Божіей милости страннолюбца Лота; если различныя времена произвели и Раавъ, и Девору, и Есфирь, и Іудифь, Фиву и Прискилу, Серну и Лидію, и многихъ другихъ; если во всякомъ родѣ отличался кто-нибудь житіемъ, вновь живописуя въ себѣ свѣтлыми красками изглаженный временемъ образъ естественнаго благородства, чтобы, совершенно и въ конецъ угаснувъ, начало древняго добраго житія не заставило признавать вовсе невѣроятнымъ и того, что писано о жившихъ хорошо; то не странно ли будетъ отрицать, что, какъ въ другія времена были подобные люди, такъ и нынѣ (хотя по причинѣ преобладающаго обольщенія, кажется сіе несбыточнымъ) найдется такая душа, которая добрыми своими дѣлами

засвидѣтельствуешь сродство свое съ оными древними, и украшается преимуществами, какія исчислены тобою, о любезная глава?

ОТДѢЛЕНІЕ 2.

О ВОЗДЕРЖАНІИ.

Г л а в а 1. Прекрасно воздержаніе — это начало и основаніе всѣхъ прочихъ добродѣтелей; потому что тѣло, какъ молодого рѣзвато коня, укрощаетъ и приучаетъ оно къ благочинію, постепенно усмиряя, сокращая игривость скудостию, обуздывая и дѣлая скромными тѣ страсти, которыя роскошь доводитъ до упрямства и необузданности, такъ что онѣ бьютъ ногами, рвутся изъ рукъ, въ большія затрудненія поставляютъ браздодержца — разсудокъ, и онѣ едва уже бываетъ въ силахъ удерживать и, куда угодно ему, направлять стремительные ихъ порывы. О семъ-то, кажется, Екклесіастъ преподастъ урокъ всѣмъ людямъ, когда, бесѣдуя съ тѣломъ, которое прежде, при умѣренномъ образѣ жизни, было кротко и благопокорно, говоритъ: *прииди убо, да ты искушу въ веселіи* (Еккл. 2, 1.); и дознавъ, что опытъ не удаченъ, съ трудомъ уже владѣя тѣми движеніями плоти, которыми прежде владѣлъ удобно, обращаетъ рѣчь къ

утучняющему животную нашу часть веселію: *что сіе твориши* (2)? Противъ обычая, къ чему бы не хотѣлъ я, влечешь ты произволеніе, восхитивъ сердце, тобою угнетаемое и какъ бы улаждаемое нѣсколько, нопшъ его по стремнинамъ, по краямъ пропастей и безднъ, частію отказывающійся, и частію соглашающійся, разсудокъ безъ принужденія заставляешь избирать дѣла постыдныя, не протпвъ собственной его волн, самочинствуешь надъ нимъ, п онъ не безъ удовольствія терпитъ твое самоуправство.

Г л а в а 2. Ибо таковы вступающіе въ борьбу съ улаждающимъ, встающіе противъ пріятнаго, чтобы не отдаться ему въ плѣнъ. Тому и уступаютъ они, противъ чего встаютъ; на то и соглашаются, противъ чего, повидимому, спорятъ; тѣмъ и увлекаются, чему противятся; къ тому и бѣгутъ, чего не хотятъ; къ тому и спѣшатъ съ увлеченіемъ, что признаютъ враждебнымъ; иногда, хотя и крѣпко ихъ держать, убѣгаютъ, а иногда, хотя и непріятно имъ это, сами сдаются; въ иномъ случаѣ идутъ по принужденію, а въ иномъ бѣгутъ охотно; соглашаются какъ бы не по собственному изволенію, и съ намѣреніемъ уступаютъ надъ собою побѣду, произвольно терпятъ поражение, и какъ бы не зная этого, радуются сему. И вѣроятно объ этомъ именно говоритъ Павелъ: *соулаждаюся закону Божію по внутреннему челоуьку: вижду же иль законъ во удѣхъ моихъ противу воуюющъ закону ума моего, и плняющъ мя за-*

копомъ грѣховнымъ , сущимъ во удѣлахъ моихъ (Рим. 7, 22. 23.); и еще не еже хощу, сіе творю: но еже ненавижду, то содѣловаю (15). Говоря же это , Апостоль недопускаетъ , что законъ грѣховный врожденъ , и не учитъ , что владычество плотскаго мудрованія полномочно. Ибо въ такомъ случаѣ всѣмъ человѣкамъ должно быть рабами грѣха , и не имѣть никакой возможности свергнуть съ себя иго его; знаемъ же , что теперь , кто хочеть , не только свободенъ отъ сего мудрованія , но даже порабощаетъ тѣло , господствуетъ надъ страстями , и самымъ дѣломъ доказываетъ самовластіе воли въ избраніи свободы , или рабства.

Г л а в а 3. Пока пища утучняетъ тѣло; востаетъ и самовластвуетъ плотское мудрованіе , узаконя подвластнымъ , что ему угодно. Но какъ скоро оно смирено умерщвленіями , и жестоковѣйность тѣла рабски подчиняется и убѣждается покорствовать лучшимъ законамъ ; тогда не вовлекаетъ уже оно разсудка въ погибель , но скорѣе само приводится имъ къ спасительной благопокорности. И въ этомъ каждый самъ себѣ свидѣтелемъ , зная , о чемъ помышлять принуждаетъ пресыщеніе чрева , и о чемъ разсуждать совѣтуетъ скудное насыщеніе. Одно возбуждаетъ къ непомѣрнымъ пожеланіямъ , а другое сокращаетъ и пожеланія умѣренныя , и если когда ревутъ они звѣрски , укрощаетъ , приводитъ въ покорность , и громкимъ , всюду раздающимся , гласомъ взываетъ сказанное Богомъ Іову: *се звѣріе у тебе , траву аки волове ядятъ* (Іов. 40, 10.),

означая симъ, что страсти свою звѣрскую жестокость премѣнили на состояніе скотское и подчиненное, и укрощены на время, хотя и кажутся еще дышущими, а у иныхъ и совершенно преданы смерти, умерщвленные воздержаніемъ.

Г л а в а 4. Такъ Іаилъ убилъ Сисарру челюстію, умертвивъ враждебныя мудрованія; потому что челюсть не доставляетъ уже страсти питающаго ее въ изобиліи, но съ умѣренностію даетъ ей, сколько необходимо, потребное къ поддержанію жизни, такъ что представляется она существующею въ возможности, но не существующею по самодѣятельности. Такъ Сампсонъ ослиною челюстію поразилъ Филистимлянъ; а иначе, можетъ быть, онъ не былъ бы въ состояніи сдѣлать сего, если бы не овладѣлъ этою оказывающею услуги гортани и чреву челюстію, захвативъ ее дѣятельностію руки и какъ бы сжавъ горстію, то есть, заключивъ въ тѣсныя предѣлы, чтобы неразсѣвалась обольстительностію и ненасытностію вождедѣній; потому что служительницею и помощницею чрева природа содѣлала челюсть, которая грызущими зубами, какъ кирками, раздробляетъ снѣди, а корневыми зубами, какъ настоящими жерновами, измѣлчаетъ ихъ, и гортанью, какъ водопроводною трубою, готовую уже пищу пересылаетъ въ это ненаполняемое море — чрево, и тѣмъ провозглашаетъ сказанное Соломономъ: *все потоцы идутъ въ море, и море исть насыщаемо* (Еккл. 1, 7.). И чрево, и море — одно и то же; и то и другое ненасытно

зіяють поглотити вливающіеся потоки, и входящее въ нихъ истребляютъ, одно перевариваніемъ, а другое осоленіемъ, и снова алчуть иной пищи, никогда не замыкають зѣва, не утоляютъ алчности непрестаннымъ и непрерывнымъ вліаніемъ.

Г л а в а 5. Поэтому прекрасно воздержаніе; оно подавляетъ до чрезмѣрности надмѣвающую воспалительность страстей, сколько надлежитъ, смиряетъ и успокоиваетъ ихъ волненіе, утишаетъ бурю порывистыхъ вѣтровъ среди жизни роскошной, безвѣтріемъ жизни скудной обуздывая, укрощая и въ благоотиніе приводя взволнованное. И хотя при недостаткѣ служащаго къ наслажденію удобіе какъ-то овладѣвать по немногу чревомъ (ибо чего нѣтъ, не столько раздражаетъ, какъ то, что есть, и видомъ своимъ возбуждаетъ желаніе въ алчущемъ); однако же воздержаніе при избыткѣ всего служащаго къ жизни роскошной, когда это отвсюду обильно стекается и скопляется, заслуживаетъ похвалу, какъ высокое любомудріе, если только не подаетъ сіе повода тунеядцамъ подозрѣвать при избыткѣ въ скупости и очернять сіе похвальное дѣло осужденіемъ въ низости сердечнаго расположенія. Одинаково трудно — наполненное водами море и волнующуюся глубокую пучину перейти какъ по суху немокренными стопами, и провести строго правильную жизнь, довольствующуюся самымъ скуднымъ содержаніемъ, и съ одной стороны ненаводняемую ни однимъ пожеланіемъ, тогда какъ съ другой стекаются къ ней всѣ удобства къ

Г л а в а 2. Кто желаетъ славы (что впрочемъ неразумно), тому должно ждать, чтобы слава сама послѣдовала за дѣломъ , а не предварять ее самовольно, трубя о сдѣланномъ и домогаясь должной за сіе почести. Ибо Изрекѣній: *да просвѣтитъ ся свѣтъ вашъ предъ людьми*, повелѣлъ дѣлу вопіять о себѣ, а не дѣлающимъ провозглашать о немъ, чтобы и добродѣтель была славна, и намѣреніе не было укоризненно, избравъ доброе, не ради чело-вѣческой славы, но ради награды отъ Бога , если не достигло оно того предѣла совершенства, чтобы не имѣть нужды и въ послѣдней; потому что свя-тое дѣло избирать доброе не ради чего инаго , но ради самаго добра. Послѣднее состояніе свойствен-но сынамъ , а первое — наемщикамъ ; и хотя оно выше состоянія рабовъ , потому что рабы дѣла-ютъ все изъ страха наказанія, однако же дѣлать не изъ любви къ добру , но въ ожиданіи награды — ниже состоянія сыновъ. Кто съ вождельніемъ бе-рется за дѣло ; тотъ любимое сіе дѣло вмѣняетъ себѣ въ наслажденіе, въ самомъ трудѣ находя удо-вольствіе и самое утомленіе ради возлюбленнаго имъ почитая воздаяніемъ и преимущественною на-градой. Легко и удобно все дѣлаемое съ любовью, хотя бы оно было и крайне затруднительно; пото-му что расположеніе къ сему дѣлающаго скрады-ваетъ трудность и уравниваетъ негладкости для удобнаго исполненія. Усердіе всегда препобѣжда-етъ обременительность труда , ставъ выше всѣхъ неудобствъ въ дѣлѣ , а сопровождающимъ оное

удовольствіемъ ослабляя ощущеніе трудности, такъ что трудъ дѣлается болѣе пріятностію, нежели трудомъ, и мнѣе неудобство доставляетъ радость.

Г л а в а 3. А что злокозненныя страсти во многихъ умерщвлены, и совершенно умерли, даетъ сіе видѣть великій Павелъ, во первыхъ себя самого представляя въ примѣръ, а потомъ и другимъ предписывая тоже, въ чемъ самъ преуспѣлъ, и доказывая опытомъ, что сіе возможно, потому что сдѣлано уже имъ. Ибо говоритъ: *Христови сраспяхся: живу же не къ тому азъ* (Гал. 2, 20.); непоползованность къ страстямъ называетъ онъ смертію своею, и сіе же умерщвленіе, какому подвергъ себя, предписываетъ всѣмъ: *умертвите уды ваши, яже на земли, блудъ, нечистоту, студодѣяніе, страсть, похоть злую* (Кол. 3, 5.). Какъ воздержаніемъ ослабляются склонности тѣла къ чему-либо подобному, такъ разсудкомъ обуздываются безвременныя его устремленія. Должно же, по словамъ одного вишняго мудреца, не ошейникъ только сдѣлать твердымъ, но и пса тощимъ, чтобы его можно было влечь, потянувъ слегка, а не самъ онъ укрѣпившись могъ влечь, куда ему угодно.

ОТДѢЛЕНІЕ 4.

О ЧТЕНІИ И МОЛИТВѢ.

Г л а в а 1. Въ сравненіи съ сказаннымъ не мѣ-
нѣе, лучше же сказать, еще болѣе прекрасны чте-
ніе и молитва; потому что значительно и весьма
много содѣйствуютъ жизни цѣломудренной. Какъ
скоро умъ, при помощи чувствъ, ознакомится съ
образами предметовъ чувственныхъ, принявъ въ
себя чрезъ чувства и очертанія, и цвѣтъ, и величи-
ну вещей видимыхъ; тогда, и во время успокоенія,
привыкнетъ востановлять ихъ представленія, обра-
зуя въ памяти множество предметовъ, частию без-
полезныхъ, а частию и крайне вредныхъ, и возбуж-
дая въ себѣ неумѣстный мятежъ помысловъ, такъ
что въ умѣ не останется и возможности возбудить-
ся какой-либо полезной мысли, но утѣсненъ онъ
будетъ множествомъ напередъ занявшихъ уже его
понятій, и заграждающихъ входъ понятіямъ сте-
пеннымъ и полезнымъ. Поэтому прекрасны мо-
литва и чтеніе; они прекращаютъ суетное скитаніе
мыслей, связуя помыслъ кружащійся, надъ чѣмъ не
должно, и съ пользою удерживая его при себѣ ни-
мало не развлекаемымъ въ семъ прекрасномъ за-
нятій. И подлинно, что равно или подобно сему—
насыщать разумъ словесами Божиими, усладять
его созерцаніями, заключающими въ себѣ безпри-

мѣсную пріятность и навсегда остающуюся пользу, когда сказаніями о мужахъ древнихъ путево- дится умъ къ соревнованію ихъ добродѣтели, съ нихъ впечатлѣваетъ въ себѣ спасительный образъ благочестнаго житія, и окрпляемый созерцаніями, воспаряетъ до божественнаго веселія, и отрѣшае- мый отъ сопребыванія въ дольномъ, возводитъ взоръ горѣ къ небесному, восходитъ къ самому блаженному естеству, и сколько можетъ пребывать въ семъ состояніи, вкушаетъ то наслажденіе, ка- кое вкушаютъ Серафимы, непрестанно окружающіе престоль.

Г л а в а 2. Но молитва, можетъ быть, въ отно- шеніи къ пользѣ имѣетъ въ себѣ и нѣчто большее; она пріуготовляетъ къ собесѣдованію съ Богомъ, и долговременнымъ навыкомъ вводитъ съ Нимъ въ содружество, потому что нѣкоторымъ образомъ производитъ и соблюдаетъ въ насъ добрыя рас- положенія къ Богу, Который и ничтожныхъ людей пріемлетъ въ любовь, и не стыдится дружествен- наго сближенія съ ними, пока пребывающая въ нихъ любовь даетъ имъ дерзновеніе. Ибо, если ра- бовъ простирающихъ виды на господство, и въ горделивой кичливости замышляющихъ сохранить довѣренное имъ полномочіе, утверждаютъ въ этой надеждѣ полученные ими прежде залого благово- ленія; то кольми паче въ живущихъ хорошо увел- чиваетъ дерзновеніе предъ Богомъ ихъ житіе, со- гласное съ опредѣленіемъ и изволеніемъ Самого Бога, Который, не только требуетъ рабскаго тре-

пета, производимаго страхомъ, сколько любить спокойное дерзновеніе, внушаемое любовію.

Г л а в а 3. Чтеніе содѣлало, что *муринъ евиуэхъ* наименованъ *мужемъ* (Дѣян. 8, 27.): оно сподобило его встрѣчи съ Апостоломъ, указало ему путь къ познанію Христа, и привело къ благодати крещенія. Чтеніе — законъ и древнее предписаніе. Моисей говоритъ: *поучайся спды въ дому тво- емъ, и идыи путемъ, и лежа, и востая* (Второз. 6, 7.), большую часть времени удѣляя на прилежное занятіе словомъ Божіимъ для упражненія душевныхъ силъ, малую же нѣкую часть оставляя на крайне необходимое употребленіе тѣлу; поставивъ для себя правиломъ, иначе услуживать госпожѣ, и иначе рабѣ, попеченіе о первой распространяя на продолжительное время, а занятіе для послѣдней соразмѣряя съ требуемою обстоятельствами нуждой, чтобы и въ этомъ душа явно имѣла преимущество, а тѣло нимало не величалось равночестіемъ съ душою, и не имѣло благовиднаго предлога присвоить себѣ равныя съ нею права. Чтеніе прежде всего ублажается въ псалмахъ, и именуется обильнымъ орошеніемъ разума для плодоношенія добродѣтели. Кто *въ законъ Господнемъ* поучается *день и ночь*, тотъ блаженъ, тотъ подобенъ древу, насажденному *при исходицахъ водъ* (Псал. 1, 2. 3.), до благолѣпія украшенъ лпствіемъ—досточестною тихостію нрава, и въ тайнѣ исполненъ плодовъ благочестія: потому что всегдашнее поученіе, какъ нѣкое непрестанно вкушаемое питіе,

дѣлаеть его всегда цвѣтущимъ , и естественнымъ образомъ вмѣстѣ съ видимымъ возвращаетъ и сокровенное.

Г л а в а 4. Какъ листья служатъ покровомъ и украшеніемъ растенію, и охраненіемъ плоду: такъ благоговѣнное состояніе и тѣло дѣлаеть досточестнымъ, и внутрь души сокрытыя красоты приосѣняетъ скромностію, соблюдая плодъ дѣлателью и охранителю Богу, и не позволяя прикасаться къ нему губительнымъ звѣрямъ. Ибо тщеславіе *есть вепрь отъ дубравы, и уединенный дивій* (Псал. 79, 14.), и ногами и зубами губить насажденіе, если не окружаетъ его ограда смиренномудрія, и не защищаетъ отъ нашествій тщеславія. И таковы преимущества поученія въ словесахъ Божіихъ; оно уничтожаетъ всякое срамное и вредное представленіе, начертываетъ на картинѣ священнолѣпные образы, дѣлаеть, что душа хранитъ въ себѣ достойные Бога памятники. А молитва отрѣшаетъ умъ отъ всякаго помышленія о чувственномъ, возводитъ къ самому надъ всѣми сущему Богу, чтобы съ Нимъ собесѣдовать и у Него съ дерзновеніемъ испрашивать все, что угодно; и такимъ образомъ дѣлаеть, что человѣкъ проводитъ жизнь въ чистотѣ, какъ бывшій уже въ общеніи съ Богомъ, и вскорѣ потомъ снова готовящійся къ сему общенію.

Г л а в а 5. Посему Павелъ учитъ *пребывать въ молитвѣ* (Рим. 12, 12.), продолжительнымъ пребываніемъ утверждая въ себѣ навыкъ; и еще по-

всѣваетъ *творить молитвы на всякомъ мѣстѣ* (1 Тим. 2, 8.), чтобы ни одинъ нерадивый къ молитвѣ не могъ извиняться тѣмъ, что живетъ далеко отъ молитвеннаго храма. Всякое мѣсто пригодно для молитвы, потому что чистота святилища не принесла ни малой пользы Иудеямъ, которые приступали къ молитвѣ съ оскверненными руками, и чистый храмъ сквернил мерзкими дѣлами. Какъ отъ молящихся такимъ образомъ, хотя молятся они въ самомъ святилищѣ храма, тщательно объемя очистилище, и руки свои соплетая съ крылами Херувимовъ, отвращается Богъ, глушаясь ими, какъ нечестивыми, и говоря: *егда прострете руки ваша ко Мнѣ, отвращу очи Мои отъ васъ: и аще умножите моленіе, не услышу васъ: руки бо ваша исполнены крове* (Иса. 1, 15.): такъ пріемлетъ Богъ призывающихъ Его съ чистымъ сердцемъ и праведными дѣлами, и всячески выслушиваетъ моленіе ихъ, взирая на расположеніе, хотя бы мѣсто, гдѣ приываютъ Его, по нашему мнѣнію, ничѣмъ не отличалось.

Г л а в а 6. Такъ Корнелію, молившемуся въ языческомъ домѣ, когда храмъ не утратилъ еще своей досточтимости, Ангелъ пришедши сказалъ: *молитвы твоя и милостыни твоя въздоша на память предъ Бога* (Дѣян. 10, 4.),—*воздоша*, не несомнѣнною святостію храма воспользовавшись для сего восхожденія, но на крылахъ благаго намѣренія воспаривъ прямо къ Тому, Кто пріялъ ихъ съ благоволеніемъ и милостиво. Такъ молитва Іоны,

на полныхъ вѣтрилахъ устремившись изъ глубины къ небу , достигла Божія слуха , и не обуревалась великимъ волпеніемъ водъ , тогда какъ молитва Фарисеева потеряла крушеніе во храмѣ , и погрязла въ водахъ , потопленная со всѣмъ грузомъ ; потому что не могла держаться на волнахъ и удобно плавать , переполнившись водою , не въ силахъ была изникнуть изъ водъ отъ тяжести горделиваго мудрованія , когда и посѣ ладіи погрузился въ воставшихъ высоко волнахъ кичливости и высокомерія , и корма залита была ими . Молитва , въ пещи сопровождающая трехъ отроковъ , заставляетъ пламень обратиться въ бѣгство и въ пещи отыскивать тѣхъ , которые умыслили зло противъ юношей . Ибо огонь мѣсто свое въ пещи уступивъ молитвѣ , и оставивъ угли лишенными попяляющей силы , открылъ себѣ обширную пажить , и пожегъ находившихся около пещи Халдеевъ ; внутри пещи удержалъ опъ свою дѣйственность изъ уваженія къ тѣламъ облеченнымъ молитвою , а въ сея показалъ свою дѣятельность на тѣлахъ , какъ на веществѣ утломъ и сухомъ . Молитва содѣлала воздержными львовъ , томимыхъ голодомъ во рву . Чрево ихъ сътовало на седмидневное лишеніе пищи , но молитва убѣдила , по предложеніи готовой сѣди , пребыть въ любомудренномъ терпѣніи ; львы избрали лучше перенести мучительность голода , нежели причипить обиду отданному имъ святому Данилу , котораго на такую смерть осудили беззаконные варвары — эти люди , оказавшіеся свирѣпѣйшимъ

звѣрей, неумолимѣйшимъ въ сравненіи съ кровожадными, и въ тоже время обличеніе неправды своей напедніе въ правдивости львовъ, которые по естественному суду спасли Данила, осужденнаго ими на бѣдственную и самую жалкую смерть.

Г л а в л 7. Молитва Илію почтила богоподобіемъ, не только въ томъ, что восхищенъ онъ на небо, подъятый четырьмя конями на огненной колесницѣ, такъ какъ земля стала недостойною его пребыванія на ней, и справедливость требовала обитать ему въ эфирѣ и въ самомъ небѣ, но и въ томъ, что словомъ приводилъ онъ въ повиновеніе тѣ стихіи, которыя словомъ Создателя приведены въ бытіе; однажды низвелъ небесный огонь на жертвы назначенныя во всесоженіе: въ другой разъ поразилъ молніею военачальниковъ Охозіи; а въ иное время властнымъ словомъ заключилъ небо, на три года и шесть мѣсяцевъ лишилъ плодоношенія землю, воспретилъ обычное произрастаніе всякой травы, какое, по истеченіи извѣстнаго времени, производилось Божіимъ повелѣніемъ, естественно истекавшимъ изъ повелѣнія первоначальнаго. И стихіи отъ немедленнаго повиновенія не удержалъ ни малѣйшій знакъ Божія негодованія, по которому можно было бы видѣть, что Пророкъ по неразумію въ самозабвеніи отваживается на нѣчто превышающее собственное его достоинство; напротивъ того со всѣмъ тщаніемъ служилъ онъ Пророку, какъ другу Сотворшаго, Который даетъ повелѣнія слугителямъ друга, какъ своимъ собствен-

нымъ, — служили, справедливо убѣдившись, что равно обязаны подобострастно оказывать всякую услугу и Богу и другу Божию; потому что, по словицѣ, у друзей все общее, и одинаковую имѣютъ они власть надъ принадлежащимъ тому и другому, по причинѣ любви уравнивающей преимущества при различіи достоинствъ и узаконяющей равночестіе.

Глава 8. Молитва Моисеева раздѣлила море, содѣлала, что небо пропзрачало манну, изъ сухаго камня извела потоки водъ, и воздѣяніемъ рукъ цѣлый народъ, вступившій въ брань, обратила въ бѣгство. Молитва Елиссеева на цѣлое воинство наложила слѣпоту, и пришедшихъ погубить Пророка отвела плѣнниками; не только не въ состояніи были они учипить замышленное ими зло, но даже не могли помочь сами себѣ, потому что вмѣстѣ съ помогающимъ тѣлу зрѣніемъ приведены были въ бездѣйствіе и оружіе и руки. Всего помощіе слѣпоты; она не въ состояніи причинить обиду тому, кого не видитъ, и невозвратно терпитъ обиду, потому что не видитъ также нападающаго, и не можетъ отмстить ему. Посему обычаи лишенныхъ очей справедливо наименовалъ убогими, потому что тѣлесныхъ членовъ своихъ не могутъ употреблять, на что имъ угодно, хотя силою и крѣпостію превосходятъ даже тѣхъ, которые со всѣмъ прилежаніемъ упражнялись въ тѣлесныхъ подвигахъ. Молитва Петрова разрѣшила узы, отверзла двери темницы, отворила почью желѣзные врата. И когда

Павелъ съ Симою молился въ полнощи (Дѣян. 16, 25.), потряслась темница, въ одно мгновеніе спали со всѣхъ узы, возсіялъ въ зданіи внезапный свѣтъ, и темничнаго стража содѣлалъ просителемъ строготомаго, заставляя припасть къ погамъ и молить о спасеніи, убѣдилъ, отложивъ безумную страсть къ корысти, позаботиться о пользѣ душевной, послѣ великаго навыка мучить привелъ внезапно въ великую кротость. Стражъ пересталъ ежедневный свой доходъ вымучивать бичами, облагать данію жалкихъ узниковъ, собираемое подаяніемъ — это горькое утѣшеніе пазывая своею десятипой, и бѣднымъ прибавляя повья ничѣмъ не облегчаемыя бѣдствія, пересталъ уже налагать цѣпи на шею, узы на ноги, связывать руки, заключать въ непроницаемую тму, увеличивая тѣмъ проклятый свой доходъ, какой соглашался доставлять ему каждый бѣднякъ, предпочитая лучше истаевать голодомъ, нежели переносить злостраданіе въ узахъ и тмѣ.

Г л а в а 9. Всему этому вдругъ обучился темничный стражъ; немедленно показалъ опъ состраданіе къ узникамъ; страхъ чудеснаго землетрясенія содѣлалъ его совершенно инымъ. Ибо какъ скоро, во время молитвы Апостоловъ, поколебались основанія темницы, возсіялъ въ здаціи свѣтъ, *ослабша встѣмъ юзы, отверзошася двери вся*; темничный стражъ, который одинъ беззаботно спалъ, когда всѣ узники отъ тяжкихъ у каждого заботъ пребывали въ бодрствованіи, *возбуждся, и прогнвъ свѣщци вскоци, и трепетенъ бывъ припаде*

къ ногамъ Апостоловъ, говоря: *господіе, что ми подобаетъ творити, да спасуся* (Дѣян. 16, 26—30.)? Господами называлъ и владыками наименовалъ тѣхъ, которыхъ прежде чуда устрашалъ, безъ сомнѣнія, суровымъ взглядомъ и грубымъ голосомъ, называя преступниками, осужденными, достойными казни; припадалъ къ ногамъ, которыя *заби въ кладь*; великими почестями преклонялъ на милость тѣхъ, которыхъ, *всадивъ во внутреннюю темницу*, заключилъ во тмѣ; и чествовалъ ихъ потому, что молитва необычайнымъ образомъ вполнѣ обнаружила достоинство оскорбленныхъ заключеніемъ въ темницу по подозрѣнію въ злыхъ дѣлахъ. Однимъ словомъ, велика сила молитвы! Но ради скучающихъ и неохотно выслушивающихъ длинныя повѣствованія, хотя они и полезны, умолчу о многомъ. Самъ Господень человѣкъ, Господь всего, возимѣлъ нужду въ молитвѣ, когда ожидалъ нашествія Іудеевъ и креста, или находился въ подвигѣ; потому что воистину былъ человѣкъ, такъ какъ понесъ на Себѣ и иныя многія человѣческія немощи, увѣряя тѣмъ въ Своемъ домостроительствѣ, или научая людей во всякое время прилежно молиться. Ибо не теперь только, когда приблизилось время страданій, по необходимости молится, но многократно дѣлаеть это и во время безопасности, паединѣ молясь на горѣ, чтобы мы научились, и прежде скорбеи, и въ самыхъ скорбяхъ, пребывать въ молитвахъ, которыя могутъ уничтожать затруднительность представляющихся опасностей и преж-

де искушеній вполнѣ благоугодить Тому, Кто въ нуждахъ отвращается отъ предающихся безпечной разбѣянности, какъ будто никогда не будетъ имъ необходима помощь.

Г л а в а 10. Посему-то и Апостоламъ сказалъ Господь: *молитесь, да не ввидите въ напасть* (Лук. 22, 40.), зная, что добровольная молитва прежде искушенія преклопаетъ помощника Бога во время нужды исполнять скоро прошенія издавна умоляющаго просителя, и долговременностию приобрѣтшаго право получить просимое. Ибо, если неправеднаго судію, который ни Бога не боялся, ни людей не срамился, неотступная постоянность вдовы припудила оказать ей согласную съ справедливостию защиту (Лук. 18, 3.), и если славнаго друга, когда дверь была уже затворена, и онъ отказывался дать хлѣба по обычной снѣщимъ лѣности, неотступность и пастойчивость заставили удовлетворить потребности (Лук. 11, 5—8.); то чело-вѣколюбиваго Бога непрестанная молитва не заставитъ ли благоволительно снисзойдти на всякое прошепіе? Ибо невозможно умолчать о томъ, что Богъ готовѣе людей на благодѣянія. И Господь говоритъ въ одномъ мѣстѣ: *кто есть отъ васъ человекъ, его же аще спроситъ сынъ его хлѣба, еда камень подастъ ему? Или аще рыбы проситъ, еда змію подастъ ему* (Матѣ. 7, 9. 10.)? И сравнительно показывая превосходство Божіей благодости, прпсовокупляетъ, говоря: *аще убо вы лувки суице, умпете далнія блага даяти чадамъ*

вашимъ, колыми паче Отецъ вашъ небесный дастъ блага просящимъ у Него (11.).

ГЛАВА 11. И въ другомъ мѣстѣ Самъ Спаситель, съ намѣреніемъ подтвердить это и желая увѣрить сомнѣвающихся, не превосходитъ ли Божія милосердія естественная приверженность, или не препобѣждаетъ ли онаго человѣческая сострадательность, говоритъ: *еда забудеть жена отроча свое, еже непомиловати иснадія чрева своего (Иса. 29, 15.)?* И сказавъ объ этомъ отличительномъ свойствѣ природы, какъ она научаетъ добровольной попечительности и заботливости, чтобы самый примѣръ, какъ нерѣдко случается съ иными, не ввелъ въ сомнѣніе о достовѣрности сказашаго о промыслѣ, и слабымъ подобіемъ не повредилъ самому достоинству истины, въ слѣдъ за симъ говоритъ: *аще же и забудеть сихъ жена, но Азъ не забуду тебе, глаголетъ Господь.* Онъ не допуститъ, чтобы недостатокъ естества простерся и на Него; потому что страсть не касается естества Божія, какъ бываетъ это съ бранными людьми, когда неразумная, или можетъ быть, и имѣющая какое-либо основаніе несправедливости угасила въ нихъ естественно господствующее расположеніе, производя въ родителяхъ забвеніе о рожденныхъ ими и отчужденіе отъ нихъ, какъ будто пѣтъ даже и признаковъ родства между ними. Но у людей и эти великіе и чудные примѣры добрыхъ дѣлъ въ сравненіи съ прочими ихъ дѣлами оказываются малыми и крайне незначительными: потому что простираются на

одно лице, которое само дѣлаетъ тоже и близко къ нимъ, а не на всѣхъ или на многихъ; между тѣмъ человѣку надлежитъ быть существомъ общественнымъ и дружелюбнымъ, а не одинокимъ и необщительнымъ, доставлять другимъ пользу, чѣмъ только въ силахъ, возможною попечительностію доказывать свою сострадательность, подражая тѣлеснымъ членамъ въ взаимномъ ихъ содѣйствіи общей пользѣ.

Г л а в а 12. Въ тѣлѣ каждый членъ не отдѣльно самъ о себѣ печется, но раздѣляетъ общую дѣятельность въ заботливости другъ о другѣ, по закону естества услуживаетъ одинъ другому и каждый всѣмъ; и рука служитъ тѣлу, и ноги, переходя съ мѣста на мѣсто, переносятъ съ собою и тѣло, и глазъ при путеуказаніи свѣта ведетъ его непрестанно-венно, доставляя удобство во всякой работѣ. Иные члены способствуютъ сидѣнію, иные наклоенію тѣла, трудомъ своимъ облегчая труды другихъ членовъ; иные же, подобно какимъ-то мельникамъ и хлѣбшамъ, оказываютъ тщательную и заботливую услужливость. Челюсть измельчаетъ пищу, гортань служитъ ей проводникомъ, чрево приѣмникомъ, желудокъ передѣлываетъ ее въ сокъ, печень обращаетъ въ кровь, и посредствомъ кровеносныхъ жилъ орошаетъ весь тѣлесный составъ. По видимому, каждый членъ трудится для другихъ, но въ самой дѣйствительности, дѣлаетъ это для собственной своей пользы, отъ общаго труда собирая приличную для себя пищу, и заимствованное

претворяетъ въ однокачественное съ собою, производя такъ называемое у ученыхъ врачей извлечение, то есть претвореніе разныхъ спѣдсей въ кровь, изъ крови въ плоть, и потомъ въ одинакачественное съ каждымъ членомъ, между тѣмъ какъ привходящее въ каждый членъ качество разлагается силою питательною, видоизмѣняющею и растительною, дѣлается однимъ въ одномъ, и другимъ въ другомъ членѣ. Входящее въ глазъ уподобляется глазу, присовокупленное къ костямъ и къ волосамъ принимаетъ на себя одинъ съ ними видъ цвѣта, усвоенное плотію видоизмѣняется въ плоть, и перешедшее въ кости одеслѣваетъ до твердости костей, поступившее во внутренности, съ ними смѣшивается, однимъ словомъ, все и во все претворяясь, искусствомъ природы изъ одного вещества спѣдсей предлагаемое въ многовидное разнообразіе, измѣняется въ то, чѣмъ бываетъ усвоено, и что всегда сохраняеть одинъ и тотъ же образъ человѣческаго остова, подобно потоку ежедневно мѣняетъ составъ всего смѣшенія, такъ что видимое нами есть вмѣстѣ и то же и не то же.

Г л а в а 13. Такъ каждый изъ насъ ни въ чемъ не достаточенъ самъ по себѣ, но во всемъ имѣеть нужду въ другихъ. И это премудро устроилъ прекрасно Распоряжающійся нашею жизнію, чтобы, по крайней мѣрѣ, необходимость потребнаго приводила въ согласіе необузданность одержимыхъ безуміемъ, когда самыя родственныя связи ни мало не побудили ихъ къ взаимному союзу. Ибо чело-

вѣкъ высокомѣрный, распаляемый кипливымъ самопѣніемъ, по причинѣ своего богатства, занятый всегда тѣмъ, чтобы суровымъ обхожденіемъ сохранить въ другихъ почтительность и довѣренность къ нему, спизошелъ ли бы когда добровольно до собесѣдованія съ ремесленникомъ, униженнымъ бѣдностію, если бы не заставила его нужда вступить съ нимъ въ разговоръ и не подорожить предъ нимъ языкомъ своимъ, впрочемъ неоставляя великой надменности въ той мысли, что причиняется тяжкое оскорбленіе величію своего сана, списходя до равенства съ человѣкомъ неизвѣстнымъ и неизвѣстнымъ? А теперь нужда уравниваетъ неравное, униженное возвышаетъ до несущагося выспры, и возвышенное низводитъ до пресмыкающагося по землѣ, долговременнымъ навыкомъ производя сраствореніе правовъ и уравненіе въ образѣ мыслей. Поэтому и плотникъ, и земледѣлецъ, и служащій на кораблѣ, и купецъ, и всякій занимающійся рукодѣліемъ является на глаза достигшимъ высшихъ достоинствъ, и говоритъ съ ними смѣло, будучи для нихъ необходимъ, не по единству рода, но по своему искусству: и кого не сопрягъ законъ природы, тѣхъ свела необходимость. А если искусство и мудрость знакомятъ работника съ богачемъ; то почему же сострадательность произносящей судъ истины не знакомитъ съ нимъ нищаго, и не приводитъ къ нему немущаго, чтобы призванъ былъ, раздѣлить съ нимъ иногда избытки, или, по крайней мѣрѣ, получить какос-либо утѣ-

шеніе въ удовлетворяющемъ необходимой потребности. Ибо многіе почитаютъ для себя срамнымъ и обиднымъ вмѣстѣ жить съ тѣми, и по высокомѣрно, внушаемому богатствомъ, стыдятся допустить на свои пиршества тѣхъ, о которыхъ Господь Иисусъ провозглашаетъ, что вмѣсто Себя поставитъ ихъ на судъ, сказавъ: что дѣлали вы имъ, то дѣлали Мнѣ (Матѣ. 25, 40.). Но мы не обратимъ и вниманія на алчущаго, истекающаго отъ голода, пройдемъ мимо нагаго, цѣпенѣющаго отъ стужи, и мертвеца, какъ нечистое какое животное, оставимъ брошеннымъ, не отдавъ тѣлу долга природы, не покрывъ по обычаю землею общее безчестіе — предавшійся тлѣнію и гніющія тѣла, источающія изъ себя гной. Безмѣрно же нѣжимъ самихъ себя, сверхъ нужды стараемся, чтобы угождали намъ, украшая земный кумиръ, заботясь объ этой сложенной персти, чтобы блистать на торжищѣ, сіяя цвѣтностію одеждъ, и утучнять себя лакомыми приготвленіями поваровъ, изъ всего извлекая всякое удовольствіе.

Г л а в а 14. *Облачашеся нѣкогда въ порфиру и виссонъ и упоминаемый въ евангеліи безъименный богачъ (Лук. 16, 19.), до презбытка насыщаемся за сибаритской трапезой, а мимо Лазаря, лежащаго у воротъ и желающаго крупщъ, проходилъ безъ состраданія, безъ сомнѣнія и взоръ очей, если когда склонялся къ нему, заботливо отвращая въ другую сторону, чтобы воспоминаніе о струпахъ его не возбуждало отвращенія во время пира, прозводя*

тошноту и рвоту представлениемъ видѣннаго. Богачъ не отгонялъ впрочемъ Лазаря отъ дверей по Божию смотрѣнiю, устроившему, чтобы Лазарь, лежа при входѣ, непрестанно представлялъ собою жалкое зрѣлище, и богачъ со временемъ смягчился и сжался, или не имѣлъ уже благовиднаго предлога къ оправданiю безчеловѣчiя въ томъ, будто бы не вдалъ. Онъ и не пожалѣлъ лежащаго, обнаруживая тѣмъ жестокость и свирѣпость своего сердца, и давалъ видѣть, что онъ несострадательнѣе псовъ, по злему нраву отренился отъ естественной кротости и презирая того, кому услуживали животныя, непричастныя челоуѣколюбивыхъ помысловъ, и признавая, можетъ быть, что Лазарь въ сродствѣ съ ними, какъ возделывающiй тѣхъ крупницъ, которыхъ и они иногда удостоиваются, а иногда бываютъ лишены. Но когда для богача и для Лазаря,—для одного въ радостныхъ, для другаго въ скорбныхъ представленiяхъ, протекло сонное видѣнiе этой жизни, и сложили они съ себя личины здѣшняго зрѣлища, тогда въ противное и крайне различное для нихъ измѣнилось состоянiе дѣйствительныхъ вещей. Одного по кратковременномъ наслажденiи прiяла въ себя огненная, какъ обыкновенно, мучительная печь, а другаго послѣ краткой скорби обрѣло вѣчное веселiе, и снова было между ними неравенство, но не такое, какъ прежде, а противоположное тому, въ какомъ находились дотолѣ; потому что Лазаря, или лучше сказать, Авраама, на лонѣ котораго былъ онъ, вознивъ

усердно, умолялъ богачъ; а просить Лазаря, можетъ быть, и стыдился онъ по причинѣ прежняго пренебреженія, почему, оставивъ его, умолялъ патриарха, говоря: *отче Аврааме, помилуй мя, и послѣ Лазаря, да омочитъ конецъ перста своего въ воду, и остудитъ языкъ мой: яко стражду въ пламени семъ* (24.). О какъ велико страданіе! Сколько смиреннымъ высококомѣрнаго и безстыднымъ надменнаго содѣлала нужда терпѣть мученіе! Какъ не устыдился просить, чтобы для облегченія мученій посланъ былъ тотъ, кого нежалѣлъ онъ томимаго голодомъ, страдавшаго отъ струповъ? Какъ осмѣлился неуклоннымъ окомъ смотрѣть на того, на кого въ жизни не удостоивалъ обратитъ когда-либо и косвеннаго взгляда? Какъ отважился сказать, что нуженъ ему перстъ, которымъ гнушался прежде, какъ источающимъ гной? Какъ не стыдно было просить капли воды ему, который нищаго, когда былъ въ нуждѣ, не удостоивалъ крупницъ! Но такъ безстыднымъ голосомъ возопилъ онъ изъ пламени: *послѣ Лазаря*, какъ будто Лазарь обязанъ былъ вознаградить его за благодѣянія, какими самъ часто пользовался. Такова-то необходимость; она принуждаетъ безстыдно отваживаться на все, ухитряясь, гдѣ бы то ни было, найдти избавленіе отъ бѣды.

Г л а в а 15. И почему же великій патриархъ по своему правдолюбію не сказалъ ему: теперь-то, несчастный, дозналъ ты пользу милосердія, когда отъсюду бѣжалъ тебя горящій пламень! Теперь-то

признаешь, что хороша сострадательность, когда самъ имѣешь въ ней нужду? А почему же жестоко-сердъ ты былъ къ злостраждущимъ? Теперь узнаешь ты Лазаря, а когда лежалъ онъ на землѣ, не зналъ его, и входа и выхода! Многалось ослѣпленіе кичливости, и ясно видишь истину; прошла мрачная туманная ночь жизни, и при дневномъ свѣтѣ усматриваешь, каковы вещи въ естествѣ своемъ; подъ землею оставилъ ты сонныя мечтанія, и видишь самую дѣйствительность своего положенія. Тогда долженъ ты былъ подумать о милосердіи, когда имѣлъ у себя средства, пригодныя для благотворенія,—богатство, когда была у тебя возможность подать кусокъ нуждающемуся, когда въ состояніи ты былъ прикрыть нагаго, который, не имѣя подъ собою гиплой доски, цѣпенѣлъ отъ стужы, когда въ твоей было волѣ приложить попеченіе о больномъ, когда обиліе запасовъ богатства давало способы къ благотворенію. Милость, оказываемая здѣсь, есть добрый плодъ тамошняго сѣянія. А ты домогаешься теперь пожать, чего не сѣялъ, собрать, чего не расточалъ, и взять, *его же не положили еси* (Лук. 19, 2.), прося милости, которой не оказывалъ нуждающемуся, и жалости, которой не удѣлялъ ближнему, и сострадательнаго сердца, которое заключилъ для ближняго. При дверяхъ былъ врачъ, который бы исцѣлилъ тебя отъ жестокосердія, и ты не уврачевался, когда болѣзнь, еще не застарѣвшаяся, могла уступить при поданныхъ пособіяхъ. Теперь не позволяетъ время при-

лагать руки къ отчаянно больнымъ , потому что недугъ сталъ упоренъ , требуетъ уже не прищарокъ, производящихъ боли, но мучительнаго сѣченія, сильныхъ прижиганій. Говоришь: *посли Лазаря*. Скажи мнѣ: пошлю ли его къ тебѣ на такое разстояніе ? Ты никогда не поклонился къ нему , хотя всегда былъ близъ него. Скажу ли ему , по словамъ твоимъ, чтобы омочилъ перстъ въ водѣ , и уступилъ пылающій языкъ твой ? Но ты и крупницами его алчущаго не утѣшилъ. Когда говоришь, что страждешь, ужели думаешь убѣдить его этимъ , и получить милость ? Но и онъ былъ въ страданіяхъ, а ты не пожалѣлъ его ; теперь страждешь ты въ печи огненной, а онъ страдалъ въ печи бѣдности; нищета же угрызаетъ не менѣе огня, также мучитъ внутренность недостаткомъ , какъ и огонь опаляетъ поверхность тѣла. Если бы тогда сжалился ты надъ истаевающимъ отъ голода; то и теперь, сгарая въ огнѣ, былъ бы помилованъ. Если бы тогда оказалъ ты состраданіе къ страждущему отъ алчбы и язвъ, то и теперь, мучась въ пламени, нашелъ бы себѣ пощаду; лучше же сказать, и не увидѣлъ бы мѣста теперешняго твоего мученія, но пребывалъ бы съ Лазаремъ на лонѣ моемъ въ такомъ же, какъ онъ, упокоеніи. Ибо такова сила благодѣянія нуждающимся, что не только изводитъ изъ скорбей, но и веселящимся поставляетъ въ мѣстахъ свѣтлыхъ. Теперь же въ молчаніи терпи мученіе: потому что, по произнесеніи Божественнаго приговора , нисколько не

помогаютъ молебны осужденнаго. То было время помилованія и прощенія, а это—время неподкупнаго и праведнаго суда; то было время снисхожденія, а это—время воздаянія за содѣянное хорошо или худо. Тамъ были поприще, подвиги, ристалище, здѣсь вознагражденіе за труды; одержавшій побѣду тамъ, приѣмлетъ здѣсь вѣнцы; побѣжденный не вступаетъ снова въ борьбу, чтобы заглядить свои паденія въ настоящей жизни: потому что подвигъ конченъ, исправленіе погрѣшностей прекратилось. Тамъ покаяніе заглаждало грѣхи, молитвы и слезы убѣждали Судію оказать благоволеніе. Теперь нѣтъ мѣста помилованію, но строгій и безошадный судъ немилосердо ввергаетъ жестокосердыхъ въ мученіе; потому что, по слову Божию, *судъ безъ милости не сотворшему милости* (Іак. 2, 13.).

ГЛАВА 16. Ничего такого не сказалъ просителю праведникъ, признавая исполнимъ словесное напоминаніе, когда убѣждаютъ самыя дѣла; изрекъ же одно, и все тѣмъ объяснилъ ему, именно сказалъ: *помяни, яко воспріялъ еси благая твоя въ животль твою, и Лазарь такожде злая* (Лук. 16, 25.). Порфира и вперсоу, говоритъ Авраамъ, казались тебѣ прекрасными для благолѣнія, ежедневныя веселые пиры почиталъ ты благами, утѣшался наслажденіемъ пріятностей жптейскихъ, предаваясь пресыщенію вожделѣннымъ. Почему же теперь считаешь благовременнымъ желать, чего тогда не вожделѣвалъ и во снѣ? *Воспріялъ и Ла-*

зая ; не онъ почиталъ это зломъ ; потому что, переноса въ молчаніи, любилъ какъ добро; но ты признавалъ въ этомъ зло. А признавшему одно добромъ необходимо почитать другое зломъ, предпочтеніемъ улаждающаго показывая, что противоположное тому бесполезно и худо. Если бы тогда принималъ ты участіе въ презрѣнномъ тобою страдалецѣ ; то и теперь имѣлъ бы возможность участвовать съ нимъ въ его покоѣ. Если бы тогда облегчилъ его скудость; то и теперь не было бы тебѣ нужды въ этихъ словахъ ; потому что, если бы ты и молчалъ, вознаградилъ бы онъ тебя за состраданіе. И это дѣйствительная правда; вотъ называешь меня отцемъ, однимъ симъ именованіемъ воздавая мнѣ честь, и немедленно слышишь: чадо, пріемля въ этомъ обильное воздаяніе, соотвѣтствующее именованію, какимъ почтилъ ты меня. Если бы тамъ самымъ дѣломъ воздавалъ ты почтеніе и Лазарю; то непременно на самомъ дѣлѣ получилъ бы вознагражденіе, за благовременную милость пріемля должную мзду. Но, можетъ быть, надмало тебя особенное счастье, и въ величій суетной славы мечталъ ты, что, послѣ такой знаменитости, не будешь подлежать наказанію. Настоящее не знаетъ тамошняго достоинства, не со славою срѣтаетъ приходящихъ оттуда, всѣхъ равночестно принимаетъ на судѣ, и достоинства познаетъ не по общему мнѣнію, но по тому, что дѣйствительно произошло отъ добродѣтели. Поэтому и о тебѣ разсуждено, что ты свирѣнѣе звѣрей :

потому что псы звѣри, но ручные и домашніе, а ты думалъ, что вовсе никогда ни въ чемъ не будешь имѣть нужды. Псы тоже самое врачевное искусство, какое заняли у природы, научившись языкомъ лечитъ свои раны, употребили и надъ безпомощнымъ, облизывая нарастающую нечистоту, чтобы струпъ, освобождаясь отъ накопляющагося гноя, дѣлался чистымъ. И тебѣ надлежало доставлять возможное утѣшеніе своему единоплеменнику, и подаяніемъ необходимаго восполнять его недостатки, чтобы и тебѣ, хотя со псами неравнѣ, воздавалась честь, какъ равное съ ними попеченіе прилагавшему о Лазарѣ; потому что, тебя, кажется, побуждая къ благочестію, часто приходили псы къ сему нищему. Такъ какъ не могли научить словомъ, что тебѣ дѣлать, то самымъ дѣломъ зывали: послыку усердно употребили въ дѣло врачеваніе, какому навыкли; то, значить, что готовы бы мы были и къ прочему, если бы имѣли возможность снабжать необходимымъ. А какъ нищія доставлять мы не въ состояніи, и сами на долго оставаясь голодными, да и питаюсь иногда по нуждѣ тѣмъ, что не позволено ѣсть людямъ; то доставляемъ утѣшеніе, какое только можемъ, оказываемъ состраданіе, и малымъ служеніемъ обнаруживаемъ готовность служить всѣмъ, если бы только была у насъ возможность.

Глава 17. Если тщательно приводится въ исполненіе, что достушно пока по мѣрѣ силъ: то

симъ доказывається готовность и на прочее, и дѣлается явнымъ, что и въ разсужденіи того, о чемъ не прилагается попеченія, причина недѣятельности не въ расположеніи, а въ недостаткѣ средствъ. Но этотъ жестокосердый безчеловѣчный проситъ изъ милости капли, когда не давалъ изъ милости и круницы, проситъ не потому, чтобъ достаточно было капли устудить оный пламень (и вылитая рѣка не угаситъ огня, уготованнаго въ наказаніе), но чтобы ясно мы видѣли, что неострадательный здѣсь, прося и этой малости, не получить ея въ будущей жизни, и чтобы, дознавъ строгость и тяжесть суда, благодарѣніями нуждающимся нынѣ пріобрѣли себѣ въ награду обѣтованныя блага, съ пользою внесли въ тамошнюю сокровищницу истлѣвающее здѣсь, какъ долга требуя у судіи того, что дано въ залогъ нищимъ, а не довольствуясь принятіемъ подаянія,—однимъ освобожденіемъ отъ мученія. Ибо, если, по сказанному въ Соломоновой притчѣ, *милуй нища взаимъ даетъ Богови* (Притч. 19, 17.), то дающій взаимъ, имѣя благопризнательнаго воздаятеля долговъ, пусть отдаетъ все, что имѣеть, чтобы во много кратъ умноженнымъ найдти все тамъ, ничего такого не оставивъ суетности, что привело бы къ раскаянію, какъ оставленное худо. Ибо все, отданное не на благотвореніе, дѣйствительно бываетъ напрасно и бесполезно, не сопровождаетъ насъ туда, не предваряетъ насъ тамъ. Если кто наименуетъ самыхъ близкихъ род-

ныхъ , сыновей , и братьевъ и связанныхъ прочими узами родства: то, безъ сомнѣнія, если только не вовсе скудень, найдетъ ихъ готовыми наследовать имѣніе. Почему каждому надлежитъ , распростившись съ многочисленными сродниками и друзьями , самому стать роднымъ и другомъ своимъ , туда все унесши съ собою, или предположивши, куда самъ преселяешься, чтобы , позванному въ переселеніе , идти туда охотно , видя , что тамъ собралъ себѣ великій запасъ нетлѣнныхъ имуществъ , и не останавливаться въ переездѣ , съ жалостію оставляя вещественное богатство, къ которому напрасно пристрастенъ былъ въ настоящей жизни.

ОТДѢЛЕНІЕ 3.

О томъ , что душамъ пристрастныхъ къ богатству, какъ животомолюбивымъ , при смерти трудно разставаться съ жизнью.

Глава 1. Поэтому души пристрастныхъ къ богатству, разлучаясь съ тѣломъ , много мучаются , и исходятъ и назадъ возвращаются , будучи изъяты изъ тѣла, снова въ немъ скрываются, въ доказательство же борьбы, съ какою противятся отторженію отъ тѣла, представляютъ проливае-

мый потъ, и какъ велико ихъ пристрастіе къ настоящему, ясно показываютъ, непрестанно обращаясь къ оставляемому, и по привязанности къ здѣшнему, съ трудомъ отходя отсюда. Но если бы призывало ихъ туда желаніе видимаго тамъ стяжанія; то, безъ сомнѣнія, поспѣшили бы устремиться къ нему, усматривая, что будущее привлекательнѣе оставляемаго, по блистательности тамошняго презрѣвъ остающееся здѣсь. Таковъ былъ другой богачъ, въ которомъ плодоносіе поля увеличивало болѣзнь ненасытности; непрестанно разорялъ онъ житницы, и созидалъ большія (Лук. 12, 16.), потому что не было мѣста, гдѣ положить плоды земледѣлія, прежнія кладовыя переполнены были старыми урожаями, потребное же для нуждающихся ограждалъ онъ для безопасности крѣпко построенными прикрытіями для стражей, и ни съ кѣмъ не раздѣлявшій своей трапезы, говорилъ душѣ, предрекая ей не обманчивое наслажденіе на многіе годы, а какъ показало божественное опредѣленіе, не предъусматривая и того, что будетъ на слѣдующій день. Ибо дѣйствительно справедливо было, чтобы, замыслившій никого не принимать въ участники наслажденія, и самъ не вкусилъ мечтаемаго удовольствія, но насильно былъ взятъ и повлеченъ на судъ за безчеловѣчіе. Что же? Не было развѣ тогда нищихъ изнуренныхъ голодомъ, и потому стало нужно съ такою безразсудностію собирать въ житницы земные плоды? Не было

развѣ нуждающихся въ необходимомъ, которымъ можно было бы больше довѣрить, нежели т.и., позволить, чтобы въ употребленіи хлѣба предварили неблагодарныхъ сотрапезниковъ — червей, и съ большимъ правомъ иждили то, что въ скоромъ времени безъ благодарности истребили бы черви, эти какъ бы жестокіе и свирѣпые какіе-то матереубійцы, по недостатку другой пищи поядающіе родившихъ ихъ, послѣ беззаконнаго пира выползающіе изъ житницъ и всенародно являющіеся непризванными свидѣтелями безумія хранившаго свою пшеницу; потому что такъ опредѣлилъ праведный Судія, чтобы и худо собранное погигло, и собиравшій не имѣлъ благоугоднаго предлога порицать Промыслъ. Поелику одинъ присвоилъ себѣ общій всѣхъ избытокъ, замками и запорами тщательно обезопасивъ приспосланный свыше даръ, предположивъ себѣ долговременное и многолѣтнее наслажденіе всѣмъ этимъ; то справедливо Богъ изъялъ изъ житницъ дарованное Имъ, нимало не повредивъ сдѣланнаго собственными трудами богача; потому что цѣлыми оставилъ ему житницы, которыя самъ онъ построилъ. А сколько употребивъ тѣщія, готовился выпустить на свѣтъ эту пшеницу, на показъ всѣмъ возя по улицамъ, этотъ къ осмѣянію и посрамленію своему измыслившій тысячи средствъ, чтобы долгое время безъ поврежденія сохранялось у него служащее къ наслажденію, тесаными цынтами выставъ полъ, обмазавъ густою

известію стѣны, и сквозь окна проведя вѣшній воздухъ, чтобы провѣтривалось хранящееся въ житницахъ, и при постоянномъ движеніи воздуха не терпѣло ущерба отъ загниенія!

Г л а в а 2. Но никакое искусное предпріятіе не перехитряетъ Божія изволенія, и человѣческое промышленіе не пренебрегаетъ непреложнаго суда, въ ничто обращающаго усилія думающихъ, будто бы могутъ въ чемъ-либо успѣть рачительною собственными силами своими. Вотъ ничего не оставилъ несдѣланнымъ для безопасности безумецъ, и обманулся въ надеждѣ; житницы цѣлы, а положеннаго въ нихъ нѣтъ; замки и печати не повреждены, а пшеница ушла; стѣна не подкопана, кровля не снята, а житницы пусты. Все служившее къ безопасности цѣло и ни въ чемъ не потерпѣло ущерба, а запасы разошлись вѣ, возбуждаютъ удивленіе въ видящихъ, и великій стыдъ приписываютъ собиравшему, который никакъ не можетъ утаить обличенія своего въ неразумія, столь многочисленными обличителями безчеловѣчія имѣя зерна пшеницы, по Божію мановенію необычайнымъ образомъ явно разсыпанныя въ видѣ малаго количества праха, и оставшія внутри памятники безчувственности для всегдашняго напоминанія собиравшему объ его безуміи, чтобы, смотря на оставшіяся прахъ, дозналъ, что человѣческое промышленіе не дальновѣдно, и не говоритъ болѣе, что сказано имъ прежде: *душе,*

имали много блага лежаща на лѣта много, яждь, пій и веселися (Лук. 12, 19.), но по самому исходу дѣла нашелъ истиннымъ то, что изрекъ вдохновенный и богоносный Исаія. яко же во снѣ жаждай аки пійи, воспрянувъ же еще жаждеть, душа же его вотще надъяся: тако будетъ богатство (Ис. 29, 8.) печестивыхъ, возвѣваемое и разсѣваемое, какъ прахъ, хотя бы промышленіемъ о сохраненіи положено было, въ мѣстахъ самыхъ недоступныхъ. Ибо заботящимся о семъ такъ говоритъ Самъ Богъ: *призрѣте на многа, и быша мала, и внесосте я въ храмъ, и отдунухъ я* (Агг. 1, 9.). Лучше же сказать, и того, случилось ли это, или нѣтъ, не узналъ предположившій себя долговѣчнымъ: потому что, исхищенный преждевременно, предварилъ утрату собраннаго, едва задумавъ о долговременномъ веселіи, какъ въ туже ночь безъ отлагательства потребована у него душа, и не успѣлъ онъ сказать, кого хочетъ признать господиномъ оставляемаго имъ. Ибо за неимѣніемъ господина, должно было наконецъ сдѣлаться общимъ, что полновластно удерживалъ у себя одинъ, не дѣлясь съ другими, хотя сіе одинаково предлагалось во власть каждому для его употребленія. И поелику не предположилъ онъ по собственному позволенію имѣть это общимъ съ нуждающимся, и не былъ расположенъ добровольно уступать то въ даръ, что долженъ былъ утратить по неволѣ, то, отрезвившись отъ

мечтательнаго уношенія , по необходимости подвергается вѣчному мученію.

Г л а в а 3. Если нищелюбцы подаваемое нищимъ воспріемлютъ во сто кратъ , а сверхъ того наследуютъ нескончаемую жизнь ; то , безъ сомнѣнія , и тѣ , которые проходятъ мимо скорбящаго , не утѣшивъ его , во первыхъ терпятъ ущербъ въ томъ , что не облагодѣтельствованный никогда не благодаритъ сихъ несправедливыхъ , а потомъ предаются мученію , еще болѣе испытываемаго страданія терзаемые совѣтію , что это самое нмущество , которое чрезъ благотворительность нуждающимся должно было послужить къ искупленію души ихъ , скупостію обращено въ причину осужденія , и справедливо по дѣламъ своимъ услышатъ они грозный и страшный этотъ приговоръ: *идите во огонь вѣчный , уготованный діаволу и аггеломъ его . — Взалжахся бо , и не дасте Ми ясти , возжадахся , и не напоисте Мене (Матѳ. 25, 41. 42).* И мнѣ кажется , не столько жалки они , какъ подвергшіеся наказанію , сколько смѣшны по своему неразумію ; потому что , пожалѣвъ пстратить маловажное , предпочли сему столь тяжкое мученіе ; и тѣмъ , что готовили для наслажденія , не воспользовались столько времени , сколько мечтали , а за оставленное ими здѣсь понесли страшное и грозное осужденіе ; потому что нмущества своего не обратили въ собственное свое утѣшеніе , съ бремениносцами нищими все пред-

пославъ туда, гдѣ стали бы не мучиться, а наслаждаться, и потому что другимъ трудами своими доставили возможность жить непотребно, почему справедливо и несутъ за нихъ наказаніе.

ОТДѢЛЕНІЕ 6.

О томъ, что справедливо наказываются собственность свою передающіе во владѣніе, кому случится.

Г л а в а 1. Наслѣдовавшіе имѣніе при недостаточномъ содержаніи могли не сдѣлать тѣхъ грѣховъ, къ свободному совершенію которыхъ привело ихъ обліе въ деньгахъ, стремленію произвола ко всему, что правится, проложивъ удобный путь возможности удовлетворять оному самымъ дѣломъ. И ни одинъ суесловъ да не выставляетъ мнѣ съ важностию этого давняго предлога, говоря, что бережетъ деньги для спокойной жизни дѣтямъ и внукамъ; потому что опытъ заграждаетъ всякія уста, выставляющія этотъ предлогъ, на самомъ дѣлѣ показывая, что суетна такая заботливость родителей. Сколь многіе, имѣвъ бѣдныхъ предковъ, такъ разбогатѣли, что для людей обольщающихся суетнымъ кажутся достойными зависти? И сколько примѣровъ, что

дѣти, получившіе отъ отцевъ огромное имѣніе, приходятъ въ крайнюю нужду, или подвергшись насилію людей сильныхъ и вмѣстѣ лишившись всякаго достоянія, или расточивъ свое имѣніе по немногу въ безпутной жизни и на срамныя вознагражденія, а въ послѣдствіи съ трудомъ добывая необходимое пропитаніе? Посему для всякаго дѣлается явнымъ, какъ недалновидна предусмотрительность собирающаго, и предшествующіе примѣры убѣждаютъ оставить такой напрасный трудъ, думать же о своемъ спасеніи, а внуковъ предоставить смотрѣнію Самого Бога, Который и ихъ благоустроитъ, какъ признаетъ за лучшее, или изъ низкихъ сдѣлаетъ высокими, или соблюдетъ въ томъ достоинствѣ, въ какомъ оставлены родителями. А если прочность оставляемаго дѣтямъ неизвѣстна, польза же благотворенія всѣми признана; то почему не всѣми отдается предпочтеніе явному предъ неизвѣстнымъ, въ томъ убѣжденіи, что сѣмена должно сѣять тамъ, гдѣ есть надежда на большее и несомнѣнное плодоносіе? Но если бы наследники оставленнымъ имуществомъ могли обладать прочно и неоспоримо; кто въ такой мѣрѣ будетъ врагомъ и навѣтникомъ себѣ самому, что ради того, чтобы произшедшимъ отъ него передать общія средства къ наслажденію, самъ для себя избретъ вѣчное мученіе, и своему спасенію не отдастъ предпочтенія предъ успокоеніемъ другихъ, или, по крайней мѣрѣ своего собственнаго не

поставить, на равнѣ съ тѣмъ, что, какъ гласитъ истина, чуждо и ни къ чему не служить въ будущемъ? Для всякаго ничто не равняется душѣ его; потому что каждый, когда будетъ судимъ, одинъ долженъ отвѣчать за себя, и не будетъ ему предъ Судіею никакой защиты отъ родства, или дружбы. Почему, такъ какъ милостыни и благотворенія даютъ дерзновеніе предъ онымъ судищемъ, о нихъ должно прилагать попеченіе, менѣе заботясь о состраданіи къ родственникамъ, потому что имѣть о всѣхъ попеченіе принадлежитъ Богу, благоустроющему жизнь каждаго, какъ для кого полезно. Иначе будемъ вести себя въ этомъ хуже безсловесныхъ, себѣ присвоивъ дѣло Божія промысла въ своей мнимой попечительности о дѣтяхъ, которая, какъ сказано, часто не достигаетъ цѣли, потому что многіе, получивъ большое имущество, остаются нагими и вовсе безпріютными. Ибо, если самъ себя не обучили мы цѣломудренному разсужденію, то должно намъ и этому, какъ и многому другому, учиться у безсловесныхъ. У звѣрей, у пресмыкающихся, у птицъ и всѣхъ животныхъ домашнихъ природа бываетъ учителемъ въ томъ, сколько должно заботиться о потомствѣ, обучая прилагать попеченіе о малыхъ дѣтяхъ и птенцахъ, пока нѣтъ у нихъ своихъ силъ добывать себѣ пищу, а когда будутъ на это силы, прекращая родственную попечительность и предоставляя каждому полную свободу искать себѣ корма. И сіе

дѣлаеть природа, можетъ быть, въ посрамленіе тѣмъ, которые одарены словомъ, но ведутъ себя безчувственнѣе безсловесныхъ, и оскорбляютъ Бога, какъ будто не можетъ Онъ имѣть достаточнаго промышленія о собственныхъ Своихъ дѣлахъ, все попеченіе о потомствѣ берутъ на себя, нимаю не пекутся о своемъ спасеніи, какъ будто они не ближе сами къ себѣ, нежели къ потомкамъ, и имъ приличнѣе имѣть попеченіе о полезномъ не для нихъ, но для потомковъ.

Г л а в а 2. Родство есть тѣсная плотская связь, до тѣхъ поръ поддерживающая сіи неразрывные узы, пока не разорвана эта плотская цѣпь, по порядку связующая преемственно зависящихъ другъ отъ друга. А какъ скоро смерть расторгла этотъ связующій союзъ, права взаимнаго родства уничтожаются. Каждый за собственныя свои дѣла влечется на судъ, и тогда узнаеть то одиночество, какое приуготовилъ себѣ, когда ни откуда невозможно придумать себѣ помощи; потому что вмѣстѣ и способовъ не стало, и миновало вспоможеніе. *Братъ не избавитъ* (Псал. 48, 9.) брата отъ этой нужды: отецъ не спасеть сына отъ мученія, мать не умолитъ за наказуемаго сына, дѣти не исхитятъ родителей; бездѣйственными дѣлаются сіи отношенія, и прекращаются, препобѣждаемыя страхомъ суда. Предъ этимъ судищемъ мужъ не узнаеть жены, которую, можетъ быть, и сильно любилъ, когда утратилъ ее: не думаетъ жена о мужѣ, котораго провождала

съ крѣпкою и пламенною любовію ; потому что превосмогающее томленіе духа изглаждаетъ страстные воспомнанія о плотскихъ привязанностяхъ. И хотя нерѣдко получившій прародительское достояніе и прекрасно распорядившійся имъ на пособіе нуждающимся, представъ предъ Судією, слышитъ похвалы за содѣланное имъ , и съ веселымъ лицемъ приѣмлетъ обѣтованія ; однако же оставившій ему имѣніе безъ милосердія влечется на мученія ; потому что этотъ жалкій человѣкъ ничего добраго изъ имуществъ своихъ не сдѣлалъ для нуждающихся, добытое собственными трудами оставивъ средствомъ ко спасенію для другаго, а самъ для себя неизвлеки изъ собственности своей ни малой пользы. Прекрасно премудрый Соломонъ говорить: *умножаяй богатство свое съ лхвами и прибытки, милующему нищія собираетъ е* (Прит. 28, 8.), ставъ виновникомъ для себя мученій за лобостязательность , а для другихъ виною благихъ воздаяній за благотворительность. И если сіе дѣйствительно такъ: то въ какомъ безуміи сіи безразсудные, даже и во время смерти не помышляющіе о страшномъ судилищѣ.

ОТДѢЛЕНІЕ 7.

О тѣхъ, которые во время кончины не прилагаютъ попеченія о своемъ спасеніи, но ищутъ завѣщанія, и отдаютъ приказы о томъ, надъ чѣмъ не имѣютъ власти.

Глава 1. Положимъ, что симъ презрителямъ поводомъ къ забвенію полезнаго для нихъ во время жизни была небоязненность; но почему же и при ишествіи отсюда остаются они безчувственными? При семъ ишествіи страшная неотступность требующихъ души содержитъ ее въ трепетѣ, ужасаетъ страшными видами, все еще побуждая ее о положеніи своемъ пріять цѣломудренный и полезный въ будущемъ помысль, а укоряющіе за грѣхъ демоны съ угрозами влекутъ ее къ себѣ въ мѣста печальныя и унылыя, такъ что одного представленія объ ужасномъ истязаніи достаточно для мученія, и совѣсть, обыкшая обращать взоръ на содѣянные грѣхи, трепещетъ сего мученія, ожидающаго ее по достоинству грѣховъ. Отсего-то тѣло лежитъ орошенное потомъ, лиющіеся съ него потоки показываютъ внутреннее томленіе; видное служитъ доказательствомъ тайнаго смятенія. Но и тогда, можетъ быть, своихъ покровителей, друзей и родственниковъ, при видѣ оставляемаго ими, до-

могающіеся у нихъ бесполезнаго уже благоволенія, обольщаютъ надеждою жизни. А можетъ быть, и дѣйствительно признаютъ это долгомъ своимъ, почитая добрымъ дѣломъ, чтобы, все, что, какъ они думаютъ, не послѣдуетъ за преселяющимся туда, оставлено было упомянутымъ выше на добрую память, впрочемъ бесполезную уже для наказуемыхъ. Ибо находящемуся въ нестерпимыхъ мукахъ что пользы въ похвалѣ за милости, когда этими благодарственными воззваніями не можетъ онъ облегчить своей неутомимой скорби? Но могло бы и это, хотя бы и не было предпослано, послѣдовать за тѣмъ, кто оставилъ бы сіе бѣднымъ, и принесшему съ собою туда доставило бы великое утѣшеніе тамъ, гдѣ отшедшему туда съ пустыми руками невозможно ни взять въ заемъ, ни получить изъ милости, ни какъ-либо иначе приобрести отъ благодѣтеля.

Г л а в а 2. Сіе вмѣстѣ съ неблагоразумнымъ богачемъ даютъ видѣть и пять юродивыхъ дѣвъ. Тотъ, сгарая въ пламени, просилъ капли на языкъ, онѣ же просили елей, котораго не принесли, и никто изъ имѣвшихъ не далъ, такъ какъ онѣ могли его имѣть при себѣ, но не имѣли. А потому Екклесіастъ и даетъ совѣтъ, говоря: *посли хлѣбъ твой на лице нуждающагося: яко во множествѣ дней твоихъ обрящешь его* (Еккл. 11, 1.); и Апостолъ говоритъ: *дондеже время илмы, да дѣлаемъ благое: во время бо свое по-*

жнемъ, неослабляюще (Галат. 6, 9. 10.). И Господь изрекъ: скрывайте себѣ сокровище на небеси (Матѳ. 6, 20.). Такъ совѣтуютъ дѣлать сіе прежде постигнутой нужды, чтобы, по невѣдѣнію полезнаго, не потерпѣть кому ущерба въ будущемъ всеміи, отшедши туда безъ потребнаго для жизни, не только оставаясь тамъ безпріютнымъ, но претерпѣвая великую скорбь оттого, что увидитъ другихъ наслаждающимися. Ибо недостатокъ не сильно печалитъ нераздражаемаго наслажденіемъ другихъ; въ немъ пожеланіе какъ бы молчитъ, потому что не чему отвѣтъ возбудить болѣзненнаго напоминанія; но когда пиръ передъ глазами, и пирующие съ здравными чашами весело пріѣтствуютъ другъ друга, тогда вождѣленіе производитъ страшное безпокойство, возрѣніемъ на пріятныя снѣди и питія возбуждая пожеланіе, и желаніемъ вкусить ихъ причиняя весьма жестокою скорбь. Когда же разсудить, что по его безразсудности сдѣлалось невозможнымъ, что было возможно, и по собственному своему неразумію лишается наслажденія, какое позволить себѣ властны другіе; тогда огорченіе болѣе усилится; потому что къ исправленію ошибки окажется недостаточнымъ раскаяніе, и не найдетъ онъ средства къ тому, чтобы открылась возможность воспользоваться случаемъ хорошо устроить, что прежде предположено было худо.

ОТДѢЛЕНІЕ 8.

О томъ, что страждущіе при жизни безпечною и во время кончины вмѣсто того, чтобы позаботиться о самихъ себѣ, прилагаютъ стараніе о томъ, какъ передать имѣніе свое наслѣдникамъ.

Многіе, не обращая и на сіе вниманія, дѣлаютъ завѣщанія въ пользу родственниковъ, на письмѣ предавая позору свое неразуміе и полагая, что въ попечительности должно другихъ предпочитатъ себѣ самимъ. Хотя законъ природы и сблизилъ дѣтей съ родителями; однако же желаніе спасенія научаетъ каждаго имѣть большую заботливость о себѣ, приводя на мысль время суда, въ которое каждый съ ужасомъ выслушиваетъ собственный свой приговоръ, нимаю не ожидая ни откуда помощи, если дѣла его худы. *Живу Азъ, глаголетъ Господь: если будутъ тамъ Дашилъ и Ювъ, не избавятъ ни сыновей, ни дочерей своихъ, но тѣ едины спасутся* (Иезек. 14, 18.), грѣшникъ же во грѣхѣ своемъ умретъ. Но сіи непоколебимые въ безпечности о себѣ самихъ, даже дознавъ, что никто ни отъ кого не имѣетъ тогда помощи, и что каждый за собственные свои дѣла спасается, или погибаетъ, оставивъ попеченіе о себѣ, и какъ будто бы принадлежалъ уже они къ числу спасаемыхъ, персе-

ставъ о семъ заботиться, прилагають стараніе о томъ, какъ передать имѣніе наслѣдникамъ, которые на печальныхъ лицахъ, конечно, показываютъ уныніе, а внутренно съ вселымъ расположеніемъ помышляютъ о наслажденіи оставленнымъ. И наслѣдники сіи послѣ погребенія веселятся, пресыщаясь собраннымъ чужими трудами, а собиравшіе, при непрестанной мучительности наказанія, предаются подлинно мрачному унынію.

ОТДѢЛЕНІЕ 9.

Обличеніе пишущихъ завѣщанія.

Глава 1. И съ какою важностію всякій разъ начинается ихъ завѣщаніе! О если бы продлилась моя жизнь, говорится въ завѣщаніи, и владѣть мнѣ своею собственностію прежде, нежели поступить въ даръ! Такъ выразивъ, что дѣлають сіе не охотно, прежде, нежели окажутъ милость, изъявляя желаніе жить и владѣть собственностію, даютъ видѣть, что уступаютъ необходимости, а не произволению; и поелику желаніе ихъ безуспѣшно, передають, кому пришлось, все, чего взять или удержать у себя, хотя бы и желали, не могутъ. О если бы продлилась

жизнь моя! Да, справедливо скажетъ ему сама истина: о если бы продлилась жизнь твоя, о человѣкъ! Ибо, живя донинѣ, что сдѣлалъ ты полезнаго для жизни? Напиталъ ли хотя одного алчущаго? Укрылъ ли у себя хотя одного безпріютнаго? Освободилъ ли какого притѣсняемаго должниками? Избавилъ ли изъ подъ власти господъ кого-либо сѣтующаго на жестокость тяжкаго рабства? Утѣшилъ ли кого, впадшаго въ бѣдность изъ богатаго состоянія, облегчивъ для него, хотя отчасти, тяжесть нищеты? Говоришь: тебѣ хочется, чтобы продлилась жизнь твоя; но почему же никто другой не говоритъ о тебѣ этого? Безъ сомнѣнія сказали бы многіе, если бы въ предшествовавшее время былъ ты добръ, и всякой былъ убѣжденъ, что снова найдетъ тебя такимъ же, какимъ былъ ты для него прежде. О если бы продлилась жизнь твоя! А для чего? Чтобы имѣніе свое раздать бѣднымъ? чтобы сдѣлать теперь, чего не сдѣлалъ прежде? Чтобы наконецъ соразмѣрно съ потребностями каждаго, недостатки его восполнить твоими избытками? Это можно сдѣлать тебѣ и при кончинѣ, и многихъ заставить молиться о твоёмъ упокоеніи, лучше сказать, если и никто не станетъ молиться и просить за тебя Бога, самое дѣло содѣлаетъ тебя предъ Судіею достойнымъ помпования, и вмѣстѣ съ напштавшимъ алчущаго и нищаго приведетъ къ уготованному царству. Или для того желаешь жить, чтобы, пріобрѣтши и

инное нѣчто, хотя долго самъ ты въ роскоши наслаждался удовольствіями, и многое остается у тебя твоимъ наслѣдникамъ, снова владѣть тебѣ всѣмъ этимъ? Почему же до настоящаго времени владѣлъ ты худо, при такомъ богатствѣ не облегчивъ ничьей нужды? Да и почему называешь своимъ, что дано на употребленіе въ здѣшней жизни и на общее благоустроеніе нуждающихся? Откуда принесъ ты то, что называешь своимъ, но что старше твоего бытія на свѣтѣ? Не изъ иного ли какого мѣста принесъ ты это съ собою, вступая въ жизнь? Не вмѣстѣ ли съ тобою родившимся появилось и это? Не вышелъ ли ты изъ матерняго чрева, пмѣя у себя это, чтобы, какъ привыкъ говорить о тѣлѣ, такъ и это называть тебѣ своимъ? Нашелъ ты, что было тебѣ современно, попользовался этимъ, и оставляешь? Почему же называешь своимъ, что было прежде тебя, и что послѣ тебя равно предлагается во власть всякому? Твоимъ бы стало это, если бы приобрѣлъ ты сіе подаяніемъ. Закрѣпилъ бы ты это за собою, если бы, подавая милостыню, внесъ въ небесную сокровищницу. Когда же смерть полагаетъ конецъ твоему праву на раздѣлъ, напрасный уже ты распредѣлитель того, надъ чѣмъ время, противъ воли твоей, отнимаетъ у тебя власть. Посему поспѣшай и скорѣе проходи немногіе дни маловременной жизни, чтобы не давать отчета на судѣ за многіе дни жизни продолжительной. Для чего

готовишь себѣ долгое и тяжкое мученіе, желая до глубокой старости продлить грѣшную жизнь, чтобы за долгое пребываніе здѣсь пріять великое и продолжительное пстязаніе?

Г л а в а 2. Потомъ пинутъ въ завѣщаніи: желательно, и весьма желательно мнѣ, и за симъ излагаютъ свои распоряженія, выказываютъ великую щедрость къ роднымъ въ раздѣлѣ того, что уже не ихъ собственность, и въ той, можетъ быть, мысли, что останутся въ живыхъ, многое назначаютъ покровителямъ своимъ и друзьямъ, и рѣшеніе свое въ предотвращеніе подлога утвердивъ печатію, умпраютъ съ искаженнымъ лицомъ. Какъ привыкшіе увѣрять о всемъ съ важностію, ложно говорятъ, будто бы смѣются надъ здѣшнимъ, по сущей же правдѣ приходятъ въ ужасъ при внезапно открывшейся имъ страшной и печальной странѣ. Ибо признакомъ насмѣшки служитъ улыбка, и ей надлежало бы обнаруживаться на лицѣ умпрающихъ, если бы надъ тѣмъ, что оставляютъ, смѣялись они, какъ надъ достойнымъ смѣха. А теперь, какъ принявшіе горькое врачевство, морщатъ они отъ непріятности лице; ибо душа по тому расположенію, какое ощутила при открывшихся тамъ опасностяхъ, образовала отличительныя черты на лицѣ, и видимою наружностію явно выразила сокровенную свою печаль. Природа содѣлала лице наше зеркаломъ души, отгѣняющимъ на себѣ образы, подобные расположеніямъ, какія душа

возбуждаетъ внутри себя, страданія свои доводи до явныхъ признаковъ. Такъ скорбь обличается грустнымъ лицомъ; радость узнается по лицу веселому, раздраженіе выражается суровостію, и не возможно на лицѣ изобразиться другому виду, кромѣ того, какого требуетъ то, чѣмъ занятъ умъ.

Г л а в а 3. Ухищреніе вскорѣ дѣлается для всѣхъ извѣстнымъ; потому что лицемѣріе не можетъ въ точности представить образа истины, и не въ состоянїи, когда обладаетъ одна страсть, долго выражать на лицѣ свойственное другой страсти. Ибо хотя усиливается отличительныя черты одной замѣнить чертами другой, однако же не имѣетъ силъ долго сохранять притворный видъ; потому что лице быстро измѣняется и принимаетъ тотъ образъ, какой по сострастію даетъ ему живущая внутри страсть. Думаю, что и пять дѣвъ, которыхъ священное Писаніе наименовало юродивыми, принадлежатъ къ сему разряду. Имѣли онѣ при себѣ свѣтильники дѣвства, но не принесли въ сосудахъ елея, который влажностію своею питаетъ, обыкновенно, свѣтильню свѣтильника; и за сіе справедливо получили наименованіе юродивыхъ; потому что преуснѣвъ въ трудномъ и почти невозможномъ—въ дѣвствѣ, вознерадѣли о маломъ и крайне удобномъ; боролись съ преобладающею силою естества, обуздали неистовое вождельніе, угасили пылающїи пламень сластолюбія, мудрованіе плоти подчинили

закону духа, невредимо попрали горящіе угли—напоминанія страсти непотребства, но пребыли безчувственными въ состраданіи къ нуждающимся, гдѣ не требовалось ни труда, ни пота, ни утомленія, но одно изволеніе безъ изнуренія силъ могло привести мысль въ исполненіе. Превозмогли онѣ страсть, съ трудомъ одолѣваемую и многихъ приводящую въ бореніе, но пали тамъ, гдѣ одна сила произволенія безъ труда совершила бы предположенное, и свѣтлость дѣвства затмили мракомъ любостыжанія. Посему въ смятеніи бѣгали по торжищамъ, тогда ища ея, когда продающіе заперли двери. Ибо какая уже купля по окончаніи ея, когда неосталось имѣющихъ въ чемъ—либо потребность, и никто не дѣлаетъ выгоднаго договора съ требующимъ ея; потому что торговля кончена, и продажа необходимаго каждому сдѣлалась невозможною? Если же для дѣвъ столь многіе труды охраненія чистоты, поелику не было милостыни, сдѣлались бесполезными, и остались онѣ внѣ брачнаго чертога, взывая жалобнымъ голосомъ: *Господи Господи, отверзи намъ*, услышали, что женихъ вступилъ, какъ бы раздраженный, презрѣвъ гнѣвное слово: *аминь глаголю вамъ, не вѣмъ васъ*, откуда вы (Матѳ. 25, 11. 12.); какое, по справедливости, слово, и какимъ гнѣвнымъ и суровымъ голосомъ произнесенное, услышатъ тѣ, которые кромѣ немилосердія одержимы тысячами другихъ пороковъ? Конечно сіе, столь грозно людямъ подоб-

наго рода изрекаемое слово: *идите въ огонь вѣчный, уготованный діаволу и аггеломъ его: всакахся бо и не дасте Ми ясти* (41. 42.). Для дѣвъ достаточнымъ наказаніемъ служило заключеніе для нихъ брачнаго чертога; сіе-то одно, что не вмѣстѣ онѣ съ мудрыми дѣвами, мучило ихъ; болѣзненною была для нихъ самая мысль, когда разсуждали, какое наслажденіе внутри чертога. А сіи вмѣстѣ съ тѣмъ, что лишены всякаго добраго утѣшенія, потерпѣть неизбѣжное и тяжкое мученіе, наказуемые сугубыми муками — съ одной стороны мученіемъ въ огнѣ неугасимомъ, а съ другой скорбію раскаянія, каковую обыкновенно блаженство другихъ производитъ въ имѣвшихъ возможность вкусить сіе блаженство, но не вкусившихъ по собственному нерадѣнію; а такая скорбь терзаетъ душу не меньше внѣшняго мученія, истязующаго тѣло огнемъ.

Глава 4. О сколько возвышало милостивыхъ состраданіе! О сколько унижало немилостивыхъ жестокосердіе! Первыхъ вводило въ царство ангеловъ, послѣднихъ низвергало вмѣстѣ съ демонами и съ діаволомъ въ геенну огненную. Такъ полезно удѣлять другимъ, такъ вредно не дѣлиться ни съ кѣмъ! И это весьма справедливо; потому что первое близко къ Божію челоуѣколюбію, второе же не далеко отъ сатанинской зависти. Кто не оказываетъ жалости къ единоплеменнику алчущему, угнетаемому и тѣсниному жадными ростовщиками — заимодавцамъ, тотъ не

пришелъ ли уже въ состояніе демоновъ, и не справедливо ли осуждается съ ними на общее мученіе, ставъ сообщникомъ злобы тѣхъ, съ которыми не имѣлъ общаго естества? Такъ сотворенный по образу Божию человѣкъ именуется и скотомъ, и звѣремъ, и пресмыкающимся, въ лукавомъ навывѣ поревновавъ тому, чѣмъ не былъ онъ по природѣ, и изъ естественнаго благородства перешедши въ неестественное неблагородство. Видишь ты, человѣкъ, что одинаковый съ тобою по роду лежитъ на землѣ, среди торжаша, бездомный, безпріютный, безъ куска хлѣба, не имѣетъ ни подъ собою на землѣ подъ усохшими боками подосланнаго рубища, ни вверху покрова, защищающаго отъ стужи, или зноя, на открытомъ воздухѣ равно принимаетъ на себя и падающій снѣгъ и солнечные лучи, принужденъ обнажать предъ всѣми тайны естества, не можетъ отъ долгаго неядѣнія къ выраженію прошенія употребить въ дѣло голосъ, но движеніемъ руки и маповеніемъ едва уже движущихся бровей объясняетъ знаками свою просьбу, отъ оскудѣнія тяжело дышетъ и едва переводитъ духъ,—видишь и проходишь мимо, побуждаемый къ поспѣшности, можетъ быть, наступившимъ временемъ принятія пищи, и ощущаемая тобою потребность не преклоняетъ тебя къ состраданію, не побуждаетъ снизойти къ голодному собственнѣй твой голодъ, который твоими огорченіями, впрочемъ недостигающимъ до подобной

нужды, научастъ тебя и чужимъ страданіямъ. У тебя, можетъ быть, не прошло вчерашнее опьяненіе, въ непасытномъ чревѣ не испарились во множествѣ наполнившія его яства, но отрываешь еще зловопія, тотъ одинъ плодъ справедливо приобрѣтя отъ предшествовавшаго удовольствія, что самъ ощущаешь непріятность выдыхаемыхъ испареній; потому что Создатель такое устройство далъ естественнымъ отправлениямъ нашего тѣла, что запахъ выходящій изъ устъ принимаетъ въ себя ближайшее къ устамъ — обоняніе; и самъ человѣкъ прежде другихъ исполняется отъ себя непріятнаго ощущенія. А его послѣ многодневной скудости на встрѣтившуюся случайно пищу заставляетъ неудержимо кидаться голодъ, который долженъ тотчасъ удовольствоваться однимъ кускомъ; потому что съ давняго времени отученъ онъ отъ обильнаго продовольствія, и по необходимости недостатка по немпогу приобрѣлъ невольную способность ограничиваться малымъ. Притомъ не разсуждаешь ты, что онъ для тебя — Лазарь, не разсуждаешь; потому что не позванъ ты еще на судъ, и не видишь его на лонѣ патріарха; впрочемъ увидишь, не сомнѣвайся въ этомъ. Ибо одинаково подвижавшіеся приѣмнотъ въ удѣлъ одни и тѣже мѣста, и предавшіеся одинаковымъ беззаконіямъ, осуждаются на одни и тѣже истязанія. А ты нечувствуешь болѣе и самаго богача. Онъ дозволялъ, по крайней мѣрѣ, Лазарю спокойно лежать, не

отгоняя отъ дверей своихъ, терпѣливо имѣлъ всегда предъ глазами непріятный видъ покрытаго струнами и смраднаго тѣла, представляющаго гнусное зрѣлище непрестанными истечениями гноя, который съ жадностію лизать сбѣгавшіеся псы затруднительнымъ дѣлали проходъ входившему въ домъ богачу, никогда не отгонявшему ни ихъ, ни того, для кого собираясь, затѣсняли они дорогу. Ибо если бы дѣлалъ онъ и это, какъ и прочее, то было бы сіе написано. Поелику же не поступалъ онъ такъ, то умолчано о семъ въ показаніе, что и въ весьма порочныхъ людяхъ есть свѣтлая искра естественнаго благородства, сіяющая собственнымъ блескомъ, и хотя мракъ порочныхъ навыковъ омрачаетъ ее, однако же не вовсе она угасаетъ. А у тебя жезлоносцы одѣтому въ рубища не позволяютъ и приблизиться даже къ воротамъ, не даютъ ему мѣста присѣсть или прилечь, почитая нищаго предвѣщателемъ перемѣны на худшее, и испрашивающій подаянія голосъ признавая зловѣщимъ предзнаменованіемъ.

Г л а в а 5. И что говорю о Лазарѣ, умаляя достоинство нищаго? Христось сказалъ, что въ лицѣ нищаго приходитъ Самъ Онъ, и дѣлаемое нищему усвояетъ Себѣ. Ибо говоритъ: *понеже сотвористе единому сихъ, Мнѣ сотвористе* (Матѣ. 25, 40.). И чего же ожидаетъ себѣ всякій отгоняющій и съ безчестіемъ препровождающій отъ себя нищаго, а въ лицѣ его — самого Христа? Презираетъ онъ рубища, неблаголѣпно

прикрывающій снаружи, и не видитъ сокровенной багряницы означающей, что подъ нею самъ царь; смѣется надъ малоцѣнностію одежды, а не примѣчаетъ достоинства образа; беретъ во вниманіе нечистоту тѣлесную, а не помышляетъ о чистотѣ душевной? Христось не сказалъ бы, что Самъ Онъ въ лицѣ нищаго, если бы въ нищемъ не видѣлъ великаго внутренняго достоинства. Да и ты, если бы увидѣлъ, что царь облекся въ одежду простолюдина, устроая что-либо полезное, и достоинство свое сокрылъ подъ смиренною наружностію; то употребилъ бы всѣ усилія, и приложилъ всякое возможное стараніе, чтобы дарами и многими услугами сдѣлать себя извѣстнымъ ему, хотя бы потребовалось пожертвовать ему всѣмъ имуществомъ, и остаться лишенымъ всего достоянія, зная, что милость при нуждѣ удостоивается со временемъ великаго вознагражденія. Почему же не умиловываешь Судію твоего, Который желаетъ нѣмгъ въ благотвореніяхъ нуждающимся принять отъ тебя дары, чтобы тогда судить тебя снисходительно, за тайное даяніе даруя явное спасеніе, подобно князю, который по снисходительности судится за деньги, и явно представляетъ судящему его, чего падѣется? И не ложный свидѣтель сему Господь, Который и молящемуся и подающему милостыню говоритъ: *не воструби предъ собою, якоже лицемери, но дѣлай добро въ кѣлти твоей: и Отець видѣй въ тайнѣ, воздастъ явъ*

(Матѣ. 6, 2. 4.): не скрываетъ въ молчаніи тайныхъ даяній, но провозглашаетъ о нихъ всей твари, и признаетъ, что Имъ Самимъ взято полученное нищимъ, который употребленъ въ посредники, какъ домашній и знакомый. *Понеже сотвористе единому сихъ, Милъ сотвористе*, открыто сказалъ Самъ Судія. И дѣлается сіе не по человѣческому закону, но вопреки господствующему у насъ порядку. Въ настоящемъ вѣкѣ и князь при нуждѣ отказывается отъ дара, предвидя опасность; потому что это есть татьба, и навлекаетъ осужденіе, и признавшійся, что отважился на сіе, дѣлается преступникомъ, подлежащимъ наказанію. У насъ и судящій — рабъ, и законъ также рабскій.—А тамъ, и Судія судитъ со властію, какъ Владыка, не возбраняетъ Себѣ отмѣнить наказаніе, положенное за вину, и признаніе во грѣхѣ прекрасно, потому что за признаніемъ слѣдуетъ прощеніе, а не наказаніе, и дары не скрываютъ отъ Судіи, потому что по превосходству престола никто не можетъ клеветать на челоуѣколюбіе, будто бы оказано оное несправедливо, и признать татьбою принятіе дара, который въ благодареніе и посредствующему нищему, и давшему подсудямому, для того и данъ, чтобы у одного удовлетворена была тѣлесная потребность, а у другаго исправленъ былъ душевннй недостатокъ, и за немилосердіе не былъ онъ немилосердо осужденъ на нескончаемое мученіе. Или, конечно, какъ вымышленной баснѣ

смѣешься ты угрозою судомъ будущимъ? Но не будешь смѣяться, испытавъ, хотя и посмѣваешься теперь, слыша. Тогда срѣтитъ тебя наказаніе, и постигнетъ безотрадное мученіе, когда оплакивающей свое безразсудство ни мало тѣмъ не поможетъ себѣ, увидѣвъ, что предвозвѣщенное истинно, и усмотрѣвъ, что не откуда уже ему примыслить себѣ помощь, какъ и тѣмъ, которые здѣсь на цѣлой землѣ рукоплескали себѣ, что имѣютъ власть безпренятственно наслаждаться, и говорили: *да не придетъ цвѣтъ весны: увеличимъ насъ шипковыми цвѣты: вина дражайшаго и лира исполнимся: вездѣ оставимъ знаменіе веселія* (Прем. Сол. 2, 7. 9.).

Г л а в а 6. Таковы подавившіе въ себѣ предощущеніе будущаго; они хотятъ невозбранно имѣть въ своей власти все, что имъ по сердцу, опрометчиво отваживаясь на то, что имъ представится; потому что нѣтъ у нихъ разсудка, удерживающаго несправедливья стремленія. Но по преставленіи отсюда на судъ дознаютъ, какая страшная тамъ отвѣтственность за содѣянное здѣсь, увидятъ, что обижаемый ими праведный нищій имѣетъ великое дерзновеніе предъ Судіею, и съ раскаяніемъ начнутъ иную болѣзненную пѣснь. Ибо, какъ сказано, *рекутъ въ себѣ кающіяся: сей бж, его же ильхомъ въ посмѣяхъ, и въ притчу поношенія. Мы бсзумнии житіе его вльничомъ неистово, и кончину его безчестну: како вльпнися въ сыннхъ Еожіихъ и въ святыхъ жребіи*

его (Прем. Сол. 5, 3—5.)? Такъ говорящими представило ихъ божественное Писаніе, симъ и послѣдователей ихъ вразумляя и научая имѣть великое попеченіе о иищихъ, какъ о праведныхъ. Ибо надобно убѣдиться, что подлинно праведны тѣ, которыхъ Господь не неудостоилъ признать равночестными Ему, можетъ быть, и для того, чтобы, приведя симъ въ стыдъ горделивыхъ, преклонить ихъ къ состраданію, когда несклонила ихъ къ милосердію однородность.—Если, говорить Господь, не милуешь его по естеству, какъ сродственнаго тебѣ; то послужи Миѣ по достоинству. Такъ досточтимостию собственнаго лица дѣлаетъ досточестнымъ и униженнаго иищаго, побуждаетъ къ усердію въ благотворительности, оказываемой не кому-нибудь неизвѣстному и неславному, но благородному, достойному уваженія, другу Его Самого. Какъ жалкій видъ просящаго не побуждаетъ къ скорому подаянію, или дѣлаетъ, что оно бываетъ скудно и соразмѣрно съ состояніемъ принимающаго: такъ признанное по наружности достойнымъ уваженія вызываетъ на щедрую милость, чтобы несоотвѣтственною малостию дара не оскорбилось оказавшееся достойнымъ вниманія. И всѣ Апостолы, Пророки, праведники, а паче всѣхъ Господь, заботливо увѣщавая, повелѣваютъ творить милостыню. Одинъ говорятъ: *раздробляй амущему хлѣбъ твой, и иищія безкровныя введи въ домъ твой: аще видиши пага, одѣй: и отъ свойствен-*

ныхъ племени твоего не презри (Иса. 58, 7.); другіе же: доброе творяще да нестужаемъ си; во время бо свое пожнемъ (Гал. 6, 9): одинъ говоритъ: грѣхи твоя милостынями искупи (Дан. 4, 24.); а другій: милуйи нища, взаимъ даетъ Богу (Притч. 19, 17.); и Господь сказалъ: сотворите себѣ други отъ милосердія неправды (Лук. 16, 9.); и еще: блаженіи милостивіи: яко тии помиловани будутъ (Матѳ. 5, 7.). Но о милостыи не радятъ, какъ будто никто ничего не сказалъ о ней, и глубокому забвенію предается она: потому, можетъ быть, что многіе почитаютъ себя не причастными никакимъ грѣхамъ, и какъ во всемъ преуспѣвшіе, не имѣющіи нужды въ милости. Но если бы сіе было справедливо; то мечтающіе о безгрѣшности должны были бы уподобляться въ челоуѣколюбіи Богу и оказывать милосердіе всякому въ родѣ челоуѣческомъ, по какой бы то ни было причинѣ, бѣдствующему, если не въ чаяніи вознагражденія, то по побужденію добраго навыка; потому что Богъ, ни въ чемъ не имѣющій нужды, ради нашей пользы прилагаетъ ни чѣмъ незознаградимое попеченіе, по естественному милосердію шлюя всякаго, имѣющаго нужду въ милости, *солнце свое сіяя на злыя и благія, и дождя на праведныя и неправедныя* (Матѳ. 5, 45.): а равнымъ образомъ научая и тому, что подлежитъ оказывать милость безъ различія всѣмъ, каковы бы они ни были, злы, или добры. Ибо нуждающагося въ благотвореніи

должно удовлетворить во всемъ потребномъ, что для него нужно, а не судить о немъ, въ правѣ ли, или не въ правѣ, получить опъ это. Вмѣстѣ съ праведными и неправедный, какъ пользуется солнцемъ и дождями, такъ удостоивается и милости отъ людей; потому что и въ неправедныхъ, при самомъ устроеніи ихъ, всѣяно нѣчто Божественное, и симъ научаютъ они оказывать благость подобную Создательной.

Г л а в а 7. Но въ жизни нашей никакого нѣтъ единообразія. Одни недовольствуются заботами о богатствѣ, отъ великой попечительности объ имуществѣ не имѣютъ времени для сна, по слову сказавшаго: *насытившагося богатствомъ земли не оставляетъ оно уснути* (Еккл. 5, 11.); всячески высчитываетъ опъ доходы, расчисляетъ мѣсячный ростъ, все продолженіе ночи употребляетъ на то, чтобы, опустивъ что изъ памяти, не утратить и малой какой выгоды. Другіе не имѣютъ въ достаткѣ и необходимаго, пребывая безъ пищи, съ пренебреженіемъ къ этому предаются сну, и великое для нихъ приобрѣтеніе продить безпробудность сна, оставаться нечувствительными къ своей скудости. У однихъ позлащенные огромные дома стоятъ пустыми, безъ людей, служа обширнымъ вѣтанищемъ враговъ и совъ, а можетъ быть, и губительныхъ демоновъ; а у другихъ для укрытія нѣтъ и въ три локтя помѣщенія. У однихъ служитъ даже на безчестныя потребности серебро, перекован-

ное въ тяжеловѣсные сосуды, назначаемые для принятія въ себя мочи и нечистотъ чрева, а у другихъ пѣть и глинянаго черепка, въ которомъ бы въ жаждѣ поднести воду къ устамъ. У однихъ по варварскому безумію гнѣтъ дорогая одежда, а у другихъ для прикрытія срама пѣть и рубища изъ лоскутковъ. У однихъ тѣсно на столѣ отъ спѣдей всякаго рода, и земныхъ, и воздушныхъ и водяныхъ; ибо пѣть ничего такого, чего не вкушало бы сластолюбіе, всюду распростершее всеуловляющія сѣти, въ которыя вовлекаетъ обитающихъ въ глубинахъ и близь самага ээира, и уготовляетъ изъ нихъ обильное наслажденіе сластолюбцамъ, между тѣмъ какъ жалкое чрево отчаевается въ возможности насыщенія, оказывается уже недостаточнымъ къ тому, чтобы служить ненасытности неудовлетворимаго пожеланія, котораго въ неудержимомъ стремленіи не останавливаетъ наполненіе внутреннихъ сосудовъ; потому что предѣломъ потребности почитаетъ не удовлетвореніе оной, но одно то, чтобы не оставить ничего приготовленнаго. Посему, какъ приѣмлющіе сосуды при семъ раторгаются и не выносятъ тяжести пресыщенія, то сластолюбіе при всемъ обиліи остается неудовлетвореннымъ, мучась жадностію при видѣ оставленнаго, и жалуясь на малый объемъ чрева, не способнаго вмѣщать въ такой мѣрѣ, въ какой оно желаетъ, и всего того, что оно въ неудержимомъ стремленіи зяетъ жадно поглотить. А

у другихъ пожеланіе огранпчивается однимъ кускомъ, и отчасти удовлетворить потребности почитаютъ они роскошью; потому что пресыщеніе заставляетъ прпмнпшать многія новыя одно за другимъ изобрѣтенныя удовольствія, даже и не надолго не пользуясь удовольствіями привычнымъ, если въ томъ, что наслаждаетъ, не будетъ частыхъ и непрерывныхъ перемѣнъ, которыя, поражая необычайностію, привлекаютъ къ себѣ и на чемъ неостанавливающееся пожеланіе, и наслаждаютъ вкусъ то тѣмъ, то другимъ качествомъ; напротивъ того скудость убѣждаетъ одно полезное признавать любимымъ, повелѣвая наполнять пустоту, а не наслаждать вожделѣніе. Поэтому, ужели теперь кто пзъ людей столько немилосердыхъ, что проходятъ мимо и больныхъ, которые лежали на распуціяхъ, и тѣхъ, которыя ходили по улицамъ, принужденные безъ стыда приступать къ чужимъ дверямъ, и тѣхъ, которыя, по непривычкѣ просить, стыдились объявить о постигшей ихъ превратности, и рѣпались въ тайнѣ терпѣть голодъ, но несоглашались показаться знакомымъ въ несоотвѣтственномъ достоинству своему видѣ, — и тѣхъ, которыя злострадали въ рудокопняхъ и темницахъ, обремененныя узамъ, принужденныя тесать камни, и тѣхъ, которыя въ гробахъ на утесистыхъ горахъ истощались въ снахъ отъ падучей болѣзни, и одни предполагая, что болѣзнь ихъ возбудить отвращеніе, не осмѣливались входить въ города и села,

изъ страха, что надъ ними не сжалятся и замечутъ ихъ камнями, соблюдая себя отъ сей немощи, а другіе, не имѣя и ногъ, чтобы ходить, и рукъ, чтобы ползать, безмолвно оставались всѣ дома, подобясь древеснымъ стволамъ, немѣющимъ сучьевъ, будучи лишены членовъ потребныхъ для всякаго движенія, ужели кто видя, и ихъ изъ такого злостраданія преселенными въ покой, и себя изъ такой роскоши перешедшимъ на мученіе, не скажетъ, что судъ Владычній праведенъ? И можетъ ли придти ему на мысль съ моленіемъ своимъ обратиться къ Судіи, когда самъ онъ нечувствителенъ былъ къ мольбамъ нуждающихся, всегда поступалъ съ ними жестоко, и самая совѣсть еще прежде Судіи осуждаетъ его въ прежнемъ безчеловѣчїи? Но этотъ человѣкъ, который дѣлаетъ насилія, грабитъ, самоуправствуетъ, посягаетъ, скрываетъ, гонитъ, заточаетъ, преслѣдуетъ клеветою, уводитъ, уноситъ, порабощаетъ, повсюду возмущаетъ жизнь всякаго, не оставляетъ не приведеннымъ въ дѣйствіе ни одного вида зла, пока власть и сила дозволяютъ ему дѣлать это, безъ сомнѣнія стремглавъ низвергнется на самое дно тартара, обличеніе въ столькихъ грѣхахъ признавая для себя тягостнѣйшимъ мучительныхъ истязаній. Подлинно это приличнѣйшій конецъ для тѣхъ, которые могущество свое употребляли не на благодѣяніе, но во зло ближнему, стяжанія свои оставили

другимъ на препровожденіе роскошной жизни, а себя приобрѣли вѣчное мученіе.

Г л а в а 8. Какое неразуміе! какое безсмыслие! Что доставляетъ любостыжательность, кромѣ веселія, не скажу, кромѣ необходимой потребности для желающихъ къ облегченію тѣлесной немощи сдѣлать что-либо въ угодность и вождельнію? А мы для сего въ желаніи всѣмъ обладать обходимъ цѣлую землю, бываемъ у Бриттовъ, Есперіанъ, Мавровъ, на востокъ же простраемся въ Оивы и въ страну Индовъ. отсюда привозимъ для своего употребленія служащее къ роскоши, собираемъ безчисленныя сокровища для заготовленія товаровъ; потому что, частию собственными земными произведеніями, а частию добываемымъ съ торжища надобно намъ уразнообразивать трапезу, дѣлать ее многоцѣнною и избыточествующею всѣмъ, что могло бы наполнить всегда отверстыя, подобныя чашѣ, зѣвъ чрева; и у многихъ дѣйствительно оныя и всегда отверсты и не наполнимъ, если не по обширности сосуда, то по ненасытности желанія, всегда алчнаго и никогда не удовлетворяющагося похотѣнія, зіяющаго схватить все, что показываетъ зрѣніе. Для этого клеветы и самоуправства, для этого татѣбы и грабежи, для этого одинъ дѣлаетъ насиліе другому, а ему опять другой, по мѣрѣ того, какъ въ имѣющихъ большую и большую степень могущества возрастаетъ самоуправство, которое приводитъ къ тому.

что обижаящіе нынѣ слабого въ скоромъ времени сами потерпятъ обиду отъ сильнѣйшихъ, и примышляетъ непостыдныя, повидимому, предлоги къ хищенію; потому что въ любостыжательныхъ замыслахъ служатъ оно искуснымъ совѣтникомъ, подавая совѣты, убѣждающіе въ мнимои благовидности хищенія. Такъ Іезавель услышавшую, что мужъ ея Ахаавъ пожелалъ виноградника принадлежавшаго Навуою, настроила, съ такимъ усиліемъ и ухищреніемъ устремиться къ предположенному хищенію, чтобы и желаемое было получено, и не стало, кому бы сътовать на хищеніе; оклеветавъ Навуою въ хулѣ на Бога и царя, предала она смерти владѣвшаго виноградникомъ, и когда не стало у него владѣльца, взяла себѣ; и некому уже было объяснить обиду для незнавшихъ дѣла, когда не стало на свѣтѣ того, кто могъ бы вопіять о ней. Но нынѣ люди отважваются на большія еще злодѣянія, усовершенствовавшись со временемъ въ опытности дѣлать обиды, и по навыку преуспѣвъ въ этомъ искусствѣ. Дѣти еще при жизни лишаются отеческаго достоянія, братья отчуждаются отъ наслѣдства послѣ братьевъ, жены по кончинѣ мужей, какъ ни вопіютъ на беззаконіе, не бываютъ услышаны, и не получаютъ помѣнія. Ибо въ каждомъ изъ сплхъ наслѣдственныхныхъ поступковъ мнмымъ оправданіемъ прічиняемаго вреда служитъ примѣръ царскихъ даровъ. Царь, можетъ быть, по праву могъ отдавать прося-

щимъ оставшееся безъ владѣтеля; ибо и ему невозможно было собственность однихъ обращать справедливо въ даръ другимъ, передавая чужимъ слѣдовавшее на долю законнымъ наслѣдникамъ, что должно переходить отъ умершихъ по порядку преемственно по родственному праву.

Глава 9. Но лобостыжательность страшно ухитряется убѣждать всѣмъ, обольщаетъ царей околичными прошениями, беретъ благовидную власть, надъ кѣмъ только хочетъ, переставляетъ и сверху внизъ, и обратно снизу вверхъ, всегда дѣлаясь для многихъ причиною нестершимыхъ бѣдствій. Посему многіе изъ обиженныхъ на опытѣ оказались безстыдными нищими, лишившись значительнаго имущества, и возымѣвъ нужду въ благотворительности другихъ, обратились къ тому, что описываютъ свои бѣдствія, трогательно изображаютъ страданія, потоками слезъ доказываютъ свою нужду, и увѣряютъ, что иные имъ, ничего неимущимъ, едва даютъ на хлѣбъ, говоря, будто бы у просящихъ милостыни въ обычаѣ выдумывать такіе рассказы, многое увеличивать для обмана, присвоить себѣ благородство, котораго не имѣютъ, жаловаться на небывалую потерю денегъ, подробно рассказывать о выдуманыхъ кораблекрушеніяхъ, сочинять цѣлыя повѣсти о нападеніяхъ разбойниковъ, о побѣгѣ рабовъ, которые ограбили ихъ, и оставили въ этомъ непристойномъ видѣ, какъ показываетъ бѣдное и слезъ достойное одѣяніе, и какъ послѣд-

нее средство вымолить себѣ значительнѣйшее по-
даяніе — присовокуплять такія слова: отняты у
насъ земля, усадьба, имѣніе; лишились мы денегъ,
приличнаго содержанія, домашней прислуги, ни
откуда не видимъ себѣ утѣшенія, даже еще смѣ-
ются надъ нами бѣдными, думая, что рассказы-
ваемое о нашихъ бѣдствіяхъ — небылица и ложь.
Ибо дѣйствительно подозрѣвается всегда во лжи
рассказываемое о прежнемъ благополучіи, пови-
димому, и правдоподобное; если кто говоритъ,
какъ кажется, и правду, но не имѣетъ никакого
доказательства въ подтвержденіе словъ своихъ,
настоящее же его положеніе нимало ни въ чемъ
не согласуется съ его словами. Посему таковыя
принуждены бывають въ молчаніи переносить
тяжесть бѣдности, почитая неблаговременнымъ
открывать о своемъ положеніи тѣмъ, которые
не хотять вѣрить, слова ихъ обращаютъ скорѣе
въ предлогъ къ посмѣянію, нежели къ сострада-
нію. **И** одни изъ нихъ скитаются, мѣняя отечества
одно за другимъ въ той мысли, что неизвѣстное
пока для нихъ, можетъ быть, окажется и удоб-
нымъ для благоустроенія жизни; нные же оста-
ются въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ застигнуты бѣдстві-
емъ, не рѣшаясь на переселенія, то по немощи
силъ, то по неизвѣстности будущаго, настоящее
и опытомъ извѣданное не безъ основанія пред-
почитая сомнительному, будетъ ли оно хуже или
лучше, и утѣшая себя, по крайней мѣрѣ, тѣмъ,
что, хотя въ слѣдствіе сдѣланнаго имъ наслія

лишены они всѣхъ прочихъ имуществъ, однако же имѣють невозбранное право пользоваться стп-хїями свободными и дѣлать изъ нихъ такое же употребленіе, какое дѣлають и надмѣвающіеся своимъ могуществомъ; потому что отъ Создателя прїяли сіе неотъемлемое достояніе, чтобы не впасть имъ въ совершенное уныніе, какъ не имѣющимъ власти ни надъ какою частию цѣлаго творенія. Поэтому, гдѣ хотять, дышнуть этимъ никому не возбращаемымъ воздухомъ, черпають въ источникахъ, рѣкахъ, озерахъ, сколько угодно, пользуясь изобильнымъ питіемъ, и съ полною свободою омываясь водами, если не въ городахъ и селеніяхъ (тамъ воды раздѣленной для орошенія, можетъ быть, и не дадутъ имъ, какъ неимѣющимъ своей собственности), то въ пустыняхъ и мѣстахъ невоздѣланныхъ, съ неограниченностію наслаждаясь, въ какой только хотять мѣрѣ, и ни отъ кого не видя себѣ препятствія. Сіяніе солнца прїемлютъ и очами и всѣмъ тѣломъ: и никто, если бы и захотѣлъ, не въ состояніи остановить истекающихъ изъ него лучей, по преимуществу богатаго предъ нищимъ, удѣлить первому больше, нежели сколько достаточно послѣднему по его смиренію. Ибо въ чемъ есть что-либо по природѣ своей удѣляемое по частямъ, въ томъ преимуществуютъ богатые, не дозволяя, чтобы у другихъ было тоже, что стараются имѣть они сами. А что не допускаетъ раздѣла: то въ общемъ употребленіе равно дается

всѣмъ, и въ обладаніи этимъ однимъ передъ другимъ не имѣетъ никакого преимущества ; потому что природа равно удѣляетъ это всѣмъ, и желающимъ имѣть у себя много не даетъ поводовъ къ раздору.

ГЛАВА 10. Кто по превосходству силъ, отдѣливъ себѣ участокъ воздуха, какъ участокъ земли, или денегъ, могъ удержать у себя эту отдѣленную часть, когда воздухъ непрестанно разливается на всѣ части творенія? Кто, на подобіе денегъ, или драгоценностей, укрывалъ солнечный свѣтъ, или солнечную теплоту, въ собственной своей сокровищницѣ, наслаждаясь симъ однимъ, когда ночь скроетъ солнце подъ землею, или облака закроютъ его во время теченія по небосклону? Вода, почерпаемая въ сосудахъ, хотя дѣлится, повидному, на многія части, дѣлаясь собственностію каждаго изъ почерпающихъ во время самага черпанія, однако же по обилію потока употребленіе ея дѣлаетъ для многихъ безспорнымъ, подобно вещамъ неудѣляемымъ, утоляя желаніе обладанія ; потому что всякій, у кого есть разсудокъ, конечно признаетъ излишнимъ и напраснымъ стараться присвоить себѣ, что природа, какъ ничто общее, даетъ всѣмъ, и какъ предоставляетъ всякому равныя права на употребленіе, такъ всякаго одинаково лишаетъ права владѣть одному и прятать то, чѣмъ всякой и всегда обильно и удобно можетъ пользоваться, и что сею готовностію служитъ къ наслажденію

каждаго приводить въ бездѣйственность пожеланіе пріобрѣтенія; потому что рѣдко находимое и съ трудомъ пріобрѣтаемое раздражаетъ желаніе, заставляя употреблять усиліе, чтобы не было это прежде взято другимъ, но не возбуждаетъ сего пожеланія презираемое по тому самому, что всегда этого много.

О Т Д Ъ Л Е Н І Е 10.

О ЖИЗНИ БЛАЖЕННЫХЪ И ЗЛОУМИ ДЯВОЛА.

Г л а в а 1. И такъ, поелику дѣла, какъ сказано, другъ, въ такомъ положеніи, и столько беззаконія на свѣтѣ, что всѣ подражаютъ въ жизни рыбамъ, поглощаютъ меньшихъ, и сами поглощаются сильнѣйшими, то надобно найдти, или какого-либо великаго Моисея, который бы то поражалъ Египтянина, наносящаго удары Израильтянину, то увѣщавалъ примириться борющихся единоплеменниковъ, и говорилъ: вы братья, для чего же обижаете другъ друга (Исх. 2, 12. 13.)?— Или Аввакума,—который вовсе не имѣетъ спль отмстить, но обращается съ молитвою къ Богу помочь утружденнымъ противъ водворившагося тогда беззаконія, и дерзновеніемъ предъ Богомъ до-

казываетъ ревность ; ибо говоритъ: *доколь Господи воззову, и не услышиши? возопію къ Тебѣ обидимъ, и не избавиши* (Авв. 1, 2.)? молясь не о своемъ лицѣ (потому что былъ Пророкъ, и ничто не могло ему вредить), но, по ненависти къ пороку, прося отмстить за обиду нанесенную другимъ. Почему въ слѣдъ за симъ присовокупляетъ, говоря: *вскую лиль показалъ еси труды и бользни, смотриши страсть и нечестіе? яко нечестивый преобидитъ праведнаго* (3. 4.). *И сотвориши чловѣки яко рыбы морскія, и яко гады не илущія старыишны* (14.) Сколько было бы добра, и сколько утѣшенія приносило бы обиженнымъ, когда горести ихъ облегчались бы состраданіемъ скорбящаго съ ними? Какъ поступать самоуправно, дѣлать вредъ и насмѣхаться, такъ людей недостаточныхъ лпшать принадлежащаго имъ, — есть обида. Каждый обижаетъ всѣхъ тѣхъ, кому можетъ благодѣтельствовать, и не помогаетъ. И Господь показуя справедливость сего, не тѣхъ однихъ, которые дѣлаютъ обиды и любостыжательны, но и тѣхъ, которые не напитаи алчущаго нищаго, не ввели въ домъ свой странника, не посѣтили больнаго, не приходили къ заключенному, и ни мало, ни словомъ, ни дѣломъ, не утѣшали узника, — предалъ огню вѣчному, признавъ самою великою и тяжкою неправдою — не употреблять спль своихъ на благотвореніе нуждающимся. Ибо, если бы законъ Божій и не предписывалъ ясно

творить милостыню, то сама природа содѣлалась бы наставницею, — безмолвнымъ повелѣніемъ узаконивъ сострадательность, по причинѣ подобострастія. А когда и законъ, начертанный въ священныя книги, напоминаетъ объ естественной силѣ, возбуждая и поощряя склонность къ благодѣянію пуждающимся; не достоинъ ли осужденія на мученіе, тягчайшее даже огненного, кто ни тѣмъ ни другимъ не побуждается къ челоуѣколюбію, и отвѣтъ обличаемый и внутренно укоряемый за недѣланіе добра, но остающійся совершенно холоднымъ и нерасположеннымъ къ благотворительности, или по скупости, или по жестокосердію? Но если кто вводитъ въ домъ свой странниковъ, подобно Аврааму, съ дороги привлекаетъ къ себѣ путниковъ, подобно Лоту, питаетъ сиротъ и пуждающихся вдовъ, снабжаетъ тѣмъ, чего у нихъ нѣтъ, для всякаго недостатка дѣлается тѣмъ пменно, что восполняетъ его недостатокъ, по мѣрѣ силъ, соображаясь съ потребностями каждаго, подобно великому Іову, погребаетъ тѣла брошенныхъ мертвецевъ, какъ по сказанію псторіи дѣлалъ праведный Товія, пришедшему страннику удѣляетъ *горницу, одръ и трапезу*, подобно Соманьтянинъ (4 Цар. 4, 10.), преспровождаящимъ жизнь уединенную въ куцахъ и вертепахъ услуживаетъ необходимымъ, подобно Авдію, въ крайней нуждѣ и дѣтямъ своимъ предпочитаетъ пуждающагося праведника, законъ природы поставляя на второмъ мѣстѣ послѣ добро-

дѣтели, подобно сарептской вдовицѣ, имѣвшей у себя одну горсть муки, и ту, когда любимѣйшіе дѣти въ скудности истаскали отъ голода, уступившей Пророку Иліи, никогда не оставляетъ поученія въ Божіемъ словѣ, подобно Евнуху, читающему и на колесницѣ, и такимъ попеченіемъ о семъ дѣлѣ доказывающему свою рачительность къ оному дому, творитъ молитвы и милостыни, подобно Коринтію, которому представившій Ангель сказалъ: *молитвы твоя и милостыни твоя въздоша на память предъ Бога* (Дѣян. 10, 4.), благовѣствуя снмъ дѣлателью, что дѣла сіи достойны Божія воззрѣнія, — усердно постится, соревнуя Павлу, который, поставляя сіе въ части похвалы, говоритъ: *въ пощеніяхъ многажды, во алчбѣ и жажди* (2 Кор. 11, 17. 27.), хвалясь терпѣніемъ во время этого сугубаго мучительнаго страданія — алчбы и жажды, въ наученіе нерадивыхъ въ дѣлѣ воздержанія, по навыку къ сластолюбію, поработившихся этому сборщику дашей — чреву, чтобы, если не привлекло ихъ къ этому желанію лобомудрія, то, по крайней мѣрѣ, подвигло желаніе похвалъ; потому что достойное похвалы, безъ сомнѣнія, не лишено и похвалъ: то почему же такового не признать равночестнымъ всѣмъ поименованнымъ выше, какъ усвоившаго себѣ преимущество каждаго и въ одномъ лицѣ содѣлавшагося тѣмъ, чѣмъ всѣ они были, взятыя въ совокупности, въ собственной жизни своей сооставнаго всѣ превосходныя

качества и доказавшаго достовѣрность древнихъ сказаній, не убѣдительно доводовъ, но свидѣтельствомъ самыхъ дѣлъ? Чтò въ повѣствованіи по необычайности перѣдко кажется невѣроятнымъ, то, будучи подтверждено самымъ дѣломъ, становится несомнѣннымъ, не давая болѣе и мѣста вопросу о возможности или невозможности.

Г л а в а 2. И почему же тебѣ было бы желательно, чтобы сіяющая добрымъ житіемъ жена (б) укрылась отъ ненавистника добра діавола, хотѣлось бы, чтобы, подавая ему столько поводовъ вызывающихъ на борьбу, сама пребыла неподвизавшеюся въ борьбѣ съ искушеніями? Ибо, если каждый изъ преуспѣвающихъ въ какомъ-либо добромъ дѣлѣ, даже не изъ числа первыхъ, видѣлъ противъ себя великія усилія врага; то ей, многообѣдной, подвизавшейся вдругъ подвигами всѣхъ, должно ли было оставаться незабоченною? стоять на поприщѣ, и не имѣть противоборника, быть умощненною, и не вступить въ борьбу,—поднять пыль на мѣстѣ ратоборства, и не раздражить противъ себя сопротивника; войти съ нимъ въ состязаніе, и не побудить тѣмъ къ противоборству; упражняться въ добродѣтели, и не огорчить виновника всякаго зла; угождать Богу, и не возбудить зависти въ змій, обыкшемъ

(б) Сіе говорится о Перистеріи. Смѣтр. выше отд. 1 гл. 3.

ненавидѣть преуспѣвающихъ въ той чести, съ которой исполнилъ онъ по презорству? Поэтому всѣ святые терпятъ отъ него нападенія, и изъ предпринимающихъ сдѣлать, или совершившихъ, что-либо угодное Богу иѣтъ ни одного, кому бы не противодѣйствовалъ онъ, не злоумышлялъ противъ ревнующаго о семъ, и не былъ ему врагомъ, какъ потому только, что дѣлаетъ правду (ибо ревнующіе о семъ вступаютъ въ содружество съ Спасителемъ Христомъ, а его оставляютъ одного, такъ еще и потому, что, весьма съ многими осужденный на вѣчное мученіе, желалъ бы онъ многихъ, или и всѣхъ, увлечь съ собою. А, можетъ быть, этотъ проклятый думаетъ и себѣ увидѣть пощадѣ вмѣстѣ со всѣми, если цѣлый родъ человѣческій окажется повиннымъ терпѣть мученіе; потому не убѣдилъ его въ строгости приговора, не преклонившейся къ состраданію, но все множество людей признавшей подлежащимъ за грѣхъ наказанію. По крайней мѣрѣ, почитаетъ онъ для себя утѣшеніемъ быть наказаннымъ со многими, потому, безъ сомнѣнія, что мученіе участіемъ въ немъ многихъ, по его мнѣнію, облегчается, хотя и въ этомъ, какъ и во всемъ, ошибается врагъ. Ибо что пользы страждущему въ великомъ числѣ раздѣляющихъ тоже страданіе, когда у каждаго своя нескончаемая и нераздѣляемая съ другими болѣзнь? Но ненавистнику къ укрѣпленію своему въ страданіи достаточно, можетъ быть, и одной гибели мно-

гихъ, хотя бы отъ этого вовсе не было никакой выгоды ему самому. Ибо ненависти свойственно желать ненавидимымъ бѣдствія и перехода изъ состоянія досточестнаго въ безчестное, желать безъ всякаго для себя утѣшенія въ своемъ злополучіи, кромѣ развѣ того одного, что, если достигнетъ желаемаго, ненависть успокоивается, увеселяясь превратностію въ благополучіи ненавидимаго, которое прежде мучило и изсушало ее.

Г л а в а 3. Такъ новозданнаго еще Адама, едва только сподобившагося Божія образа и пріившаго владычество надъ тварію, приступивъ къ нему съ лестію и коварствомъ, когда не имѣлъ еще ясной причины пріивести въ исполненіе завистливое свое намѣреніе, потому что Адамъ помнилъ и заповѣдь и честь, какъ недавно ему данныя, обольстилъ онъ живыми внушеніями, обѣщавъ ему Божескую честь, чтобы лишитъ и чести дарованной. Не было у него оружія, которымъ бы могъ покорить испзвѣдавшаго еще брата Адама, не было ни любодѣянія, потому что не раздражалось еще сластолюбіе, ни зрѣніемъ, ни страстію, ни побостязательностію; да и нечему было возбуждать въ немъ пожеланія къ пріобрѣтенію и зависти, не было ни тщеславія, ни ненависти, ни коварства, а равно не было и тѣхъ, противъ кого возбудились бы страсти сіи, какъ вскорѣ начали оперяться онѣ въ Канѣ, побужденныя къ ревности похвалою Авелю. Врагъ въ

одномъ только видѣль содѣйствіе себѣ къ устро-
 енію ухщреннаго замысла — въ любви и въ по-
 желаніи большей чести; потому что страсть сія
 древня и современна чловѣку, но дана не на
 оскорбленіе, а для благоговѣйнаго чествованія,
 Почтившаго. И то достоинство, какое, какъ Богъ,
 общалъ сей, въ первый разъ изрекшіи имя мно-
 гобожія и чистое понятіе едпнначалія омрачив-
 шій наименованіемъ боговъ, пріобрѣталось че-
 ловѣку прлежнымъ упражненіемъ въ добродѣ-
 тели, а не могло быть восхищено преступлені-
 емъ заповѣди; такъ какъ свойство грѣха лпшать
 чести, а не придавать честь. И съ Адама за
 оскорбленіе Почтившаго, немедленно по престу-
 пленіи пмъ заповѣди, совлекается достоинство,
 отъемается у него начальство, слагается съ него
 честь образа, возвращается онъ въ тоже низ-
 кое состояніе, пзь котораго едва только произ-
 никъ, снова безъ образа Божія, даннаго въ удѣль
 перстному составу, пменуется землею и перстію.
 И послѣ этого справедливо сталъ онъ бояться
 ярости звѣрей, яда пресмыкающихся, нападенія
 жпвотныхъ сильныхъ, и для которыхъ самъ по
 власти своей недавно былъ страшень, тѣмъ са-
 мымъ содѣлавшись подвластнымъ, за непокор-
 ство Богу лишлся всего, чѣмъ обладалъ предъ
 тѣмъ за послушаніе. Пбо и вмѣсто всѣхъ зако-
 новъ Создатель наложилъ на него послушаніе,
 предпсавъ воздержаніе отъ одного растенія; по-
 тому что, какъ сказано, не было ничего инаго

къ упражненію въ законномъ подчиненіи того , кто по тому самому , что господствовалъ надъ всѣмъ прочимъ , необходимо долженъ былъ имѣть для себя какое-либо предписанное ему правило , указывавшее на его иго рабства , чтобы , когда высоко возмечтаетъ о своемъ владычествѣ надъ тварями и начальствѣ надъ многими и сильными животными , сокращалъ надмѣвающеся властію сердце тѣмъ , что и самъ онъ подъ закономъ , и что лежитъ на немъ заповѣдь ; потому что страхъ , внушаемый высшимъ начальствомъ , обыкновенно приучаетъ низшихъ къ некичливости , какъ надмѣніе сердца въ отношеніи къ подначальнымъ унижумудривая и смиряя мыслию о предержащей власти , такъ и оскорбительное иногда высокомеріе удерживая напоминаніемъ о взысканіи за то высшимъ начальствомъ .

Глава 4. Но не такъ разсудилъ о томъ , что ему дѣлать , земный паче , нежели богоподобный , Адамъ , всецѣло предавшись совѣтующему предпочестъ высшую почестъ , и презрѣть заповѣдь , когда лучше было , сохраняя оную , обладать естеству приличествующею честію , нежели , въ неизвѣстности ожидая той , которая выше естества , утратить ту , какую уже имѣлъ , обладая настоящимъ , отринути это въ чаяніи вовсе невозможнаго . Но виявше слову Господа : *будите совершени , якоже Отецъ вашъ небесный совершени естъ* (Матѳ. 5, 48.) , и потщавшіися послѣдовательно восходить путемъ , вводящимъ въ

сіе совершенство чрезъ подражаніе всесовершенному Отцу въ частныхъ добродѣтеляхъ, то есть, дѣлаясь сперва щедролюбивыми, челоуѣколюбивыми, сострадательными, милостивыми (ибо сіе возводитъ къ совершенству Отца), не безъ причины вмѣстѣ съ образомъ воспріемлютъ первобытное достоинство и вождельнное наименованіе, не отъ солгавшаго древле праотцу нашего рода, но отъ вѣдущаго всегда истинствовать Бога, — пріемлютъ въ сказанномъ имъ: *Азъ ряхъ: бози есте и сынове Вышняго вси* (Псал. 81, 6.). Такъ къ сему былъ назначенъ челоуѣкъ, но, не пріобрѣтши еще вѣдѣнія, кто Податель сего дара, естественнымъ образомъ обманулся въ надеждѣ, повѣривъ беззаконному, внушавшему, какъ достигнуть оной чести. Не уразумѣлъ онъ хитрости обманщика, который, устроая, чтобы челоуѣкъ не достигъ той чести, какую обѣщаль ему, далъ совѣтъ достигать ее, какъ не возможно было и достигнуть, невозможностію способа угоуовляя ему безуспѣшность въ возможномъ, чтобы то, что по всей вѣроятности могъ имѣть у себя, утратилъ по неразумному совершенію дѣла, хитро обманутой хитряющимся всегда направлять все ко вреду повѣрившихъ ему.

Глава 5. И что тогда зверей приводили въ подчиненіе черты Божія образа, — сіе показали время и дѣйствительный опытъ. Ибо все то, что губительно нынѣ для грѣшнымъ, пзъ уваженія къ праведнымъ спѣшитъ сократить тле-

творную силу. Такъ огонь вавилонской печи не коснулся даже и кожи на тѣлѣ святыхъ, а на печествыхъ извергъ пламень, который на разстояніи сорока девяти лактей могъ пожрать встрѣтившихся тамъ Халдеевъ, поядая ихъ, какъ сухую солому и сухія дрова, горячіе же угли оставилъ внизу охладѣвшими, бездѣйственными, подобно брѣню и камнямъ, такъ что не могли они причинить боли поправшимъ ихъ ногамъ. Ибо юноши вышли изъ печи, имѣя и ризы неизмѣнившими своего цвѣта и свободными отъ самаго дымнаго запаха, немощнымъ и брѣннымъ тѣломъ пренобѣдивъ всеобладающую силу огня. Такъ и львы, во рву томимые голодомъ (потому что семь дней хранимы были безъ пищи, и варвары думали слѣдъ лишеніемъ возбудить естественную ихъ свирѣдость), не дерзнули и приблизиться къ Даниилу, чтобы даже видомъ страшнаго своего устремленія не огорчить праведника и, когда онъ вкушалъ принесенную Аввакумомъ пищу, пребыли воздержными, и при этомъ не подвигались къ неозволенной снѣди. Ибо Тотъ, Кто въ продолженіи сорока дней подкрѣплялъ Моисея и Ілію, такъ что невозможны они нужды въ пищу, устроилъ, что неснѣдъ Аввакумъ, но превысрениему воздуху перенесенный Ангеломъ, прибылъ изъ Іудеи въ страну вавилонскую не для того, чтобы напичать алчущаго праведника, но чтобы явилось великое и крайне необычайное чудо, провозглашающее львовъ лю-

бомудрыми хранителями поста, не прекращающими многодневнаго пребыванія въ оскудѣннѣи, когда въ глазахъ ихъ вкушали пищу человѣкъ, и передъ ними была обычная для нихъ и любимая ими пища—плоть человѣческая; такъ какъ это служило имъ обыкновенною снѣдію; каждый день получали они два тѣла (Дан. 14, 32.) осуждаемыхъ на смерть. Такъ непрерывность Чермнаго моря раздѣлилась отъ берега до берега, и естество текучее и скользящее уподобилось тѣлу твердому, образовавъ изъ себя по ту и другую сторону высокія стѣны, и наскоро Моусеевою вѣрою проложенную посреди необычайную стезю обративъ въ широкій путь народу; потому что Божій образъ повсюду внушаетъ уваженіе къ служителямъ Божиимъ, и во всемъ дѣлаетъ ихъ достойными вниманія.

Г л а в а 6. Итакъ, почему подвижниковъ огорчаетъ упражненіе въ подвигахъ, которое научаетъ знанію подвижничества, не допускаетъ до опасностей, продолжительные труды облегчаетъ трудомъ кратковременнымъ, и не даетъ кознямъ дѣлаться вредоносными? Но, можетъ быть, и не огорчаетъ оно тѣхъ, которые знаютъ пользу его по слѣдующему апостольскому наставленію: *скорбь терпніе содѣловаетъ, искусство же упованіе, упованіе же не посрамитъ* (Рим. 5, 3. 4.), непременно принесетъ съ собою и то, чего надѣемся, и ожиданіе сдѣлаетъ не напраснымъ. Огорчаетъ же тѣхъ, которые не расположены

къ подвижническому труду, по лѣности и по малодушію своему остаются только зрителями чужихъ подвиговъ, какъ слово Божіе и жену великаго Іова представляетъ неспособною даже и видѣть тѣ страданія, какія переносилъ Іовъ; почему я говоритъ она подвижающемуся мужу: *доколь терпиши* (Іов. 2, 9.)? Ибо слова: *доколь терпиши* показываютъ, что ей трудно было смотрѣть на тѣ искушенія, которыя терпѣлъ онъ. Не говоритъ она: долго ли тебѣ страдать, или мучиться и утруждаться? но: *доколь терпиши?* Ии болѣзни его не состраждетъ, ни мужеству не удивляется, но порицаетъ терпѣніе, какъ напрасное и ни съ чѣмъ несообразное, совѣтуетъ сѣтовать на продолжительность страданія, а не раздѣляетъ скорби страждущаго. Таковы люди слабые и женоподобные; впавъ въ трудное положеніе, не только подвижающихся не поощряютъ они къ мужеству словами, которыя не рѣдко и ослабѣвшему въ духѣ придаютъ бодрость, но секрушаютъ и уничтожаютъ послѣднюю бодрость, жалуясь на страданія, какъ на нестерпимыя, и кого должны были по справедливости ублажать, о тѣхъ жалѣютъ и плачутъ, какъ о людяхъ жалкихъ. Не слышалъ ли ты, что говоритъ Божіе слово: мужъ не искушенный не искусенъ предъ Богомъ (Іак. 1, 12.)? Почему же удивишься, что искушаются благоугождающіе Богу? Развѣ не убѣдили тебя примѣры прежде жившихъ праведниковъ, которыхъ жизнь полна скор-

бей и подвижническихъ потовъ? Не знаешь раз-
вѣ благочестія Говлева и козней врага? Не на
показъ, не славу имѣя въ виду, Говъ самъ опи-
салъ свои преспѣянія, но призывая слушающихъ
къ ревностному подражанію, изобразилъ свое
усердіе къ страннымъ, говоря: *зиль не водво-
ряшеса странникъ, дверь же моя всякому при-
ходящему отверста бль* (Гов. 31, 32.); изобра-
зилъ попеченіе свое о вдовахъ и сиротахъ: *аще
же и хлѣбъ мой ядохъ единъ, и сиролу не пре-
подахъ отъ него* (17.), и вдовица не отходила
никогда отъ дверей съ пустымъ пѣдромъ; изо-
бразилъ и покровительство обиженнымъ: *растерю,
ея же не вѣдахъ, изсидихъ: сотрохъ же чле-
новныя неправедныхъ, отъ среды же зубовъ
ихъ грабленіе изъяхъ* (Гов. 29, 16. 17.); изобра-
зилъ состраданіе къ рабскому роду, который
преобладаніе, расторгнувъ естественный союзъ,
поработило себѣ, и какъ слабѣйшій силою под-
чинило преизбыточествующему силою: *аще же
презрѣхъ судъ раба моего или рабыни, прящым-
ся имъ предо мною* (Гов. 31, 13.), нямало не
отвергалъ я правъ ихъ пзъ презрѣнія къ пхъ
низости, но давалъ возможность защищать себя,
ободреніемъ вызывалъ на то, чтобы говорили
свободно, и чтобы подчиненный, пзъ страха со-
блюдая молчаніе, не былъ осужденъ властнымъ
словомъ, и при семъ высказываетъ побудитель-
ную причину, говоря: *еда не яко же и азъ бляхъ
во чревь, и тѣи быша? блькомъ же въ томъ*

же чревъ (15.). Такъ равночестность рожденія основательно приѣмлетъ за равночестность достоинства, кичащихся въ безуміи увѣщавая, естественныхъ съ нами не утруждать безъ пощады, на подобіе выючныхъ животныхъ, приказаніями свыше ихъ силъ, и совѣтуя по собственнымъ силамъ заключать объ ихъ сплахъ. Ибо во всѣхъ одинакова немощь естества, и живое существо отъ непомѣрныхъ трудовъ вскорѣ умираетъ. Почему и трудъ долженъ быть соразмѣренъ съ силами, и за трудомъ слѣдовать отдыхъ, достаточный къ возстановленію утомленной силы, чтобы къ новымъ трудамъ приступала она уже обновленною и укрѣпленною. А чтобы въ словахъ праведника нельзя было подозрѣвать человѣческой похвальбы: то Самъ неживый Богъ дѣлается свидѣтелемъ сказаннаго имъ, Самъ словомъ Своимъ запечатлѣваетъ слова его, и говоритъ: *бъ человекъ онъ непороченъ, праведенъ, истиненъ, благочестивъ, удаляйся отъ всякія лужавыя вещи* (Іов. 1, 1.).

Г л а в а 7. По поелику справедливость требуетъ, чтобы искусный подвижникъ не въ томъ только всегда упражнялся, чтобы бить руками по воздуху, но въ доказательство мужества своего на самомъ дѣлѣ представилъ опытъ тѣлесныхъ упражненій; то приходитъ къ подвигположнику противоборщикъ, по видимости крѣпкій силамъ и высокоувѣренный, и словами своими ушибляетъ подвижника, напрасною и дѣтскою игръ подобною

называетъ борьбу безъ состязанія съ противникомъ, и говоритъ, что упражняться въ борьбѣ наединѣ есть призракъ мужества, а вовсе не мужество, требуетъ вывести его на битву, вызываетъ на поприще, и прежде опыта, подобно Голиаѳу, хвалится неоспоримою побѣдой. И Голиаѳъ въ наукѣ высокоумрія — ученикъ врага, а врагъ — учитель Голиаѳовъ, оба въ дѣлахъ ниже своихъ обѣщаній, на словахъ величавы и щедрь, а въ самой битвѣ не тверды, беспильнѣ самыхъ перадивыхъ. Врагъ осмѣиваетъ и презираетъ Иова, какъ уже побѣжденнаго, говоритъ, что въ благополучіи онъ благодаренъ, предсказываетъ, что окажется ругателемъ, будучи лишень того, что дѣлаетъ его знаменитымъ, клевететь, что инаковъ онъ наружно, и инаковъ въ самой дѣйствительности, благочестіе называетъ притворствомъ, благоговѣніе — личиною, говоритъ, что добрыя дѣла—воздаяніе за милости, какими пользуется, всячески старается очернить святаго, думая, что клевета найдетъ себѣ мѣсто предъ Богомъ. Такъ въ другое время клеветалъ онъ челоуѣку и на Бога, будто бы позавидовалъ ему въ знаніи добра, и потому запретилъ вкушать плодъ, доставляющій сіе знаніе, чтобы и челоуѣкъ не содѣлался (в), какъ Богъ, вѣдущимъ доброе и лукавое. Но ни въ чемъ не успѣлъ

(в) По списку Синодальной Библіотекки за N 338, вместо: *Ἰνα γινῆται* должно читать: *Ἰνα μὴ γινῆται*.

врагъ, солгавъ предъ Богомъ ; потому что имѣлъ дѣло, не какъ тогда, не съ человѣкомъ, котораго могъ обмануть. Отдавъ ему подвижникъ, какъ просилъ ; онъ извелъ его на поприсце, поставилъ на песокѣ, пустилъ въ него стрѣлы свои, предназначенная тѣмъ битву ; лишилъ его имущества, и нашелъ, что не рабъ онъ этого ; отнял у него сонмъ дѣтей, и узналъ, что выше онъ естества : лишилъ царскаго сана, и увидѣлъ, что превъше онъ и славы ; покрылъ тѣло гниющими язвами, и дозналъ, какъ лобомудренно переноситъ онъ страданія плоти ; истощилъ все вымыслы искусства, и не одолѣлъ неподдающагося ; употребилъ въ дѣло всякіе приемы къ обольщенію, и не узлекъ непреклоннаго ; изнемогъ, поражая искушеніями, и не оказалось даже слѣда ударовъ ; истощилъ свой колчанъ, и не уязвилъ доблестнаго ратоборца ; не осталось и страданій для готоваго на все страдальца, а изобрѣтавшій сии страданія былъ въ затрудненіи, недоумѣвая уже, что еще примыслить, и какъ удачнѣе напасть на побѣдителя ; и справедливо стыдился послѣ своего пораженія, когда увидѣлъ, что за то, чѣмъ до борьбы такъ много хвалился, преодолевшій его терпѣніемъ и страданіемъ доказавшій непреклонность мужества, приѣмлетъ вѣнцы и побѣдныя награды, и предстоитъ съ ними, подобно препоясаннымъ и домогающимся почестей борцамъ, громогласно взывая: вотъ близокъ мой судъ ; знаю, что окажусь правымъ ; кто меня

осудить, и заставить теперь молчать? то есть: противникъ палъ, врагъ побѣжденъ, непріязненный изложенъ, и лежитъ покрытый стыдомъ: кто же осудить меня, и заставить теперь молчать, когда побѣда даетъ право взывать, когда дѣло свидѣтельствуешь объ истинѣ словъ, послѣ опыта дѣлая обѣщаніе несомнѣннымъ? Велерѣчіе врага, съ какимъ вступилъ онъ въ ратоборство со мною, ставъ теперь обличеніемъ непререкаемаго легкомыслія и опрометчивости, предастъ его позору; а мое тогдашнее молчаніе побуждаетъ говорить теперь и повѣдать дѣла, подтверждаемая очевидностію, а не какими-либо недознанными на опытъ провозглашеніями дающихъ сомнительное и невѣрное обѣщаніе.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Объ Іосифѣ и Сусаннѣ и о томъ, что подвигъ Іосифовъ выше подвига блаженной Сусанны.

Глава 1. Чтò же Іосифа, блиставшаго красотою тѣлесною и душевною, ввергло въ темницу, и заставило исчерпать всевозможныя въ ней злостраданія? Не попеченіе ли о цѣломудріи стало для него причиною всего этого, когда неуспѣвшая въ томъ, чего домогалась, ласкатель-

ство любви измѣнивъ въ свирѣпую ярость, въ гнѣвъ за неудавшееся прелюбодѣяніе предъ неразумнымъ мужемъ вооружилась обвиненіями? Одежда, которую представила она, какъ подвергавшаяся насилію, дѣйствительно служила обличеніемъ насилія, хотя нанесеннаго не ей, но ея причиненнаго юнонѣ, оставившему одежду (г), за которую привлекала, только бы спастись ему бѣгствомъ отъ поруганія грѣха. Ибо послѣ неудачи, если и отъ похоти и отъ гнѣва предавалась неистовству, то находила для себя полезнымъ истребить поступившаго съ нею, какъ казалось ей, нагло, чтобы, издѣваясь надъ нею, не сталъ и предъ всѣми также позорить неистовой похотливости. И Сусанну такой же смертной опасности подвергалъ приговоръ обманутаго клеветою суда; потому что и здѣсь незаконные похотники и судіи справедливо почтали для себя тяжкимъ видѣть живою знавшую о такомъ ихъ поступкѣ, за который весьма справедливо будутъ осмѣяны на недостойное и возраста и сана дѣло отважившіеся въ глубокой старости, потому что, когда порывы вождельнія утихаютъ и ослабѣваютъ, по естественному порядку сами собою теряя силу, тогда, перезрѣвъ и выживъ изъ лѣтъ, предались они постыдному неистовству, воспламенившись любовію къ цѣло-

(г) Слово: *ἡν καὶ τῆς δεδομηῆς ἀποσερῖσθαι τῆς* въ означенномъ выше спискѣ не читается.

мудренной. Но я, усматривая разность въ этой многими, можетъ быть, признаваемой тождественности, нахожу нужнымъ и въ томъ, что, по мнимоу сходству, представляется какъ бы тождественнымъ, сдѣлать различеніе, не для того, чтобы жены не смѣли хвалиться тѣмъ же, чѣмъ хвалятся мужи, но для того, чтобы каждый, читающій божественныя Писанія, едва будучи въ состояніи и при великой наблюдательности и внимательности доходить до истины, не упустилъ изъ вниманія въ кажущемся сходствѣ сокрытыхъ разностей. Дѣйствительно, кто изъ непонимающихъ вполне дѣла и не разыскивающихъ тщательно причины онаго, не скажетъ, что Сусанна подвизалась въ томъ же, въ чемъ и Іосифъ, хотя, если судить о дѣлѣ, не принимая въ разсмотрѣніе намѣренія, подвигъ ея былъ не одинъ и тотъ же съ Іосифовымъ, но гораздо ниже? Ибо намѣреніе можетъ въ обоихъ быть одно и тоже относительно къ цѣломудрію, хотя бы поступокъ не имѣлъ того же достоинства, линаясь равной цѣнности по случайнымъ обстоятельствамъ, а не по нравственному настроенію души; такъ что нельзя признать клеветою на добродѣтель цѣломудренной, если сказать, что въ награду за свой подвигъ, въ предположеніи большихъ наградъ, она утратила нѣчто предъ другими. Ибо, можетъ быть, имѣла она силу и для болѣе совершенныхъ преспѣяній, хотя видимъ, что предлежавшій ей, и совершенный ею, подвигъ меньше

въ сравненіи съ открывшимся для Іосифа. Чтò равнаго въ этомъ , когда старцы хотятъ обезчестить юную , и когда юная юнаго же принуждаетъ къ паденію ? Чтò равнаго между почтенными по сѣдинамъ и цвѣтущею по красотѣ ? — между внушающимъ видомъ своимъ стыдливость и уваженіе и между воспламеняющею страсть своимъ лицедрѣніемъ? между незнакомыми и между тою , которая всегда вмѣстѣ проводитъ время ? Между являющимся неожиданно и между тою , которая каждый день нападаетъ , привлекая и словами и лободѣйными тѣлодвиженіями , грозитъ смертію , и обѣщаетъ свободу ? Между тѣми , которые могутъ привести въ ужасъ своимъ нападениемъ , и между тою , у которой достаточно было силъ , чтобы очаровать ласками и умягчить услужливостію даже не склоняющееся къ согласію сердце ? Межу тѣми , которые возмущаютъ смятеніемъ , страхомъ , и скорѣе ослабляютъ раздражительность похотѣнія , нежели побуждаютъ оставаться въ покоѣ , и между тою , которая мольбами привлекаетъ , даже вовсе нерасположенную къ страсти мысль ? Все-го же сильнѣе къ внушенію склонности или отвращенія сходство и несходство возраста. Сусанна не покорилась старикамъ , въ которыхъ не было ничего пріятнаго ; а юный Іосифъ отринулъ юную жену , которая могла удовлетворить тому , къ чему принуждала.

Г л а в а 2. Въ подобныхъ случаяхъ , какъ и

естественно, шчто не производить столько взаимнаго согласія, какъ одинаковость возраста и привычка другъ къ другу. Возрастъ убѣждаетъ сверстныхъ годами мужчину и женщину къ взаимной довѣрчивости; привычка другъ къ другу долговременнымъ знакомствомъ умягчаетъ и крайне суровые нравы, и взаимно чуждающихся побуждаетъ къ приязни. А устарѣвшее и утратившее прелесть свѣжести не увеселяетъ блистающаго еще красотою, хотя само и увеселяется симъ; потому что несправящееся не имѣетъ ничего привлекательнаго, чѣмъ могло бы уловить. Найдешь, что многіе другіе ради добродѣтели переносили испытанія въ весьма многихъ обстоятельствахъ; одни прилагали стараніе о благочестіи и о томъ, чтобы свято служить Богу; другіе обучались благоговѣнію, скромности и вообще стремились къ нравственному своему образованію; иные же поползнувшимся по невѣдѣнію для сужденія о томъ, что хорошо, объяснили остававшееся для нихъ сокровеннымъ, и снабдили полезными совѣтами, чтобы жизнь ихъ исправилась на пользу. По слову Павлову, *вси хотящїи благочестно жити о Христѣ Исусѣ гоними будутъ* (2 Тим. 3, 12.). Для беззаконныхъ тяжело то самое, что поступаютъ они справедливо, несносенъ самый видъ ихъ, и за сіе бываютъ они гонимы; потому что и молча обличаютъ лукавство, противоположностію своей жизни выставляя каждому на позоръ худую жизнь

людей порочныхъ. И Господь, предрекая Апостоламъ, что будетъ съ ними, говоритъ: *аще Мене изгнаша, и васъ изгаснутъ* (Іоан. 15, 20.); *и: отъ сомищъ ижденутъ вы* (16, 3.): *и: пронесутъ имя ваше, яко зло* (Лук. 6, 22.), чтобы, приуготовившись съ усердіемъ къ предвозвѣщеннымъ скорбямъ, легко переносили ихъ, размышленіемъ о страданіи содѣлавъ для себя не труднымъ испытаніе страданій. И подлинно, вскорѣ послѣдовали сомища фарисеевъ, узы, темницы, клеветы, оскорбленія, поруганія, побои, смертныя опасности; и ничто не смущало ихъ, ничто не заставило умалить дерзновенія. Ибо имѣли въ виду испытать страданія еще большія тѣхъ, какими угрожали имъ. И готовность произволенія дѣлала, что пренебрегали всякое бѣдствіе. Посему, хотя числомъ было ихъ двѣнадцать, по къ цѣлому нестествовавшему народу свободно обращали рѣчь, то говоря: *не можемъ, яже видѣхомъ и слышасхомъ, не глаголати* (Дѣян. 4, 20.); то: *аще праведно есть предъ Богомъ васъ послушати насъ, нежели Бога, судите* (19.). Иногда и до сираведливыхъ доходили укоризни противящимся истинѣ; не многіе многимъ, немощные, по мнѣнію людей, слынымъ говорили такъ: *жестоковѣйшии и необръзании ушесы и сердца, вы присно Духу Святому противитесь, яко же отцы ваши, тако и вы* (Дѣян. 7, 51.) Ибо такова сираведливая ревность, — не смотритъ на множество имѣющихъ силу дѣлать неправду, не

разсуждаетъ о ярости и могуществѣ противниковъ, не внимааетъ угрозамъ, не знаетъ опасности. Къ одному усердно устремлена — изрекать истину, явною для всѣхъ дѣлать ложь, чтобы не овладѣла тайно кѣмъ-либо изъ людей простосердечныхъ.

Г л а в а 3. Поэтому, поступающему справедливо какое зло пришить скорби, отвсюду его затопляющія, страшно встающія и легко сокрушаемыя, сильно приражающіяся и съ великимъ стремленіемъ проносящіяся мимо, пагло вторгающіяся и смѣло отражаемыя, внезапно находящія и непронзводящія крушенія, разжигающія золото и дѣлающія его болѣе добротнымъ? Такъ въ Пѣсни Пѣсней совершенная душа, твердо полагаясь на терпѣніе, испытанное въ искушеніяхъ, призываетъ вѣтры, говоря: *встани съверѣ, и гряди юже, и повѣй въ вертоградъ моему, и да потекутъ ароматы* (Пѣс. Пѣс. 4, 16.); ибо убѣждена, что благоуханіе добродѣтели тогда дѣлается большимъ, когда приводится въ движеніе множествомъ искушеній, возбуждающихъ покоившееся дотолѣ расположеніе къ дѣятельности и чрезъ обнаруженіе дѣлающихъ ее болѣе славною. Такъ возсіявала добродѣтель каждаго изъ святыхъ, которая могла бы тапться, если бы не была обнаружена испытаніемъ, и сокрывалась бы подъ спудомъ, если бы не была поставлена на свѣщникѣ, въ дѣлахъ просіявая блистательнымъ свѣтомъ внутренняго расположенія. Кто узналъ бы

благочестіе великаго Авраама, если бы послушаніе повелѣнію о закланіи сына не провозвѣстило его мужества, съ какимъ вооружилъ онъ отеческую руку на единокровнаго, простирая ее на возлюбленнаго сына, и даже унылымъ взоромъ не показывая горькаго страданія души, но пребывая съ такимъ же веселымъ духомъ, съ какимъ бы пребылъ, при благодарныхъ молитвахъ принося Богу въ жертву козла, или тельца, или агнца? Кто дозналъ бы любомудріе Иова при отнятіи у него разными способами собственности его, если бы благодареніе его при каждой потерѣ не зывало ясно объ его великодушіи? Злотворный же врагъ не за одинъ разъ расхитилъ у него все, чтобы, однимъ ударомъ повергнувъ его въ бѣдствіе, не содѣлать одновременною и сокращенною болѣзнію, которая могла принять на себя многіе виды отъ получаемыхъ одна за другою вѣстей, и выслушивающему оныя причинить жесточайшую скорбь. Не прежде всего ниспровергаетъ домъ, въ которомъ пировали любезнѣйшіе Иову, сокрушеніемъ симъ обращая зданіе въ гробъ, растворяя съ яствами кровь, смѣшивая вмѣстѣ и плоти и камни, чтобы большимъ страданіемъ не содѣлать чувства притупленнымъ для страданій меньшихъ. Но во всемъ простирается постепенно отъ одного къ другому, отъ менѣ важнаго восходя къ болѣе драгоцѣнному, и за одною вѣстію приготовляя другую болѣе скорбную и по количеству и по качеству утраты, что-

бы бѣдствіе, возрастая по немногу, причинило великую и жестокую язву печали. Такой отъ начала соблюдалъ онъ порядокъ, пока не нанесъ послѣдняго удара, который и показалъ любомудріе мужа. Какъ скоро узналъ Іовъ о паденіи дома и гибели дѣтей, получивъ уже прежде извѣстіе о потерѣ всего прочаго, *раздра ризы своя, и остриже власы главы своя* (Іов. 1, 20.), взявшему прочее отдавая и то, чего немогъ онъ взять, и естественнымъ любомудріемъ предваряя евангельскій совѣтъ. Ибо сказано: *хотящему ризу твою взять, отпусти ему и срачицу* (Матѳ. 5, 40.). И совѣтъ сей предварительно исполнилъ Іовъ добровольнымъ пріятіемъ бѣдствій доказывая, что не печалится, подвергшись онымъ, повидимому, невольно, и тѣмъ, что стало видимо, обнаружилъ сокровенную дотолѣ силу духа.

Г л а в а 4. Кто взявшему насильно отдаетъ еще и то, что у него не отнято, тотъ второю щедростію даетъ видѣть, что и первое, хотя взято съ нуждою, уступилъ онъ не по нуждѣ, безъ насилія воли своей, хотя употребившіе насиліе, повидимому, поступили самоуправно, взявъ то, что могъ онъ и не отдать, но отдалъ по произволенію, свободно уступая, что, по видимости, признается отъемлемымъ у него противъ воли. Въ неизвѣстности оставался бы и Іосифъ, и Сусанна, и Іефѳай, которые пріобрѣли себѣ славу — первые за цѣломудріе, послѣдніи за вѣр-

ность слову. Ибо Исфай, за доблестный успѣхъ въ брани давъ обѣтъ, если преодолѣтъ враговъ, славившихся и многочисленностію и воинскою опытностію, принести во всесоженіе, что изъ собственности его прежде всего инаго попадетъ на встрѣчу, когда случайно встрѣтилась единокровная и безмѣрно любимая дочь, не измѣнилъ обѣту, природѣ предпочтя благочестіе, и пожертвовавъ отеческою любовію, только бы не нарушить завѣта съ Богомъ, хотя смерть дочери причиняла ему невыносимое страданіе. И если заслуги другихъ, будучи всѣмъ извѣстны при самомъ дѣйствіи, приобрѣли себѣ явную и открытую похвалу; то для Юсифа и Сусанны за трудомъ и доблестнымъ подвигомъ слѣдовало постыдное осужденіе, не только скрывавшее чудную высоту ихъ добродѣтели, но даже налагавшее на нихъ укоризну въ непотребствѣ. А сіе причиняетъ великую скорбь любомудрствующему, когда безславятъ его за то самое, за что надлежало бы прославлять. Но великую и несравнимую славу и честь приобретаетъ онъ у Бога за то, что въ добромъ дѣлѣ подъялъ великій трудъ, и худое о себѣ мнѣніе, и притомъ несправедливое, перенесъ скромно, какъ дѣйствительно справедливое. Посему, облегчая трудность такого великодушія, Господь сказалъ: *блаженни есте, егда поносятъ вама, и ижденуть, и рекутъ всякъ золь глаголь* (Матѳ. 5, 11.), и прочая, за сугубую добродѣтель назначивъ и сугубую на-

граду, и въ утѣшеніе за безотрадный трудъ предлагающая соотвѣтствующее труду воздаяніе. Ибо, когда смиренномудраго укоряютъ въ презорствѣ, щедроподающаго въ хищеніи (д), цѣломудреннаго въ похотливости, воздержнаго въ многояденіи, скромнаго въ дерзости, степеннаго въ малодушіи, сокрушеннаго духомъ въ лицемѣрїи, тогда весьма прилично сугубое возмездіе, и одно изъ нихъ увѣщиваетъ подвижника за самое дѣло, а другое — за клевету.

Г л а в а 5. Таковъ былъ великій Іовъ ; и добродѣтели свои знаетъ онъ, и, когда друзья порицали за противоположныя имъ пороки, не усиливается опровергать сіи ложныя и неблаговременныя упреки, но съ готовностію соглашается на оныя, и подтверждаетъ ихъ. Ибо говоритъ: *воистинну вѣмъ, яко тако есть* (Іов. 9, 11.), и старается доказать, что это дѣйствительно такъ, говоря далѣе: *како же будетъ праведенъ человекъ у Господа (2.)? или въ дѣльхъ своихъ безъ порока мужъ (4, 17.)?* Такъ общую, по видимому, вину цѣлаго рода сдѣлалъ онъ своею собственною, чтобы не подать мысли, будто бы свободенъ отъ приписанныхъ ему пороковъ. Почему справедливо и воспріялъ все сугубо, иное, — потому что ограбленъ былъ хищникомъ, а иное въ вознагражденіе за любомудріе при

(д) Слова сіи дополнены изъ рукописи, въ которой читается: *κὴν ἢ μευα δοτικὸς ἀρπαγῆν.*

утратахъ. Такъ скорби не только не причиняютъ вреда, но даже доставляютъ весьма великую пользу, дѣлая оскорбляемаго славнымъ, если будетъ онъ терпѣливъ. Но Правитель жизни нашей и скорбямъ не попускаетъ продолжаться до крайней опасности, и подвигу не дозволяетъ превышать силы подвигающагося. Если же и соизволяетъ иногда на сіе, устроая чѣмъ-либо необычайное, то совершаетъ великое чудо, Самъ содѣйствіемъ благодати восполняя оскудѣвающее по немощи естества, подобно тому, какъ приучающіе плавать неопытныхъ, плывя подлѣ, поддерживаютъ ослабѣвшихъ, помогая то одной, то другой, рукою, пока истощенныя силы не возстановятся, и чрезъ это какъ обучаютъ искусству, такъ не даютъ при нуждѣ и утонуть. Такъ Павелъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ: *вѣренъ Богъ, Иже не оставитъ васъ искушися, паче еже можете, но сотворитъ со искушеніемъ и избытіе, яко возмоуши вамъ понести* (1 Кор. 10, 13.); а въ другомъ: *не хочу васъ, братіе, невѣдѣти о скорби бывшей во Асїи, яко по премногу и паче силы отяготихомся, яко ненадѣялися намъ и жити* (2 Кор. 1, 8.). Словами же: по мѣрѣ силъ, п: *паче силы* Апостолъ выражаетъ, что Божіе содѣйствіе даетъ силу, чтобъ былъ и продолженіе (е) искушеній спосное, и спасеніе въ

е) Въ рукописи вмѣсто *τὴν λύσιν* читается *τὴν ρύσιν*.

самыхъ отчаянныхъ опасностяхъ необычайное и почти невѣроятное.

Г л а в а 6. Сарра чужеземка и пришлая, впадъ въ руки любострастнаго царя, ни откуда не надѣялась себѣ иной помощи, кромѣ Божіей свыше. Бывшій съ нею мужъ, который долженъ былъ оказать сію помощь, столько былъ для этого безсиленъ, что и бракъ скрывъ, и выставилъ одно родство, боясь смерти, назвалъ супругу сестрою, раздѣляющую съ нимъ ложе — еднокровною; ибо зналъ, что приведенные въ неистовство красотою чужой жены почитаютъ непримиримыми врагами подозрѣваемыхъ въ соискательствѣ любви, и о томъ стараются, рѣшаясь даже на убійство, чтобы не имѣть человека, который бы мысли любимой ими привлекалъ къ себѣ, и спокойное сожителство могъ возмущать заботливою ревностію. Когда же пришло въ совершенное бездѣйствіе все, что справедливо, и по всѣмъ правамъ, могло служить къ защитѣ Сарры; тогда съ самаго ложа спаслась она непоруганною; потому что царя болѣзнь внутренностей удержала отъ лободѣннаго общенія, и чрезмѣрныя страданія охладилъ въ немъ неистовое пожеланіе. На царскомъ ложѣ послѣ объятій чего, кромѣ поруганія, могла наконецъ ожидать себѣ Сарра, когда страсть въ варварѣ, по причинѣ великаго невоздержанія, была неукротима; красота раздражала похоть, похоть возбуждала неистовое стремленіе къ незаконному

наслажденію, а воспламенявшая все это была въ рукахъ, хотя и желала избѣжать насилія, но чтобы воспротивиться оному не доставало у ней ни силъ тѣлесныхъ, ни убѣдительности словъ; потому что однажды возбужденная въ сластолюбцѣ страсть ничему не уступаетъ, итъ у него разсудка, способнаго внять словамъ и убѣдиться ими? Но добродѣтель этой жены, и въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ, нашла способъ, какъ соблюсти себя неоскверненною, остановивъ беззаконника собственными его страданіями и мучительною болью внутренностей угасивъ воспламеняющіи его тайный огонь похотѣнія.

Г л а в а 7. О Давидѣ и Гедеонѣ. Какъ кротчайшій и незлобивый Давидъ, многократно попадавшійся кровожадному Саулу, сверхъ всякаго чаянія выходилъ изъ рукъ его ничего не потерявши, въ разныя времена различно спасаясь, и не умѣя дать себѣ вѣрнаго отчета въ своемъ спасеніи; потому что каждый разъ чудо сіе препобѣждало всякое примышленіе и разсудка и разума? Какъ отцеубійца Авессаломъ осужденъ за незаконное присвоеніе власти, не бывъ и пойманъ руками человѣческими? Дубъ, взявъ за волосы, восхитилъ его бѣжавшаго, и повѣсилъ въ виду у всѣхъ на высотѣ, всякому, кто желалъ отмстить за оскорбленіе иѣжно любящаго отца, выдавая его на убіеніе готовымъ и нимало не способнымъ защищать себя, и за безраз-

судное предпріятіе понесшимъ это достойное наказаніе , такъ что выданъ на смерть перазумнымъ и неодушевленнымъ растеніемъ. Какъ Гедеонъ, съ тремя стами пѣшихъ воиновъ, предалъ смерти цѣлый народъ мадіамскій, многочисленностію уподоблявшійся песку и крѣпкій силами , не имѣвъ даже никакого благовиднаго повода къ тому, чтобы вступать въ сраженіе? Совершенно естественно было, по многочисленности непріятелей , не осмѣливаться и подумать о семъ предпріятіи, если бы рассказъ о сновидѣніи не поощрилъ его. Не съ боязнію ли и не хотѣніемъ , когда повелѣлъ Богъ , пошелъ онъ слушать въ непріятельскій станъ , гдѣ придана ему твердость духа , когда , какъ неизвѣдавшій на опытѣ споборничества Божія, не имѣлъ онъ убѣжденія по вѣрѣ? Ибо отъ одного пересказывающаго услышалъ онъ, что катающееся тѣсто ячменныхъ хлѣбовъ ниспровергло мадіамскія кущи (Суд. 2, 7. 13.), а другой благоразумно сдѣлалъ еще примѣненіе, и сказалъ , что — это мечъ Гедеона и пришедшаго съ нимъ войска ; и Гедеонъ, выслушавъ сіе, одушевился доброю надеждою, уразумѣвъ мысленно малозначительность своего войска подъ ячменными хлѣбами, которые катаясь безъ труда приведуть въ смятеніе вражескій станъ, не сами собственною рукою низлагая противника, но приѣмая въ себя крѣпость отъ Божіей силы, вращающей и катящей ихъ. Ибо катящееся, повидимому, давитъ и преодола-

васть попираемое, причину же сего имѣть въ силѣ того, что катить и толкаетъ съ успіемъ,

Г л а в а 8. О Сампсонѣ и Езекии. Какъ Сампсонъ тысячу вооруженныхъ поразилъ одинъ и одною ослиною челюстію, отъ утомленія же въ этомъ побоищѣ ощутивъ жажду, когда не оказалось нигдѣ ни источника ни ручья, изъ одного зуба въ челюсти получилъ обильно истекающую влагу, въ одномъ и томъ же и нашедши оружіе противъ иноплеменниковъ, и обрѣтши источникъ къ утоленію томившей послѣ побѣды жажды? Какъ Езекиа, который немогъ терпѣливо видѣть, что опустошаема была вся земля внезапно во множествѣ покрывшимъ ее ассирійскимъ войскомъ, помолвившись дома, увидѣлъ на утро враговъ мертвыми, не двинувъ копья, неогрдивъ себя щитомъ, не натянувъ лука, не бравъ въ руки меча, не оказавъ никакого воинскаго дѣйствія: потому что одинъ Ангелъ по одному мановенію безмолвно совершилъ такое пораженіе, и не истребилъ всѣхъ единственно потому, что и въ намѣреніи было погубить не цѣлый народъ, а такое число, какого достаточно было привести прочихъ въ страхъ и ужасъ и побудить къ бѣгству? Кто вмѣсто стрѣлъ на вражескіе ряды ниспослалъ безирепятственно каменный градъ изъ облаковъ, и привелъ ихъ въ смятеніе, такъ что возстали они другъ противъ друга, какъ бы противъ неожиданно наступившихъ непріятелей, и въ той мысли, что умерщ-

вляють противниковъ, совершили пзбіеніе своихъ, доставивъ чрезъ сіе безъ битвы побѣду благочестивому тогда (ж) народу?

ГЛАВА 9. ОВЪ ЕЛПССЕВЪ И ИЗРАИЛЬТЯНАХЪ.
 Какъ Пророкъ Елссей укрывся отъ ищущихъ его враговъ, ходилъ среди нихъ, и не былъ ими видимъ, привелъ ихъ въ свою землю, и не узнавъ ими, былъ путеводителемъ злыхъ, и могъ скорѣе имъ сдѣлать, нежели отъ нихъ потерпѣть, вредъ; потому что омрачено было зрѣніе ихъ, и естественно погрѣшало при отыскивашии его? Какъ Израильтяне не впади во власть преслѣдовавшихъ Египтянъ, когда имѣли позади себя расположившихся станомъ Египтянъ, а противъ себя великое море, съ той и другой стороны омывающее непроходимыя пустыни, невозводимыя горы, при невозможности спастись бѣгствомъ, подобно уловленнымъ въ мрежу рыбакамъ, отвсюду заключены были въ рукахъ у враговъ? Какъ растушилось море? Какъ отъ суши до суши стала вода, оставивъ глубокии песокъ сухимъ для удобнаго шествія коней и колесницъ? Какъ волны отвердѣли крѣпче литой мѣди? Какъ водное естество, обыкшее течь внизъ по склону, стѣновидно стало, подъявшись на такую высоту, и дало необычайный путь гонимымъ, для однихъ безъ всякаго препятствія съ

(ж) Въ рукописи вмѣсто *поже* читается *тоже*

той и другой стороны удерживая отдѣльныя части моря, а другихъ покрывъ водами при возобновившемся плъ теченій, и всѣмъ имъ вмѣстѣ, и животнымъ и людямъ, устронвъ паскоро глубокий гробъ? Какъ небо въ пустынѣ дождило имъ безъ воздѣлыванія земли уготованную пищу, шпеносылая то манну, то крастелей—эту безбѣдную и не требующую приготонленій трапезу? Какъ твердый и лишенный влаги утесъ изъ бесплодныхъ чреслъ въ утоленіе долговременной жажды пзвергъ потоки воды, принося такую дань, какой не давалъ никогда прежде? Какъ Иорданъ, подражая морю, раздѣлилъ свой токъ, противопоставлявшій преграду путешествующимъ, одной части водъ давъ волю стекать къ морю, а другую остановивъ (трудно сказать), заставивъ ли течъ назадъ, или прекративъ теченіе въ самыхъ источникахъ? Ибо никто не въ состояніи истолковать Божіе чудо, которое, обыкновенно, вовсе выходитъ пзъ предѣловъ всякаго естественнаго порядка, и препобѣждаетъ правдоподобныя умствования хитрослововъ. Какъ, пзостривъ естественное свое вооруженіе — жала, сражались за народъ шершинъ, чтобы, отнявъ страну у седми владѣвшихъ ею народовъ (Исх. 23, 28.), отдать умпренную землю во владѣніе предводительствуемыхъ Богомъ, и съ одной стороны побѣжденнымъ не оставить благовиднаго предлога, причину поражения своего объяснять тѣмъ, что побѣждены множествомъ войска и

тяжкою силою, а съ другою — наслѣдовавшихъ достояніе изгнанныхъ предохранить отъ кпчешія; потому что получили во владѣніе города, по милости незаслуженной трудами, а не въ награду за доблесть, какъ завоеванные оружіемъ.

ГЛАВА 10. О трехъ отрокахъ, о Даниилѣ, Іонѣ и Ааронѣ. Какъ все поѣдающая сила огня своей попяляющей дѣйственности не простерла на трехъ отроковъ, не дозволивъ и жару приблизиться къ браннымъ тѣламъ: внѣ печи показала свою мощь, а внутри печи необычайнымъ образомъ пребыла недѣйствующею? Какъ львы предъ Данииломъ возобладали надъ двумя равно естественными страстями; и звѣрствомъ и голодомъ, въ этой части любомудрія превзошедши людей, и сохраняя седмидневное воздержаніе отъ пищи, даже по предложеніи снѣди, тогда какъ одаренные разумомъ, если готово что-либо снѣдное, и есть возможность вкусить невозбранно, не терпятъ и однодневнаго поста? Какъ китово чрево, которое пересвариваетъ и камни, и разлагаетъ все въ него попадающее скорѣе, чѣмъ произносится слово, Іону, въ мѣстѣ столь влажномъ и жаркомъ, въ продолженіи трехъ дней и столькихъ же ночей, соблюло невредимымъ, живущаго на суши сдѣлавъ морскимъ и удобоистребимаго неистребимымъ, и обычное поддерживать жизнь свою вдыханіемъ воздуха естество превративъ въ естество рыбъ, вопреки обычаю вмѣсто обыкновенной и привычной сти-

хлѣбъ — воздуха втягивающее ноздрями воду? Какъ и жезлъ Аароновъ, лишенный коры, влаги, сухой, давно утратившій силу прозябения, когда потребовала нужда подтвердить знаменіемъ священство, въ которомъ сомнѣвались, необычайнымъ образомъ вдругъ воспріялъ все, и кору, и цвѣтъ, и вѣтви, и листья, и плоды, и жизненную силу, скорѣе, нежели во мгновение разлилъ ее на все это, и тотъ жезлъ, который не долго предъ тѣмъ видѣли въ рукахъ опиравшагося на него, содѣлавъ цвѣтущею и плодами обремененною вѣтвию?

Глава 11. Объ Апостолахъ и о Богородицѣ. Какъ запертыя тщательно темницы представляли Апостоламъ безпрепятственный выходъ, отбросивъ дверные запоры и отворивъ двери? Какъ узы на рукахъ и ногахъ до того раздались и расширились, что и рукамъ и ногамъ доставили возможность освободиться отъ нихъ? И, что болѣе всѣхъ чудесъ, и превышаетъ всякое слово, — какъ ни въ чемъ невмѣстимый и все объемлющій величіемъ силы Богъ — Слово соблаговолило вмѣститься въ дѣвической утробѣ? Какъ чрево образовало въ себѣ и произвело на свѣтъ зачатое безсѣменно, и оно, сохранивъ невредимыми знаменія дѣвства, по слову Іова, прошло *вратами чрева* (Іов. 3, 10.), не оставивъ и признака иществія? Ибо, какъ въ другое время вошелъ къ ученикамъ затворенными дверьми, такъ и тогда изшелъ, родотвор-

ную храмшну естества оставивъ такую же, какою обрѣлъ, и нимаю не повредивъ таинственныхъ связей оныхъ, затворовъ, чтобы сими знаменованіями показывалось по истинѣ чудесное и Божественное рожденіе. Все сіе, и еще большее сего, было, и приѣмлетя вѣрою, а доказательствомъ имѣетъ несомнѣнную вѣрность содѣлавшаго сіе Бога, и неизяснимо для разума, у котораго недостаетъ силъ истолковать необычайныя дѣла сін, и который приходитъ въ изнеможеніе при недомыслимости таковыхъ чудесъ.

Глава 12. Посему, если добродѣтель, хотя подвергается нападеніямъ, однако же одерживаетъ не нашими заботами приобрѣтаемую побѣду, потому что Ангелы, и нныя божественныя силы, и Самъ Владыка охраняють праведника; сказано: *ополчится Ангель Господень окрестъ боящихся Его, и избавитъ ихъ* (Пс. 33, 8.); и Самъ Богъ изрекъ Аврааму: *не бойся, Аврааме, Азъ защищаю тя* (Быт. 15, 1.); и Иереміи сказалъ: *се положихъ тя аки градъ твердъ, и аки стѣну мѣдяну, крѣпку всѣмъ царемъ Іудинымъ, и княземъ его, и ратовати будутъ на тя, и не преогутъ на тя, яко Азъ съ тобою есмь, да избавлю тя* (Иер. 1, 18. 19.); то почему же приходишь въ волненіе, негодуешь на проливаемый подвижниками потъ, завидуя, какъ будто по незнанію, вѣнцамъ ихъ?— Взираешь на страданія, и не помышляешь о на-

градахъ? упадаешь духомъ, смотря на труды, и не ободряешь себя надеждою на воздаянiя? сѣтуешь на скорби настоящiя, и не радуешься паче наградамъ будущимъ? Ибо, обыкновенно, блага ожидаемыя всегда облегчаютъ настоящiе труды, и мысль о приобрѣтенiи дѣлаетъ легкою затруднительность дѣла, при большей пользѣ не представляя неудобства въ меньшемъ. Не слышалъ ты развѣ, какъ пѣстунъ Павелъ обращаетъ рѣчь къ боримымъ настоящими скорбями, и ожидаемымъ возбуждаетъ отъ множества напастей ослабѣвающее усердiе, когда говоритъ: *недостойныя страсти нынѣшняго времени къ хотящей славы явится въ насъ* (Рим. 8, 18.)? Не слышалъ развѣ, какъ онъ въ утѣшенiе страждущихъ повѣствуетъ о собственныхъ своихъ страданiяхъ, чтобы не ослабѣвали въ подвигѣ думающiе о себѣ только, что они терпятъ чрезмерно, какъ никто не терпѣлъ? Ибо, не славы своей желая описываетъ подвиги свои тотъ, кто говоритъ: *еще бо быхъ еще человекомъ угондалъ, Христовъ рабъ не быхъ убо быхъ* (Гал. 1, 10.); и немучится онъ, по примѣру болѣзнующихъ языкомъ, желанiемъ сказать то, чего не можетъ покрыть молчанiемъ. Напротивъ того зная, что страждущiе утѣшаются слышанiемъ о страдавшихъ уже, и дознавъ, что и съ другими прежде бывало тоже, что теперь совершается съ ними, научаются переносить сiе терпѣливо, какъ убѣдившiеся, что другими перенесено это

мужественно, Апостоль рѣшается объявить и то, что старался утаевать, и о преспѣянiяхъ своихъ воззѣщаетъ, и не надмѣваетъ ума видимыми похвалами, имѣетъ же въ виду единственно пользу многихъ, домогается всѣхъ содѣлать ревнителями добра, и того достигнуть, чтобы въ бѣдахъ за благочестiе одинъ соревновалъ другому.

Г л а в а 13. Поэтому-то Павелъ, какъ будто человекъ велерѣчивый и славолубивый, похваляясь, съ великою свободою описываетъ свои подвиги, говоря: *въ трудѣхъ множае, въ смертєхъ многаши, въ алчбѣ и жаждѣ, въ зимѣ и наготѣ, многократно въ бѣдахъ, трици палицами биевъ быхъ, единою каменми пометанъ быхъ, трикраты корабль опровержеся, ноцъ и день во глубинѣ сотворихъ* (2 Кор. 11, 23. 25. 27.). Такъ ревнуя объ истинѣ, старается показать великiя свои преспѣянiя, чтобы трудолюбцы, и имѣли ревность подражать ему, и не достигая въ мѣру оной добродѣтели и во многомъ оставаясь назадъ, умѣряли мысль о себѣ самихъ. Ибо, если самъ онъ о тѣхъ, для кого было обязанностию состязаться съ Павломъ въ добрыхъ дѣлахъ, говоритъ, что потрудился *наче всѣхъ ихъ* (1 Кор. 15, 10.); то осмѣнится ли хвалиться съ нимъ равночестiемъ кто-либо изъ живущихъ нынѣ, когда для многихъ трудно, не только сдѣлать се, но и повѣрить, что было се совершено? *Якова ли быша*, говоритъ еще Павелъ,

во *Антиохіи*, въ *Иконіи*, якова изгнанія пріяхъ: и отъ всѣхъ сихъ избавилъ есть Господь (2 Тим. 3, 11.); выраженіе: *избавилъ есть* употребилъ онъ, какъ приманку идти смѣло на опасности, чтобы каждый, ободряемый надеждою, что не злопостраждетъ въ искушеніяхъ, благодушно сръталъ ихъ, и не ослабѣвалъ въ дѣлѣ, въ Апостолѣ, уже избавленномъ отъ бѣдъ, усматривая достаточный залогъ того, что и самъ онъ будетъ также избавленъ. И еще пападая на тѣхъ, которые отрицають воскресеніе, и говорятъ, что злѣйшее злостраданіе напрасно, потому что итъ и времени, когда бы подвизавшимся насладиться за понесенные труды, Апостолъ говоритъ такъ: *аще по челоуьку со злпрель боряся во Ефесѣ, кая ми польза, аще мертвиѣи не востаютъ* (1 Кор. 15, 32.)? Симъ напомипаніемъ о пакпбытїи мертвыхъ показалъ онъ, что не напрасно подвизался, не вотще претерпѣлъ столько скорбей, но въ надеждѣ и чаянїи воздаянїа по воскресенїи страдалъ и терпѣлъ не безъ основательной причины, за временныя скорби ожидадая нескончаемаго веселїа.

Г л а в а 14. Почему, всѣмъ послѣ себя даетъ прекрасное повелѣніе, говоря: *доброе творяще да нестужаемъ си: во время бо свое пожнемъ, не ослабѣюще* (Гал. 6, 9.), — и надеждою собрать рукояти ободряетъ къ трудамъ, необходимымъ при сѣянїи. И вездѣ не престааетъ преслѣдовать страсть самомнѣнїа, чтобы и доброе

совершалось, и чтобы въ добромъ не находило себя пищи высокоуміе, которое всегда любитъ прививаться къ оказываемымъ преспѣніямъ, если не трезвятся ревнующіе о семъ дѣланіи. Ибо Апостоль, какъ своимъ ухищреніемъ, побудить слушающихъ къ подражанію, будучи вынужденъ говорить о собственныхъ своихъ преимуществахъ, такую похвалу себя наименовалъ *безуміемъ* (2 Кор. 11, 17.), и повѣствованіемъ о себѣ показавъ, сколько достойны соревнованія дѣла, а тѣмъ, что похвалу сію укоризненно назвалъ *безуміемъ*, воспретивъ велерѣчіе о дѣлахъ, такъ говоря, что *задняя* забываетъ, а *въ предняя* прострается (Флпш. 3, 14.), дать тоже самое наставленіе инымъ способомъ. Кто смотритъ на то, что уже совершено, тотъ, обыкновенно, надмѣвается симъ до безразсудства. А кто взираетъ на то, что остается еще совершить, тотъ необходимо бываетъ смиренъ и скромнъ, самымъ сильнымъ побужденіемъ къ смиренномудрію имѣя неизвѣстность, достигнетъ ли, къ чему стремится. Посему, чтобы преусиѣвающіе въ добрѣ были всегда скромныхъ и некичливыхъ о себѣ мыслей, Апостоль совѣтуетъ взирать не на то, что сдѣлано, но на то, сколько остается еще сдѣлать; потому что умъ, къ сему устремленный, и сокрушаемый заботливостію о томъ, что составляетъ предметъ его ревности, не будетъ имѣть и времени подумать о своихъ преспѣніяхъ и впасть въ послѣдующее за тѣмъ безуміе. И тѣмъ,

кто въ такомъ состояніи духа, служатъ всегда Ангелы, спасая ихъ отъ всякаго посрамленія, при тѣхъ Попечителемъ о всемъ для нихъ потребномъ Владыка—Богъ; такъ что подвигъ ихъ совершается благоуспѣшно, и безъ затрудненія стремятся они къ *почести вышняго званія*, не воспрещаемые развлеченіемъ въ заботахъ о нуждахъ тѣлесныхъ.

ГЛАВА 15. ОВЪ ІАКОВЪ. Ибо такъ по многимъ опытамъ сказалъ великій Іаковъ: *Богъ, иже питаетъ мя измлада. Ангель, иже мя избавляетъ отъ всякъ золь* (Быт. 48, 15—16.), испытавъ то и другое въ Месопотаміи, куда отправившись съ однимъ жезломъ, и откуда съ великимъ имѣніемъ возвратился домой, избавленный *отъ всякъ золь*, какъ самъ говоритъ, спобореніемъ Божіей силы. Когда, убоявшись угрозъ Исавовыхъ, Іаковъ нашелъ спасеніе въ бѣгствѣ, и возвращался опять, боясь еще жестокосердаго врага;—тогда, какъ сказано, Богъ не словомъ ободрялъ его къ твердости въ духѣ, какъ являлся вѣщавшимъ Аврааму, и Іереміи; но, въ дѣйствительности, самымъ дѣломъ внушалъ ему, что превзойдетъ онъ крѣпостію всякаго вознамѣрившагося злоумышлять противъ него, и устрояетъ, что передъ утромъ борется съ нимъ Божественное видѣніе въ образѣ мужа, когда былъ онъ въ бодрственномъ состояніи, видимо преодолеваемое въ борьбѣ и уступающее ему мнимую побѣду послѣ борьбы, чтобы, убѣжденный пре-

побѣжденіемъ явившейся ему и борющейся съ нимъ силы, благодушно шелъ онъ противъ людей, въ твердой увѣренности, что превозможетъ всякое злоумышленіе. А чтобы въ этомъ смыслѣ понять онъ домостройство видѣнія, при удаленіи говоритъ ему: *укрѣпился еси съ Богомъ, и съ чловѣки силенъ будещи* (Быт. 32, 28.), выражая смѣхъ: иди, смѣло надѣясь на сію крѣпость; ибо кто пзъ людей станетъ противъ силы, укрѣпившейся, чтобы бороться съ Богомъ? Посему-то и твердый упованіемъ Давидъ, когда преслѣдовалъ его Аввесаомъ съ избранными воинами цѣлаго народа, съ увѣренностію сказалъ: *не убоюся отъ темъ людей, окрестъ нападающихъ на мя* (Пс. 3, 7.), зная, что охраненіе Божіей силы могущественнѣе окружающихъ враговъ; и еще говоритъ: *въ миръ вкупу цену и почію, яко ты Господи единого на упованіе вселмихъ мя еси* (Пс. 4, 9.). Ибо такъ укрѣпляемъ былъ упованіемъ лучшаго, что одинъ не убоился толкаго множества враговъ, и беззаботно легъ и уснулъ; тогда какъ враги бодрствовали, и тревожились заботою, какъ имъ многимъ одолѣть одного. И весьма справедливо.

Глава 16. Ибо, если, по сказанному, *ополчитсѣ Ангель Господень окрестъ болящихся* (Пс. 33, 8.); то для чего утруждаютъ себя окружающіе праведника, отвѣтъ ничѣмъ не пользующагося, когда внутренно окруженъ онъ надеждною стражею, возбраняющею внѣшнія нападенія? Чѣмъ

отяготительна бѣдность для любомудрствующаго и подвижника, у котораго нѣтъ и заботы о храненіи суетнаго, и которой, когда хочетъ, имѣеть у себя потребное, потому что вся тварь служитъ ему, какъ владыкѣ всего, и усердно приносятъ ему въ даръ желаемое, тогда какъ у наиболѣе гордящихся богатствомъ недостаетъ и самаго потребнаго для необходимаго прощтанія? Какія богатства не истощались во время гладовъ, о которыхъ повѣствуется въ божественномъ Писаніи? Какія житницы не оскудѣли земными произведеніями, когда пророческіе уста привели въ отвердѣніе небо и облака, а вмѣстѣ и цѣлую землю; жылы источниковъ иссохли въ самыхъ сокровенностяхъ своихъ, ни дождь, ни роса не падали сверху на землю; поля отъ долговременной засухи окаменѣли, не произрастая болѣе ни злака, ни травы, ни весеннихъ цвѣтовъ; когда горы и пропасты наполнились мертвыми тѣлами скотовъ, звѣрей и птицъ; жалка и бѣдственна была смерть постепенно увядающихъ, юныхъ и старыхъ, людей; непріятель и неспосенъ видъ уже умершихъ, потому что трупы гибли на улицахъ, источали кровавыя капли, и тягчайшею смерти дѣлалъ жизнь для живыхъ, которые не это только видѣли, но и страданія умирающихъ, матерей оплакивающихъ любимыхъ ими, въ объятіяхъ ихъ борющихся со смертію, дѣтей сплывшихъ подлѣ отцевъ, и отцевъ подлѣ дѣтей, умирающихъ отъ недостатка пищи, дру-

зей при послѣднемъ издыханіи, возведшихъ неподвижный вѣзоръ къ предстоящимъ друзьямъ, и не получающихъ себѣ никакой пощады, когда, можетъ быть быть, одинъ кусокъ могъ бы взвать къ жизни прерывающееся дыханіе? Столько-то нужда во время голода заставляетъ заботиться каждаго больше о себѣ, нежели о другихъ, и если тронутому страданіемъ и имѣющему еще у себя нѣсколько пищи показываетъ жалькую гибель кончающагося, то онъ, и воздыхаетъ изъ состраданія объ умирающемъ, и представляетъ собственную свою неизбѣжную потребность, и разсуждаетъ, что необходимѣе приложить попеченіе о себѣ, нежели о ближнемъ. Имѣвшимъ у себя много золота, что помогли тогда сокровищницы съ деньгами, когда нигдѣ не было въ продажѣ хлѣба? На что стали пригодны счеты на многіе таланты серебра, брошенные по недостатку припасовъ? Ибо все это не утоляло голода, не могло уврачевать оскудѣнія. Безъ дѣла оставалось искусство поваровъ; не на чемъ было показать свою опытность виночерціямъ, прекратилась суетливость прочей прислуги, нечего стало дѣлать хлѣбопекарямъ, не стало дѣла у приготавливавшихъ медовыя сласти, не при дѣлѣ были лики поющихъ подъ свирѣль и гусли. Всѣ они объ одномъ горевали вмѣстѣ, о недостаткѣ, объ одномъ воздыхали, объ оскудѣніи пищи. И въ тоже время какой вредъ причинило добровольное лишеніе

себя веществъ многоцѣнныхъ праведникамъ, которые вездѣ, гдѣ хотѣли, находили готовую и безбѣдную трапезу?

Глава 17. Былъ тогда царь Ахаавъ, были и Пророки Илія и Елисей. Первый владѣлъ большимъ пространствомъ земли; въ сокровищницахъ его, какъ въ царскихъ, много было денегъ; у послѣднихъ же вовсе ничего не было, ни крова, ни денегъ. Первый облакался въ багряницу, и вокругъ него было все царское убранство, а послѣдніе прикрывались мятлою, и не имѣли у себя ни одного служителя. И первый ходилъ по горамъ и долинамъ, стыскивая златовъ, чтобы хотя травою утолить свой голодъ; послѣдніе, гдѣ застигало ихъ время принятія пищи, тамъ и находили въ обиліи приличныя сѣдла; велѣли вдовѣ принести имъ пищу, и вдова, имѣя въ домѣ одну горсть муки, несмотря на многихъ голодныхъ дѣтей, песекла изъ горсти опрѣснокъ, и пршесла имъ. Не было жатвы; но у нихъ водоносъ сталъ гумномъ. Поле не засѣяно, а имъ доставило муку; земля бесплодна, а въ водоносѣ процвѣла пшва; оскудѣли поля хлѣба житницы; а горсть муки не оскудѣвала. Въ пути находясь, они засыпали, и послѣ сна Ангелы предлагали имъ необходимую пищу: хлѣбъ и воду; лучше же сказать, уснувъ, пробуждаемы были святыми Силами, какъ господа, приставленными на таковыя потребности служителями, приглашаемые на готовый пиръ. Всеялся онъ въ пустыню, и

враны приносили имъ изъ обитаемыхъ мѣстъ хлѣбъ утромъ, и вечеромъ мяса. Откуда же брали враны? Таковую пищу и всегда, особливо же во время голода, не легко доставать птицамъ, которымъ обычно довольствоваться яденіемъ труновъ, и тѣхъ едва имѣть въ достаткѣ къ своему насыщенію. И что всего удивительнѣе, при недостаткѣ необходимаго, такъ щедро угощали онѣ другихъ, не о себѣ только заботясь въ такое время, когда вскорѣ сдѣлалось бы труднымъ, или и вовсе не возможнымъ, добыть пищу: если и то, что пока оставалось, пстрелятъ другіе; но они и на многихъ другихъ щедро распростирали даръ, будучи увѣрены, что, пока живы праведники, никогда не оскудѣютъ дары благодати, которая благоискусна въ снабженіи подобными вещами, и вмѣняетъ себѣ въ долгъ, какъ оброкъ, или дань, давать достойнымъ нужное для тѣла. Ибо Господь учитъ: *не печитесь о семъ, глаголюще: что ямы, или что пѣлмъ, или чимъ одеждемъ? Вѣсть бо Отецъ вашъ небесный, яко требуете сихъ вещей* (Матѳ. 6, 31, 32.), и дѣлающему доброе дастъ сіе какъ долгъ, а не даръ.

Г л а в а 18. Ибо присовокушаетъ къ сказанному: *достойнъ естъ дѣлатель* пищи своей (Матѳ. 10, 10.). Пророки однажды напхталі сто мужей, имѣя у себя десять (3) только хлѣбовъ, которыхъ

(3) Изъ обихъ повеленому числу двадцать (4 Цар. 4, 42.).

по расчету мало было для насыщѣнія такого числа, и которые однако же насытили, засвидѣтельствовавъ о насыщѣніи остатками. Ибо, когда служителю было сказано: предложи, предложи *модель хлѣбы, да ядятъ*, и онъ, обративъ вниманіе болѣе на вѣроятность дѣла, нежели на достовѣрность приказывающаго, сказалъ: *что дамъ сіе такому числу людей?* тогда учредители пра, укрѣпляемые вѣрою, прекрасно говорятъ: *даждь, да ядятъ, и останется. И ядоша, и оста по глаголу Господню* (4 Цар. 4, 42—44.), чтобы чудо раба предварило и проложило путь къ пріятію Владычннго чуда. Ибо образы истины всегда предваряютъ, заграждая уста неблагодарнымъ Иудеямъ, чтобы, когда вознамѣрятся клеветать о чудесахъ Господнихъ, что они невѣроятны, или невозможны, чудесами прежде бывшими принуждены были прекратить неблаговременное упорство, и усрамились безстыдно воставать на Владычнее чудо послѣ того, какъ предшественники ихъ безъ протнворѣчія приняли прообразованія онаго, на рабахъ совершившіяся.

Г л а в а 19. О Сынѣ Приснодѣвы. Такъ Иудеямъ, готовымъ возражать и соплетать благовиднннн прѣсколькo умствованія протнвъ рожденія Дѣвы, будто бы природа не можетъ привести въ составъ зародынь плода безъ вложенія оплодотворяющнхъ сѣменъ,—не дозволяетъ сего земля, въ началѣ безсѣменно произрастившая всякаго рода плоды; потому что въ обоихъ случаяхъ

сѣменемъ было Божіе Слово. Землѣ сказано: *да изведетъ земля быліе травное, сѣющее сѣмя по роду* (Быт. 1, 11.); и повелѣніе превратила она для себя въ природу, немедленно, безъ всякой иной предшествующей причины, кромѣ слова, произрастивъ плоды, какіе извело повелѣніе. И Дѣва, сказавъ: *како будетъ мнѣ сіе, идѣже мужа не знаю* (Лук. 1, 34. 35.), — услышала: *Духъ Святый найдетъ на тя, и сила Вышняго осытитъ тя*; и безъ труда содѣлалось, что Слово—стало плотію, и глаголомъ созданъ Божій храмъ. Такъ и Іона, послѣ трехдневнаго пребыванія въ китѣ изшедшій невредимымъ, заграждаетъ уста Іудеямъ, когда хотятъ утверждать, что Господне по трехъ дняхъ воскресеніе невозможно, увѣряя ихъ въ подобномъ подобнымъ, и любителямъ споровъ не дозволяя безстыдно воставать противъ новаго чуда, возбраняя такое явное безстыдство чудомъ древнимъ.

Г л а в а 20. Такъ, чтобы не сказали Іудей, будто бы чудо пяти хлѣбовъ, которыми насытились пять тысячъ, невозможно, рабы предварительно напхали сто мужей десятию хлѣбамъ, пока малымъ чудомъ ручаясь за большее и показывая, что однажды сдѣлавшеся возможнымъ въ маломъ видѣ, возможно и въ большемъ, потому что, когда нужно было напхать и большимъ малое и меньшимъ большее число, вещество одинаково было послушно умножающей благодати, дѣйственность свою обнаружив-

вающей для всѣхъ не количествомъ, но силою. Но довольно объ іудейскихъ прекословіяхъ. Пророки, папшавніе тогда десятыю хлѣбамн сто мужей, въ другое время, когда голодъ былъ еще силенъ, велѣли служителямъ сварить въ конобѣ множество зелій; и какъ въ послѣдствіи вареніе оказалось крайне горькимъ на вкусъ, безъ сомнѣнія, отъ примѣшаннаго къ варенію ядовитаго зелія, что и далъ разумѣть сказавшій: *смерть въ конобѣ, человекѣ Гожій* (4 Цар. 4, 40.), — повелѣваютъ вложить во все одну горсть муки, и что не задолго предъ тѣмъ для утружденныхъ казалось по причинѣ горечи негоднымъ въ пищу, дѣлаютъ удобоснѣднымъ и весьма полезнымъ къ утоленію голода изнемогшихъ отъ скудости. О сихъ-то прекрасно взывалъ пѣснописецъ Давидъ, говоря: *богатіи обнищаша и всякаша: взыскающіи же Господа не лишатся всякаго блага* (Пс. 33, 11.); и сказанное предъ симъ служить несомнѣннымъ свидѣтельствомъ и подтвержденіемъ истины слова сего. И Господь сказалъ, запечатлѣвая сіе: *воззрите на птицы небесныя, яко не спютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы, и Отецъ вашъ небесный питаетъ ихъ. И о одежди что печется? смотрите кринь сельныхъ, како растутъ: не труждаются, ни прядутъ. Глаголю же вамъ, яко ни Соломонъ во всей славы своей облечеся, яко единъ отъ сихъ* (Матѳ. 6, 26. 29.). Такъ изъ ежедневна видимаго дастъ уразумѣть, что воз-

можно проводить жизнь безпечальную и безбѣдную. Ибо говорятъ: *ищите царствія, и сія вся приложатся вамъ*. И чтобы не подумалъ кто, будто бы одинъ пустыи громъ словъ и ничто похожее на суетловіе въ сказанномъ: *не пецѣтесе, чѣмъ ясте, или чѣмъ пїете, или во чѣмъ облечетесе* (Матѣ. 6, 25.), Господь подтверждаетъ совѣтъ Свой примѣромъ кривовъ и птицъ, которые отъ промысла Всесовершеннаго прїемлютъ, одни благолѣпіе одежды, а другіе пищу, снискиваемую безъ труда и заботы, а вмѣстѣ напоминаетъ намъ о жизни обѣтованной Адаму до преслушанія, чтобы никто, взирая на настоящее злостраданіе при снискиваніи необходимаго и не обращая вниманія на питающихся безъ труда звѣрей, на жизнь пресмыкающихся и птицъ, которыя научаютъ насъ велживости Узаконившаго тогдашнюю жизнь, не смѣлъ не вѣрить возможности обѣтованія, что будетъ пмѣть пищу, не воздѣлывая, какъ нынѣ, землю, не трудясь и безбѣдно. Посему-то и растенія, воздѣлываемыя руками человѣческими, ежегодно носѣваемыя и орошаемыя земледѣльцемъ, во великомъ попеченіи едва достигающія желаемаго совершенства, слабѣе дикихъ быліи, которыя, возникнувъ однажды, по Божію повелѣнію, прозябаютъ отъ прежнихъ корней, питаютъ рослые и всегда зеленѣющіе стебли, въ неопровержимое доказательство, что и наши насажденія, для непреслушавшихъ Бога, могутъ про-

цвѣтати такимъ же образомъ , и сами собою доставлять намъ невозбранное наслажденіе.

ГЛАВА 21. Посему Господь, вводя желающихъ въ сію безпечальную жизнь, увѣщаетъ ихъ дѣлать добро и не заботиться о потребности тѣлесной, говоря: *вѣсть Отець вашъ, яко требуете сихъ всѣхъ* (Матѳ. 6, 32.); и: *достойнъ есть дѣлатель пищи своя* (Матѳ. 10, 10.); и не оставляетъ въ этомъ никакого предлога къ невѣрью, что дѣлающій Божіе дѣло возымѣетъ нужду въ чемъ-либо потребномъ. Какъ подвижникъ, вступившій въ подвигъ благочестія, и каждый день подвизающійся законно, въ оброкъ за настоящій вѣкъ получаетъ онъ отъ Подвигоположника пропитаніе для жизни во плоти, и вѣнцевъ часть по совершеніи поприща въ вѣкъ будущемъ, ожидая, что глава будетъ украшена не оливковой, плющевой и лавровой вѣтвями, но діадимною благолѣпія и прекрасно сплетеннымъ вѣнцемъ славы и чести, какъ говоритъ Давидъ: *славою и честію вѣнчалъ еси его* (Пс. 8, 6.). И въ награду за все сіе приметъ вѣчную жизнь и наслажденіе райскими утѣхами, *иже око не видѣ и ухо не слыша, и на сердце чловѣку не въздоша* (1 Кор. 2, 9.). Ибо таково то, что уготовалъ Богъ любящимъ Его, по презыбткучу свѣтлости, подлинно неизреченно, незримо, и выше всякаго помышленія. Ибо что великое и чудное ни постарался бы кто примыслить для наслажденія, безъ сомнѣнія представится сіе

меньшимъ и гораздо нисшимъ въ сравненіи съ уготованнымъ въ наслажденіе святымъ ; потому что умъ обыкъ образовать въ себѣ подобія познаннаго съ помощію чувства ; желая же представить то, для чего образъ не получилъ отъ чувствъ , составляетъ неопредѣленные обликъ , представляя въ пустотѣ исчезающія и неосуществленныя помышленія , такъ что иногда по-является новый образъ , и уничтожаетъ предшествовавшій , потому что нѣтъ яснаго образца , который бы могъ остановить этотъ блуждающій образъ .

Г л а в а 22. Если данная въ пустынѣ манна , и осязаемая , и видимая , оставляла мѣсто сомнѣнію , что она такое , какъ несравнимая по виду и качеству ни съ чѣмъ изъ извѣданнаго на опытѣ , и производившая ощущение новое и отличное отъ всѣхъ обыкновенныхъ ; то можетъ ли кто справедливо угадать и опредѣлить то , что въ несравненной мѣрѣ превосходитъ манну , и выше всякаго чувственнаго постиженія , ожидающими же сего нынѣ , познано будетъ тогда , когда опытъ научитъ преимуществу сего наслажденія , ясно покажетъ , и какъ малы труды предъ величіемъ плода , и сколько срътвншеся блаженство выше уповаемыхъ наградъ ? И никто изъ нерадѣвшихъ донынѣ о добрѣ да не представляетъ миѣ въ предлогъ , что для него прошло уже время , и да не удерживается отъ сего дѣланія тѣмъ , что ему , какъ начинающему

поздно, трудно, или и вовсе невозможно, достигнуть совершенства добродѣтели. Правда, скажу это и я, поприще велико и длинно разстояніе пути, ведущаго къ сему совершенству. Но при неослабномъ тщаніи можно совершить оный скоро, даже опередить тѣхъ, которые съ юнаго возраста вступили на сей путь, и шествуютъ медленно, и на столько оставить ихъ позади, на сколько усердіе поспѣшитъ поступить впередъ, такъ что, пока мало успѣли пройти, или и вовсе нимаю не прошли, съ того мѣста, на которомъ были настигнуты сіи очень медленно и тихо движущіе ноги свои, стремящійся къ предположенному съ быстротою птицъ, необходимо или бываетъ близко къ цѣли, или совершенно достигаетъ ея, подобно кораблю, который стремится прямо въ пристань, и несется на полныхъ вѣтрилахъ, между тѣмъ какъ другіе корабли, пустившись съ того же мѣста, по нерадѣнію кормчихъ блуждаютъ по морю, и нѣдра вѣтрилъ часто бываютъ пусты отъ косвенныхъ туда и сюда поворотовъ; потому что, когда благопріятный вѣтеръ дуетъ, прямо съ кормы вдоль корабля, если кормчій не хранитъ вѣтрилъ всегда полными, и не держится одного направленія съ дуновеніемъ вѣтра, необходимо ладія замедляетъ свой ходъ, постоянно уклоняясь и убѣгая отъ порывовъ гонящаго вѣтра.

Г л а в а 23. Посему прекрасно Павелъ совершающимъ теченіе на поприщѣ возглашаетъ, взы-

вая: тако тецѣте, да постигнете (1 Кор. 9, 24.), а симъ повелѣваетъ такъ усиливать скорость, и стѣснительность времени преодолевать самымъ напряженнымъ стремленіемъ, чтобы путь, требующій долгаго времени, при неослабномъ и постоянномъ тщаніи бѣгущаго, совершаемъ былъ, какъ можно, скорѣе. Сію-то долготу пути усмотрѣвъ быстротечный Давидъ, сказавшій: *путь заповѣдей Твоихъ тесокъ* (Пс. 118, 32.), просилъ и умолялъ Бога, сдѣлать ему извѣстнымъ, сколько времени остается ему для жизни, и достаточно ли ему онаго къ достиженію желаемаго. Ибо говоритъ: *скажи ми Господи кончину мою, и число дней моихъ кое есть, да разумлю, что лишаяся азъ* (Пс. 38, 6.). Потомъ уразумѣвъ, что остался онъ далеко назадъ, и остающееся время жизни его несоразмѣрно съ тѣмъ, что впереди (и), хотя бы отъ первой преграды до конца поприща, не переводя дыханія, понесся онъ по воздуху, и отчаяваясь въ быстротѣ ногъ своихъ, вступаетъ въ состязаніе съ птицами и природами высокопарящими, и говоритъ: *кто дастъ ми крыль яко голубинь? и полечу, и почию* (Пс. 54, 7.). Такъ, сколько можно было гадать, соразмѣряя время съ растояніемъ, Давидъ позналъ, что одинъ только способъ достигнуть ему цѣли, — подъявшись ввыспрь на

(п) По рукописи, вмѣсто: *πρός τὸ φθάσαι* читается: *πρός τὸ ὑφίστασθαι*.

высоту добраго житія и окривившись рачительностію, перелетѣть раздѣляющее пространство, и такимъ образомъ коснуться желаемаго предѣла совершенства.

ОТДѢЛЕНІЕ 12.

ПРИТЧА О ВИНОГРАДНИКѢ И О ДѢЛАТЕЛЯХЪ, НАПЯТЫХЪ
ВЪ РАЗНЫЕ ЧАСЫ.

Г л а в а 1. И притча о виноградникѣ, въ который въ разные часы дня приходили имѣвшіе воздѣлывать оныі, одинъ за другимъ, занимались съ утра до вечера, какъ позволяло кому время, кажется согласною съ сказаннымъ доселѣ. Ибо всѣ получили одну и ту же плату, всѣ удостоились отъ Владыки одной и той же чести, лучше же сказать, — послѣдніе предпочтены первымъ, съ дѣлавшими отъ утра взявъ и равное количество серебра, и даже прежде ихъ, и въ этомъ, какъ инѣй подумаетъ, воспользовавшись щедростію даваемаго, въ самой же дѣйствительности, пріявъ должную честь. Если же они, будучи позваны вмѣстѣ съ роптавшими, не послушались, а потомъ раскаявшись, — послѣдними приступили къ дѣлу; то заслуживали бы плату толь-

ко за время, въ которое дѣлали. Если же, какъ скоро были наняты, показали усердіе; почему обвинять ихъ въ произвольной праздности? Изъ послѣдующей рачительности видна и та, какую и прежде имѣли бы, если бы находились при дѣлѣ. Сіе-то выражая, домовладыка въ оправданіе свое сказалъ тѣмъ, которые укоряли ихъ, и не радовались собственной своей чести, терзались же честью, на равнѣ съ ими оказанною другимъ: *друже, не обижу тебе: не по пенязю ли совѣщаль еси со мною? Возми твое и иди. Хочу же и сему послѣднему дати, яко же и тебѣ: или нѣсть ми лѣтъ сотвориши еже хочу во своихъ ми? Аще око твое лукаво есть, яко азъ благъ есмь* (Матѣ. 20, 13—15.)? Симъ и несправедливую обличилъ ревность роптавшихъ, и показалъ, что благодать его исполнила правду; потому что невольной виной въ праздности не попустилъ сдѣлаться для нихъ причиною ущерба, принимая во вниманіе намѣреніе, а не исполненіе; такъ какъ праздность произошла, безъ сомнѣнія, не отъ нерадѣнія, а отъ случая. Сказанное ими: *никто же насъ нанятъ* (7.) освобождаетъ ихъ отъ подозрѣнія въ лѣности, показываетъ, что готовы они были заняться дѣломъ, и слагаетъ вину ихъ бездѣйствія на недостатокъ нанимающихъ. И если воздающій каждому по дѣламъ его дѣлавшимъ одну часть дня дагъ полную плату, равно какъ и цѣльнй день проведшимъ въ дѣлѣ; то самымъ дѣломъ, а не сло-

вами, дагь разумѣть, что достойны были сего оставшіеся нѣскольکو часовъ до дѣла праздными, не по нерадѣнію, но по необходимости, такъ какъ не было призывающаго къ дѣлу. И дѣломъ благодати, а можетъ быть, и справедливости домовладыки было, не оставить въ ущербъ тѣхъ, которымъ причинило ущербъ время, и не поустити, чтобы уступили они преимущество, когда не имѣлъ права обвинять въ непроизвольной праздности тѣхъ (1), которые съ утра готовы были къ дѣлу, и можетъ быть, пришедши послѣ всѣхъ и приложивъ великое стараніе, въ нѣскольکو часовъ совершили дѣло цѣлаго дня. И то разсуждено справедливо, что совершившіе дѣло стоящее пенязя, получаютъ не меньше пенязя, хотя работали и не цѣлый день. Ибо тотъ, кто, нанмая ихъ, сказалъ: *идите и вы въ виноградъ мой, и дѣлайте, и еже будетъ праведно, дамъ вамъ* (7), давъ пенязь, не солгалъ; ибо дагь, что было справедливо, и не напрасно подарилъ, но по справедливости соразмѣрилъ плату съ трудомъ, а не съ временемъ. Ибо по сеіи причинѣ предпочелъ ихъ прочимъ, и за то, что равное приняли участіе въ дѣлѣ, призналъ стоящими равной платы; а за то, что въ краткій срокъ сравнялись съ тѣми, которымъ продол-

(1) По рукоп. мѣсто сіе читается такъ: *μηδὲ συνχωρεῖσαι, πλεονεξίαν αὐτῆς ἐποσθῆναι, ἀβέλγητον ἀργίαν ἰγκλιεῖν ἕκ ἕχοντος δίκαιον τοῦς ἐξ ἄρθρον* и проч.

женіе цѣлаго дня давало свободу работать неуильно (к), какъ рачительныхъ призвалъ первыхъ къ полученію воздаяній, чтобы, и имъ оказанною честію, и обличеніемъ роптавшихъ, и въ лѣнливыхъ возбудить усердіе къ рачительности о добромъ дѣланіи. Ибо зналъ, что честь, оказанная однимъ, обратитъ къ труду и другихъ, изъ любви къ славѣ берущихся за трудъ, даже превышающій силы. О какъ бессмысленна страсть зависти! иныѣмъ не обиженыя завидуютъ удостоеннымъ честіи, приобрѣтеніе другихъ почитаютъ собственною своею утратою, ничего не потерявъ, ропщутъ; благоуспѣшность другихъ уязвляетъ ихъ; лишаются силъ и истаеваютъ, видя, что не ихъ хвалятъ, и говорятъ: *сн послѣдніи, и равныхъ намъ сотворилъ ихъ еси, понесшимъ тяготу дне и саръ* (12.); выставляютъ продолжительность времени, не смѣя, какъ вѣроятно, въ защиту свою указать на преимущество предъ ними въ дѣлѣ; думаютъ похвалиться тѣмъ, за что достойны осужденія, измѣряютъ время, и не разсуждаютъ, что съ временемъ не соразмѣрно дѣло.

Г л а в а 2. Опаленные зноемъ, если дѣлали они нерадиво и небрежно, какую пользу доставили домовладыкѣ, требовавшему дѣла, а не бесполезнаго утомленія, попеченія о виноградникѣ, а не того, чтобы напрасно тратить въ немъ

(к) По рукописи читается: *προς ἄδικον ἀνεμέτης ἐργασίας.*

часы цѣлаго дня? Это самое, что превратилъ онъ порядокъ дѣлавшихъ, первыхъ сдѣлалъ послѣдними, а послѣднихъ первыми, показываетъ не иное что, какъ рачительность однихъ и лѣность другихъ. А если бы и тѣ и другіе показали одинаковую рачительность, и сдѣланное ими было соразмѣрно времени; то имѣли ли бы какой благовидный предлогъ къ ропоту, получивъ условленную по договору плату, хотя бы дано было другимъ во много кратъ и больше, если бы не печаливала ихъ зависть, огорчающая многихъ другихъ, а преимущественно тѣхъ, которымъ больно видѣть почести, возданыя другимъ? Думаю, не стали бы они роптать, если бы работали безъ послѣднихъ, и одни получили договоренную плату, не имѣя къ кому выказать завистливое свое расположеніе. Теперь же честь соперникамъ возбудила страсть зависти, которая не возбудилась бы, если бы не казались предпочтенными другіе, которые, въ сравненіи съ собственными ихъ трудами, потрудились, судя по времени, мало; и ту договорную плату за дѣло, которую, если бы никто не раздражилъ ихъ зависти предпочтеніемъ, приняли бы они съ радостію, берутъ теперь съ ропотомъ, уязвляясь единственно тѣмъ, что признаны нисшими другихъ, которые не только стали участниками въ платѣ, но даже оказались лучшими, потому что за маловременное дѣланіе получили равноцѣнную награду. Ты получилъ свое, человекъ; по-

чему же огорчаетъ тебя другой, получившій то-
 же? Твоя плата не уменьшена; почему же оскор-
 бляетъ тебя, что другой, по твоему мнѣнiю, по-
 лучилъ больше твоего? Если бы не зналъ ты,
 что другой получилъ столько же, сколько ты
 самъ; то съ охотою принялъ бы привычную пла-
 ту. Но поелику съ тобою получилъ другой; твоё
 показалось тебѣ малымъ. Не получилъ ты лиш-
 няго? Но и не условливался, и не ожидалъ по-
 лучить. Почему же, не бывъ обиженъ, жалуешься
 голосомъ обиженныхъ? Почему сѣтуешь на у-
 щербъ, ничего не утративъ? Почему щедрость
 домовладыки оуждаешь какъ несправедливую?
 Почему милость къ имѣющимъ нужду въ состра-
 данiи, какъ подумалъ бы иной, называешь не-
 правильнымъ раздѣломъ? Если бы другому при-
 бавилъ, отнявъ изъ слѣдовавшаго по условiю тебѣ;
 то подлинно поступилъ бы несправедливо, отдавъ
 одному принадлежащее другому, и изъ чужой
 собственности показавъ неубыточное великоду-
 шiе. Если же и тебѣ отдалъ долгъ сполна, и
 имъ изъ своего далъ по долгу, или по милости; то
 почему подвергаешь порицанiю, вмѣстѣ съ обла-
 годѣтельствовавшимъ, и облагодѣтельствовавшаго,
 по дурному расположенiю сердца очерняя не-
 подавшихъ благовиднаго предлога къ порицанiю,
 собственную страсть свою вмѣняя въ вину дру-
 гимъ, осуждая вмѣстѣ и оказавшаго благодѣянiе,
 и, какимъ бы то ни было образомъ, воспользо-
 вавшагося онымъ. только бы не подавить въ себѣ

неразумной страсти, признавъ для себя святымъ дѣломъ незавидовать чужому добру и не унывать, когда веселятся другіе? Такова зависть; радость веселящихся обращаетъ для себя въ плачь, сама всегда проводитъ время въ мукахъ, какъ скоро не удастся ей возбудившихъ ее видѣть въ тѣхъ бѣдствіяхъ, въ какихъ бы ей хотѣлось. А ты желалъ бы, чтобы и дѣлатель стоялъ всегда внѣ виноградника празднымъ, и подвижникъ оставался вовсе неподвижающимся безъ противоборца, и отъ тѣхъ, кому должно учиться, скрывающимъ, что нужно человѣку, чтобы имѣть силу. Ты желалъ бы, чтобы и воинъ, который можетъ показаться доблестнымъ въ битвахъ со врагами, сидя и нѣжась у себя подъ крышею, росъ подобно дѣвамъ; не желательно тебѣ, чтобы врожденное мужество проявлялось въ дѣлахъ, и ты, завидуя вѣнцамъ, падишь отъ трудовъ.

Г л а в а 3. А я побѣдоносному подвижнику даю совѣтъ быть готовымъ ко всѣмъ родамъ подвиговъ; потому что мужествомъ называю то, которое мужи даютъ видѣть въ подвигахъ своихъ, несмотря на немощь тѣла, принимая же во вниманіе благородство души, когда врагъ различно нападаетъ, вовлекая въ искушеніе различно встречающаго козни, и человѣкъ умѣетъ приспособительно дѣйствовать при каждомъ прираженіи. Ибо Павелъ, зная, что врагъ многое, и противъ всѣхъ, замышляетъ, хочетъ, чтобы, къ низложенію его ухищренія, всѣ, по примѣру Павлову житель-

ствующіе, готовы были противостоять нападеніямъ врага, и иногда вооружаетъ щитомъ вѣры, броней правды, шлемомъ спасенія, мечемъ духовнымъ, а иногда, какъ борцовъ умащаетъ на подвигъ, и говорить: *исть наша брань, къ крови и плоти, но къ началомъ, и ко властемъ, и къ міродержителямъ тмы вька сего, къ духовомъ злобы* (Ефес. 6, 12.), чтобы подвизающіеся, узнавъ многочисленность враговъ, и то, что ведутъ они брань во тмѣ, и по природѣ невидимы, трезвились, всегда бодрствуя, и не выпуская изъ рукъ оружія, но имѣя оное совершенно готовымъ къ отраженію. Послѣку, по словамъ премудраго Соломона, *отъишется сонъ у враговъ, и не спятъ, и не уснутъ, аще зла не сотворятъ* (Притч. 4, 16. 17.): то бдительное око, говоритъ Апостоль, да имѣютъ вошны, наблюдая за устремленіемъ непріятелей, чтобы отъ беззаботности не потерпѣть чего-либо непріятнаго. И совѣтуетъ, какъ можно, скорѣе поспѣшать къ почести вышняго званія, и охранять вмѣстѣ стремящагося, чтобы не преткнулся гдѣ отъ него и вмѣстѣ идущіи, когда итъ противоборниковъ, имѣть въ ратоборномъ движеніи рукъ, симъ упражненіемъ приучая себя къ опытности, а когда враги на лице и вступаютъ въ битву, тогда не въ пустомъ воздухѣ вращать оружіе, какое есть въ рукахъ, но стараться разсѣчь имъ самую голову враговъ, и терзать ихъ ногтями. А послѣку противоборники, какъ міродержители тмы, обьшли во

мраць сострѣляти правья сердцемъ (Пс. 10, 2.), и всякой умыселъ, — чтобы трудно, или вообще невозможно, было предостеречься, приводить въ исполненіе во тмѣ, достигая симъ того, что злоумышляютъ, и вредятъ, будучи невидимы; то Господь говоритъ: *да будутъ чресла ваша препоясаны, и свѣтильницы горящія* (Лук. 12, 35.), желая *поясомъ* доставить намъ удобство къ скорому шествію, а *горящимъ свѣтильникомъ* охранить отъ вреднаго столкновенія съ идущимъ вмѣстѣ. Ибо сіе сказалъ Павелъ: *азъ тако теку, не яко безвѣстно* (1 Кор. 9, 26.), т. е. пользуясь свѣтомъ, какъ путеводителемъ въ добромъ непреткновенномъ шествіи. И Давидъ говоритъ: *свѣтильникъ ногама моима законъ Твой, и свѣтъ стезямъ моимъ* (Пс. 118, 105.), и путь заповѣдей Твоихъ прохожу уже неукоризненно, а какіе сопряженно съ ними лежатъ на стезѣ соблазны, частию осмотрительно уклоняюсь отъ нихъ, а частию въ быстромъ стремленіи своего теченія переполнусь черезъ нихъ, однажды преуспѣвъ въ пареніи разума, и потомъ безопасно обозрѣвая повсюду предстоящія на пути преткновенія.

ГЛАВА 4. Какъ угрызеннаго зміей пугаетъ лежащая на землѣ изогнутая вервь, потому что страхъ придастъ ей видъ, возбуждающій подозрѣніе, и наводитъ мысль на испытанное прежде: такъ и Давида послѣ грѣхопаденія приводило въ ужасъ и невоспрещенное употребленіе вожде-

лѣваемаго. Онъ боялся, не скрывается ли въ этомъ какая-либо хитрость врага, предложившаго, какъ оболъстительную приманку ко грѣху, то самое, что дозволено, и ухищряющагося привлечь тѣмъ къ чему-либо запрещенному, какъ прежде возврѣнемъ на жену вовлечь въ сѣть, доведя до непозволеннаго пренебодѣянiя. И сіе же дастъ онъ видѣть, когда, во время войны пожелавъ воды внолессемской, воды принесенной не захотѣлъ пить, чѣмъ и въ сильной жаждѣ своеіи признался, и показалъ воздержаніе, разсудивъ, что, если не подавить необузданнаго вожделѣнiя, то откроеть ему удобный путь ко всякому сластолюбію. А нѣкто другой изъ богомудрыхъ Апостоловъ именуеть врага и львомъ; потому что подъ всякою другою болѣе досточестною наружностію не успѣлъ, какъ ни старался въ злоумышленіи своемъ, и не безъ причины уже для устраниенiя принимаетъ на себя образъ звѣрный; и кому уподобляется въ жестокости, у того и замѣтуетъ видъ, которымъ можетъ приводить въ страхъ. Ибо Апостоль говоритъ: *супостатьъ намиъ діаволь, яко левъ рыкая, ходитъ, искій кого поглотити: ему же противитесь* мужественно (1 Петр. 5, 8. 9.), и *рыканіемъ* означаетъ вредоносное нествовство врага, а словами: *противитесь* мужественно, показываетъ, какую силу должны приобрѣсть отъ подвига борющіеся со звѣремъ, частыми упражненіями ежедневно укрѣпляя естественную свою силу.

Ибо не сказалъ: убѣгайте, или уклоняйтесь отъ скрежещущаго зубами звѣря : но повелѣлъ противостоять ему, бодро идти противъ него, зная, что всякій имѣеть силу защитить свою безопасность, и для этой защиты у всѣхъ есть природныя и неотъемлемыя оружія.

Глава 5. Еще Павелъ внушаетъ, говоря : представляйте *уды ваша оружіе правды Богови* (Рим. 6, 13.), и сими словами научаетъ свѣдущихъ низлагать противника тѣмъ самымъ, чѣмъ онъ низлагаетъ неразумныхъ, чтобы око вело брань со всѣмъ, что можетъ обольщать посредствомъ зрѣнія ; слухъ боролся съ худыми бесѣдами, способными растлѣть добрые нравы ; обоняніе тщательно отвращалось отъ испареній, обыкновенно изиѣживающихъ и расслабляющихъ душевную твердость ; вкусъ отказывался отъ изысканно для большей сладости приправленныхъ соковъ ; осязаніе не останавливалось на тѣлахъ ; приятно очаровывающихъ мягкостію и гладкостію ; и любостыжательная рука простиралась для подаянія ; и ноги, по слову Соломонову, текуція *на зло* (Притч. 1, 16.), поспѣшно текли путемъ заповѣдей ; и хульный языкъ вѣщалъ благодарственные глаголы. Такъ оружіями правды дѣлаются оружія грѣха, обратно устремленные на того, кто прежде злоупотреблялъ ими на погубель пріобрѣтшихъ. Поэтому, съ жестокостію и дыша яростію, востаетъ мучитель на оставившихъ его и приложившихся къ Богу, снѣша воз-

вратить себѣ спасающеся отъ него бѣгствомъ, какъ по долгой привычкѣ содѣлавшеся ему подручнымъ, и подвергаетъ различнымъ искушеніямъ, воздвигая повсюду скорби, повсюду напасти, чтобы жизнь порочная, по безмятежности будучи признана сносною, расположила, какъ въ невозмущеную пристань, возвратиться къ покою того, кто какъ бы въ морѣ обуреваемъ искушеніями, и говорить, конечно, словами злостраждущихъ въ пустынѣ: *лучше быше намъ работати Египтяномъ, нежели умрети въ пустыни сей* (Исх. 14, 12.). Ибо кто любитъ недѣятельность, тотъ признаетъ для себя предпочтительнѣйшимъ слушаться вождельнѣй, нежели бороться съ нимъ, когда видитъ, что путь добродѣтели не гладокъ и неудобопроходимъ, и повсюду много на немъ причиняющихъ скорби, какъ прежнихъ друзей, содѣлавшихся напоследокъ врагами, и желающихъ гнаться во слѣдъ и поработить, такъ и враговъ истинныхъ и незнаемыхъ, встрѣчающихся на пути и препятствующихъ добродѣтели къ успѣху въ предположенномъ. Такъ многіе неизвѣстные доколѣ народы, сколько могли, задерживали Израильтянъ въ прехожденіи, и завидя ихъ шествію къ полезному для нихъ, говорили: *не пройдеши сквозь насъ* (Числ. 20, 18.). А Фараонъ, какъ, имѣя еще ихъ въ своей власти, когда замыслили бѣгство, содѣйствующимъ ему въ этомъ говорилъ: *да отягчатся дѣла людей сихъ* (Исх. 5, 9.), думая, что свобода отъ дѣлъ

служила для нихъ побужденіемъ къ продерзости, такъ со тнцаніемъ погнался въ слѣдъ за удалившимся, не соглашаясь, чтобы они стали свободны, какъ хотѣлось имъ, и какими родились они, но спѣша снова сдѣлать рабами тѣхъ, которые и были, и всегда могли быть, высокородными и свободными. И одни, съ твердою рѣшимо-стью духа избѣжавъ сего рабства, терпѣливо переносили всякое встрѣчавшееся имъ озлобленіе, пока не достигли желаннаго совершенства; а другіе, оставивъ рабство не вполне обдуманно, не перенеся затруднительности начатковъ добродѣтели (начало же всякаго дѣла, а тѣмъ паче затруднительнаго, тяжело и неприятно, прежде навыка къ нему), замысливъ возвратиться въ Египетъ, снова избирая себѣ владыкой того, кто нѣкогда хорошо былъ имъ оцѣненъ, какъ оказавшійся непріязненнымъ и достойнымъ великой ненависти. Ибо говорили: *поставимъ себѣ старѣйшину, и возвратимся во Египетъ* (Числ. 14, 4.), почитая легкимъ возвращеніе съ пути, совершеннаго съ великимъ трудомъ, и прибавляя еще по недѣятельности своей: *за еже не быти гробомъ во Египетъ, вышши мы умереть въ пустынь* (Исх. 14, 11.). А недѣятельность—рубежь между добродѣтельно и порокомъ. Кто уклонился отъ послѣдняго, тотъ не безпрекословно еще въ добръ. Кто держится еще между тѣмъ и другимъ, тотъ до тѣхъ поръ, пока не освободился совершенно отъ одного, не утвердитъ незыблемо обо-

ихъ колѣнъ въ другомъ, не храни уже болѣе, какъ прежде, и переставъ то клониться на одну сторону, то перевѣшивать на другую.

Г л а в а 6. Таковъ отстающій отъ худой привычки ; сильно увлекается онъ назадъ, хотя поступить и впередъ, и преуспѣвая въ томъ, въ чемъ старается, и бывая принужденъ съ перемѣною побужденій уклоняться часто туда и сюда, пока и многимъ упражненіемъ, и долгимъ временемъ, не отбучитъ себя отъ прежняго, и не обратитъ себѣ въ навѣкъ послѣдняго, подобно пришедшему изъ отроческаго возраста въ мужескій, и сдѣлавшагося неспособнымъ, если бы и хотѣлъ, перейти изъ настоящаго состоянія въ прошедшее. Ибо ни съ чѣмъ несообразно, тѣлу, по закону природы, послѣдовательно перемѣнять возрасты, переходя отъ возраста дѣтскаго, до старческой сановитости, внушать довѣріе сѣдиною, по самому состоянію дѣлаться важнымъ и почтеннымъ, а душѣ неспрѣшивать ея свойственнымъ преспѣваніемъ въ добрѣ, и въ добродѣтели не совершать узаконенныхъ возрастовъ, переходя изъ одного въ другой, и такимъ образомъ достигая возжеланнаго совершенства, но оставаться въ неразумномъ дѣтскомъ состояніи, или въ возрастѣ слѣдующемъ за дѣтствомъ, охотно предающемся юношескимъ вожделѣніямъ, и въ преклонномъ старческомъ тѣлѣ еще юнѣти и цвѣсти, непрестанно увеселяясь тѣми предосудительными вещами, которыми не долго забав-

ялись и трезвенные отроки. А что и душа мѣ-
 няетъ различія возрастовъ, восходя отъ младен-
 чества къ совершенству, сему научаетъ Павелъ,
 говоря въ одномъ мѣстѣ: *яко младенцевъ о Хри-
 стѣ млекоу вы напоихъ, а не брашноу* (1 Кор.
 3, 2.); и въ другомъ: *дондеже достигнемъ въ
 мужа совершенна въ мѣру возраста исполне-
 ния Христова* (Ефес. 4, 13.); и еще: *егда бѣхъ
 младенецъ, яко младенецъ глаголахъ, яко мла-
 денецъ мудрствовалъ, яко младенецъ слышляхъ:
 егда же бѣхъ мужъ, отвергохъ младенческая*
 (1 Кор. 13, 11.). Апостолъ знаетъ, что иныя,
 родившись однажды, имѣють нужду въ иномъ
 еще рожденіи, и снова изъ жизни сеі возвра-
 щаются въ утробу; потому имъ говоритъ: *чад-
 ца моя, ими же паки болѣзную, дондеже во-
 образится Христосъ въ васъ* (Гал. 4, 19.). Такъ
 носящимъ на себѣ, по видимости, достославныя
 черты Христовы, но не пріявшимъ еще на себя
 полного образа, Апостолъ снова желаетъ содѣ-
 латься зачавшимися во чревѣ, чтобы, сложивъ
 съ себя безобразіе, измѣнились они въ совер-
 шенный и цѣлостный видъ, ставъ подобнымъ
 родившему, и бывъ признаны подлинными, а не
 подложными и незаконными, сего чадами. Но
 душѣ съ большимъ еще удобствомъ должно пе-
 реходить сія состоянія, — нежели тѣлу возрастъ.
 Тѣло на все это время порабощено необходи-
 мости, и подлежитъ законамъ природы, не имѣ-
 етъ власти перейти въ состояніе, въ которое

не приводить время, и не может вступить въ ближайшій возрастъ и пройти оный скорѣе надлежащаго; потому что каждый возрастъ даетъ ему опредѣленное время, и не позволяетъ прежде срока (а) окончить оный и перейти въ смѣжнѣйшій съ нимъ. Душа же, по произволенію оставаясь въ настоящемъ состояніи, сколько хочетъ, и переходя въ другое, когда хочетъ, когда бы ни пожелала, имѣетъ невозвратное право на сіе переходеніе; если даже заблагоразсудитъ миновать средня состоянія, возможно ей легкимъ скачкомъ отъ одного края перенестись въ другой, и едва вступивъ, вдругъ достигнуть совершенства, какъ скоро рѣшимость воли и тщательность твердымъ и непоколебимымъ помысломъ переступаютъ отъ того, что осуждено душею, къ тому, что предположено ею.

Г л а в а 7. О послѣдовавшихъ Моусееву предложено. Такъ подобно Моусею вождѣвавшіе свободы, непреложнымъ терпѣніемъ утвердившись въ своемъ намѣреніи, преодолѣли всѣ непрестанно встрѣчавшіяся имъ горести, неубоавшіеся необозримаго множества враговъ, голодъ же и жажду, властвующіе надъ тѣломъ, перенося неослабно: потому что несомнѣнная вѣра въ часное наслажденіе облегчала пока для нихъ предстоящій трудъ, благимъ ожиданіемъ утѣшая при испытаніи настоящихъ скорбей, и ощущаемыя

1 Въ рукоп. вместо τὸ ὄρα εἰς ἀνάστασιν τῶν νεκρῶν

печали срастворяя веселиемъ грядущихъ благъ. Ибо умъ, занятый радостными помыслами, не принимаетъ сильно къ чувству возмущающихъ его неприятностей, и умѣетъ настоящія трудности притушить размышленіемъ о благахъ, которыми будетъ обладать въ послѣдствіи. Поэтому, сообразно съ ихъ потребностями, претворялась тварь, море отвердѣло для преслѣдуемыхъ, раздѣлились воды, открывъ сухой путь, и пока не перешли спасаемые, съ обѣихъ сторонъ разсѣченныя воды отвѣсно подъяло въ высоту, окамѣнивъ ихъ токъ, и отливы держа въ прямомъ положеніи оледенѣвающими притоками (м); твердый и лишенный влаги камень образовавъ вокругъ себя озеро и море, источая изъ глубины обильные потоки удобоимемой и сладкой воды; небо вмѣсто земли произращало манну, въ видѣ снѣга ниспосылая несѣянный плодъ, и наскоро изготовляя алчущимъ безбѣдную трапезу, не только восполняющую оскудѣніе чрева, но даже перемѣною качества удовлетворяющую пожеланію всякаго; ибо къ какой снѣди, воспоминаемъ о ней, получалъ кто влеченіе, вкусъ ея находилъ въ одномъ и томъ же, думая, что вкушаетъ онъ то самое, чего вождѣлѣвалъ, и одно вещество служивало различнымъ пожеланіямъ

(м) Въ рукописи читается: τὸ ἕδατος τμήματα πρὸς ἕφος ἡγειρεν ὁ θεὸς λίθωσεν τὰ ρέθρα καὶ τὴν πολύρροον ἐπέλασεν ἀποκρημίσως
и т. д.

всѣхъ, уподобляясь во вкусѣ ощущенію всякаго качества. Горькая вода усладилась, мгновенно перемѣнивъ одно качество въ другое, изъ питія не задолго предъ тѣмъ тяжелаго и непріятнаго на вкусъ сдѣлавшись питіемъ сладкимъ. Воздухъ, неумѣя пропзвести яйца, породилъ готоваго кра-
стея, и гося его сильнымъ вѣтромъ, столпилъ къ самымъ купцамъ требующихъ пищи, отдавая имъ въ руки птицъ—безъ сѣтей уловляемую до-
бычу. Въ день превращалась ночь, освѣщаемая столпомъ огненнымъ; солнечный зной дня умѣ-
рялся облакомъ, которое, носясь надъ народомъ, служило средою между шмъ и лучами, ліющи-
мися съ небснаго свода, чтобы, пѣшешествуя подъ открытымъ небомъ, не опаляемы они были въ пути, но отѣнялись густымъ покровомъ обла-
ка, удобно совершая пѣшешествіе, какъ бы на-
ходясь подъ кровлею, а не пдя по обнаженной отвсюду и не ямѣющей тѣни пустынѣ. Не вет-
шали у нихъ ни одежда, ни обувь, сорокъ лѣтъ постоянно бывшія на тѣлѣ; не погибалъ выюч-
ный скоть, обыкновенно не живущій столько времени; не пападали на нихъ ни болѣзнь, ни разслабленіе, ни жаръ, ни ознобъ, ни другой ка-
кой недугъ изъ поражающихъ обыкновенно тѣло; ибо не бы въ колѣнахъ ихъ болѣи (Ис. 104, 37.); по благодати Божіей пренобѣдили они природу, ставъ выше сродной ей немощи, и отреклись отъ сопряженныхъ съ тѣломъ страданій. Страшныя въ битвѣ полчища враговъ одно за другимъ па-

дали, ипзложенныя неуязвленными въ знаменіе споборающей руки. Стѣны рухнули сами собою безъ содѣйствія рукъ человѣческой, ииспроверженныя Божіимъ мановеніемъ. Многіе многочисленныя народы истреблены сокровенною силою, Израильтянамъ оставивъ послѣ себя землю, и незанятое никѣмъ и не требующее заботы мѣсто жптельства.

Глава 8. И сіе-то самое сказалъ въ послѣдствіи пѣснописецъ Давидъ: *рука Твоя языки потреби, и насадилъ я еси. Не бо мечемъ своимъ наслѣдшиа землю, и мышца ихъ не спасе ихъ. Но десница Твоя, и мышца Твоя, и просвѣщеніе лица Твоего, яко благоволилъ еси въ нихъ* (Пс. 43, 4.). Такъ описываетъ Давидъ безопасность во всемъ благоугождающихъ Богу, и то, какъ достигается ими все, что для нихъ полезно, какъ по правдивому Божію промышленію пользуются они попеченіемъ о нихъ свыше, и по надеждѣ на Спасающаго повсюду безтрепетны. Они-то говорятъ: *не убоиися, виегда смущается земля, и прелгагаются горы въ сердца морская* (Пс. 45, 3.); если и вся тварь поколебавшпсь придетъ въ смятеніе и возмутится, окружаемые непрерывнымъ рядомъ бѣдствій, неустрашимся и не затрепещемъ, подобно тѣмъ, которые, будучи поражены ожданіемъ какого-либо несчастія, всякій шумъ и принесшійся звукъ представляютъ себѣ примѣнительно къ тому, что подозреваютъ: потому что всего помощиѣ совѣсть,

уязвляемая памятованіемъ худаго поступка ; все почитаетъ она враждебнымъ , неприязненнымъ , готовымъ мстить , по всегдашнему за худыя дѣла ожиданію наказанія , какое имѣетъ внутри себя , хотя бы и никто не зналъ и не могъ обличить (и), и думаетъ , что всѣмъ извѣстны ея сокровенности . Но не такова совѣсть , свободная отъ лукавства ; много имѣетъ она въ себѣ увѣренности , ни въ чемъ не усматривая основательной причины къ осужденію , и твердо надѣясь , что всегда для всѣхъ будетъ неодолима , папутьствіемъ къ дерзповенію имѣя невпичность , и говоря иногда : *аще ополчится на мя полкъ , не убоится сердце мое* (Пс. 26, 3.); а иногда : *не убоюсь отъ телъ людей , окрестъ нападающихъ на мя* (Пс. 3, 7.). И что таковъ въ словахъ и дѣлахъ надѣющійся на Бога , видно сіе на самомъ сказавшемъ это Давидѣ , который съ симъ упованіемъ смѣло выходитъ противъ славнаго Голіаѳа , безъ воинскихъ орудій противъ огражденнаго оружіемъ , юноша противъ исполина , какъ на псовъ , взявъ только жезлъ и нѣсколько камней , и какъ пса , изложилъ его однимъ верженіемъ камня , не тѣлесною крѣпостію , но силою , какъ сказалъ онъ , невпидимаго оружія — досточтимаго имени Божія . Ибо , на сію полагаясь защиту , выходитъ на брань , и рѣшимость свою

(и) По рукописи читается *καὶ μηδὲς συνέδηι μηδὲ ἐλέγχων δέμας*.

выражаетъ словами, говоря: *ты идешь на мя съ мечемъ и копьемъ и щитомъ, азъ же иду на тя во имя Господа Бога Саваова, Бога ополченія Израилева* (1 Цар. 17, 45.); съ этимъ однимъ оружіемъ выступилъ онъ противъ такого вооруженія; Имъ и брошенный камень направилъ къ назначенной цѣли, и пробилъ мѣдный шлемъ, сокрушилъ безстыдное чело, низвергъ высоко-мѣрнаго, низложилъ на землю превозносившагося мыслію.

Глава 9. И поелику таковы были у Давида дѣла руки дѣтской, у которой стало силъ сдѣлать, что едва ли бы могли произвести камень, какой можно поднять рукою, пущенный изъ метательнаго снаряда, или стѣнобитное орудіе, дѣйствующее съ великою быстротою; то и преслѣдуемый врагами, каковъ былъ въ вѣрѣ, такимъ оказался и на опытѣ, нимало не терпя того, чему старались подвергнуть его гонители, но всегда превозмогая всякія козни, и безъ заботъ спасаясь изъ неодолимыхъ опасностей. Такъ Давида, гонимаго нѣкогда Сауломъ, прикрылъ камень, обѣими сторонами наложивъ тѣнь на того и другаго, и раздѣливъ и ищущаго и искомаго, чтобы невредимымъ сохранился Давидъ, который могъ потерпѣть общду отъ многолюдства. Такъ застигнутый въ лѣсу непріязненнымъ сыномъ Авессаломомъ, когда не было у него войска, соразмѣрнаго наступающей силѣ, потому что съ малочисленною дружиною вынужденъ былъ

вступать въ битву съ цѣлымъ народомъ, спорниками противъ ополчившихся незаконно употребилъ самыя дерева въ дубравѣ, каждое дерево вооруживъ къ отраженію бранной силы нападающихъ, и посредствомъ деревъ совершивъ то, что могло совершить множество опытныхъ въ военномъ дѣлѣ рукъ. Ибо сказано: *умножи дубрава поядати людей, паче неже ихъ пояде мечь* (2 Цар. 18, 8.). И послѣ поворота въ успѣхъ битвы, одинъ дубъ восхитилъ бѣгущаго отцеубійцу, ухвативъ за волосы и снявъ съ несущаго его мска, какъ военачальникъ въ знаменіе побѣды, задержалъ онъ плѣннаго юношу, съ торжествомъ выставяя всѣмъ на позоръ сего нечестивца, рѣшившагося на безумную дерзость; всѣ же другіе дубы, въ другихъ мѣстахъ и повсюду, уязвляли непріятелей, въ мѣсто мечей употребивъ въ дѣло сучья. Такъ и въ другомъ случаѣ окруженный отъсюду множествомъ непріятелей, Давидъ беззаботно спалъ, въ знакъ и неоспоримое доказательство того, что не забывается объ окружившихъ, желающимъ дознать твердость его надежды, показывая небоязненный сонъ. Посему, хвалясь однажды, сказалъ: *азъ уснухъ и спяхъ, яко Господь заступитъ мя* (Пс. 3, 6.), во время сна ввѣрилъ тѣло Заступнику, и вскорѣ на дѣлѣ дозналъ силу сего Заступника, потому что воставъ нашелъ себя въ безопасномъ охраненіи стража, какъ самого Бога. Иногда же говорятъ: *всеи язъицы обыдоша мя,*

и именованъ Господнимъ противляхся имъ (Пс. 117, 10.), тѣмъ же опять оружіемъ воспользо-
вавшись противъ нападающихъ, какое употре-
билъ прежде противъ Голіаѳа, и имѣлъ дѣйстви-
тельный опытъ силы, когда, безъ усилія бро-
сивъ изъ пращи камень, мощнымъ ударомъ низ-
ложилъ противника. Ему соревнующіе, послѣдовав-
шіе Давиду прекрасно вѣщали Богу: *о имени
Твоемъ уничижилиъ возстающія на ны* (Пс. 43,
6.), посмѣваясь и издѣваясь надъ врагами; по-
тому что съ ними была Божія помощь, и угото-
вляла посрамленіе врагамъ. А что за уничиже-
ніе себя стали они достойными предъти въ обще-
ніе съ Богомъ, сіе показываетъ также Давидъ,
говоря: *аще поиду посредиъ снми смертныя, не
убоюся, яко Ты со мною еси* (Пс. 22, 4.); потому
что смертныя опасности тогда потопляютъ насъ,
когда далеко мы отъ Бога, какъ дѣйствительно
недостойныя помощи. А ставъ близкими къ сво-
имъ Ему по вѣрѣ и дѣламъ, мы выше всякой
козни и всякаго вреда, потому что высокая рука
подъемлетъ насъ на высоту надъ опасностями
отъ владычествующихъ долу и не сильныхъ ко-
снуться тѣхъ, которые по своей жизни стали
выше всякаго такого вреда. Приблизившимся къ
таковому состоянію Богъ изрекъ: *аще проходи-
ши сквозь воду, рыки не покрываютъ тебе: и аще
сквозь огонь пройдеши, пламень не опалитъ тебе,
яко съ тобою есмь Азъ Господь Богъ* (Исх. 13,
2. 3.). Такъ Богъ тѣмъ самымъ, что живое су-

щество нимало не терпитъ вреда отъ скоро губящихъ стихій, изъ которыхъ одна посредствомъ вдыханія восплаяетъ внутренности, а другая, посредствомъ того же вдыханія вовлекаемая, прекращаетъ самое дыханіе, показываетъ могущество силы Своей, предлагающей предѣлы естества и гибельное дѣлающей спасительнымъ, когда нѣкоторые, будучи достойны благодѣянія, идутъ по сямъ стихіямъ.

Г л а в а 10. Если же, приблизившись къ Богу, пользуемся такою милостію въ попеченіи о насъ, а удалившись отъ Бога, какъ безпомощные, отъ всего можемъ терпѣть вредъ; то должно заботиться намъ о праведности, приближающей насъ къ Богу и доставляющей намъ освобожденіе отъ страданій и небызненности; потому что, по слову премудраго Соломона, *праведникъ яко левъ уповаеть* (Прпт. 28, 1.), въ свободѣ жизни воспользовавшись естественнымъ благородствомъ и неустранимостью сего животнаго, и смѣло противоставъ всякому бѣдствію въ той увѣренности, что близко къ нему Сноборникъ, Который имѣющимъ нужду въ помощи, и по грубости нравовъ далеко отстоящимъ отъ помощника Бога, говоритъ: *еда не можетъ рука Моя спасти? Или отягчиль есмь слухъ Мой, еже не услышати? Но грѣси ваши разлучаютъ между вами и между Мною* (Ис. 59, 1.). Сими словами Богъ показалъ Свое расположеніе, что готовъ Онъ на защиту; но присовокупилъ и причину Его удер-

живающую, сказавъ: *грѣси ваши разлучаютъ между вами и Мною*, чтобы за то, что не приходитъ Онъ помощникомъ, не подлежать упрѣку, говорить, что въ требующихъ помощи нѣтъ состоянія достойнаго, чтобы помогать имъ, потому что къ приближающимся къ Богу, а не къ тѣмъ, которые далеко отступили отъ Него, имѣеть обычай приходитъ помощь Его (о). Сіе п патріархъ Авраамъ сказалъ требующему помощи богачу: *пропасть велика утвердится между нами и вами* (Лук. 16, 26.), симъ ясно показывая, что несправедные весьма удалены, не только отъ Бога, но и отъ мужей праведныхъ, и не могутъ получить никакой пользы отъ челоуѣколюбія, потому что правами далеко отстоятъ отъ сродства съ челоуѣколюбіемъ. А какое состояніе близко къ Богу, научаетъ Давидъ: *близъ Господь сокрушенныхъ сердцемъ, и смиренныя духомъ спасетъ* (Пс. 33, 19.). Ибо всего угоднѣе Богу скромный образъ мыслей, особливо когда въ преснѣянiяхъ есть поводъ къ тому, чтобы надмнться до безразсудности, но помысль остается невыходящимъ изъ умѣренности, не заносится высоко, возвѣщаемый воспоминаніями о совершенныхъ добрыхъ дѣлахъ, обыкновенно приводящими его въ пареніе, не доводитъ до пре-

(о) По рукоп. мѣсто сіе читается *ὅπως τῆς ἐπὶ μὴ παραγένηται βοήθως μέμψως εἰη ἀτηλλαγμένως, τῆς βοηθείου κατωστάσεως αξίας ἀκρίβους ἐν δεομ τοῖς τῆς βοηθείας, τοῖς πλησιύζουσι Θεῷ* и проч.

возношенія и совѣсть тѣмъ добрыми дѣлами, какія, какъ помнитъ, совершены въ душѣ. Таковъ тотъ, кто по законному предписанію совершаетъ пасху ноцію ; таковъ тотъ, кто снѣдаетъ самый опрѣснокъ. Одинъ достоинъ похвалы, стараясь какъ во тмѣ укрыться въ томъ, что дѣлаетъ по Господнему совѣту, утаивая въ клѣтѣ то, что, будучи узвано, приноситъ славу святости ; другой и по совершеніи дѣла пребываетъ такимъ скромнымъ и некичливымъ , какимъ былъ до совершенія. Ибо таковъ опрѣснокъ, не расширяется въ объемъ, подобно квасному хлѣбу, когда бываетъ приближенъ къ огню, но и въ это время остается въ смиренномъ видѣ, и означаетъ смиренномудраго, когда преусиѣваетъ онъ въ добродѣтели. Какъ огонь закваску, если не смѣшана она съ опрѣснокомъ, поднимаетъ вверхъ, и дѣлаетъ, что раздуваясь принимаетъ она всякій, какой угодно, видъ: такъ добродѣтель вызываетъ душу на высокоуміе, если твердое сужденіе не приготовитъ ее къ тому, чтобы данное ей соблюсти незыблемымъ.

Г л а в а 11. Такова та, которой говоритъ Божіе слово: *выя твоя яко монисты* (П. Пѣс. 1, 9.), свидѣтельствуя и о самомъ множествѣ добродѣтелей, и о смиреніи при всѣхъ сихъ добродѣтеляхъ , означая же *выю* правоту и высоту житія, а *монистами* образъ мыслей. Ибо, какъ вино горделиваго называетъ *желою желзною* (Ис. 48, 4.), за непреклонность и за то,

что по самомнѣнію подѣмается въ высоту и ожесточается отъ высокоумія, такъ вино добродѣтельнаго и смиренномудраго именуется золотымъ монистомъ, давая судить по виду сего украшенія о состояніи души, а по веществу онаго объ ея достоинствѣ, потому что мониста изъ прямой нити сгибается въ кругъ, и правый по жизни преклоняется къ смиренію. Ибо Изрекшій теперь невѣстѣ: *вья твоя яко мониста* вскорѣ за симъ говоритъ: *яко столпъ Давидовъ вья твоя* (II. Пѣс. 4, 4.); и еще: *вья твоя яко столпъ словый* (7, 11.), означая симъ, то восхожденіе добродѣтели въ высоту и возбужденную дѣятельность въ жизни, то смиренный образъ мыслей, то недоступность къ помысламъ самомнѣнія. Ибо по словому столпу ничто не можетъ идти, или ползти вверхъ, не имѣя за что ухватиться, и при самомъ прикосновеніи скользя по причинѣ гладкости: такъ и горделивый помысль не можетъ прикасаться къ скромному образу мыслей, въ которомъ всюду сглажены всѣ неровности тщеславія; потому что тщеславіе, по привычкѣ къ челоуѣкоугодно насѣкая въ душѣ возвышенности и ступеньки, доставляетъ удобное восхожденіе высокоумію, внушая самомнѣніе и кичливость мнимыми преспѣяніями челоуѣка. Посему-то Господь говоритъ иногда: блаженны смиренныя сердцемъ; а иногда: *егда сотворите вся повелѣнная вамъ, глаголите, яко раби неключими есмы: яко, еже должны бѣ-*

хоть сотворити, сотворихомъ (Лук. 17, 10.). А симъ побуждаетъ при свѣтильникѣ блаженства посредствомъ таковой добродѣтели приобрѣтать полезное, и приобучаетъ размышленіемъ объ употребленныхъ Имъ смиренныхъ реченіяхъ умѣрять мысль о себѣ. Ибо кто всегда называетъ себя рабомъ неключимымъ, и разсуждаетъ, что приказанное Владѣющимъ исполнилъ онъ, какъ необходимый долгъ, тотъ никогда не возмечтаетъ о себѣ ничего высокаго, не осмѣлится когда-либо причислять себя къ сынамъ, въ содѣланномъ отдавъ только долгъ предписаннаго ему служенія, а не добровольную показавъ щедрость. Добродѣтель сія есть ограда, стѣна прочихъ добродѣтелей; сокровища души хранить она неокрадываемыми; за нее терпятъ скорби и нападенія всѣ святые, а равно и тѣ, которые соревнуютъ ихъ жизни, принуждаемые, по причинѣ непріятелей, осаждающихъ стѣну сію, всегда бодрствовать и трезвиться, чтобы враги, разрушивъ стѣну, и ворвавшись внутрь, не расхитили мгновенно богатства, приобрѣтеннаго долгимъ временемъ. Но не причиняютъ они вреда тѣмъ, которые бодрственно спдятъ за зубцами стѣны, и наступающіе помыслы высокоумія, какъ стрѣлами, отражаютъ этими словами: *раби неключими есмь: еже должны бѣхомъ сотворити, сотворихомъ*. Дѣйствительно никакъ не дозволяютъ они страсти гордыни войти внутрь; потому что расхищаетъ она все приобрѣтенное,

а наконецъ и умъ, много потрудившійся о семьхъ приобрѣтеніи, по собственному изволенію отводить плѣнникомъ. У разбойниковъ не въ обычаѣ раскапывать развалины, подъ которыми ничего не спрятано въ землѣ, и производящимъ морскіе разбой несносно нападать на корабли, не нагруженные множествомъ денегъ, да и обыскивающіе не берутся понапрасну обыскивать кладовыя, въ которыхъ нѣтъ богатства, и принимать на себя пустыи трудъ. Посему и о томъ, кому причиняютъ скорби, и кого беспокоятъ враги, разсуждай, что тѣмъ болѣе богатъ онъ добрыми дѣлами, чѣмъ больше наносящихъ ему безпокойство. И поэтому радуйся болѣе, нежели унывай, о томъ, что возобленные изъ преселенія сего отойдутъ въ отечество съ великимъ стяжаніемъ, и увѣчанными предстанутъ предъ Богомъ, не только за то, что мужественно подвизались, и съ подвига возвращаются богатыми, но и за то, что подвизаясь старался во время подвиговъ укрываться отъ здѣшнихъ зрителей, сохранивъ себѣ полное одобреніе въ будущемъ и неизреченной оной славы неумаливъ похвалами человѣческими.

Г л а в а 12. О славѣ уготованной творящимъ милостыню. Сколько доставитъ тогда благовременно накормленныйищій! Сколько и каковыя воздаяніи, при рукоплесканіи всего естества, принесутъ другія добрыя дѣла! Когда и прикрытый одеждою на стужѣ, и преданныи могилѣ

по смерти, и пользовавшийся уходомъ во время долговременной болѣзни, и введенный въ домъ странникъ, и утѣшенный въ темницѣ, явятся предъ судилищемъ къ Вѣдающему, что они потерпѣли, признавая своего благодѣтеля и имъ признаваемые, когда страшный всеъмъ Судя, присвоивъ Себѣ милость, оказанную благодѣтельствованнымъ, скажетъ: что имъ вы содѣлали, то *Милъ сотвористе* (Матѳ. 25, 40.); тогда, скажи мнѣ, какія богатства сравнятся съ этимъ сладостнымъ и благоволительнымъ гласомъ? Какія похвалы почтень равнымъ тому славному провозглашенію, когда вся тварь увидитъ его восхваленнымъ, и не позавидуетъ (тогда не время будетъ зависти), а будетъ дивиться ему и ублажать его по причинѣ благъ, какихъ онъ удостоился? Наименуешь ли какое подобное веселіе въ этой жизни, которое могло бы столько возбуждать къ радованію? Найдешь ли какую радость столько сплъную, чтобы сравниться ей съ этою радостію? Или какое удовольствіе, имѣющее хотя слѣдъ этого удовольствія? Или какую славу, хотя сколько нибудь приближающуюся къ этому прославленію? Если укажешь на самое царство, то сколько ни представляется блистательнымъ царство земное, не уподобляется оно тому, въ которое вводится этотъ указуемый Божіимъ словомъ, какъ непопеченное скорбей неуподобляется непричастному онымъ, несвободное отъ смятеній и страха — дающему миръ и

безмятежіе. Прекрасно воспользоваться симъ богатствомъ. Это значить, приобрести имущество, а не быть стражемъ сокровища, соблюдаемаго для другихъ : это значить, въ подлинномъ смыслѣ сдѣлать своею собственностію, что дотолѣ почиталось только собственностію ; это значить, себя содѣлать наслѣдникомъ и преемникомъ оныхъ трудовъ, а не тѣмъ уступить приобретенное, которые нималой не окажутъ пользы въ нуждѣ на судѣ. Это значить, земное положить на небо, тлѣнное сдѣлать постояннымъ, временное премѣнить въ служащее къ вѣчному наслажденію. Это значить, подлинно стать домостроителемъ мамоны, приобрести друзей отъ мамоны, которые по смерти пріемлютъ въ крови, — здѣсь неприютныя, а тамъ страннопріимныя, въ настоящемъ вѣкѣ неукрывающіе отъ воздушныхъ перемѣнъ, а тогда пріемлющіе въ чудныя храмины того, кто утѣшалъ ихъ здѣсь въ скудости, и облегчалъ отъ зноя нужды общеніемъ въ потребномъ для тѣла.

Г л а в а 13. Это значить, быть мудрымъ домостроителемъ данныхъ отъ Бога имуществъ, на сребренки, изыдаемыя ржавчиною, купить нескончаемое царство, на настоящее—будущее, пмѣніе раздѣлить тѣмъ, въ чьей собственности достовѣрнымъ поручителемъ самъ Владыка всяческихъ Богъ, который благовременно отдаетъ долгъ съ ростомъ, не въ сотую долю, но во сто кратъ, когда полученіе даннаго въ заемъ полезно,

и употребленіе пригодно для долговременнаго наслажденія въ безпредѣльномъ вѣкѣ. Это значитъ, собирать сокровище на небеси, уготовить себѣ тамъ великое утѣшеніе, — дѣлать добро тайно, а славу воспріять явно при всей твари, смиренномудріемъ охранять земное богатство, и не выдавать его тщеславіемъ въ руки хищникамъ. Чтò для безопаснаго храненія денегъ кладовыя, двери и запоры; тò для добрыхъ дѣлъ скромный образъ мыслей, прикрывающій ихъ и подкапывателямъ стѣнь не подающій никакого случая къ похищенію. Добродѣтель сія и приобрѣтенное сохраняетъ, и научаетъ, какъ приобрѣсти еще неприобрѣтенное. Она учитъ за все благодарить Бога, и въ настоящихъ скорбяхъ утѣшаетъ ожиданіемъ будущихъ благъ. Она удерживаетъ раздражительность, устремляющуюся на отмщеніе врагамъ, усмиряя ее, какъ хищнаго пса, скромнымъ помысломъ. Она извѣстность и незнатность почитаетъ равночестными съ пребывающимъ всегда достоинствомъ души, а не съ брэнною ничтожностію, которая не надолго кажется торжествующею. Она убѣждаетъ почитать мужа главою и владыкою, какъ обучающая подчиненный членъ повиноваться во всемъ члену владычествующему. Ибо такъ и Создатель говоритъ Евѣ: *той тобою обладати будетъ* (Быт. 3, 16.); и Павелъ сказалъ: *жена же да боится мужа* (Еф. 5, 33.). И убѣжденная въ этомъ Сарра называла Авраама господиномъ, почитая того,

кого почитать повелѣлъ Законоположникъ. Она совѣтуетъ имѣть попеченіе о слугѣхъ, и обходиться съ нимъ какъ съ единоплеменникомъ, и кого владычество держитъ подъ игомъ службы, тому давать ослабу въ трубѣ побужденіями вести себя свободно, и боязливой всегда совѣсти повелѣваетъ внушать умѣренную отважность, чтобы не оставаться ей совершенно унылою, и въ бѣдственной долѣ своей не обвинять Бога, попустившаго сіе неравенство состояній. Она внушаетъ сострадательно помогать бѣдствующему въ нищетѣ, и представляетъ его Богу совершеннымъ въ добродѣтеляхъ, какъ царю представляютъ война, не имѣющаго тѣлесныхъ недостатковъ. У производящихъ военный наборъ принимается во вниманіе тѣлесный возрастъ, и не вносится въ списокъ имѣющей въ чемъ-либо недостатокъ; такъ и Богомъ отвергается, конечно, тотъ, кто несовершенъ во всемъ надлежащемъ, пренебреженіемъ о лѣпотѣ поругавъ благообразіе прочихъ добрыхъ дѣлъ. Почему должно равно стараться о всѣхъ добродѣтеляхъ, и одинаково всѣ сохранять, если только положено въ намѣреніи украсить образъ согласно съ первообразомъ, въ полномъ свѣтѣ осіять его божественными дарованіями, а не гнусными чертами души, утрачивающей въ себѣ лѣпоту. Ибо, по слову Апостола, кто исполнилъ весь законъ, согрѣшилъ же во одномъ, *бысть всльмъ повиненъ* (Іак. 2, 40.), какъ и въ прочемъ, что тре-

буется закономъ, естественно недостижій совершенства, въ которомъ преуспѣть потщимся во славу все и всѣмъ подающаго Бога. Аминь. *Будите убо вы совершенни*, говоритъ Спаситель, *яко же Отецъ вашъ небесный совершенъ есть* (Матѹ. 6, 48.). Ему слава во вѣки. Аминь.

С Л О В О О М О Л И Т В Ъ .

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Распаляемаго пламенемъ нечистыхъ страстей обыкновенно прохладжалъ ты меня прикосновениемъ боголюбивыхъ твоихъ писаній, утѣшалъ до крайности изнемогающій мой умъ, и блаженно подражалъ въ этомъ великому наставнику и учителю. И не удивительно ; часть твоя всегда была славна, какъ и благословеннаго Іакова ; потому что, хорошо послуживъ за Рахиль , и получивъ Лѣно, домогаешься имѣть и возлюбленную, какъ и за нее исполнившій седмилѣтіе. А я не отрекусь, потрудившись цѣлую ночь, ничего не поймалъ, и только въ твоемъ словѣ, опустивъ мрежу, уловилъ множество рыбъ ; не думаю, чтобы онѣ были велики, однако же ихъ сто пятьдесятъ и три, и ихъ—то при равночисленности главъ, исполнивъ твое приказаніе, послалъ я къ тебѣ въ копнищѣ любви. Дивлюсь же тебѣ, и крайне соревную превосходному твоему расположенію, съ какимъ возлюбилъ ты главы о молитвѣ ; ибо не просто желательно тебѣ имѣть ихъ подъ руками и видѣть написанными черниломъ на бумагѣ, но желалъ укоренить въ умѣ любовію и непамятозлобіемъ. Но поелику *вся сугуба, едино противу*

единого, по слову премудраго Иисуса (Сирах. 42, 25.), то прими ихъ не въ буквѣ только, но и въ духѣ, и уразумѣй, что буквѣ непремѣнно предшествуетъ мысль, а безъ сего не будетъ и буквы. Посему и видъ молитвы двоякій: одинъ дѣятельный, другой созерцательный. Такъ и въ числѣ представляющееся съ перваго взгляда есть количество, а означаемое симъ—качество. Поэтому, слово о молитвѣ раздѣливъ на сто пятьдесятъ три главы, послали мы тебѣ евангельскій оброкъ, чтобы ты отыскалъ въ немъ пріятность ипосказательнаго числа; и очертаніе треугольника и шестиугольника, дающее видѣть и благочестивое вѣдѣніе Троицы, а вмѣстѣ и описаніе сего устройства. Число сто само по себѣ четырехугольно, а число пятьдесятъ три—треугольно и сферично; потому что число двадцать восемь—треугольно, а число двадцать пять—сферично (п);

(п) Святой Нилъ число 153 дѣлитъ на три числа 100, 28, 25, которые въ совокупности даютъ число 153, и называетъ число 100 четырехугольнымъ, числа 28 и 153 треугольными, а число 25 сферическимъ. Числами четырехугольными называются все числа квадратныя; потому что могутъ быть расположены въ видѣ четырехугольника, напр. квадратныя числа 4, 9; первое въ семъ видѣ: $\begin{bmatrix} 1 & 1 \\ 1 & 1 \end{bmatrix}$, а второе въ видѣ: $\begin{bmatrix} 1 & 1 & 1 \\ 1 & 1 & 1 \\ 1 & 1 & 1 \end{bmatrix}$; такъ и число 100, если расположить въ каждомъ изъ 10 рядовъ по 10 единицъ, составитъ четырехугольникъ. Посему общій видъ чиселъ четырехугольныхъ есть $m \times m$ или m^2 , гдѣ m означаетъ какое угодно естественное число. Если все числа, начиная отъ единицы, написать въ естественномъ ихъ порядкѣ: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, и т. д., а потомъ складывать вмѣстѣ по 2, по 3, по 4, и т. д.; то числа отъ ихъ сложения происшед-

Ибо пятью пять есть двадцать пять (р). Поэтому

ишя, какъ то: $1+2=3$, $1+2+3=6$, $1+2+3+4=10$, и т. д., называются треугольными, потому что могутъ быть расположены въ видѣ треугольничковъ, число 3 наприм. въ видѣ , число 6 въ видѣ

Общій видъ сихъ чиселъ изображается чрезъ $\frac{m(m+1)}{2}$, гдѣ

m означаетъ послѣднее число въ порядкѣ естественныхъ чиселъ, которымъ окончено сложение. Такъ положивъ $m=7$, получимъ треугольное число

$\frac{7(7+1)}{2} = \frac{7 \cdot 8}{2} = 7 \cdot 4 = 28$, и положивъ $m=17$, получимъ также треугольное число

$\frac{17(17+1)}{2} = \frac{17 \cdot 18}{2} = 17 \cdot 9 = 153$.

Числа четырехугольныя, которыя, по найденному выше, суть квадратныя, и къ которымъ принадлежитъ число $25=5 \times 5=5^2$, могутъ быть располагаемы и инымъ способомъ; а именно: взявъ по порядку естественныя числа: 1, 2, 3, 4, ..., $(m-1)$, m , каждое изъ сихъ чиселъ начиная съ m располагай по окружностямъ непрерывно уменьшающимся и наконецъ сливающимся въ точку, въ которой найдешь себѣ мѣсто 1-ца, и потомъ каждую изъ сихъ постепенно уменьшающихся окружностей накладывай одну на другую, такъ чтобы чрезъ сіе образовалась поверхность полусферы; общая сложность чиселъ размѣщенныхъ на сей полусферической поверхности будетъ имѣть, какъ очевидно, тотъ же общій видъ, какой имѣло число

треугольное, а именно $\frac{m(m+1)}{2}$; почему двѣ таковыя полусферическія

поверхности изобразятся чрезъ $\frac{m(m+1)}{2} + \frac{m(m+1)}{2} =$

$m(m+1) = m^2 + m$. Но какъ при взаимномъ сложении сихъ поверхностей равныя окружности, на которыхъ размѣщено было по m чиселъ, совпадутъ въ одну; то явствуетъ, что на цѣлой сферической поверхности размѣщенныхъ чиселъ будетъ только $m^2 + m - m$ или m^2 . Такъ число $25=1+2+3+4+5+4+3+2+1$,

$$16=1+2+3+4+3+2+1,$$

$$9=1+2+3+2+1,$$

$$4=1+2+1,$$

(р) Вместо: κεφάλαια должно читать: εἰκοσι πέντε.

имѣть не только очертаніе четырёхугольника въ четверицѣ добродѣтелей, но и мудрое вѣдѣніе о семь вѣкѣхъ, уподобляющемся числу двадцать пять, по сферичности времени; потому что идутъ седмица за седмицею, мѣсяць за мѣсяцемъ, и годъ за годомъ, обращается время, и годовыя перемѣны, какъ видимъ, слѣдуютъ одна за другою, по движенію солнца, луны, весна, лѣто и т. д. Треугольникъ же означитъ для тебя вѣдѣніе Святыя Троицы; а еще, если чрезъ прибавленіе числа дойдешь до числа сто пятьдесятъ три, которое также треугольно: то надлежитъ тебѣ разумѣть вѣдѣніе дѣятельное, естественное, богословское, или вѣдѣніе вѣры, надежды, любви—золото, серебро, драгоценныя камни. Таково число; краткости же главъ не презирай, какъ умѣющій *и насыщаться и лишиться* (Филпп. 4, 12.), и вѣрно *памятующій о томъ*, Кто и двѣ лепты вдовицныя не отвергъ, но пріялъ предпочтительно богатству многихъ другихъ. Посему, зная плодъ благорасположенія и любви, сохрани его искреннимъ братіямъ твоимъ, внушивъ имъ помолиться о недугующемъ, чтобы сталъ онъ здоровъ, и взявъ одръ свой, пачаль ходить по благодати Христа, истиннаго Бога нашего. Ему слава во вѣки вѣковъ! Аминь.

СЛОВО О МОЛИТВѢ, РАЗДѢЛЕННОЕ НА 153 ГЛАВЫ.

(1). Если кто хочетъ приуготовить благовопный ѳиміамъ; то пусть, по закону, сложитъ по равной части *ливана чистаго*, кассію, *ониха и такти* (Исх. 30, 34.); это — четверица добродѣтелей. Если онѣ полны и уравнены, не будетъ преданъ умъ.

(2). Душа, очистившись полнотою добродѣтелей, приводитъ умъ въ невозмущаемое устройство, дѣлая его удобопріемлемымъ къ желаемому состоянію.

(3). Молитва есть бесѣда ума съ Богомъ. Посему, какое состояніе нужно уму, чтобы имѣть возможность (с) неподвижно предстоять предъ своимъ Владыкой, и бесѣдовать съ Нимъ безъ всякаго посредника?

(4). Если Моисею, покусившемуся приблизиться къ горящей на землѣ кушищѣ, воспрещено было сіе, пока не иззуетъ *сапоги отъ ногъ* (Исх. 3, 5.); то какъ же тебѣ, желая узрѣть Того, Кто выше всякаго понятія и чувства, и бесѣдовать съ Нимъ, не отрѣшить себя отъ всякаго страстнаго помышленія!

(5). Прежде всего молись о приобрѣтеніи слезъ, чтобы плачемъ смягчить тебѣ ту грубость, ка-

(с) По рукописи вместо: *ῥουχάση* читается: *ἰσχύση*.

кая есть въ душѣ твоей, и исповѣдавъ на себя *беззаконіе Господеви* (Пс. 31, 5.), получить отъ Него оставленіе грѣховъ.

(6). Пользуйся слезами къ успѣшности всякаго твоего прошенія ; потому что Владыка съ великою радостію пріемлетъ молитву , принесенную въ слезахъ.

(7). Если во время молитвы своей проливаешь потоки слезъ ; то нимало не превозносись самъ въ себѣ, будто бы ты выше многихъ. Молитва твоя привлекла тебѣ помощь въ томъ , чтобы могъ ты усердно исповѣдывать грѣхи свои, и унишествовать Владыку слезами.

(8). Посему, не обращай въ страсть того, что служить средствомъ отъ страстей, чтобы не прогнѣвать еще болѣе Даровавшаго благодать. Многіе, проливая слезы о грѣхахъ, и забывъ цѣль слезъ, обезумѣли и вышли изъ себя.

(9). Стой неутомимо, молись усильно, избѣгай всякой мысли о заботахъ и житейскихъ расчетахъ ; онѣ смущаютъ и тревожатъ тебя, чтобы ослабить напряженіе силъ твоихъ.

(10). Когда демоны увидятъ въ тебѣ расположеніе истинно помолиться, тогда влагаютъ въ тебя мысли о чемъ нибудь даже пужномъ , и вскорѣ потомъ оживляютъ памятованіе объ этомъ, побуждая умъ къ разысканію ; и онъ, не находя искомаго, сильно печалится и унываетъ. Когда же станеть человекъ на молитву, демоны напо-

минають ему о томъ, чего онъ доискивался, и о чемъ помнилъ, чтобы умъ, утомившись дознаніемъ этого, утратилъ благоплодную молитву.

(11). Старайся умъ свой на время молитвы сдѣлать глухимъ и пѣмымъ; и тогда можешь молиться.

(12). Когда встрѣтишь искушеніе, или прекословіе, или будешь вызванъ на то, чтобы, или по причинѣ сопротивленія возбудиться гнѣвомъ къ отщепенію, или произнести какое-либо сильное слово; тогда вспомни о молитвѣ и судѣ за нее, и тотчасъ остановится въ тебѣ безпорядочное движеніе.

(13). Что ни сдѣлаешь въ отщепеніе брату, оскорбившему тебя, все это во время молитвы послужитъ тебѣ въ соблазнъ.

(14). Молитва есть отпрыскъ кротости и негнѣвливости.

(15). Молитва есть огражденіе радости и благодаренія.

(16). Молитва есть врачевство отъ печали и унынія.

(17). *Иди, продаждь имъніе твое, и даждь нищимъ* (Матѣ. 19, 21.), и взявъ крестъ, отвергнись себя (16, 24.), чтобы можно тебѣ было молиться безъ развлеченія.

(18). Если хочешь молиться съ похвалою, отвергайся себя ежечасно, и всякія бѣды лобомудрено терпи за молитву.

(19). Если, претерпѣвая что-либо тяжкое, пре-

будешь любомудрымъ ; то плодъ сего обрѣтешь во время молитвы.

(20). Желая молиться, какъ должно, не печаль душу ; иначе тщетенъ твой подвигъ (т).

(21). Сказано: *остави даръ твой предъ алтаремъ, и шедъ прежде смирися съ братомъ твоимъ* (Матѳ. 5, 24.), и тогда будешь молиться безмятежно ; потому что памятозлюбіе въ молящемся потемняетъ владычественный умъ и помрачаетъ его молитву.

(22). Тѣ, которые, обременивъ себя печальми и памятозлюбіемъ, думаютъ приступить къ молитвѣ, подобны черпающимъ воду и вливающимъ ее въ разбитую бочку.

(23). Если ты терпѣливъ ; то всегда будешь молиться съ радостію.

(24). Когда молишься должнымъ образомъ, можеть встрѣтиться тебѣ нечто такое, за что, по мнѣнію твоему, справедливо будетъ, непременно, поступить гнѣвно. Но гнѣвъ на ближняго во всякомъ случаѣ несправедливъ. Ибо, если разыщешь, то найдешь, что можно дѣло и безъ гнѣва устроить хорошо. Поэтому употребляй всѣ средства не давая выказываться гнѣву.

(25). Смотри, чтобы, думая уврачевать другаго, самому неостаться нецѣльнымъ, и не положить препятствія молитвѣ своей.

(т) По рукописи вмѣсто *τρεχίσι* читается: *προσείχης*; т. е. напрасна твоя молитва.

(26). Щадя другихъ и неспъзъявля имъ своего гнѣва, самъ пайдешь пощаду, въ общемъ мнѣнїи покажешья благороднымъ, и будешь включенъ въ число молящихся.

(27). Вооружаясь противъ гнѣва, не прекратишь еще въ себѣ вожделѣнїя : потому что оно даетъ пищу гнѣву, а гнѣвъ возмущаетъ умное око, вредя молитвенному состоянїю.

(28). Молись, не одними внѣшними тѣлодвиженїями выражая молитву, но съ великимъ страхомъ обращай умъ свой къ сочувствїю духовной молитвы.

(29). Иногда, внезапно ставъ на молитву, будешь молиться хорошо ; а иногда, и много потрудившись, не достигнешь цѣли, и сіе для того, чтобы тебѣ еще паче взыскать, и прїобрѣтши, имѣть уже ненарушимое преспѣянїе.

(30). Когда приходитъ Ангелъ, мгновенно удаляются всѣ тревожившіе насъ, и умъ бываетъ въ полномъ упокоенїи, молясь здраво. А иногда не прекращается обычная брань, умъ борется, и невозможно ему возвестн взора ; потому что предваряется различными страстями ; впрочемъ, повскавъ болѣе, пайдеть, и толкушему успѣшно будетъ отверзто.

(31). Молись не о томъ, чтобы исполнились твои желанїя ; потому что оныя не во всякомъ случаѣ согласны съ Божїею волей ; но молись лучше, какъ научень, говоря: *да будетъ воля Твоя* во мнѣ (Матѣ. 6, 10.). Да и во всякомъ

дѣлѣ проси у Бога добраго и полезнаго душѣ, самъ же ты не во всякомъ случаѣ этого домогаешься.

(32). Молясь просилъ я часто себѣ того, что мнѣ казалось хорошимъ, и упорствовалъ въ прошеніи, неразумно принуждая Божию волю и не предоставляя Богу устроить лучше, что самъ Онъ признаеть полезнымъ; но получивъ просимое, въ послѣдствіи крайне скорбѣлъ, затѣмъ просилъ я, чтобы исполнилась лучше моя воля: потому что дѣло оказывалось для меня не такимъ, какъ думалъ я.

(33). Если иное какое благо, кромѣ Бога? Поэтому все касающееся до насъ предоставимъ Ему, и намъ будетъ хорошо; потому что Благій, безъ сомнѣнія, есть Податель и благихъ даровъ.

(34). Не домогайся немедленно получить просимое, какъ бы приобрѣтая это силою. Богу угодно, если долго пребудешь въ молитвѣ, оказать тебѣ большее благодѣяніе. А что выше сего — бесѣдовать съ Богомъ и быть привлекаемымъ въ общеніе съ Нимъ?

(35). Молитва есть восхожденіе ума къ Богу.

(36). Если желаешь молиться, отречься отъ всего, чтобы все наследовать.

(37). Молись во первыхъ объ очищеніи отъ страстей, во вторыхъ объ избавленіи отъ невѣдѣнія, и въ третьихъ о спасеніи отъ всякаго искушенія и оставленія.

(38). Въ молитвѣ проси только правды и царствія, то есть, добродѣтели и вѣдѣнія, и прочее все *приложится тебѣ* (Матѳ. 6, 33.).

(39). Справедливо молиться не о собственномъ только своемъ очищеніи, но и объ очищеніи всякаго соплеменика, чтобы подражать въ этомъ ангельскому праву.

(40). Смотри, дѣйствительно ли Богу предстагь ты во время молитвы своей, или преодолевало тебя желаніе людской похвалы, и ее старался ты уловить, наружную молитву употребивъ, какъ покровъ.

(41). Молишься ли съ братією, или на единѣ, старайся молиться не по обычаю, но съ чувствомъ.

(42). Молитвѣ обычно размышленіе съ благоговѣніемъ, сокрушеніемъ и душевною болью при исповѣданіи грѣхонаденій съ безмолвными вздыханіями.

(43). Если умъ твой во время молитвы засматривается на юность; то молится онъ не какъ монахъ, а какъ еще мірянинъ, украшая виѣшнюю скиню.

(44). Молясь, по мѣрѣ силъ охраняй свою память, чтобы не что-либо свое внушала тебѣ, но возбуждала тебя къ разумному продолженію молитвы; потому что умъ во время молитвы обыкновенно крайне окрадывается памятію.

(45). Память молящемуся приводитъ на мысль,

или представленія о чемъ-либо давнемъ, или новыя заботы, или лице человѣка оскорбившаго.

(46). Демонъ крайне зазидуетъ молящемуся человѣку, и употребляетъ всѣ средства, — затруднить его въ исполненіи намѣренія; поэтому не престааетъ посредствомъ памяти возбуждать мысли о разныхъ вещахъ, и посредствомъ плоти приводить въ движеніе всѣ страсти, чтобы положить ему препоны въ превосходномъ его шествиіи и преселеніи къ Богу.

(47). Когда вселукавый демонъ многими усиліями невозможноетъ воспренятствовать молитвѣ рачительнаго (у); тогда даетъ не надолго ослабу, и потомъ отмицаетъ на самомъ молившемся; или, воспламенивъ гнѣвомъ, уничтожаетъ то прекрасное состояніе, какое достигнуто молитвою, или возбудивъ къ какому-либо неразумному наслажденію, наноситъ поруганіе уму.

(48). Помолвившись, какъ должно, ожидай, чего и не должно бы ожидать, и стой мужественно, охраняя плодъ свой; потому что отъ начала поставленъ ты на то, чтобы *дѣлати и хранити* (Быт. 2, 15.). Поэтому, сдѣлавъ, не оставляй неохраемымъ того, надъ чѣмъ трудился; въ противномъ случаѣ, молясь, не получишь никакой пользы.

(49). Всякая брань, встающая у насъ съ ду-

(у) По рукописи вмѣсто: *тѣ оковдѣис* (рачительнаго), читается: *тѣв дѣкалов* (праведнаго).

хамя нечистыми, бываетъ не ради чего иного, какъ ради духовной молитвы; потому что молитва сія для нихъ крайне непріязненна и весьма ненавистна, а для насъ спасительна и весьма благоприятна.

(50). Для чего демонамъ хочется возбуждать въ насъ чревоугодіе, блудъ, сребролюбіе, гнѣвъ, памятозлюбіе и прочія страсти? Для того, чтобы умъ, одобелѣвъ отъ нихъ, не могъ молиться, какъ должно: потому что страсти, получивъ начало въ безсловесной нашей части, не дозволяютъ уму дѣйствовать словесно и выкатъ въ Божіе слово.

(51). Добродѣтели проходимъ мы по законамъ вещей сотворенныхъ, а сіи законы по закону первоначальному нхъ осуществившему; этотъ же законъ обыкновенно открывается въ состояніи молитвенномъ.

(52). Молитвенное состояніе есть безстрастный навѣкъ, высочайшею любовію на мысленную высоту восхищающіилюбомудрїи и духовный умъ.

(53). Стремящійся къ тому, чтобы молиться истинно, долженъ не только господствовать надъ раздражительностію и похотию, но не имѣть и страстнаго помышленія.

(54). Кто любитъ Бога, тотъ всегда бесѣдуетъ съ Нимъ, какъ съ Отцемъ, уклоняясь отъ всякаго страстнаго помышленія.

(55). Не всякій достигшій безстрастія молится

уже истинно ; потому что можетъ онъ останавливаться на голыхъ представлѣнiяхъ, развлекаться ихъ разсмотрѣнiемъ, и далеко отстоять отъ Бога.

(56). Когда умъ и не останавливается долго на голыхъ представлѣнiяхъ вещей, и тогда онъ не вступилъ еще въ область молитвы ; потому что можетъ заниматься разсмотрѣнiемъ силъ вещей и размышлять о законахъ ихъ , а все сіе (хотя и голыя это слова, однако же какъ дѣйствительное представлѣнiе вещей), даетъ уму свой образъ, и далеко отводитъ его отъ Бога.

(57). Если умъ будетъ и выше изслѣдованiй тѣлесной природы ; то не узрѣлъ онъ еще совершеннаго Божiя мѣстопребыванiя ; потому что можетъ быть въ вѣдѣнiи мысленнаго и различно видоизмѣняться въ отношенiи къ сему вѣдѣнiю.

(58). Если хочешь молиться , то необходимъ для тебя Богъ , Который даетъ молитву молящемуся ; поэтому Его призывай, говоря: *да святится имя Твое , да придетъ царствіе Твое* (Матѳ. 6, 9. 10.), то есть , да придетъ Святыи Духъ и едиnorodный Сынъ Твой. Ибо такъ научилъ, говоря: *духомъ и истинною достоинъ кланяться Богу* (Іоан. 4, 24.), то есть , Отцу ; потому что Тронца сія — Богъ (Ф).

(59). Кто молится духомъ и истинною , тотъ

Ф. По рукописи не читаются послѣднія слова: *ἐν τῷ αἵματι τοῦ κυρίου*.
Θεοῦ.

уже не въ тваряхъ чувствуетъ Создателя, по пѣспословитъ Его въ Немъ Самомъ.

(60). Если ты богословъ, то будешь молиться истинно; и если истинно молиться будешь, то ты богословъ.

(61). Когда умъ твой по великой любви къ Богу, по немногу отрѣшается отъ плоти, и отвращается отъ всякихъ помышлений, ведущихъ начало отъ вождельнiя, или памятованiя (х), или сопряженiя съ плотiю, исполняясь вмѣстѣ и благоговѣнiя и радости; тогда заключай, что близокъ ты къ предѣламъ молитвы.

(62). Святiй Духъ, изъ состраданiя къ нашей немощи, посѣщаетъ насъ, хотя мы и нечисты, и если находитъ умъ нашъ правдолюбиво Ему молящимся, нисходитъ на него, и побуждая его къ дѣламъ духовной молитвы, уничтожаетъ все окружающее его полчище помысловъ, или представлений.

(63). Прочiе посредствомъ тѣлесныхъ измѣненiй производятъ въ умѣ помыслы, представления и усмотрѣнiя; а Богъ дѣйствуетъ противнымъ сему образомъ. Онъ нисходитъ въ самый умъ, влагаетъ въ него вѣдѣнiе, какое Ему угодно, и посредствомъ ума усыпляетъ невоздержность тѣла.

(64). Кто любитъ истинную молитву, и гнѣвается, или памятозлобствуетъ, тотъ поврежденъ

‘х; Сие слово дополнено по рукописи.

въ умѣ ; потому что уподобляется человѣку, который хочетъ разсмотрѣть ясно, и обращаетъ туда и сюда глаза свои.

(65). Если желаешь молиться, то не дѣлай ничего противнаго молитвѣ, чтобы Богъ приблизился, и ходилъ вмѣстѣ съ тобою.

(66). Молясь, Божества не облакай въ себя въ образы, и не позволяй, чтобы и умъ твой принималъ на себя какой-либо обликъ ; но невещественнымъ приступай къ Невещественному, и придешь въ единеніе.

(67). Остерегайся вражескихъ сѣтей ; потому что иногда молишься ты чисто и невозмутимо, и вдругъ предстанетъ тебѣ странный и чудный образъ, который вводитъ тебя въ самомишіе предположеніемъ, что въ образѣ семъ видишь Божество, чтобы симъ внезапнымъ откровеніемъ убѣдить, будто бы Божество количественно, тогда какъ Оно не имѣетъ ни количественности, ни очертанія.

(68). Когда завистливый демонъ во время молитвы не возможетъ возбудить твою память ; тогда принуждаетъ тѣлесное сложеніе произвести въ умѣ какое-либо странное мечтаніе, и сообразно съ онымъ настроитъ умъ ; а онъ, по привыкѣ слагать представленія, удобно преклоняется, и стремясь къ невещественному и не облакаемому въ образы вѣдѣнію, обманывается, вмѣсто свѣта удерживая у себя дымъ.

(69). Стой на стражѣ своей, охраняя умъ свой

отъ помышлений, чтобы, во время молитвы пребывать тебѣ въ покоѣ своемъ, и чтобы Состраждущіи къ невѣдущимъ посѣтили и тебя; и тогда примешь преславный даръ молитвы.

(70). Невозможешь молиться чисто, если связаешь ты дѣлами вещественными, и возмущенъ непрестанными заботами; потому что молитва есть отложеніе помышлений.

(71). Связанный не можетъ бѣжать, и умъ, работѣствующій страстямъ, не увидитъ области духовной молитвы; потому что увлекается и носится всюду страстнымъ помышленіемъ, а не стоитъ непоколебимо.

(72). Когда умъ молится наконецъ чисто, неразвлеченно и истинно, тогда демоны приступаютъ уже не съ лѣвой, но съ правой, стороны; представляютъ ему на видъ Божию славу и какой-либо обликъ пріятный для чувства, такъ что уму кажется, будто бы онъ совершенно достигъ цѣли молитвы. Но это, какъ сказалъ одинъ чудный и вѣдущій мужъ, происходитъ отъ страсти тщеславія, и отъ того, что демонъ прикасается къ мозговому вмѣстплещу, и приводитъ въ сотрясеніе кровеносныя жилы.

(73). Думаю, что демонъ, прикасаясь къ сказанному выше мозговому вмѣстплещу, пзмѣняетъ свѣтъ ума, какъ ему угодно, и такимъ образомъ возбуждается страсть тщеславія въ помыслѣ, который рѣшительно настраиваетъ легкомысленный умъ образовать въ себѣ божественное и су-

щественное вѣдѣніе. И таковой умъ, нетревожимый плотскими и нечистыми страстями, по остающійся чистымъ, никакъ не предполагаетъ въ себѣ какого-либо вражескаго дѣйствія, а потому заключаетъ, что Божіе это явленіе, тогда какъ оно произошло отъ демона, который посредствомъ мозгового вмѣстителя, по сказанному, измѣняетъ сопряженный съ нимъ свѣтъ ума и настраиваетъ самый умъ (ц).

(74). Ангелъ Божій, представъ, однимъ словомъ прекращаетъ въ насъ вражеское дѣйствіе, и возбуждаетъ свѣтъ ума къ несогрѣшительной дѣятельности.

(75). Сказанное въ Апокалипсисѣ объ Ангелѣ приносящемъ ѳиміамъ, *да дастъ молитвамъ святымъ* (Апок. 8, 3.), думаю, указываетъ на сію благодать, подаваемую чрезъ Ангела; потому что сообщаетъ вѣдѣніе истинной молитвы, такъ что умъ дѣлается уже свободнымъ отъ всякаго волненія, унынія и нерадѣнія.

(76). О ѳіалахъ, полныхъ ѳиміама, говорится, что это суть *молитвы святыхъ*, какія приносятся *двадцать четыре старца* (Апок. 5, 8.).

(77). Подъ ѳіаломъ же разумѣть должно содружество съ Богомъ, или совершенную и духовную любовь, при которой молитва совершается духомъ и истинною.

ц) По рукописи читается *διὰ του αγγέλου το ουρανού τμήτων φως* *σπίλοντος και μορφοῦντος* и проч.

(78). Когда представится тебѣ, что во время молитвы твоей нѣтъ тебѣ нужды проливать слезы за грѣхъ; тогда вникни, сколько ты удалился отъ Бога, въ Которомъ всегда долженъ ты пребывать, и проливай горячія слезы.

(79). Да, познавъ мѣру свою, сладко восплачешь, подобно Исаиѣ, именуюя себя окаяннымъ, потому что, будучи нечистъ, и *нечисты устны и мый*, и живя *посредь* таковыхъ же *людей*, осмѣиваешься предстоять предъ лицомъ Господа Саваоѹа (Ис. 6, 5.).

(80). Если будешь молиться истинно, то обрѣтешь великую увѣренность, и соберутся къ тебѣ Ангелы, и озарятъ свѣтомъ законы того, что происходитъ.

(81). Знай, что святые Ангелы побуждаютъ насъ къ молитвѣ, и стоятъ съ нами, вмѣстѣ и радуясь и молясь о насъ. Поэтому, если возне-радимъ, и прїимемъ въ себя противныя помыслы, то мы крайне оскорбимъ ихъ тѣмъ, что они столько за насъ подвизаются, а мы и за себя не хотимъ молить Бога, но пренебрегая ихъ служеніе, и оставляя ихъ Бога и Владыку, влодимъ въ общеніе съ нечестными демонами.

(82). Молись благодушно и несмущенно, и пой разумно и стройно; и будешь какъ орліи птенецъ, парящій въ высоту.

(83). Псалмопѣніе усыпляетъ страсти, и заставляетъ утихнуть тѣлесную невоздержность;

а молитва приготавливаетъ умъ къ тому, чтобы приводить ему въ дѣйствіе свою дѣятельность,

(84). Молитва есть дѣйствіе приличное достоинству ума, или лучшее и чистое его употребленіе (ч).

(85). Псалмопѣніе есть образъ многообразной мудрости, а молитва есть начатокъ невещественнаго и многообразнаго вѣдѣнія.

(86). Вѣдѣніе весьма прекрасно; потому что оно содѣйствуетъ молитвѣ, мысленную силу ума пробуждая къ созерцанію божественнаго вѣдѣнія.

(87). Если непріязль еще ты дара молитвы, или псалмопѣнія; то жди неутомимо, и приимешь.

(88). *Глагола же и притчу къ нимъ, како подобаеъ всегда молитися и нестужати си* (Лук. 18, 1.). Поэтому не стужай и не унывай, какъ непріязвшій еще; потому что приимешь въ послѣдствіи. Въ притчѣ присовокупилъ Господь и сіе: *аще и Бога не боюся, и чловѣки не срамляюся: но зане творитъ ми труды жена сія, отмишу ея* (5.). Поэтому и Богъ сотворитъ также *отмищеніе вопіющихъ къ Немю день и ноцъ вскорѣ* (7.). И ты благодумствуй, съ трудолюбивымъ терпѣніемъ пребывая въ святой молитвѣ.

(89). Желай, чтобы дѣла твои устроялись, не какъ тебѣ представляется, но какъ угодно сіе

(ч) По рукописи вместо *κρίσις* читается *υρίσις*.

Богу, и будешь несмущенъ и благодаренъ въ молитвѣ своей.

(90). Хотя кажется тебѣ, что ты уже съ Богомъ, однако же остерегайся демона блуда; потому что онъ великій обманщикъ, весьма завистливъ, хочетъ быть дѣятельнѣе движенія и трезвенности ума твоего, и отвлечь его отъ Бога, даже когда предстоитъ онъ Богу съ благоговѣніемъ и страхомъ.

(91). Если радѣешь о молитвѣ; то готовься къ нападеніямъ демоновъ, и терпѣливо переноси отъ нихъ удары; потому что, какъ дикіе звѣри, будутъ наступать на тебя и терзать все тѣло твое.

(92). Какъ опытный боецъ будь готовъ, увидишь ли внезапно мечтаніе, не колебаться, или извлеченный на тебя мечъ, или пламенный, держимый у тебя передъ лицомъ, не смущаться, или какой нибудь непріятный и окровавленный образъ — ни мало не упадать духомъ, но стой, исповѣдая доброе свое исповѣданіе, и спокойно будешь смотрѣть на враговъ своихъ.

(93). Кто переноситъ печальное, тотъ сподобится и радостнаго; и кто терпитъ непріятности, тотъ не будетъ лишенъ и пріятнаго.

(94). Смотри, чтобы лукавые демоны не обманули тебя какимъ-либо видѣніемъ, но обратясь къ молитвѣ, будь благоразуменъ, и моли Бога, чтобы, если мысль отъ Него, Самъ просвѣтилъ тебя, а если не отъ Него, скорѣе отгналъ отъ

тебя обольщеніе. И будь благонадеженъ ; псы не устоятъ, если ты пламенно занятъ собесѣдованіемъ съ Богомъ ; ибо тотчасъ, невидимо и непримѣтно поражаемые Божіею силою, далеко будутъ прогнаны отъ тебя.

(95). Стоить твоего вниманія знать и эту хитрость ; демоны на время дѣйствуютъ другъ противъ друга, и если вздумаешь просить себѣ помощи, прочіе демоны входятъ къ тебѣ въ ангельскомъ образѣ, изгоняя вошедшихъ прежде, чтобы обмануть тебя тою мыслию, что это святые Ангелы.

(96). Имѣй попеченіе о великомъ смиренномудріи, и поруганіе демонское да не коснется души твоей, рана не приблизится селенію твоему, *яко Ангеломъ своимъ заповѣсть сохрани ти тя* (Пс. 90, 10. 11.), и непримѣтно отгонять отъ тебя всю сопротивную силу.

(97). Кто имѣетъ попеченіе о чистой молитвѣ, тотъ слышитъ отъ демоновъ и шумъ, и стукъ, и голоса, и ругательства, но не падетъ, и не выдастъ имъ помысла, говоря Богу: *не убоюся зла, яко Ты со мною еси* (Пс. 22, 4.), и тому подобное.

(98). Во время таковыхъ искушеній употребляй краткую и усильную молитву.

(99). Если демоны будутъ угрожать тебѣ, что явятся внезапно въ воздухѣ, поразить и расхитятъ умъ твой, или, какъ звѣри, будутъ терзать тѣло твое : не бойся ихъ, и нимало не заботься

объ угрозы ихъ; потому что устрашаютъ тебя, искушая, обратишь ли на нихъ полное вниманіе, или совершенно пренебрежешь ихъ.

(100). Если Богу Вседержителю, Творцу и Промыслителю всѣхъ предсталъ ты въ молитвѣ (ш); то почему же предстоялъ Ему такъ неразумно, что ничѣмъ непревышаемый Божій страхъ не остановилъ твоего вниманія, а убоился ты мухъ и комаровъ? Или не слышишь Того, Кто говоритъ: *Господа Бога твоего да убоишися* (Втор. 10, 20); и еще: *Его же вся боятся и трепещутъ отъ лица силы Его* и такъ далѣе (2 Пар. 36.)?

(101). Какъ хлѣбъ служитъ пищею тѣлу, а добродѣтель душѣ: такъ духовная молитва есть пища ума.

(102). Не какъ фарисей, но какъ мытарь, молись въ священномъ мѣстѣ молитвы, чтобы и тебѣ быть оправданнымъ отъ Господа.

(103). Старайся никому не просить въ молитвѣ зла, чтобы создаемаго тобою не разрушать тебѣ, дѣлая молитву свою мерзкою.

(104). Задолжавшій *тьмою талантъ* да научить тебя, что, если не простишь должнику долга, то и самъ не получишь прощенія; ибо сказано: *предаде его мучителемъ* (Матѳ. 18, 34.).

(105). Когда стоишь на молитвѣ, отложи въ сторону тѣлесныя нужды, чтобы укушеніе ко-

(ш) Сие мѣсто исправлено по рукописи.

мара, или мухи не лишило тебя величайшаго приобрѣтенія, доставляемаго тебѣ молитвою.

(106). Сказывали намъ, что одному святому, когда онъ становился на молитву, столько противоборствовалъ лукавый, что, едва воздѣваетъ онъ руки, какъ демонъ преображается во льва, поднимаетъ вверхъ переднія ноги, вопзаетъ когти своя въ бока подвижнику, и не оставляетъ его, пока не опуститъ онъ рукъ. Но молящійся до тѣхъ поръ не опускалъ рукъ, пока не совершалъ обычными молитвъ.

(107). Таковъ, какъ извѣстно намъ, былъ безмолвствовавшій во рву Іоаннъ малый, или лучше сказать, величайшій изъ монаховъ, который неподвижнымъ пребылъ въ соприсутствіи Божіемъ, когда демонъ въ видѣ дракона обвился вокругъ него, пожиралъ плоть его, и изблевывалъ ему въ лице.

(108). Безъ сомнѣнія читалъ ты житія тавеннисіотскихъ иноковъ, гдѣ говорится, что, когда авва (щ) говорилъ слово братіямъ, къ ногамъ его приползли двѣ ехидны, а онъ, нимало не смущаясь, изогнулъ ступни какъ бы сводомъ, пустилъ подъ нихъ ехиднь, продолжилъ слово до конца, и тогда уже, показавъ ихъ братіямъ, рассказалъ объ этомъ.

(109). Еще о другомъ духовномъ братѣ читали мы, что, когда онъ молился, приползла ехид-

(ш) По рукописи авва Феодоръ.

на и коснулась ноги его, и онъ не прежде опустилъ руки, какъ совершивъ обычную молитву, и никакого вреда не потерпѣлъ сеи возлюбившей Бога паче себя.

(110). Да не возносится выспрь око твое во время молитвы твоей, и, отвергнись плоти и души своей, живи умомъ.

(111). Другому святому мужу, безмолвствовавшему въ пустынѣ, когда онъ прилежно молился, явились демоны, и въ продолженіе двухъ недѣль играли имъ, какъ мячемъ, бросали въ верхъ и подхватывали на рогожу; однако же никакъ не могли отвлечь умъ его отъ пламенной молитвы.

(112). Иному еще боголюбцу, когда, ходя по пустынѣ, приготавлиаяся онъ къ молитвѣ, явились два Ангела, и ставъ по сторонамъ, пошли съ нимъ рядомъ; но онъ вовсе не обратилъ на нихъ вниманія, чтобы не утратить лучшаго; ибо помнилъ апостольское изреченіе, въ которомъ сказано: *ни Ангели, ни Начала, ниже Силы* возмогутъ насъ *разлучити отъ любви Христовы* (Рим. 8, 38. 39.).

(113). Монахъ посредствомъ истинной молитвы дѣлается равноангельнымъ.

(114).¹ Желая узрѣть лице Отца небеснаго, никакъ не домогайся того, чтобы во время молитвы увидѣть тебѣ образъ, или обликъ.

(115). Не желай чувственно видѣть Ангеловъ, или Силы, или Христа, чтобы не впасть въ со-

вершенное умопомѣшательство, принявъ за пастыря волка и поклонившись враждебнымъ демонамъ.

(116). Начало заблужденія — тщеславіе ума. Движимый тщеславіемъ умъ покушается Божество описать какимъ-либо обликомъ и какимъ-либо очертаніями.

(117). Скажу это мое слово, какое говаривалъ п младшимъ: блаженъ умъ, который во время молитвы приобрѣлъ совершенное отрѣшеніе отъ всякихъ образовъ.

(118). Блаженъ умъ, который, молясь безъ развлеченія, воспріемлетъ непрестанно бѣольшую и бѣольшую любовь къ Богу.

(119). Блаженъ умъ, который во время молитвы дѣлается невещественнымъ и нестяжательнымъ.

(120). Блаженъ умъ, который во время молитвы приобрѣлъ совершенную нечувствительность.

(121). Блаженъ монахъ, который признаетъ себя отребіемъ всѣхъ.

(122). Блаженъ монахъ, который со всею радостію взираетъ на спасеніе и преспѣваніе всякаго, какъ на свое собственное.

(123). Блаженъ монахъ, который всякаго челоуѣка почитаетъ какъ бы Богомъ послѣ Бога.

(124). Тотъ монахъ, кто отъ всѣхъ отлученъ, и со всѣми въ согласіи.

(125). Тотъ монахъ, кто себя ставитъ наряду

со всякимъ ; потому что во всякомъ непрестанно думаетъ видѣть себя самого.

(126). Тотъ совершаетъ молитву , кто всегда каждую первую мысль свою плодоприноситъ Богу.

(127). Всякой лжи и всякой клятвы избѣгай , какъ монахъ и желающій молиться ; иначе напрасно принимаешь на себя несвойственный тебѣ видъ.

(128). Если хочешь молиться духомъ , ничего не замствуй отъ плоти , и не будетъ облака , предшествующаго тебѣ во время молитвы.

(129). Богу ввѣрай потребность тѣлесную , и не усумнишься , ввѣрая Ему потребность духовную.

(130). Если сподобишься пріять обѣтованія , то будешь царствовать ; посему , взирая на оныя , охотно будешь переносить настоящую нищету.

(131). Не отказывайся отъ нищеты и скорби — этой пищи для молитвы нетягостной.

(132). Тѣлесныя добродѣтели пусть сходятся у тебя съ душевными , а душевныя съ духовными , послѣднія же съ невещественнымъ вѣдѣніемъ.

(133). Молясь , замѣчай въ разсужденіи помысловъ , если безъ труда они утихнутъ , отъ чего произошло это , чтобы не понаестся въ сѣть , и въ заблужденіи не выдать себя врагамъ.

(134). Иногда демоны внушаютъ тебѣ помыслы , и снова побуждаютъ тебя молиться обѣ

ихъ одолѣнии, или прекословить имъ, и добровольно отступаютъ отъ тебя, чтобы оболъстившись подумалъ ты, что началъ препобѣждать помыслы и устрашать демоновъ.

(135). Въ молитвѣ о преодолѣнии страсти, или демона, тревожащихъ тебя, вспомни того, кто говоритъ: *пожену враги моя, и постигну я, и невозвращуся, дондеже скончаются: оскорблю ихъ, и не возмогутъ стати, падутъ подъ ногама моима*, и такъ дагѣ (Пс. 17, 38. 39.), но скажи сіе благовременно, вооружаясь на сопротивниковъ смврнномудріемъ.

(136). Не думай, что пріобрѣлъ ты добродѣтель, если прежде не боролся за нее до крови; ибо, по слову божественнаго Апостола, должно до смерти стоять *противу грѣха* подвижнически и неукоризненно (Евр. 12, 4.).

(137). Если сдѣлаешь одному пользу, то потерпишь вредъ отъ другаго, чтобы, понесши обиду, сказалъ (ѣ), или сдѣлалъ ты что-либо несообразное, п худо расточилъ, что хорошо тобою собрано. Въ этомъ п состоитъ цѣль лукавыхъ демоновъ. Потому должно тебѣ быть разумно внимательнымъ.

(138). Ожидай демонскихъ на тебя устремленій, заботясь о томъ, какъ не впасть къ нимъ въ рабство.

1.) По рукописи вместо *ἐκείνους* читается *ἐκείνης*.

(139). Ночью демоны сами помогают смущать духовнаго учителя, а днемъ черезъ людей окружають его бѣдами, клеветами и опасностями.

(140). Не отказывайся терпѣть отъ этихъ сукноваловъ; если они поппрая ногами бьютъ, и растягивая терзають; то чрезъ это чувство твое дѣлается свѣтлѣе.

(141). Пока не отречешься отъ страстей, и умъ твой противится добродѣтели и истинѣ, до тѣхъ поръ не найдешь благовошнаго онміама въ пѣдрѣ своемъ.

(142). Желаетъ ли молиться? Преселившись отъ всего здѣшняго, всегда жительствуи на небесахъ, не голымъ только словомъ, но ангельскими дѣянїями и божественнымъ вѣдѣнїемъ.

(143). Если только при безуспѣшности воспоминаешь о Судїѣ, сколько Опъ страшенъ и неприятенъ; то не научился ты еще *работать Господеву со страхомъ, и радоваться Ему съ трепетомъ* (Пс. 2, 12.). Ибо знаи, что во время духовныхъ отдохновенїи и прирїествъ наипаче должно служить Ему съ благоговѣнїемъ и чествованїемъ.

(144). Благоразуменъ тотъ, кто прежде совершеннаго покаянїя даетъ въ себѣ мѣсто скорбному памятованїю о грѣхахъ своихъ и объ осужденїи на вѣчный огонь въ наказанїе за нихъ.

(145). Кто пребываетъ во грѣхахъ и въ раздражительномъ состоянїи, и безъ стыда осмѣ-

ливается простираться къ вѣдѣнію Божественнаго, или восходить до невещественной молитвы, тотъ да подвергнется апостольскому запрещенію, потому что не безопасно ему молиться съ обнаженною и непокровенною главою; кбо Апостольъ говоритъ: *должна есть* таковая *власть имѣти на главы* предстоящихъ *Ангель ради* (1 Кор. 11, 10.), т. е. должна облечься стыдомъ и надлежащимъ смиренномудріемъ.

(146). Какъ больному глазами не принесетъ пользы, въ самый полдень и при сильномъ свѣтѣ долгое и напряженное смотрѣніе на солнце: такъ уму страстному и нечистому вовсе не доставитъ пользы изображеніе страниной и высокой молитвы духомъ и истиною, а напротивъ того возбудитъ Божіи на него гнѣвъ.

(147). Если пришедшаго къ алтарю съ даромъ не принялъ Неприимствующій на въ чемъ нужды и Нелицеприятный, пока не примирится онъ съ скорбѣвшимъ на него ближнимъ (Матѣ. 5, 23.); то смотри, сколько потребно осторожности и разсудительности, чтобы принести Богу благопріятный оміамъ на алтарѣ мысленномъ.

(148). Не будь словоохотень и славолубивъ; въ противномъ случаѣ не только *на хребтъ* твою, но и на *лицѣ* твою, будутъ *дѣлать грѣшницы* (Пс. 128, 3.), и во время молитвы послужитъ для шкъ посмѣшщемъ, увлекаемый и уловяемый странными помыслами.

(149). Внимательность, ищущая молитвы, обрѣ-

таетъ молитву ; потому что молитва, какъ и прочее, слѣдуетъ за внимательностію, о которой и должно стараться.

(150). Какъ всѣхъ чувствъ лучше зрѣніе: такъ всѣхъ добродѣтелей божественнѣе молитва.

(151). Похвала молитвы — не одно ея количество, но и качество: сіе даютъ видѣть и восходившіе *во святилище* (Дѣян. 3, 1.), и сказанное: *молящіяся не лишше глаголите*, и такъ далѣе (Матѳ. 6, 7.).

(152). Пока обращаешь вниманіе на соразмѣрность тѣла, и умъ твой любитъ украшенія скиннїи, не зрѣлъ ты до тѣхъ поръ еще области молитвы, но далекъ отъ тебя блаженный путь ея.

(153). Когда, стоя, на молитвѣ, ощущаешь радость, которая выше всякой другой радости ; тогда дѣйствительно обрѣлъ ты молитву.

О ВОСЬМИ ЛУКАВЫХЪ ДУХАХЪ.

О ЧРЕВОУГОДИИ.

Г л а в а 1. Начало плодоносія — цвѣтъ, и начало дѣятельности — воздержаніе. Владѣющій чревомъ умаляетъ силу страстей, а преодолимый желаніемъ снѣдей увеличиваетъ силу сластолюбія. Начало язычниковъ — Амаликъ, и начало страстей — чревоугодіе. Пища огню—дрова, а пища чреву—снѣди. Отъ множества дровъ возгарается великій пламень, а множество снѣдей питаетъ похоть. Пламень ослабѣваетъ съ оскудѣніемъ горячаго вещества, а скудость снѣдей приводитъ въ безсиліе похоть. Кто овладѣлъ челюстію, тотъ избилъ иноплеменищниковъ, и безъ труда разрѣшилъ узы на рукахъ своихъ (Судей 15, 14.). *Избиеніе челюстное* (17.) произвело источникъ воды, и доведенное до бездѣйствія чревоугодіе породило дѣятельное со-

зерцаніе. *Коль куцный* (Суд. 4, 21.), прозвивъ челюсть, умертвилъ врага; а слово воздержанія умертвило страсть. Пожеланіе снѣди породило преслушаніе; а усладительное вкушеніе изринуло изъ рая. Многоцѣбныя снѣди услаждаютъ гортань, но питають и неусыпающаго червя невоздержанія. Отощавшее чрево приуготовляетъ къ тому, чтобы бодрствовать въ молитвѣ, а пресыщенное наводитъ глубокой сонъ. Трезвенны мысли при сухояденіи, а жизнь роскошная погружаетъ умъ въ глубину. Молитва постника — воспаряющій орлій птенець; а молитва унывающагося, отягчаемая пресыщеніемъ, увлекается внизъ. Умъ постника — свѣтлая звѣзда на чистомъ небѣ, а умъ унывающагося въ затмѣніи среди безлунной ночи. Туманъ скрываетъ солнечныя лучи; а грубыя испаренія вкушенихъ снѣдей омрачаютъ умъ.

Глава 2. Замаранное зеркало не передаетъ вполне приразившагося къ нему образа; и сила мышленія, притупленная пресыщеніемъ, не приметъ въ себя вѣдѣнія Божія. Невоздѣльваемая долго земля порождаетъ тернія; и умъ чревоугодника прозираетъ срамныя помыслы. Невозможно найти ароматъ въ гною, и въ чревоугодникѣ — благоуханіи созерцанія. Око чревоугодника высматриваетъ, гдѣ ширшества, а око воздержнаго, — гдѣ собранія мудрыхъ. Душа чревоугодника вычисляетъ дни памяти мучениковъ, а душа воздержнаго подражаетъ ихъ жиз-

ни. Боязливый воинъ трепещеть отъ звука трубы, возвѣщающей битву, а чревоугодникъ—отъ проповѣди о воздержаніи. Чревоугодливый монахъ — данникъ своего чрева, и подъ бичемъ выплачиваетъ ежедневный налогъ. Горопливый путникъ скоро достигнетъ города, и воздержный монахъ — умиренаго состоянія. Медлительный путникъ останавливается на почлегъ въ пустынь подъ открытымъ небомъ; и монахъ чревоугодникъ не придетъ въ домъ безстрастія. Куреніе ѳиміама благоуханіемъ наполняетъ воздухъ, и молитва воздержнаго — Божіе обоняніе. Если предашься пожеланію снѣдей, то ничего не будетъ достаточно къ удовлетворенію сластолюбія, потому что желаніе снѣдей есть огонь, всегда приѣмлющій горящее вещество, и всегда пламенѣющій. Достаточная мѣра наполняетъ сосудъ, а чрево и разсѣднись не скажетъ: довольно. Воздѣянiе рукъ обратило въ бѣгство Амалика, и возвышенныя дѣянiя покоряютъ плотскія страсти.

Г л а в л 3. Истребляй въ себѣ все, что даетъ дыханіе пороку, и съ силою умерщвляй плотскіе члены свои. Какъ убитый врагъ не внушаетъ тебѣ страха; такъ умерщвленное тѣло не возмутитъ твоей души. Мертвое тѣло не чувствуетъ боли отъ огня, и воздержный — удовольствія отъ омертвѣвшей похоти. Если поразинь Египтянина, то скрой его въ песокъ, и по случаю преодоленія страсти не утучняй тѣла. Ибо какъ со-

крытое въ тучной землѣ даетъ ростокъ, такъ въ утучненномъ тѣлѣ раздвѣтаетъ страсть. Потухающій пламень, отъ вложенныхъ въ него сухихъ сучьевъ снова дѣлается яркимъ, и угасшее сластолюбіе воспламеняется отъ пресыщенія снѣдами. Не жалѣй тѣла, жалующагося на беспіліе, и не утучняй его дорогими снѣдами. Если придетъ оно въ силу; то востанетъ на тебя, и поведетъ съ тобой непримиримую брань, пока не плѣнитъ твою душу, и не предастъ тебя въ рабы страсти блуда. Скудно питаемое тѣло — обузданный конь, и никогда не сброситъ съ себя всадника; потому что конь, стянутый уздою, уступаетъ и повинуется рукѣ возницы, а тѣло укрощается голодомъ и бдѣніемъ, и тогда не рвется изъ рукъ всѣдающаго на немъ помысла, не ржетъ движимое страстнымъ устремленіемъ.

О БЛУДѢ.

Глава 4. Воздержаніемъ порождается цѣломудріе, чревоугодіе же матеръ невоздержности. Елей питаетъ пламень свѣтильника, а обращеніе съ женщинами возжигаетъ огнище сластолюбія. Напоромъ волкъ обуреваются ненагруженный корабль, а блуднымъ помысломъ — невоздержный умъ. Блудъ возметъ въ помощь себѣ пресыщеніе, потому что разоидется съ умомъ, станетъ за одно съ противниками, и до конца будетъ сражаться вмѣстѣ съ врагами. Кто любитъ без-

молвіе, тотъ пребываетъ неуязвленъ стрѣлами врага; а кто вмѣшивается въ толпу, тотъ часто получаетъ раны. Возрѣніе на женщину — ядовитая стрѣла, уязвляетъ душу, вливаетъ въ нее ядъ, и чѣмъ продолжительнѣе, тѣмъ большее производитъ загноеніе. Кто охраняетъ себя отъ этихъ стрѣлъ, тотъ не ходитъ на народныя собранія, не предается разсѣянью на празднествахъ. Ибо лучше спокойно оставаться дома и пребывать въ молитвахъ, нежели, думая почтить праздникъ, сдѣлаться скорою добычею враговъ. Избѣгай свиданія съ женщинами, если хочешь быть цѣломудреннымъ, и не давай имъ свободы когда либо довѣряться тебѣ. Ибо въ началѣ, или дѣйствительно имѣютъ, или лицемерно оказываютъ, уваженіе, а въ послѣдствіи безстыдно отваживаются на все; при первомъ свиданіи понякаютъ оцѣ взоромъ долу, говорятъ кротко, съ состраданіемъ проливаютъ слезы, бываютъ пристойно одѣты, горестно воздыхаютъ, предлагаютъ вопросы о чистотѣ, и со тщаніемъ слушаютъ. Видишь ихъ во второй разъ, и взоръ ихъ поднятъ нѣсколько выше; а въ третій, смотрятъ уже, безстыдно улыбаясь, даже разливаются громкимъ смѣхомъ; наконецъ приходятъ нарядныя, ясно выказываются предъ тобою, такой видъ даютъ взгляду, который возвѣщаетъ страсть, поднимаютъ брови, не оставляютъ въ покоѣ рѣсницъ, обнажаютъ выно, во всемъ тѣлѣ обнаруживаютъ нѣгу, произносятъ слова ласкающія

страсть, самымъ выговоромъ стараются обольстить слухъ, пока всеми силами не оцѣпять душу. И дѣлается это для тебя удою, уловляющею въ смерть, хитросплетенною сѣткою, влекущею въ погибель. Да не введутъ же тебя въ обманъ скромными рѣчами; потому что въ нихъ сокрытъ вредоносный звѣриный ядъ.

Г л а в а 5. Подойди лучше къ горящему огню, нежели къ юной женщинѣ, когда и самъ ты юнъ; потому что, приблизившись къ огню, и почувствовавъ боль, тотчасъ отскочишь прочь, а разнѣжась отъ женскихъ рѣчей, не вдругъ отойдешь. Ботъетъ трава, растущая при водѣ, и страсть непотребства — въ сообществѣ съ женщинами. Кто наполняетъ чрево, и обѣщается быть цѣломудреннымъ, тотъ подобенъ утверждающему, что остановитъ силу огня, поналежащаго соломѣ. Какъ невозможно удержать стремительность огня разливающагося по соломѣ; такъ невозможно остановить стремленіе къ непотребству, воспламеняемое при пресыщеніи. Столпъ поддерживается основаніемъ, и страсть блудная унокоевается пресыщеніемъ. Обуреваемый корабль поспѣшаетъ въ пристань, и цѣломудренная душа ищетъ пустыни. Корабль убѣгаетъ отъ морскихъ волнъ, угрожающихъ опасноію, а душа—отъ женскихъ лицъ, причиняющихъ гибель. Видъ нарядной женщины потопляетъ хуже волны. Изъ волнъ по любви къ жизни можно еще выплыть; а обольстительный

видъ женщины убѣждаетъ пренебречь и самую жизнь. Пустынный кустъ безвредно избѣгаетъ огненнаго пламени, и цѣломудренный вдали отъ женщинъ не воспламеняется страстію непотребства. Какъ воспоминаніе объ огнѣ не сожигаетъ мысли, такъ и страсть не имѣетъ силы, когда нѣтъ для нея пищи.

Глава 6. Если помилуешь непріятеля, то будетъ у тебя врагъ; и если пощадшь страсть, то встанетъ на тебя. Возрѣніе на женщину невоздержнаго возбуждаетъ къ сластолюбію, а цѣломудреннаго располагаетъ къ прославленію Бога. Если страсть при свиданіяхъ съ женщинами будетъ оставаться въ покоѣ, невѣрь общаемому ею безстрастію. Ибо и пещь, окруженный толпою, машетъ хвостомъ, а вышедши изъ толпы, показываетъ свойственную ему злость. Когда воспоминаніе о женщинѣ дѣлается безстрастнымъ; тогда заключай, что вступилъ ты въ предѣлы цѣломудрія. А когда представляемый тобою образъ ея побуждаетъ къ лицезрѣнію, и стрѣлы ея касаются души твоей, тогда думай о себѣ, что ты еще внѣ добродѣтели. Но и въ первомъ случаѣ не останавливайся на таковыхъ помыслахъ, и мысленно не бесѣдуй долго съ женскимъ образомъ; потому что страсть любитъ возвращаться назадъ, и опасность къ ней близка. Какъ соразмѣрное плавленіе очищаетъ серебро, а продолженное сверхъ мѣры производитъ въ немъ утрату, такъ цѣломудренный

навыкъ портить долговременное представленіе въ мысляхъ женщины. Недолго бесѣдуй съ явившимся тебѣ лицомъ, чтобы не зажгло въ тебѣ пламени сластолюбія, и не запылило гумна души твоей. Какъ долго остававшаяся въ соломѣ пскра производитъ воспламененіе, такъ продолжительное памятованіе о женщинѣ возжигаетъ похоть.

О СРЕБРОЛЮБІИ.

Г л а в а 7. Сребролюбіе — корень всѣхъ золъ; какъ худыя вѣтви, питаетъ оно прочія страсти, и не даетъ засыхать тому, что отъ него процвѣло. Кто хочетъ истребить страсти, тотъ пусть исторгнетъ корень; а пока остается сребролюбіе, не сдѣлаешь себѣ пользы, отсѣкая вѣтви; потому что, если и будутъ отсѣчены, скоро опять выростутъ. Многостяжательный монахъ — пренагруженный корабль, и легко потопляемый въ мятущихся отъ бури волнахъ. Какъ кораблю, въ которомъ открылась течь, прибавляетъ опасности каждая волна; такъ многостяжательный больше и больше утонаетъ въ заботахъ. Монахъ нестяжательный—непричудливый путникъ, который на всякомъ мѣстѣ находитъ себѣ пристанище. Монахъ нестяжательный—высокопарящій орелъ, тогда только опускается внизъ за пищею, когда вынуждаетъ потребность. Таковъ выше всякаго искушенія, смѣется надъ всѣмъ настоящимъ, подымается высерь, удаляется отъ всего

земнаго, небожительствуетъ съ горшими; потому что легки у него крылья, не обременены заботами. Пришла скорбь, и безъ печали оставляетъ онъ мѣсто; настигла смерть, благодушно преселяется отселѣ, потому что никакими земными узами не связалъ душу. А многостяжательный связанъ попеченіями, и какъ пѣсь привязанъ цѣпью; если принужденъ переселиться, несеть съ собою тяжкое бремя и бесполезную скорбь — воспоминаніе объ имуществѣ; уязвляется его печаль, и сильно мучится онъ въ мысляхъ. Оставилъ онъ имущество? терзаетъ его печаль. Если пришла смерть къ нему, съ жалостію оставляетъ настоящее, отдаетъ душу, и глазъ не отводитъ отъ того, что имѣеть у себя, насильно влекутъ его какъ бѣглаго раба, разлучается съ тѣломъ, но не разлучается съ имѣніемъ; сильнѣе влекущихъ удерживаетъ его страсть.

Глава 8. Море не наполняется, принимая въ себя множество рѣкъ, и пожеланіе сребролюбца не удовлетворяется тѣмъ, что у него собрано денегъ; удвоилъ онъ это, и желаетъ сдѣлать еще вдвое большимъ, и никогда не перестаетъ удвоять, пока смерть не прекратитъ сего бесполезнаго раченія. Монахъ благоразумный будетъ имѣть въ виду только потребность тѣла, и оскудѣнно чрева удовлетворитъ хлѣбомъ и водою, не употребитъ ласкательствъ предъ богатыми, чтобы доставить удовольствіе чреву,

не поработитъ свободаго ума многимъ властелинамъ ; потому что достаточно однихъ рукъ , чтобы услужить тѣлу , и во всемъ удовлетворить естественной необходимости. Нестяжательный монахъ — недающійся въ руки борець , и легкій течецъ , скоро достигающій къ почести *вышняго званія* (Фил. 3, 14.). Монахъ многостяжательный радуется многимъ доходамъ , а нестяжательный — вѣнцамъ за преспѣваніе. Монахъ сребролюбивый усиленъ въ работахъ , а нестяжательный проводитъ время въ молитвахъ и чтеніи. Монахъ сребролюбивый наполняетъ сокровищницы золотомъ , а нестяжательный собираетъ сокровище на небѣ. Проклятъ , кто дѣлаетъ идола и полагаетъ его въ *сокровении* (Втор. 27, 15.), а также , кто пмѣетъ страсть сребролюбія : тотъ кланяется бесполезному слитку , а этотъ , мечтаніе о богатствѣ носитъ вмѣсто кумира.

О ГНѢВѢ.

Глава 9. Гнѣвъ — неистовая страсть , легко выводитъ изъ себя даже имѣющихъ вѣдѣніе , звѣрскою дѣлаетъ душу , заставляетъ уклоняться отъ всякаго общенія. Сильный вѣтеръ не колеблетъ столпа , и душу негнѣвливую не увлечетъ раздраженіе. Вода приводится въ движеніе стремительностію вѣтровъ , и раздражительный возмущается безразсудными помыслами. Гнѣвливыи

монахъ — вебрь пустынный (а); увидѣль кого нибудь, и точить зубы. Распространившійся туманъ сгущаетъ воздухъ, возбужденная раздражительность дѣлаетъ грубымъ разумъ гнѣвливаго. Набѣжавшее облако омрачаетъ солнце, а помысль памятозлбiя — умъ. Левъ, запертый въ звѣринецъ, ни на минуту не оставляетъ въ покоѣ дверныхъ крюковъ, а раздражительный въ кельѣ — гнѣвливыхъ помысловъ. Прiятное зрѣлище — спокойное море, но не такъ прiятно, какъ мирное состоянiе духа. Въ тихомъ морѣ плаваютъ дельфины, а при мирномъ состоянiи духа возникаютъ боголѣпныя помышленiя. Долготерпѣливый монахъ — тихiй источникъ, всѣмъ доставляющiй прiятное питiе; а разумъ гнѣвливаго всегда возмущенъ и не даетъ воды жаждущему; если же и даетъ, то мутную и негодную. У раздражительнаго глаза мутны и налиты кровью, возвѣщаютъ возмущенное сердце; а лице долготерпѣливаго спокойно, глаза прiятны, и смотрятъ прямо.

Глава 10. Кротость мужа помпнается у Бога (Псал. 131, 1.), и душа негнѣвливая дѣлается храмомъ Святаго Духа. Христось приклоняетъ главу въ долготерпѣливомъ духѣ, и умиранный разумъ дѣлается обителiю Святыя Троицы. Лисицы живутъ въ душѣ злопамятной, и логовищемъ звѣрей служатъ сердце смятенное. Че-

(а) Слова: *οἰαυρος ἐρμηκός* дополнены къ рукописи.

стный мужъ избѣгаетъ гнуснаго пристанища, и Богъ — злопамятнаго сердца. Упадшій камень возмущаетъ воду, и худое слово — сердце мужа. Удали гнѣвливые помыслы изъ души твоей, и раздраженіе да не водворяется въ сердце тво- емъ, чтобы не возмущаться тебѣ во время мо- литвы. Какъ дымъ отъ тлѣющей соломы без- покоитъ глаза, такъ и памятозловіе — умъ во время молитвы. Помыслы раздраженнаго—сид- нины порожденія, пожираютъ породившее ихъ сердце. Молитва раздраженнаго — мерзостное куреніе, псалмонѣіе гнѣвнаго — неприятный звукъ, даръ злопамятнаго — червивая жертва, и да не приближается къ очистительнымъ олта- рямъ. Возмущающіе сны видятъ раздраженный, и нападенія звѣрей мечтаются гнѣвливымъ. Мужъ долготерпѣливый видятъ въ вѣдѣніи соборы свя- тыхъ Ангеловъ, и непамятозлюбивый упражняет- ся въ духовныхъ словесахъ, ночью приѣмлетъ разрѣшенія таинъ.

О ПЕЧАЛИ.

Г л а в а 11. Опечаленный монахъ не знаетъ духовнаго наслажденія, печаль же есть унылость души, и бываетъ слѣдствіемъ гнѣвныхъ помы- словъ. Раздражительность есть пожеланіе отмще- нія, и неуспѣхъ въ отмщеніи порождаетъ пе- чаль. Печаль есть львиная пасть, и легко по- глוצаетъ опечаленнаго. Печаль есть червь въ

сердцѣ, и пожираетъ родившую его мать. Мучится мать, раждая чадо, а когда родить, освобождается отъ мукъ; но печаль раждаясь возбуждаетъ великую боль, и оставаясь послѣ болѣзней рожденія, причиняетъ не малую болѣзнь. Опечаленный монахъ не знаетъ духовной радости, какъ вкуса въ меду—страждущій сильною горячкой. Опечаленный монахъ не подвигнетъ ума къ созерцанію, и никогда не восшлетъ (б) чистой молитвы; потому что печаль — препятствіе всему доброму. Узы на ногахъ — препятствіе скорому шествію, а печаль — препятствіе созерцанію. Пльнника варвары окывываютъ желѣзомъ, а пльнника страстей связываетъ печаль. Не усиливается печаль, когда нѣтъ другихъ страстей, какъ и узы не вяжутъ, когда нѣтъ связующихъ. Кто связанъ печалію, тотъ побѣжденъ страстями, и въ обличіе своего пораженія носитъ узы; потому что печаль бываетъ слѣдствіемъ неудачи въ плотскомъ пожеланіи, а пожеланіе сопрягается со всякою страстію. Кто побѣдилъ пожеланіе, тотъ побѣдилъ страсть; а кто побѣдилъ страсти, тѣмъ не овладѣетъ печаль. Не печалится воздержный, что неудались снѣди, и цѣломудренный, что не успѣлъ въ задуманномъ неразумно непотребствѣ, и негнѣвливыи, что невозмоно отмстить, и смиренномудренный, что лишенъ человѣческой

(б) Въмѣсто *ἀναπέμπε* въ рукописи читается: *ἀναπέμψε ποτὲ*.

почести, и несребролюбецъ, что потерпѣлъ утрату. Они съ силою отклонили отъ себя пожеланіе всего этого, потому что, какъ одѣтаго въ броню не пронзаетъ стрѣла, такъ безстрастнаго не уязвляетъ печаль.

Г л а в а 12. Воину доставляетъ безопасность щитъ, и городу — стѣна, но болѣе щита и стѣны доставляетъ безопасность монаху безстрастіе. Ибо щитъ пробиваетъ стремительно летящая стрѣла, и стѣна разорвется множествомъ воптелей, а безстрастія не превозможетъ печаль. Овладевшій страстями овладѣлъ и печалію, а побѣжденный сластолюбіемъ не избѣжитъ ея узъ. Кто часто печалится, и приписываетъ себѣ безстрастіе, тотъ подобенъ больному, притворяющемуся здоровымъ. Какъ больній видѣнъ по цвѣту лица, такъ страстнаго изобличаетъ печаль. Кто любитъ міръ, тотъ много будетъ печалиться. А кто небрежетъ о томъ, что въ мірѣ, тотъ всегда будетъ веселиться. Сребролюбецъ, понесши утрату, горько будетъ печалиться; а пренебрегающій деньги будетъ безпечаленъ. Славолюбившій опечалится, когда потерпитъ безчестіе, а смиренномудрый приметъ его какъ совопитанника. Плавильная печь очищаетъ недобротное серебро, и печаль по Богу — сердце, погрязшее во грѣхахъ. Частое плавленіе убавляетъ свинецъ, и мірская печаль умаляетъ разумъ. Темнота уменьшаетъ дѣятельную силу глазъ, и печаль расслабляетъ созерцательный умъ. Въ

глубину воды не проходит солнечный свѣтъ, и сердца въ печали неозаряетъ созерцаніе свѣта. Всякому человѣку приятенъ солнечный восходъ, но и имъ не улаждается печальная душа. Болѣзнь желтуха отнимаетъ ощущеніе вкуса, и печаль отъемлетъ чувство у души. Но кто пренебрегаетъ мірскія удовольствія, того не тревожатъ печальные помыслы.

ОВЪ УНЫШІИ.

ГЛАВА 13. Уныніе есть изнеможеніе души, а душа въ изнеможеніи не имѣетъ того, что ей естественно, и не выдерживаетъ мужественно искушеній. Что пища для здороваго тѣла, то искушеніе для мужественной души. Сѣверный вѣтеръ питаетъ произрастенія, а искушенія подкрѣпляютъ душевную твердость. Безводное облако уносится вѣтромъ, а не имѣющій терпѣнія умъ — духомъ унынія. Весенняя роса прибавляетъ роста полевому плоду, а духовное слово возвышаетъ состояніе души. Духъ (в) унынія гонитъ монаха изъ дому его; а кто имѣетъ терпѣніе, тотъ всегда пребываетъ на безмолвіи. Предавшійся унынію выставляетъ въ предлогъ посѣщеніе больныхъ, удовлетворяетъ же собственному своему намѣренію. Монахъ въ уныніи скоръ на служеніе, и удовлетвореніе себѣ

(в) По рукописи вмѣсто: *реїка* читается: *пкѣика*.

самому вмѣняетъ въ заповѣдь. Легкіи вѣтерокъ наклоняетъ слабое растеніе, и мысль о странствованіи увлекаетъ предавшагося унынію. Хорошо утвердившееся дерево не колеблется отъ успія вѣтровъ, и уныніе не преклоняетъ окрѣпшія души. Бродящій монахъ — сухой пустынный сукъ, не много времени побудетъ на безмолвіи, и снова нехотя несется дальше. Переносимое съ мѣста на мѣсто растеніе не приноситъ плода, и бродящій монахъ не приноситъ плода добродѣтели. Больной не довольствуется одною пищею, и монахъ въ уныніи — однимъ дѣломъ. Слостолюбцу не довольно будетъ одной жены, и монаху въ уныніи недостаточно будетъ одной келліи.

Глава 14. Глазь преданнаго унынію непрестанно устремленъ на двери, и мысль его мечтаетъ о посѣтителяхъ. Скрипнула дверь, и онъ вскакиваетъ; послышался голосъ, и онъ выглядываетъ въ окно, не отходитъ отъ него, пока не оцѣпенѣетъ спя. Преданный унынію, читая, часто зѣваетъ, и скоро склоняется ко сну, потираетъ лице, вытягиваетъ руки, и отворотивъ глаза отъ книги, пристально смотритъ на стѣну, обратившись снова къ книгѣ, почитаетъ немного, переворачивая листы, любопытствуетъ видѣть концы словъ, считаетъ страницы, дѣлаетъ выкладку о числѣ цѣлыхъ листовъ, олуждаетъ почеркъ и украшенія; а напоследокъ, согнувъ книгу, кладетъ подъ голову, и засыпаетъ

сномъ не очень глубокимъ, потому что уже гонимъ возбуждаетъ его душу, и заставляетъ позаботиться о себѣ. Монахъ въ уныніи лѣнливъ къ молитвѣ, и иногда не выговариваетъ молитвенныхъ рѣченій. Какъ больной не выноситъ тяжелаго бремени, такъ преданный унынію не сдѣлаетъ прилежно Божія дѣла: то тѣлесными силами разстроень, то ослабѣвъ въ сплахъ душевныхъ. Отъ унынія вращуетъ постоянство, дѣлаше всякаго дѣла съ великою внимательностію и со страхомъ Божиимъ. Во всякомъ дѣлѣ опредѣли себѣ мѣру, и не оставляй прежде, нежели кончишь, что назначено, также молись разумно и усиленно, и духъ унынія бѣжитъ отъ тебя.

О ТЩЕСЛАВІИ.

Г л а в а 15. Тщеславіе есть неразумная страсть, и удобно примѣшивается ко всякому добродѣтельному дѣлу. Сливается и черта проведенная на водѣ, и добродѣтельный трудъ — въ душѣ тщеславной. Бѣла стала рука скрытая въ пѣдрѣ (Исх. 4, 6.), и скрываемое дѣло просіяваетъ блистательнѣе свѣта. Цвѣтолпстикъ обвивается около дерева, и когда достигаетъ вершины, сушитъ корень; а тщеславіе растеть съ добродѣтелями, и не оставляетъ ихъ, пока не отыметъ у нихъ силы. Гроздь винограда, влачащійся по землѣ, легко загниваетъ, и гибнетъ добродѣтель, опирающаяся на тщеславіе. Тщеслав-

Нил. Ч. I.

ный монахъ — бесплатный дѣлатель, несетъ на себѣ трудъ, а награды не получить. Дырявый мѣшокъ не сохраняетъ въ себѣ того, что вложено, и тщеславіе губить мзду добродѣтелей. Воздержаніе тщеславнаго — дымъ изъ печи, и то и другое разсѣвается въ воздухѣ. Вѣтеръ замѣтаетъ слѣдъ человѣка, и тщеславіе въ ничто обращаетъ милостыню. Брошенный камень не достигаетъ до неба, и молитва человѣкоугодника не взойдетъ къ Богу.

Глава 16. Тщеславіе есть подводный камень: если въ него ударишься, погубишь грузъ. Мужъ благоразумный скрываетъ сокровище, и смысленный монахъ—труды добродѣтели. Тщеславіе совѣтуетъ молиться на стогнахъ, а противящійся тщеславію молится въ клетки своей. Человѣкъ безразсудный всенародно объявляетъ о своемъ богатствѣ, и многихъ возбуждаетъ къ злоумышленію противъ себя. А ты, поелику идешь путемъ, гдѣ есть разбойники, скрывай, что имѣешь, пока не придешь въ градъ мира, и тамъ безопасно пользуйся своимъ добромъ. Добродѣтель тщеславнаго—жертва *сокрушенная*, и не приносится на алтарь Божій (Лев. 22, 22.). Уныніе ослабляетъ душевную силу, а тщеславіе напрягаетъ умъ, отпавшій отъ Бога, болѣзненнаго дѣлаетъ здоровымъ, старика болѣе сильнымъ, нежели каковъ юноша, если только много свидѣтелей того, что дѣлается; тогда легки и постъ, и бдѣніе, и молитва: потому что по-

хвала многихъ возбуждаетъ усердіе. Но ты не продавай трудовъ за славу человѣческую, и не отдавай будущей славы за похвалу ничего нестоющую (г). Слава человѣческая пребываетъ въ персти, и хвала ея угасаетъ на землѣ; а слава добродѣтели пребываетъ во вѣки.

О ГОРДОСТИ.

Глава 17. Гордость есть опухоль въ душѣ, наполненная испорченною кровью; если она наэрѣтъ, то прорвется, и причинитъ большую неприятность. Блестаніе молніи предуказуетъ громовый ударъ, а о гордости возвѣщаетъ появленіе тщеславія. На великую высоту восходитъ душа гордаго, и оттуда низвергаетъ его въ бездну. Гордостью болѣзнуетъ, кто сталъ отступникомъ отъ Бога, и собственнымъ своимъ силамъ приписываетъ добрыя дѣла. Какъ ставшій на паутину, падаетъ и уносится внизъ, такъ падаетъ и полагающійся на собственныя свои силы. Отъ многихъ плодовъ гнутся древесныя вѣтви, и при многихъ добродѣтеляхъ смиряется въ человѣкѣ образъ его мыслей. Согнившій плодъ бесполезенъ земледѣльцу, а добродѣтель гордаго не потребна Богу. Жердь поддерживаетъ обремененную плодами вѣтвь, и страхъ Божій—добродѣтельную душу. Какъ тяжесть плода ло-

(г) По рукописи читается: *δι' ἐτέλης ἐνφθίμων.*

мнѣ въѣтъ, такъ гордость низлагаетъ добродѣтельную душу. Не предавай гордости душу свою, и не увидишь страшныхъ мечтаній; потому что душа гордаго бываетъ оставлена Богомъ, и дѣлается порадованіемъ бѣсовъ. Гордый ночью воображаетъ множество нападающихъ звѣрей, а днемъ смущается боязливыми помыслами; если спитъ, часто вскакиваетъ, и бодрствуя, боится птичьей тѣни. Шумъ листа въ ужасъ приводитъ гордаго, и журчанье воды поражаетъ его душу. Ибо тотъ, кто недавно противился Богу, и отрекался отъ его помощи, въ послѣдствіи пугается ничтожныхъ призраковъ.

Г л а в а 18. Гордость Архангела низвергла съ неба, и сдѣлала, что онъ, какъ молнія, палъ на землю. А смиренномудріе человѣка возводитъ на небо, и уготовляетъ къ ликостоянію съ Ангелами. Что посеешь, человѣкъ, выспрь, и подымлешь выше облаковъ, когда ты по естеству бренье и гниль? Посмотри на естество свое, ты — земля и пепель, вскорѣ разрѣшишься въ прахъ, теперь величавъ, а вскорѣ будешь червь! Что подымлешь выю, которая вскорѣ сгніетъ? Великъ человѣкъ, когда помогаетъ ему Богъ; а какъ скоро оставленъ Богомъ, познаетъ немощь естества. Нѣтъ у тебя ничего добраго (д), чего не пріялъ бы ты отъ Бога. По-

(д) Слово: *добраго* допоянено по рукописи.

этому, для чего величаешься (е) чужимъ, какъ своимъ? Для чего хвалишься благодатию Божіею, какъ собственнымъ своимъ достояніемъ? Признай Даровавшаго, и не превозносись много; ты — тварь Божія, не презирай Сотворшаго. Богъ помогаетъ тебѣ, не отрицай Благодѣтеля. Возшелъ ты на высоту житія, но путеводилъ тебя Богъ. Преуспѣлъ ты въ добродѣтели, но дѣйствовалъ въ тебѣ Богъ. Исповѣдуй возвысившаго, чтобы твердымъ пребыть тебѣ на высотѣ. Признай своего единоплеменника, онъ одной и тойже съ тобою сущности. Не отрицай родства по надменности.

Г л а в а 19. Онъ смиренъ, а ты превыспренъ (ж); но одинъ Зиждитель сотворилъ обоихъ. Не пренебрегай смиреннаго; онъ стоитъ тверже тебя; по землѣ ходитъ, и не скоро падеть; а ставшій высоко, если падеть, то сокрушится. Гордый монахъ—дерево, у котораго нѣтъ корня, и которое не можетъ выдержать прираженія вѣтра. А некичливый образъ мыслей — стѣнами огражденный городъ; обитающему въ немъ нечего будетъ бояться. Былинка подымается высоко дуновеніемъ вѣтра, а гордаго возноситъ прираженіе высокоумія. Лопнувшій пузырь обращается въ ничто, и память гордаго погибнетъ. Слово смиреннаго — мягчитель-

(е) Въместо: *ἐναυβλίγη*, по рукописи читается: *ἐναυβρίγη*.

(ж) Въместо: *σῖμμετρος* по рукописи читается: *σῖμμετώρος*.

ная мазь душѣ, а слово гордаго исполнено киченія. Молитва смиреннаго преклоняетъ Бога, а прошеніе гордаго оскорбляетъ Бога. Смиреномудріе — вѣнецъ дому, и вошедшаго блюдетъ въ безопасности. Когда восходишь на высоту добродѣтелей, тогда великая тебѣ потребность въ огражденіи. Ибо стоящій на полу, и упавъ скоро встанетъ; а упавшій съ высоты подвергается опасности умереть. Драгоценному камню прилична золотая оправка, и смиреніе мужа блистаетъ многими добродѣтелями.

КЪ ЕВЛОГІЮ МОНАХУ

С Л О В О 1.

Г л а в а 1. Трудамъ приобрѣтающіе въ удѣлъ небесную область не на чрево и попеченіе о тѣлнномъ обращаютъ вниманіе, подобно тѣмъ, которые изъ выгоды тврять молитвы, думая, что благочестіе доставитъ имъ прибыль, но духовнымъ видѣніемъ, какъ ничѣмъ не оскверненный сонмъ, озаряемый свѣтомъ божественной славы, причащаются они самаго благочестія, питающаго умы высокіе. И самъ ты, таинникъ добродѣтелей, Евлогіи, питая священную сущность свѣтозарностію превыспренняго, отъ сонмща помысловъ удалилъ тяготу плоти, зная, что вещество плоти дѣлается пищею помысловъ. А какъ жалою трудовъ сразившій козни, мнѣ поручаешь стать устами сихъ дѣлъ твоихъ. Но если бы не дерзко было нарушить повелѣніе любви; то отказался бы я отъ такого плаванія

по сему морю. Поелику же единодушнымъ по-
вноваться паче должно, нежели противиться ;
то ты будь для меня въ тѣхъ , яже къ Богу
(Рим. 15, 17.), да дастся ми слово во отверже-
ніе устъ моихъ (Ефес. 6, 19.) , и я буду тѣмъ,
чего требуетъ послушаніе, да и тебѣ дапо бу-
детъ пожать плоды сѣянiя.

Г л а в а 2. Первый изъ достославныхъ под-
виговъ есть страншческая жизнь, особливо, когда
выходнши на оную, какъ борець, мужественно
оставляя и отечество, и родъ, и имѣніе, и одишь
представъ на достославные сіи подвиги. Если
такъ начнешь по Богу, шествуя въ начало пу-
тей (а) пламенною вѣрою, божественнымъ ду-
хомъ, и обреченіемъ себя на терпѣніе, соблюдая
жизнь сію неизмѣнною ; то душа твоя на по-
злащенныхъ крылахъ добродѣтели отлетитъ (б)
изъ мѣста своего, и поспѣшитъ воспарить къ
самому небу. Но крыла сего житiя старается
подрѣзать отецъ грѣха, ту землю, изъ которой
ведеть родъ свой подвижникъ, представляя ему
какъ въ зеркалѣ, особливо во время приключая-
щихся ему болѣзненныхъ припадковъ. И пока
пробываетъ еще на мѣстѣ, по немногу отвле-
каетъ отъ пламенно желаемаго преселенiя; когда
же дознаетъ, что душа изнурена скорбiями, тог-
да этотъ нощный вранъ, наведя ночь помы-

а) По рукописи читается: *εις αρχήν ὁδῶν βαδίζων.*

б) По рукоп. вмѣсто *ἀγρίαιμένη* читается *ἀφιπτιμένη.*

словъ, омрачаетъ въ душѣ лучъ совершеннѣйшаго. А если подвижникъ одиноко вступитъ въ подвигъ на поприщѣ пустыни, и случится тѣлу быть уязвлену болѣзнію; то врагъ тѣмъ паче трудною представляетъ душѣ странническую жизнь, внушая, что преспѣяніе въ добродѣтеляхъ зависить не отъ мѣста, а отъ образа жизни, и что дома, имѣя утѣшеніе отъ родныхъ, безъ затрудненія сохранитъ онъ для себя награды за отреченіе отъ міра. Тамъ удобны и пособія противъ болѣзни, тамъ нѣтъ и злостраданія и мучительнаго изнеможенія, какія терпитъ теперь, тѣмъ паче, что у братіи рѣдко бываетъ стараніе о страннопріимствѣ. «Иди и потому еще особенно», скажетъ врагъ, «что радость и славу принесешь съ собою роднымъ своимъ, которыхъ безжалостно покинулъ предаваться несносному сѣтованію. Ибо многіе, и не бѣжавъ изъ отечества, среди родства своего достигли верха добродѣтели» (в). Но кто вступленіемъ въ странническую жизнь облекается въ порфиру скорбей, и увѣнчивается надеждами на труды, тотъ вѣрою, терпѣніемъ и благодареніемъ отразитъ востающія внутри его бури сихъ помысловъ. И чѣмъ болѣе пронзаютъ они сердце, заставляя возвратиться, тѣмъ паче будетъ возглашать имъ: *се удамхся блгая, и водворихся въ пустыни*

(в) Въ рукописи читается: *ἐν μέσῳ τῶ γένους ἐπελάβον τὸ τῆς ἀρετῆς.*

(Ис. 54, 8.). Ибо укоризнами своими причиняютъ намъ скорби, и льстиво убѣждаютъ возвратиться, чтобы, лишивъ принятаго нами намѣренія, пресѣчь и благодарность, оказываемую въ терпѣннѣи; а такимъ образомъ съ великою уже свободою шире и шире раскидываютъ сѣти свои даже и съ помощію родныхъ.

Г л а в а 3. Поэтому начинающій упражняться въ добродѣтели, пусть взвѣситъ и угрожающую ей брань, чтобы, явившись безъ предварительнаго упражненія, какъ неготовому, не быть отвлеченнымъ отъ дѣла. Ибо похвально мужество добродѣтели и во время мира, но еще похвальнѣе доблесть ея при наставшей брани. Добродѣтель даетъ себя видѣть не столько въ томъ, что производитъ, но и въ бѣдствіяхъ, которыя борются съ нею. Безстрастенъ тотъ, кто побѣдилъ, пострадавъ во многихъ браняхъ; а тотъ страстенъ, кто говоритъ, что пріобрѣлъ добродѣтель безъ брани. Сообразно съ распоряженіями доблестнаго въ трудахъ военачальника распоряжается и злоба противниковъ. Сердце, у котораго нѣтъ брани, лишается возможности оказать добродѣтель, потому что добродѣтель (*ἀρετή*) есть имя, означающее дѣятельность, и производится отъ имени, означающаго подвиги (*ἀριεῖα*). Добродѣтель не ищетъ людской похвалы, не утѣшается почестью, — этою матерью золь. Начало чести — челоуѣкоугодіе, а конецъ ея — гордость. Кто домогается почестей,

тотъ возвышаетъ самъ себя; а таковой не умѣетъ перенести уничиженія. Желаніе почести—мечта, и кто любитъ почесть, тотъ мечтаетъ получить одобреніе. Для тебя пусть будетъ почестью трудъ добродѣтелей, а безчестіемъ — желаемая похвала. Не ищетъ славы отъ плоти, кто низлагаетъ съ себя плотскія страсти, възыскуетъ же лучшаго. Это и для тебя пусть будетъ славою. Кто желаетъ, чтобы воздавали ему честь, тотъ завидуетъ превосходящему славою, а къ этому соревнованію присовокупляетъ и ненависть. Кто препобѣжденъ спльнымъ желаніемъ почестей, тотъ не терпитъ, чтобы кто-либо былъ ему предпочтенъ, но себѣ восхищаетъ первенство, чтобы не показаться низшимъ; почитаетъ несноснымъ оказать честь заслуживающему похвалу и въ его отсутствіи, и славу трудовъ его представляетъ ничего незначущею. Обида славолобивому — самый острый ножъ; получивъ ее, никакъ не избѣгнетъ онъ негодованія.

Глава 4. Таковой въ рабствѣ у жестокой госпожи, и проданъ многимъ властелинамъ, превозношенію, зависти, ревности и всѣмъ упомянутымъ выше толпамъ духовъ. А кто духа чести поражаетъ смиреніемъ, тотъ одолеваетъ цѣлый полкъ демоновъ. Кто по смиренію дѣлаетъ себя рабомъ всякаго, тотъ уподобится смирившему Себя и Пріявшему *зракъ раба* (Фил. 2, 7.). Если себя самого мѣряешь малою мѣрою, то не будешь мѣряться съ другимъ. Кто душевную

немошь обнаруживаетъ въ слезахъ, тотъ не будетъ высоко думать о трудахъ своихъ. Демоны смиренномудренныхъ приводятъ въ униженіе, и дѣлають имъ обиды, чтобы, нетерпя униженія, оставили они смиренномудріе. Кто по смиренію мужественно переноситъ безчестія, тотъ симъ самымъ возносится паче на высоту любомудрія. Оскорбляемый Давидъ ничего не сказалъ на противъ, но даже остановилъ мстительность Авессы (2 Цар. 16, 10.). И ты, терпя обиду, не воздавай обидою, но укроти и правдиво отмщающаго за тебя. Переноси обиду, и губами замкни дверь раздраженію; — это для тебя преспѣяніе. Вовсе ничего не отвѣчай угрожающимъ, чтобы молчаніемъ укротить уста дышущія пламенемъ. Тогда причинишь чувствительную боль угрожающимъ и обидчикамъ, когда на челюсти свои наложишь узду. Когда молчишь, обида не поглотитъ тебя; а обидчикъ гораздо болѣе терзается при твоёмъ молчаніи, когда дерзость его переносишь великодушно. Отрѣвай отъ своей внутренности похвалу человѣческую, чтобы прежде ея отразитъ кичливый помысль. Блюдись и отъ самоугодія, особливо пребывай на безмолвіи, чтобы, возвеличивая себя предъ осмѣливающимся говорить свободно, не уничтожить какъ-либо и его. Одинъ изъ братіи обиженъ былъ благоговѣйнымъ братомъ, и потерпѣвъ обиду, отошелъ вмѣстѣ и съ радостію и съ печалію, съ радостію, что обиженъ несправедливо и не

смутился, а съ печалію, что благоговѣйный братъ былъ обманутъ, и обманувшій радовался тому. Уразумѣй и то, что обманщикъ чувствовалъ также и то и другое, безъ сомнѣнія радовался, что одного смутилъ, а больше печалился, что другой не смутился.

Глава 5. Когда демоны увидятъ, что не воспламенились мы при самомъ нанесеніи намъ обидъ; тогда, напавъ въ безмолвіи, стараются возбудить владычественное въ насъ, чтобы заочно вооружились мы смѣлостію противъ тѣхъ, съ которыми, бывъ вмѣстѣ, блюли миръ. Посему, когда кончишь споръ или неудовольствіе съ братомъ, себя самого почитай погрѣшившимъ, чтобы на безмолвіи въ сердцѣ своемъ не найти тебѣ борьбы помысловъ, изъ которыхъ одинъ будетъ укорять за причиненіе неудовольствія, а другой за то, что за неприятность не отплатилъ ты неприятностію же. Когда сильное раздраженіе огорчаетъ братіи въ общежитіи; тогда помыслы внушаютъ ублажать живущаго въ уединеніи, чтобы, лишивъ насъ долготерпѣнія, удалить и отъ любви. Кто гнѣвъ отражаетъ отъ себя долготерпѣливостію, и печаль любовію, тотъ отражаетъ двухъ злыхъ звѣрей, побораая ихъ двумя доблестными дѣлами. Кто колѣнопреклонно умоляетъ раздражившаго, чтобы прекратилъ гнѣвъ, тотъ обоихъ отводитъ отъ раздраженія, потому что примиряющій гнѣвающихся препобѣждаетъ самый духъ гнѣва. Но самъ

придетъ въ негодованіе, кто содѣйствіемъ своимъ поощряетъ къ гнѣву родственниковъ, потому что принялъ онъ на себя ссору ближнихъ. Кто ради мира терпитъ человѣка дерзкаго, тотъ усиливается стать сыномъ мира. Но не между людьми только должно искать союза мира, а и въ тѣлѣ своемъ, и въ духѣ своемъ, и въ душѣ своей.

Глава 6. Ибо, когда миромъ соединишь союзъ этой тройственности твоей, тогда, какъ соединенный заповѣдію божественной Троицы, услышишь: *блаженіи миротворицы: яко тии сынове Божіи нарекутся* (Матѳ. 5, 9.). А если и плоть, вождельвающую противнаго духу, умиришь трудами; то будешь имѣть славу блаженствъ будущаго вѣка, побѣдивъ врага, который въ тѣлѣ твоёмъ *противу* воюетъ *закону ума* твоего, и плѣняетъ тебя *законамъ грѣховнымъ, сущимъ во удльхъ твоихъ* (Рим. 7, 25.). Великъ тотъ союзъ ума, при которомъ присоединяется и радость, просвѣщающая мысленное око къ созерцанію совершеннѣйшаго. Почему, если приобрѣтемъ въ трудахъ мирную радость, то съ благодареніемъ отразимъ ея постигающія насъ нещрїятности, и не примемъ въ себя рыкающаго демона печали, который напаче нападетъ на душу, ослабляя ее скорбями, и уготовляетъ мѣсто духу унынія, чтобы омрачить имъ душу и придать новые труды. Поэтому въ сердцѣ нашемъ написаннымъ закономъ да бу-

детъ радость мира, которая и печаль удаляетъ, и гнѣвъ потушаетъ (в), и ненависть изгоняетъ, и мстительность уничтожаетъ, и унынію полагаетъ конецъ, и печаль измѣняетъ; потому что, укрываясь въ мирномъ долготерпѣніи, какъ водами окружая себя благодарностію и терпѣніемъ, она есть море добродѣтелей, и крестомъ потопляетъ сопротивное діавольское полчище. Но разумѣй и то, что бываетъ противная ей смутная радость, и обманувшись тѣнью, не прими одну за другую; потому что демоны поддѣлываются и подъ духовныя дарованія, чтобы введя умъ въ заблужденіе призракомъ, лишитъ его смысла. Ибо духовная радость приходитъ въ сердце безъ всякой внѣшней причины, потому что находитъ превыспренняго вождя печали по Богу; потомъ же передаетъ душу и духу печали, потому что содѣлала ее плѣнницею духовной радости.

Глава 7. Скажу и то, что одному изъ братьевъ внушилъ самъ опытъ, а именно, какъ вмѣсто радованія о Господѣ губитель вводитъ собственную свою радость, а вмѣсто печали по Богу искушаетъ умъ противною ей печалию, чтобы посредствомъ превратныхъ измѣненій въ душѣ попеченіями затмить лучъ совершеннѣйшаго. Двойкая грѣховная печаль сопряжена бы-

(г) По рукописи читается *ή τήν λυπήν εξορίζουσα, καί τήν δρούσαν καταποτίζουσα*, и проч.

ваетъ съ каждымъ дѣланіемъ, одна происходитъ въ сердцѣ безъ видимой причины къ печали, другая же раждается и вторгается отъ причинъ странныхъ. Печаль по Богу подкрѣпляетъ душу слезами, не пріемля радости и печали, происходящихъ отъ причинъ противныхъ, заботится же о приближающейся смерти и судѣ, и ожидаетъ сего съ терпѣніемъ и любовію. Неполнившіяся пожеланія насаждаютъ въ душѣ печали: а молитвы и благодаренія иссушаютъ ихъ. Гнѣвающихся тревожитъ взаимная печаль. Если кто изъ нихъ первый отрезвится, встанетъ отъ страсти, и подастъ другому руку; то извиненіемъ изгоняетъ горькую печаль. Печаль бываетъ болѣзнію души и плоти, и душу отводитъ въ плѣнь, а плоть изнуряетъ, оставляя на мѣстѣ. Печаль раждается отъ того, что противно, отъ печали же происходитъ негодованіе, а отъ нихъ обоихъ порождается умоизступленное злорѣчіе. Если хочешь подавить печаль и негодованіе; то обними долготерпѣливость любви, и облекись въ радость незлобія. Радость твоя да не будетъ печалію для другаго. Радующійся о неправдѣ будетъ плакать о благоволеніи. И кто переноситъ печали, терпя несправедливо, тотъ свѣтло возрадуется; потому что будущее противоположно настоящему.

Г л а в л 8. Наипаче будь благодаренъ въ скорбяхъ; потому что чрезъ нихъ яснѣе ощутишь вспомошествовающую благодать. Такъ, въ благодареніи пересиливая постигающія тебя скорби,

не помрачишь блистательной красоты терпѣнія. Когда демонъ будетъ поражагь плоть твою бичемъ своимъ; тогда окажется онъ для тебя виновникомъ величайшей награды, если удары его примешь въ поводъ къ благодарности. Ибо симъ и его обратишь въ бѣгство. А чтобы награда твоя еще болѣе изплась на тебя за терпѣніе, для сего терпѣніе твое да ополчится всякими мужественными трудами; потому что и уныніе онолчается протпвъ тебя всею злобою, и наблюдая за всѣми твоими трудами, пытается ихъ. И если найдетъ оно, что кто-либо не пригвожденъ терпѣніемъ, то обременяетъ его, и подклоняетъ подъ себя. Если же демонъ унынія окажется слабымъ предъ терпѣніемъ въ трудахъ: то преспѣянію снова угрожаетъ звѣрь высокоумія. Почему, если отгонишь его осторожнымъ благоразуміемъ, то отгонишь съ нимъ и тщеславнаго духа во время Божіей службы. Когда нападаетъ на тебя духъ унынія; тогда подастъ онъ душѣ мысль, что псалмопѣніе обременительно, и противоборникомъ тщательности противопоставляетъ лѣность, чтобы, ускоривъ псалмопѣніе, дать плоти отдыхъ, напоминая о томъ, что по какой-то причинѣ она утомлена. Поэтому, когда бываемъ на бдѣніи ночью, не будемъ во время службы по унынію садпться, чтобы не пришли демоны, не собрали псвелы помысловъ, и не посѣяли ихъ въ сердца. Ибо, какъ скоро потеряемъ связь

псалмопѣній, собираемъ мы сонмище помысловъ. Проснувшись передъ службою, займемъ сердце помыслами свѣтлыми, чтобы приуготовиться съ бодрственною мыслию предстоять на псалмопѣнії.

ГЛАВА 9. Иногда псаломъ на бдѣнии должно читать скоро, а иногда предполагается заняться пѣніемъ псалма; потому что и намъ необходимо преображаться соотвѣтственно кознямъ противника; посему, если когда душею владѣетъ уныніе, внушается побуждать языкъ къ скорости, а иногда сами враги вызываютъ на то, чтобы читать на распѣвъ; потому что умное око отъ свѣта, какъ отъ пищи, заимствуетъ силу, и умъ долго занятый видѣніемъ чего-либо возвышеннаго, по примѣру Елисею, приобрѣтаетъ болѣе острозрительное око. Когда востаетъ помысль враждебный сердцу твоему; не другаго помысла вмѣсто него ищи въ молитвѣ, но мечь слезъ изостри противъ помысла враждебнаго. Ибо такимъ образомъ въ борьбѣ нанесешь сильнѣйшій ударъ, и скорѣе достигнешь того, что врагъ отступитъ отъ насъ. Люби украшать себя рукодѣльемъ, а паче молитвенною памятію (г); потому что одно не всегда, а другое непрестанно, доставляетъ пользу дѣланію. Не отлагай воздать молитвенный долгъ, слушаясь помысла, что

(А По рукописи читается *φιλοκάλεε σαυτόν ἐργῶτων χερῶν, καὶ μάλλον τῆς εὐχῆς τῆ μνήμη.*

пора заняться дѣломъ, и не приводи въ безпорядокъ дѣла, безпокою тѣло, чтобы не возмутить вмѣстѣ и сердце для молитвы. Какъ внѣшній нашъ человѣкъ дѣлаетъ своими руками, чтобы не обременить другаго; такъ и внутренній пусть работаетъ, чтобы не обременился умъ. Ибо помыслы тогда предлагаютъ душѣ собственную свою работу, когда найдутъ, что не занята она мыслями по Богу; воздѣлывай, какъ руководѣіе изъ человѣколюбія, такъ и мысль умственной силы изъ любомудрія, чтобы первое служило къ препитанію странныхъ и къ воспламененію твоему въ лѣности, а другое было вождемъ къ созерцанію и охлажденіемъ помысловъ. Смѣло будемъ нападать на услажденіе помыслами, обращая на нихъ весь гнѣвъ; чтобы иначе, съ удовольствіемъ принимая доставляемое ими, въ тойже мѣрѣ не сдѣлаться намъ списходительными и къ самымъ помысламъ.

Глава 10. Приготовь себя быть кроткимъ и браннолюбивымъ, кроткимъ съ соплеменникомъ, и браннолюбивымъ съ врагомъ; ибо на то и можетъ быть употреблена раздражительность, чтобы по враждѣ бороться съ зміемъ, а также къ тому служить скромность кроткаго, чтобы по любви быть великодушнымъ къ брату и вести брань съ помысломъ. Поэтому кроткій пусть будетъ и браннолюбивымъ, не распространяя кротости на обманчивые помыслы, и браннолюбія на близкихъ по естеству. употребле-

нія раздражительности не обращайъ въ противуестественное, чтобы, уподобляясь змию, раздражиться на брата, и спсходя къ помысламъ, вступать въ пріязнь съ зміемъ. Кроткій, если терпитъ что и бѣдственное, не оставляетъ любви; ибо ради любви оказываетъ великодушіе и доброту, все покрываетъ и терпитъ. Если дѣло любви—быть великодушнымъ; то не ея дѣло—раздраженно вести брань; потому что раздражительность возбуждаетъ печаль и негодованіе, а любовь уменьшаетъ и раздражительность, и печаль, и негодованіе. Если твердо шествіе твое въ любви; то ей паче внимай, а не тому, что оскорбляетъ тебя. Служи Богу, со страхомъ и любовію; со страхомъ, какъ Владыкѣ и Судіѣ, съ любовію, какъ челоувѣколюбцу и Питателю. Кто пріобрѣлъ добродѣтели любви, тотъ взялъ въ плѣнь негодныя страсти. И кто отъ Святой Троицы имѣетъ сіи три добродѣтели, вѣру, надежду, любовь; тотъ будетъ градомъ, который обнесень тріиною стѣною, и какъ бойницами укрѣпленъ сими добродѣтелями. Не въ томъ только оказывайся исполненнымъ любви, что не берешь у другаго, но пусть объ отреченія твоемъ отъ міра дознаютъ изъ того, что и свое отдаешь, ничего не жалѣя. Когда раздаешь вещественное, старайся ввергать чистыя сѣмена, чтобы вмѣсто пшеницы не возшла у тебя крапива. Когда даешь что—либо, памятуй о Богѣ, и подающемъ и пріемлющемъ, чтобы награды за

отреченіе отъ міра воздасть Онъ тебѣ съ похвалами.

Глава 11. Нестыжательный беззаботно наслаждается жизнью, а у любостыжательнаго всегдашняя болѣзнь — попеченіе о богатствѣ. Тогда отведешь въ плѣнь толпу помысловъ, когда не предашь сердца заботамъ о вещественномъ. Тогда и крестъ понесешь не развлекаясь, когда отречешься отъ пожеланія имѣть собственность. Помысль же о вещественномъ пророчитъ тебѣ и старость и болѣзни, чтобы упованіе твое на Бога раздѣлить съ упованіемъ на имущество. Кто намѣревается отречься отъ міра, тотъ да остѣнитъ себя вѣрою, да укрѣпитъ любовію, да утвердитъ надеждою; потому что вѣра — не оставленіе, но утвержденіе совершеннѣйшаго въ упованіи терпѣнія и въ любви жизни. Когда отречаешься отъ всякаго виѣшняго вещества; тогда обрати вниманіе на темные помыслы, укоряющіе тебя въ нищетѣ и скудости, представляющіе тебѣ и униженіе и безславіе. Убіицы сія стараются обманомъ привести тебя въ раскаяніе о такой славной добродѣтели. Посему, если разумно обратишь вниманіе на подвигъ, то найдешь скорѣе, что за сіе самое, въ чемъ укоряютъ тебя, соплетается тебѣ вѣнецъ. Ибо, отрекаясь отъ міра, для тѣхъ подвиговъ и отречаешься, за которые укоряешь себя. Поэтому не предавайся борьбѣ внутреннѣхъ помысловъ; потому что не въ началѣ отреченія восхваляется

конецъ, но при концѣ терпѣнія увѣнчиваются начала, и не за тѣлесное только упражненіе рукоплещуть подвигамъ, но борьбою помысловъ достигается правдѣ на вѣнецъ.

Г л а в л 12. Суди помыслы на судилищѣ сердца, чтобы по истребленіи разбойниковъ пришелъ въ страхъ и начальникъ ихъ. Ибо строгій изслѣдователь помысловъ есть вмѣстѣ и истинный любитель заповѣдей. Поэтому, когда сердцу твоему предстаетъ помыслъ неудобобыскующій, тогда наиболѣе усиленные труды употреби на него; ибо онъ, или убѣжитъ, не вынеся твоей горячности, какъ противной ему, или вытерпитъ оную, какъ свойственный пути правому. Иногда бываетъ, что демоны, внушивъ сердцу помыслъ добрый, и вскорѣ потомъ преобразившись, показываютъ видъ, что противятся оному, чтобы изъ протввленія сего заключить тебѣ, что знаютъ они помышленія сердца своего, даже не только тебѣ заключить, но и имъ быть въ правѣ судить совѣсть твою, какъ препобѣждаемую добромъ при сопротивленіи зла. А иногда также указываютъ тебѣ на собственную твою бдительность, чтобы подумалъ ты самъ о себѣ, что ты мудръ. Когда помыслы перенесутъ на то мѣсто, которое, по ихъ предположенію, любимъ, тогда заставляютъ раскаяваться объ этомъ, чтобы сдѣлать насъ во всемъ непостоянными и бесплодными. Потому не будемъ простираться съ мѣста на мѣсто, но предадимся лучше без-

молвію и трудамъ ; потому что по лѣности нашей помыслы берутъ надъ нами силу. Кто извѣдалъ искушеніе помысла , тотъ да пребываетъ на томъ мѣстѣ, на которое призванъ Богомъ ; а неизвѣдавшій сего находится еще въ бореніи. Переменная мѣста пусть дѣлается для житія болѣе духовнаго, а не болѣе спокойнаго. Терпѣніе, великодушіе, любовь въ скорбяхъ благодарятъ ; а уныніе, легкомысліе, самолюбіе любятъ покой. У человѣка безпокойнаго душа борется съ видѣніями чувствъ, а любитель покоя, охраняя чувства, борется съ помыслами.

Г л а в а 13. Поэтому вождь твой поведеніе чувствъ да подчинитъ постановленію закона , чтобы ни зрѣніемъ , ни слухомъ не наноситъ тебѣ гибельныхъ ударовъ душѣ своей. Состоя изъ двухъ сущностей, наблюдай, чтобы каждой предоставленъ бѣмъ свой чинъ , и когда одна беретъ верхъ, другая не противорѣчила. И мучителю не уступай права повелѣвать ; потому что, когда преданъ онъ будетъ огню, воздашь ты и послѣдній кодрантъ. Когда поборешь причины страстей, и обратятся онѣ въ бѣгство ; тогда да не возвеличиваетъ тебя лукавій помыслъ , чтобы тебѣ , повѣривъ духу лести , не лишиться ума. Но старайся высчитывать недовершенное въ томъ , надъ чѣмъ трудишься , чтобы прибитки преспѣяній не были у тебя похищены внутренними врагами. Иные, бывъ восхвалены за преспѣяніе , со временемъ вознера-

дѣли о трудахъ, и похвала прошла мимо, и труды пропали. Иные, будучи удручены бременемъ золь, почтены великими, и совѣсть души покрывась струпами, а болѣзнь отъ похвалы успилась, помыслы же, отвративъ душевнѣйшій взоръ отъ язвъ, похвалами отъяли труды. Когда самыя трудолюбивыя обогащаются почестями отъ людей, тогда демоны уготовляютъ и наводятъ безчестіе, чтобы, лишенные почестей, не перенесли безчестія и не вытерпѣли оскорбленій. Когда приносишь великое покааніе въ грѣхахъ, тогда демоны, возвеличивая подвиги въ трудахъ, умаляютъ грѣхи, и нерѣдко прикрываютъ ихъ забвеніемъ, или наводятъ на мысль, что они прощены, чтобы, положившись на труды свои, не почиталъ ты болѣе нужнымъ горько оплакивать свои паденія.

ГЛАВА 14. Кто вступаетъ въ битву, чтобы отсѣчь борющіяся съ нимъ страсти, тотъ вооружить на брань не одни страсти, но великое число воиновъ. Не забывай своего паденія, хотя и покаешься; но напоминаніемъ о грѣхѣ твоёмъ къ униженію твоему да служатъ плачь, чтобы тебѣ, униживъ себя, по необходимости отсѣчь гордость. Если кто изъ дѣлавшихъ непозволенное намѣренъ впредь жить хорошо; то худые свои поступки вполне да замѣнятъ противоположно соотвѣтственными лучшими. Ибо каждому пороку противопоставляющій противоположную дѣятельность поражаетъ змія стрѣ-

лами изъ разумаго колчана добродѣтелей. А самое острое оружіе у сего звѣря есть тщеславіе, подстрѣливающее труды. Кто предупредилъ оное тайными воинствованіями дѣлъ, тотъ близокъ къ тому, чтобы сразить главу самому діаволу. Ароматы грудовъ твоихъ запечатлѣй молчаніемъ, чтобы, будучи разрѣшены языкомъ, не стали окраденными въ славу. Скрывай языкъ свой въ дѣятельномъ прохожденіи подвижничества. Ибо молча, свидѣтелями жизни и трудовъ своихъ будешь имѣть достовѣрныхъ сожителей. У кого некому засвидѣтельствовать о настоящихъ трудахъ, тотъ да не свидѣтельствуетъ о себѣ собственнымъ языкомъ. Иные, сложивъ съ себя тяготу трудовъ, въ покровъ лѣности выставляютъ дѣла прошлаго времени, не совсѣмъ основательно, за немѣніемъ дѣлъ настоящихъ, употребляя ихъ вмѣсто очевидныхъ свидѣтелей. Какъ скрываешь отъ людей грѣхи свои, такъ скрывай отъ нихъ и труды свои; потому что противоборствуетъ тайнамъ сердца скрытность записаній, а возобновленія брани укрѣпляютъ тебя противъ нихъ. Если же ошибки скрываемъ съ осторожностію, а труды объ ихъ исправленіи открываемъ неосторожно; то въ обоихъ случаяхъ дѣлаемъ противное тому, что надлежало дѣлать. Ты стыдишься открыть срамоту, чтобы того, что полезно для души, не обратить въ поношеніе и уничиженіе? Бойся показывать и труды, чтобы обвиненіе въ челоуѣкоугодиіи не

принесло душевной гибели. Но если одному Богу открываешь постыдныя паденія ; то не открывай людямъ своихъ противоборствій онымъ, чтобы не были почтены побѣдными вѣнцами.

ГЛАВА 15. Отъ благодати пріавшіе силы къ трудамъ да не думаютъ, что имѣютъ ихъ по собственной своей крѣпости. Ибо виною всего добраго въ насъ есть слово заповѣдей, какъ и виною всего худаго—внушитель обманчиваго (е). Поэтому, какое добро ни сдѣлаешь, принеси благодареніе Виновнику добра. А если тревожитъ тебя чтò худое ; то повергни это главному виновнику худаго. Конецъ всякаго труда — принеси благодареніе Совершеннѣйшему, чтобы, когда приношеніе твое принесено законно, посрамлена была тѣмъ злоба. Кто къ дѣлу присовокупилъ благодарность, тотъ будетъ имѣть неокрадываемое сокровище сердца, соорудивъ двойную стѣну противъ грѣха. Достоинъ похвалы тотъ мужъ, который съ дѣятельностію сочеталъ вѣдѣніе, чтобы изъ обонхъ источниковъ орошалась душевная нива для произращенія добродѣтели. Ибо вѣдѣніе возноситъ умную сущность къ созерцацію совершеннѣйшаго, а дѣятельность умерщвляетъ *уды, яже на земли, блудъ, нечистоту, страсть, злобу, похоть злую* (Кол. 3, 5.). Посему, оградившіе себя всеоружіемъ и дѣятельности, и вѣдѣнія удобно уже наступаютъ

(е) По рукописи *ὁ τῶν ἀπειτηλῶν ἐποβολαίς.*

на демонское лукавство. Демоны воюють съ душою помыслами, а сильно бываютъ отражаемы терпѣніемъ, даже, видя сего мощнаго предводителя битвы, съ робостію вступають уже въ борьбу. Если хочешь вести брань съ полчищемъ демоновъ; то врата души своей загради безмолвіемъ, и ухо свое приложи къ словесамъ отечества, чтобы тогда, точнѣе дознавъ, пожечь тебѣ тернія помысловъ. Когда внимаешь совѣтамъ отеческимъ; будь не судіею дѣль, но испытателемъ реченій.

Г л а в а 16. У подобныхъ помысловъ въ обычаѣ вниманіе твое обращать на дѣятельность совѣтующаго, чтобы тебя, поставивъ грознымъ его судіею, отворотить отъ полезнаго совѣта. Когда предлагаютъ тебѣ совѣтъ, хотя ты и свѣдуешь, не отвергай его. Ибо, если дѣятельное отрпѣнено отъ силы вѣдѣнія, то приводящему въ стройность обѣ добродѣтели потребна страшная правдивость въ судѣ. Кто не допускаетъ до слуха отеческую заповѣдь, тотъ преслушаетъ и заповѣдь закона. Не только съ наслажденіемъ говори о преспѣяніяхъ отцевъ, но и отъ себя требуй, быть самымъ трудолюбивымъ дѣлателемъ оныхъ. Кто тщательно разыскиваетъ, какой помысль какому труду противится, тотъ оказывается искуснымъ въ борьбѣ съ заблужденіемъ. Если въ цѣлой совокупности духовныхъ твоихъ трудовъ будетъ у тебя какого-либо недоставать; то вмѣсто него вкрадывается похи-

тившій его помыслъ. Помни о семъ, чтобы сердце соблюдало благоразуміе въ трудахъ, и чтобы забвеніе попеченія о трудахъ лучшихъ, окравъ его, не предало въ плѣнъ помысламъ; потому что забвеніе о семъ плѣненіи пролагаетъ путь пороку, такъ что оный, какъ скоро умъ окраденъ, входитъ въ него безпрепятственно. Умъ, въ которомъ похищена мысль о Богѣ, и который далекъ сталъ отъ памятованія о Немъ, погрѣшаетъ въ равной мѣрѣ и виѣшними чувствами. И таковой умъ не въ состояніи быть руководителемъ и слуха и языка, потому что внутри его не стало приверженности къ трудамъ. Когда одинъ любитъ выслушивать, какъ другой кого-либо поносить; тогда оба содѣйствуютъ двумъ содѣйствующимъ другъ другу духамъ; потому что выслушваніе о комъ-либо худаго дѣлается содѣйствующимъ осужденію, и на гибель сердцу любятъ они другъ друга.

Глава 17. Заграждай уста свои для пересудовъ, чтобы не впасть тебѣ съ ними въ двоякое беззаконіе, и себя приучая къ опасной страсти, и другихъ неудерживая отъ злоязычія. Любящій насмѣхаться расхищаетъ въ душѣ, что есть въ ней лучшаго, клеветами подкапывая слабый слухъ. Кто бѣгаетъ языка, который злословитъ ближняго, тотъ и самъ избѣжитъ порока злословія. Кто съ пріятностію слушаетъ злословящаго, тотъ ушами всасываетъ звѣринный ядъ. Пусть ухо твое не вкушаетъ этого горькаго яда, чтобы и тебѣ

не растворить его какъ нибудь для другаго. Не огорчай слуха своего пересудами, чтобы тебѣ, когда проданъ будешь этой страсти, не стать рабомъ многострастія; потому что одна страсть, нашедши въ тебѣ мѣсто, въ ту же ограду вводитъ и другія страсти. Владычественный умъ дѣлается рабомъ многихъ пороковъ, когда, сопрягшись съ страстію, отрѣшается отъ трудовъ. Кто старается разбирать насмѣшки другихъ, тотъ не разбираетъ самымъ дѣломъ поступковъ своихъ. Не смѣйся надъ кончившимъ жизнь, какъ надъ жившимъ нерадиво, чтобы, по привычкѣ судить живыхъ, не стать злымъ судією и мертвѣго. Не преслѣдуй падшихъ кичливымъ помысломъ, надмѣвающимъ тебя, какъ судію, но себя самого разбирай помысломъ тресвеннымъ и оцѣнивающимъ поступки твои. Падая воздыхай, а преспѣвая не надмѣвайся. Не величайся тѣмъ, что ты достоинъ не пренебреженія, чтобы вмѣсто украшенія не облечься тебѣ въ порокъ. Иные, не имѣя возможности сдѣлаться извѣстными по благоговѣнію, постарались пріобрѣсти извѣстность порокомъ. Другіе же, преисполнившись завистию, уничижаютъ утвердившихся въ добродѣтеляхъ, поражая ихъ вымышленными обвиненіями. Иные, прославившись въ народѣ дурнымъ поведеніемъ, принимаютъ на себя видъ житія честнаго, не для того, чтобы грѣховныя паденія свои оплакивать въ трудахъ, но чтобы заглушить укоризненную о нихъ молву. Но не при-

крашивайся для обольщающаго тебя, и не радуйся тому, что ты обольщенъ. Ибо, если приобрѣтешь одно имя ревностныхъ ; то работаешь не Богу, а людямъ. Не входи въ сближеніе съ живущимъ не въ трудахъ , хотя въ этомъ поставляетъ онъ великую для себя славу. Онъ другъ въ угодность лшцу, но время сдѣлается его обвинителемъ.

Г л а в а 18. Насмѣшника сдѣлай заботливымъ другомъ, чтобы найти тебѣ въ немъ покровъ для своихъ паденій ; а что достойно въ тебѣ зависти, то скрывай наипаче отъ завидующаго. Когда другъ твой, унижаемый похвалами трудамъ твоимъ, предается зависти, и даже при постороннихъ будетъ труды твои поражать словами тщеславія, чтобы распространяющуюся о тебѣ славу омрачить насмѣшками надъ тобою ; тогда не обращай вниманія на его зависть, и не терзайся этимъ, чтобы горькій ядъ не влился въ душу твою. Ибо дѣло сатаны — какъ его воспламенять завистию, такъ тебя убивать горестію. Лучше же будемъ смиряться предъ такими, *честію болша творяще* (Рим. 12, 10.), и ублажая за трапезою, чтобы укротить развирѣвѣвшій отъ ревности духъ. Не укоряй друга въ ревности какъ бы отъ другаго лица, чтобы, укоряя его какъ бы устами друга, себя самого выставить невиннымъ, и возвысить предъ нимъ какъ неукоризненнаго. Ибо это — превращеніе сатаны, который отъ лица змія хулитъ Всевыш-

няго, чтобы, какъ устами другаго выразившему ненависть свою къ Богу, самому не быть почитену ненавистникомъ. Не покушайся застигнуть брата въ паденіи, съ намѣреніемъ какъ бы поработить его себѣ, чтобы тебѣ самому не содѣлаться содѣйственникомъ сатаны. Кто пагъ, тотъ да не наблюдаетъ, что говорятъ, или въ чемъ падаютъ другіе, чтобы не одному быть падшимъ во зло; ибо и сіе было первымъ дѣломъ діавола по его паденіи; но пусть раскаявается въ неприличныхъ поступкахъ, признавая необходимыми противъ нихъ слезы скорби, и также да приобрѣтетъ первенствующій изъ трудовъ — безмолвіе, являющее ему видѣніе многочислыхъ добродѣтелей. Кто безмолвствуетъ языкомъ, тотъ да мужается противъ помысловъ; потому что мужество души выказывается не только въ безмолвіи устъ, но и въ твердости помысловъ, въ спокойномъ перенесеніи оскорбленій и обидъ; такъ какъ симъ при взаимныхъ встрѣчахъ отражаются страшные бичи діавола.

Глава 19. Да будутъ соблюдаемы не уста только, но и сердце; ибо, когда умъ въ бездѣйствіи, тогда и душевное око омрачается окомъ угодливости. Да будетъ умъ твой слѣпъ для срамнаго (таковыхъ слѣпцевъ умудряетъ Богъ), острозрителенъ же для хорошаго, чтобы слѣпотствовать для худаго. Разумѣй же, что два отдѣльные рода блуда бываютъ совокуплены вмѣстѣ, блудъ тѣлесный и блудъ духовный.

Когда блудный помысль соединяется съ духомъ твоимъ, тогда душа твоя сродняется съ обольстительнымъ въ ней отпечатлѣніемъ. Демонъ принимаетъ на себя лице женское, чтобы привлечь душу съ соединенію съ нимъ. Безплотный демонъ принимаетъ на себя обликъ образа, чтобы непотребнымъ помысломъ ввести въ блудъ душу. Поэтому не увлекайся немѣющимъ существованности призракомъ, чтобы не сдѣлать чего-либо подобнаго и плотию. Обольщены были духомъ блуда всѣ таковыя, не отразившіе крестомъ внутренняго прелободѣнія духовъ. Воздержаніемъ отъ снѣдей поражай помыслы, чтобы говорили не о блудѣ, но о голодѣ. Молитвенное бдѣніе да источаетъ слезы, чтобы имѣть тебѣ помощь въ настоящей брани. Во время блудной брани отказывайся отъ приглашеній на пиршества. И услуживая прпшедшему страннику, его упокой, а себя укрывъ ограды воздержаніемъ отъ пищи. Сугубая будетъ тебѣ награда за оба дѣла, если каждому изъ нихъ удѣлишь дѣятельность свою ради добродѣтели. Не ради чрева вкушай пищу съ братомъ, но ради Христа любовію водвори его съ собою. Пресыщеніе пищею пятаетъ помыслы, и упившійся напоеваетъ сонъ мечтою. Пріятность наслажденія умерла, какъ скоро пища прошла чрезъ гортань, но похотливость чрева оживаетъ въ этомъ гробѣ. Труды суровой жизни кончаются упокоеніемъ, а роскошное поведеніе кон-

чается воспламененіемъ. Кто приводитъ въ увяданіе пвѣтъ плоти, тотъ ежедневно во плоти помышляетъ о своей кончинѣ. Расчетливость сердца да соразмѣряется съ тѣломъ, чтобы, когда тѣло поражено, не страдать и ему самому. Для плоти довольно сокращать естественныя требованія; тѣлесное твое упражненіе да имѣетъ въ виду устройство правовъ, чтобы научиться трудиться сердцемъ и вмѣстѣ трудиться душою.

Г л а в а 20. Отличающіеся въ подвижнической жизни блѣдностію лица да отрѣваютъ отъ себя людскую похвалу прежде, нежели она приходитъ, когда помысль еще до встрѣчи съ людьми влагаетъ въ сердце помышленіе о ней. Когда проведешь много времени, воздерживаясь отъ вина, елѣя и излишествъ; тогда помыслы, съ похвалою высчитывая время, внушаютъ (ж) тебѣ мысль ослабить труды ради тѣла. Поэтому симъ злонамѣреннымъ вычислителямъ говори напротивъ все, что можетъ служить къ испроверженію ихъ умысла. Одинъ изъ братіи, восхваляемый внутренними помыслами за труды свои противъ демоновъ, говорилъ словами псалма: *да возвратятся абіе стыдящіяся глаголющии ми, благо же благо же* (Псал. 65, 4.). Не терпи въ себѣ помысловъ, указывающихъ тебѣ на многолѣтнее пребываніе въ монашеской жизни, чтобы

(ж) По рукописи читается: *πρωτόπειποις*, а не *γυμνάζουσις*.

не прекратили со временемъ трудовъ твоихъ, и тебѣ въ пустынномъ терѣннѣи не быть уловлену похвалъбою, но въ терѣннѣи убожества памятовать о себѣ, что ты рабъ неключимый. **О**дного терѣнливаго пустынножителя старца услывался нѣкто вывести изъ пустыни по глубокой его старости. Но старецъ сказалъ ему: «перестань принуждать меня; потому что мнѣ негодному нѣтъ еще позволенія возвратиться изъ заточенія». Когда же домогался я дознать отъ него слово ученія, сказалъ онъ: «трудолюбиво домогайся сперва врожденнаго страха, и тогда внутри себя найдешь опытное слово, которое научаетъ челоуѣка вѣдѣннѣи». Сей же старецъ, вопрошенный о страхѣ, отвѣтилъ такъ: «кто имѣеть попеченіе о памяти смертной, тотъ приводится и въ страхъ суда». Но причинѣ страха содѣлайся ежедневнымъ собесѣдникомъ божественныхъ писаній. **П**бо общеніемъ съ спми помыслами отгонншь (з) бесѣды. Кто изученіемъ божественныхъ писаній собираетъ сокровище въ сердцѣ, тотъ легко изгоняетъ изъ него помыслы. **П**ри ночномъ чтенн на бдѣнняхъ, слушая божественныя писанія, не будемъ умерщвлять слуха спомъ, чтобы не предать душу въ плѣнъ помысламъ, но жаломъ писаній будемъ прободать сердце, чтобы сокрушеніемъ попечитель-

(1) По рукописи вместо: εφοισεις читается: εφοικεις.

ности разсѣчь противоположно соотвѣтствующую нерадивость.

Г л а в а 21. Иные для славы, а не ради попеченія о душѣ, вступаютъ въ дружбу съ людьми благоговѣйными, чтобы себѣ самимъ безъ труда присвоить сіе украшеніе. Но кто воспламененъ любовію по причинѣ памятованія о небесномъ, тотъ изгоняетъ изъ мысли угодность земному. Свидѣтельство своей совѣсти не отвергаи помысломъ презрительнымъ и сладкорѣчивымъ въ случаѣ паденія. Не продолжай бесѣды съ человѣкомъ упорнымъ, чтобы, вооружившись страстію противъ страсти, не понести пораженія въ добродѣтели. Не возносись горделивымъ помысломъ, который надмѣваетъ противнымъ вѣтромъ. Не похвала языку говорящему бойко, но слава устами приводимымъ въ движеніе спокойно. Слушая слово, вопрошай умъ свой, и тогда разсудивъ дашь приговоръ. Не вводи въ обманъ ума своего неразсудительностію словъ, чтобы не ринулся стремглавъ хананейскій твой языкъ. Да не обольщаетъ тебя многорѣчивый духъ, потому что въ немъ гнѣздится хитрая ложь. Кто уязвляется злорѣчіемъ другихъ, и не повергаетъ его діаволу, тотъ возбуждаетъ противъ себя толпу своихъ помысловъ, и еще болѣе поощряетъ уготовлять на него стрѣлы тѣмъ самымъ, что падаетъ душа его, уязвляясь такимъ злорѣчіемъ. Когда по дѣламъ служенія идешь въ чужую сторону, не

будь готовъ пользоваться странноприметвомъ всякаго, признавая себя недостойнымъ славы, чтобы такимъ образомъ избѣжать помысла злословія, хотя бы и казалось, что говоритъ онъ правду (и), потому что нѣтъ любви. Терпя самое великое злословіе или тяжкую обиду, не будь злопамятенъ, но благословляй, пбо кто памятозлобствуетъ на демоновъ, тотъ не злопамятенъ на людей; но съ демонами заключаетъ миръ; кто памятозлобствуетъ на брата. Негодованіе и противленіе — пожаръ въ сердцѣ; а души не злопамятныхъ орошаются духовно. Огненные угли отбрасываютъ отъ себя искры; такъ и злопамятныя души извергаютъ лукавыя помыслы. Какъ укушеніе скорпіона производитъ самую жестокою боль, такъ и въ душѣ злопамятной заключенъ самый горькій ядь.

Г л а в а 22. Памятозлобствуй на думовъ блуда и тщеславія, сихъ двухъ злобныхъ демоновъ противныхъ другъ другу; пбо одинъ бѣгаетъ лицъ, а другой радуется лицамъ. И демонъ непотребства, не терпя теплоты огненнаго свѣтоношенія трудовъ, быстро нападаетъ на подвижника во время подвига, внезапно осыная его немощотами, и если отъ обольстительности удовольствіи ослабѣетъ онъ въ воздержаніи, постепенно наступаетъ на него, собесѣдуя съ сердцемъ его, чтобы оно, воспламенившись поро-

(и) По рукописи читается *κἄν ἰδύειν τὰ ληθῆ ἰομίζου.*

ками, предалось сей бесѣдѣ, плѣшилось ею, и совершенно отложило ненависть ко грѣху. Демонъ же тщеславія, любящій скитаться и снискивать любовь народную, прѣкровенно предстаётъ душѣ трудолюбцевъ, за тѣ самые труды, въ которыхъ они упражняются, уловляя имъ славу. Если кто хочетъ, съ Божіею помощію, преодолѣть ихъ; то пусть измождаетъ плоть противъ блуда, и смиряетъ душу противъ тщеславія. Ибо такимъ образомъ удобно отразимъ суетную славу одного, и благоугодимъ тѣмъ Богу, а также испаримъ въ себѣ нечистыя мечтанія другаго, и содѣлаемъ сердце чистымъ отъ сластолюбія. Всего опаснѣе, если сердце погрязло въ навѣкъ къ удовольствіямъ; и потребно много трудовъ, чтобы на сей пажетѣ пороковъ пстрѣбить все до корня. Поэтому, не пріучай помысла входить въ собесѣдованіе съ удовольствіями: потому что въ сонмѣ пороковъ разжигается *огнь* (Псал. 105, 18.). Они, разгорячая тебя, доводятъ до заключенія, что трудно продолжать всеожженіе естества, что долговременна жизнь воздержанія, и продолжительно терпѣніе (i), приводятъ же на память тѣ срамныя мечты, какія представляются тебѣ въ видѣніи ночью, образуя въ тебѣ огненные кумиры прелести, и потомъ возжигая сильнѣйшій жаръ въ плоти закономъ

1) Слово *тѣ* догъ длены изъ рукописи.

грѣховнымъ, внутренно внушаютъ, что не въ силахъ ты дѣлать насиліе естеству, и хотя согрѣшишь сего дня по нуждѣ, но на утро покаешься по заповѣди. Ибо законъ челоуѣколюбивъ, прощаетъ грѣхъ кающимся. Они представляютъ тебѣ въ примѣръ, что нѣкоторые послѣ воздержанія пали, и снова покаились, чтобы тѣмъ придать вѣроятность обольстительному своему совѣту, и чтобы, сокрушивъ (к) душу спмъ обратнымъ поканіемъ, храмъ цѣломудрія содѣлать домомъ блуда. Такъ сіи двуязычные змія насвистываютъ этотъ помысль въ потрясенной храминѣ сердца.

Г л а в а 23. А ты, челоуѣкъ воздержанія, подь предлогомъ покаяться снова не обольщайся неизвѣстными надеждами. Ибо многіе павъ немедленно похищены смертію, а другіе не въ силахъ были востать, привычкою къ удовольствіямъ связанные, какъ закономъ. Почему знаешь ты, челоуѣкъ, будешь ли живъ, и покаешься ли, что назначаешь себѣ годы жизни? И падая здѣсь, поблажаешь плоти своей, когда надлежитъ тебѣ паче предаться памятованію смерти, чтобы въ сердцѣ своемъ живо представлять страшное опредѣленіе суда, и тѣмъ угасить распаленное мудрованіе плоти. Ибо не угасишь шаче страстей, если къ плоти своей не примѣшаешь трудовъ сокрушающихъ страсти. Не угасишь страстей

(к) По рукописи вместо: ἀνακλήσονται читается: ἀνακλίσονται.

душевныхъ, если не одождишь прежде на сердце плодовъ любви. Страсти тѣлесныя ведутъ начало свое отъ естественныхъ потребностей плоти, и противъ нихъ нужно воздержаніе. А страсти душевныя порождаются отъ потребностей душевныхъ, и противъ нихъ потребна любовь. Любовь есть союзъ безстрастія, изглажденіе же страстей ; она приноситъ долготерпѣніе, охлаждаетъ кипящую раздражительность, внушаетъ смиреніе, унижаетъ гордыню. Любовь не имѣетъ ничего собезвѣннаго, кромѣ Бога ; потому что Богъ есть любовь. Кто недавно присоединился къ свѣтлому собору монаховъ, тотъ да отложить помыслы, присвояющіе ему добрую славу по родству его, чтобы взыскать ему не похвалы отъ людей, но ублаженія отъ заповѣдей. Но да вооружится онъ смѣлостію противъ демоновъ, внушающихъ боязнь. *Ибо не пріисте духа страха паки въ боязнь* (Рим. 8, 15.). Да не устрашаетъ онъ себя духомъ боязни, да не трепещетъ ночнаго шума, производимаго демонами, когда они не имѣютъ уже власти и надъ свиніями. Посему, выходя изъ кельи поздно вечеромъ, да не приходитъ онъ въ ужасъ, и да не устремляется бѣжать назадъ, какъ бы отъ нападающихъ демоновъ, но преклонивъ колѣна на томъ мѣстѣ, гдѣ пришелъ въ боязнь, да сотворитъ молитву. Ибо демоны не нападутъ на тебя, хотя и будутъ устрашать. А когда востанешь, ободрись сердцемъ, утѣшь себя псалмо-

нѣнїемъ, говоря: *не убоишися отъ страха пощипаго, отъ стрѣлы летящїя во дни: отъ вещи во тлїи преходящїя, отъ сряща и бѣса полуденнаго* (Исая. 90, 5. 6.). Ибо сдѣлавъ это одинъ разъ или и болѣе, скоро отгоняешь отъ себя духа боязни. Будучи не въ состоянїи вредить самымъ дѣломъ, демоны страшатъ душу мечтанїями, чтобы ихъ немощныхъ и безсильныхъ люди почли мощными и сильными.

Г л а в а 24. Не паряжайся въ красныя одежды, чтобы еще явственнѣе необлечься тебѣ въ демона тщеславія. Ибо не лѣнотою одеждъ украшаются добродѣтели, но лѣнотою души какъ золотомъ сіяютъ труды. Страхомъ же Божиимъ прикройся отъ казней суда, чтобы по страху огня облечься тебѣ въ неугасимую горячность, и скорѣе умудриться противъ злохудожественности помысловъ; потому что страхъ — начало премудрости. Кто на опытѣ даетъ видѣть заблужденїе помысловъ, тотъ познаетъ будетъ не всѣми, а только тѣми, которые на себѣ испытали это; потому что путь къ вѣдѣнїю въ этомъ есть опытъ. Причина того и другаго есть жизнь дѣятельная; сїю занявшись съ большимъ трудолюбіемъ, и себя узнаемъ, и помыслы осудимъ, и Бога познаемъ. Кто дѣятельнымъ преселенїемъ и познавательнымъ вселенїемъ помысловъ безыскусственные помыслы умащаетъ искусствомъ, тому надлежитъ смотрѣть, чтобы не напоказъ для славы величать вѣдѣнїе. Если же

помысль, возвсплчпвая ихъ, поступаетъ хищнически, то подвижникъ да возметъ себѣ въ помощь пришельца (1) Иоѳора, который великому пророку Моусею изъ милости далъ мудройіи совѣтъ о судѣ. Силою помысловъ твоихъ да будутъ дѣла; потому что болѣе любомудрія въ томъ, что дѣлается, а не въ томъ, что говорится, равно какъ первое и труднѣе послѣдняго; при дѣятельности слова какъ бы молніеспосны, а когда нѣтъ дѣлъ, слова не блпстаютъ силою дѣлъ. Укоризна сѣдинамъ — слово юное и уста многорѣчивыя, искривляемыя смѣхомъ. Кто и смущаетъ и смущается напрасно, тотъ внѣ тишины и обуревается безъ бурп.

Г л а в а 25. Не заставляй языкъ безвремени гоняться за словами, чтобы и самому не потерпѣть того же, отъ кого не хочешь. Остерегайся заппать языкъ ближняго, чтобы и самому избѣжать діавольскаго заппанія. Остерега'ся порицать паденіе брата твоего, чтобы не лишиться тебѣ состраданія, какъ иноплеменику. Кто не имѣетъ доброты и любви къ брату, тотъ можетъ ли быть членомъ христоносной любви? Когда братъ придетъ къ тебѣ во время непрерывнаго твоего поста, не давай мѣста скукѣ по причинѣ помысловъ, внушающихъ тебѣ нарушеніе безмолвія, прекращеніе поста. Они дѣлаютъ, чтобы ты, взирая на брата твоего,

(1) По рукописи читается τὸν νεῖλον Ἰωθορ.

взираеть не какъ на самого Бога. Частыя надзирація братій называть будемъ не поводомъ къ смущенію, а паче споборничествомъ. Ввѣрмся ихъ ликостоянію противъ полчища сопротивника. Такъ соединившись привязанностію любви, отженемъ отъ себя порокъ, и дѣла рукъ вносить будемъ въ сокровищницу страшнолюбія. Будемъ принимать къ себѣ братій, не какъ милость имъ оказывая, но какъ платя должную дань, упросимъ ихъ принять наше угощеніе, какъ показалъ это Лотъ (Быт. 19, 1—3.). Иные страннымъ достоинствомъ и странно превозносятся; и когда зовутъ къ себѣ страшика, вовсе не упрашиваютъ его, но самое слово призыва произносятъ медленно съ кичливостію; и если странникъ отказывается, порицають его, какъ обидчика; потому возгорается отсего великое надменіе. Ибо помыслы, избодая душевное око, ослѣпляютъ, чтобы мы и наилучшими изъ заповѣдей пользовались, какъ можно хуже.

Глава 26. Когда помысль удерживаетъ тебя отъ того, чтобы приневоливать очень брата къ трапезѣ; тогда издѣвается онъ надъ тобою тѣмъ самымъ, что языкъ твой не приневоливается силою любви. Тебѣ помысль внушаетъ, можетъ быть, что братъ принадлежитъ къ числу бродящихъ, и что, удовольствовавшись хлѣбомъ, уйдетъ; а ему внушаетъ, что вовсе не нашелъ у тебя страшнолюбія; потому что помысль, на одно п то же дѣло смотря и такъ, и иначе, въ сердцѣ

каждаго влагаеть свое, чтобы въ одномъ пресѣчь странполюбіе, а въ другомъ произрастить злословіе. Авраамъ, сидя предъ кушею, если видѣлъ кого изъ проходящихъ, принималъ его самымъ дѣломъ. Живущимъ въ нечестіи предлагалъ трапезу; и принимая варваровъ, не обманулся въ надеждѣ принять Ангеловъ. Сладость странполюбія дознали всѣ, которые во время странствія находили у кого прибѣжище, когда и ласковое слово дѣлаеть трапезу сладостною для сердца. Поэтому съ великимъ тщаніемъ будемъ держаться странполюбія, ради собственной пользы, чтобы принять намъ у себя, не только Ангеловъ, но и Бога. Ибо Господь говоритъ: *понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* (Матѣ. 25, 40.). Нѣкто изъ упражнявшихся въ добродѣтели съ наибольшимъ вѣдѣніемъ далъ такой отвѣтъ: «отзывающіяся въ сердцахъ демонскія мечтанія обыкновенно уничтожаются тщательностію странполюбія и щедрыми услугами, оказываемыми съ усердіемъ, если только какимъ бы то нибыло образомъ освободился кто отъ вещественнаго. Если же дѣлается это со смиреніемъ и съ сокрушеннымъ сердцемъ, то еще скорѣе избавляетъ отъ мечтаній страдающаго ими; потому что демоны весьма боятся смиренія, зная, что Владычнія это заповѣды». Нѣкто изъ благоискуснѣйшихъ, ведя рѣчь о смиреніи, пересказалъ и слѣдующее: «весьма благоискусный отецъ уда-

рень былъ по ланитѣ бѣсноватымъ, который былъ въ сильномъ безуміи; и отецъ, немедленно обернувшись, поставилъ ему другую ланиту, съ готовностію принять ударъ. Бѣсноватый же, какъ бы пораженный молніею смиренія, вскричавъ, внезапно отскочилъ отъ отца».

ГЛАВА 27. Вотъ слова и святаго епископа Епифанія: «случилось, говоритъ онъ, что у одной вѣрной вдовицы сынъ имѣлъ въ себѣ пытливаго бѣса; припадки продолжались много времени, и никакія пособія не помогали: когда же мать его отъ слезъ пришла въ смиреніе, ея благодареніе облегчло страданіе. Кресту предавъ душу свою, молитвами исторгла она демона изъ отрока. Когда юноша блуждалъ по окрестнымъ мѣстамъ, а мать стала молиться дома, демонъ, громко произнеся имя ея, метался въ мукахъ. Она же, слыша это, не пошла сама на мѣсто дѣйствія, борецъ естества связуя смиреніемъ, но, привлеченная другими, приведена была насильно, и послѣ этого демонъ съ неистовствомъ усиливался предаться бѣгству. Посему она, не отступая и въ слезахъ обнявъ отрока, благодареніемъ и смиреніемъ ограждала его отъ демона, и когда горько возрыдавъ, принесла моленіе Христу, и наложила на сына крестное знаменіе, демонъ тотчасъ оставилъ отрока». Съ ненавистию демоны смотрятъ на тѣхъ, которые просяваютъ подчиненіемъ себя отцу, и скрежещутъ на нихъ зубами, потому что, живя въ

подчиненіи, беззаботно сопрягли они съ этимъ и отреченіе отъ міра. Имъ-то, тщательно отыскивая предлоги, готовятъ демоны огорченія, при встрѣтившейся причинѣ къ гнѣву, вкореняютъ въ нихъ негодованіе, а потомъ постепенно приводятъ въ воспаленіе и ненависть къ отцу за то, что будто бы онъ несправедливо наказываетъ и лицепріятель: дѣлаютъ же это демоны, чтобы, разными способами поколебавъ душу, похитить ее изъ отеческихъ объятій. Поэтому, кто пребываетъ въ подчиненіи у отца, тотъ да предастъ себя на обпды, и да побѣждаетъ ихъ смиреніемъ, да управляется долготерпѣніемъ и не вникаетъ помысламъ, роншущимъ на суровость и дерзость братіи.

Г л а в а 28. Наипаче же внушаютъ демоны, что свобода не можетъ быть сопряжена съ тяжкимъ рабствомъ, даже простираются и далѣе этого, чтобы, подвластнаго сдѣлавъ непокорнымъ, удобнѣе погрузить его въ вещественное. И однихъ стараются этимъ отлучить отъ отческаго попеченія, а другихъ иными способами, внутренно повторяя имъ: «работай, приобрѣтай, принимай странныхъ, чтобы сотворить себѣ доброе имя». Ибо съ добрыми сѣменами всѣваютъ по частямъ и худые плевелы, и въ началѣ пускаютъ челоуѣку услаждаться тщеславіемъ, трезвиться въ постоянномъ постѣ, усердно вставать на молитвы и церковныя службы, чтобы могъ онъ заключить изъ сего, что, оста-

ваясь подвластнымъ, не сдѣлался бы такимъ ; потому что тамъ и обиды, и печали, и смущенія, а здѣсь миръ, тишина, радость : тамъ строгость отца, страхъ, оцѣненіе , а здѣсь беззаботность , небоязненность , нестѣсненность. Такъ демоны, вводя въ обманъ подобными симъ помыслами, похищаютъ у человѣка умъ. Внезапно же напавъ на душу во время чрезъ мѣру продолжительнаго сна, напосеваютъ ее страхомъ, прерываютъ божественныя службы нерадѣніемъ и уныніемъ, наводятъ на мысль, что страннопріимство разстроиваетъ человѣка, употребляютъ все обаянія порока, чтобы, ввергнувъ его въ уныніе, возбудить ненависть и къ самой жизни, а такимъ образомъ, обнаживъ отъ добродѣтелей, представить на позоръ Ангеламъ. Иногда демоны возвеличиваютъ труды въ помыслахъ, а иногда уничижаютъ ихъ, какъ ни къ чему не служащія, чтобы въ одномъ случаѣ внушить высокоуміе, а въ другомъ посѣять отчаяніе. Въ тѣхъ же, которыхъ не могутъ довести до расслабленія, возвеличиваютъ труды, чтобы внушить имъ высокоуміе, а тѣмъ, которые не соглашаются предаться высокоумію, твердятъ одно то, что труды ни къ чему не служатъ, чтобы, приведя ихъ въ расслабленіе, всѣять въ нихъ отчаяніе.

Г л а в а 29. Посему, когда помыслы возвеличиваютъ труды, отринувъ ихъ съ презрѣніемъ, будемъ уничижать душу ; а также, когда ума-

ляются труды, какъ ни къ чему не служащія, сколько есть сила, будемъ возвеличивать Христова милосердіе. Ибо, въ какой мѣрѣ болѣе и болѣе удручаешь свое тѣло, въ такой же пспытуй свою совѣсть. Познавай себя самого, ощущая тайныя расхищенія помысловъ, чтобы, оставаясь нечувствительнымъ къ тайнымъ ихъ грабительствамъ, не придти намъ въ омраченіе отъ мысли, будто бы добродѣтели пожинаяются одною суровостію жизни. Нѣкоторые, возмечавъ это, какъ пруги, поколебались въ умѣ; потому что демоны производятъ призраки, обольщаютъ видѣніями, а иногда расхищаютъ душу боязнію. Одному изъ братій, бодрствовавшему ночью, демоны представили страшныя мечтанія, впечатлѣвая не на внѣшнемъ только окѣ, но и во внутреннемъ зрѣніи. Носему умъ, боримый заботою о другой наступающей ночи, приходилъ въ опасность подвергнуться расхищенію мыслей, и брань постигала душу многія ночи. Но бѣдствующій успивался удержатъ внутри себя вождя мыслей, и предавъ душу Подателю души (м), укоряя самъ себя за дѣйствительныя свои паденія, подвизался. въ томъ, чтобы углубляться въ себя самого; потомъ, занимая душу помысленіями объ огнѣ на судѣ, приводилъ ее въ страхъ, чтобы, страхъ поражая страхомъ, отразить отъ себя боязнь. Сіе и произошло, какъ

(м) Вместо: τῆς εὐχῆς по рукописи читается: τῆς ψυχῆς.

сказывалъ претерпѣвшій эту брань. Ибо, когда демоны всякими способами устрашали душу, страждущій въ молитвѣ взыскивалъ Бога; тѣмъ развлекали душу мечтаніями, а онъ, собравъ бремя грѣхонадешій, открывалъ оное всевѣдущему Богу; тѣмъ снова развлекали молитвенное око, а онъ, вознаградивъ сіе страхомъ суда, уничтожалъ страхъ мечтательный, и какъ одинъ страхъ преизобиловалъ предъ другимъ, съ Божією помощію пренобѣждалъ онъ обольщеніе; потому что душа, смиряемая памятованіемъ грѣховъ и пробуждаемая страхомъ суда, извергала изъ себя демонскія страшилища. Все же это, и отгнаніе демонскихъ страшилищъ, и подкрѣпленіе падающей души, совершалось благодатію свыше; потому что Господь подкрѣпляетъ всѣхъ падающихъ, и возводитъ вся низверженныя (Псал. 145, 8.).

Глава 30. Иногда усиливается сотворить чистую молитву, и между тѣмъ не можемъ; а иногда также не принуждаемъ себя, и душа пребываетъ въ чистой молитвѣ; и первое происходитъ отъ нашей немощи, а послѣднее отъ благодати свыше, призывающей насъ войти въ душевную чистоту, тѣмъ же и другимъ вмѣстѣ поучающей насъ, не себѣ приписывать, если молимся чисто, но признавать Дарующаго сіе. *О чesомъ бо помолимся, якоже подобаетъ, не вѣлмы* (Рим. 8, 26.). Когда усиливается содѣлать молитву чистою, и не можемъ, но омрачаемся;

тогда, омочивъ ланиты слезами, будемъ умолять Бога, чтобы разсѣялъ ночь брани, и возсіялъ свѣтъ въ душѣ. Когда живущій вмѣстѣ съ тобою братъ отлучится по дѣламъ службы; по обычаю молитвенному, обновляй о немъ память, но не мечтай о немъ сверхъ мѣры, чтобы демоны, у тебя заимствовавъ начало къ заботливости, и поощряя оную, не стали изощрять болѣе и болѣе, живо представляя тебѣ брата во время псалмопѣнія, и лишая въ Богѣ попеченія по Богу, чтобы, однимъ попеченіемъ отражая другое, какъ плѣнниковъ отвести насъ отъ наилучшаго, и отъ помышленія о сказанномъ: *возверзи на Господа печаль твою* (Псал. 54, 23.). Ибо демоны знаютъ, что, въ слѣдствіе излишней заботливости о братѣ возмутивъ владычественное въ насъ, дадутъ превратное направленіе самой печали, еще же извлекутъ у насъ и укоризны брату за медленность, будто бы отлучившійся по ревности къ дѣлу служенія возне радѣлъ о братѣ, и сіе дѣлають, чтобы многозаботливая любовь наша премѣнилась даже въ ненависть. При заботахъ нашихъ объ отлучившемся демонамъ обычно дѣлать и то, что въ тотъ самый день, въ который, какъ знаютъ они, прибудетъ отлучившійся, какъ въ зеркалѣ показываютъ намъ его въ сонномъ видѣніи, чтобы по сбывшемуся сну и при отлучкѣ другихъ заставить насъ снова ожидать пророчесственныхъ сновъ, которыхъ должно паче отвращаться и

весьма избѣгать, чтобы демоны не вводили оны-
ми въ заблужденіе душу и въ разсужденіи чего-
либо другаго.

Глава 31. Ибо они ничего не знаютъ на-
передъ, но что видятъ совершившимся, то по-
казываютъ и представляютъ въ мечтаніи. Не-
рѣдко, когда пребывали мы на безмолвіи, де-
моны, увидѣвъ идущаго къ намъ брата, напередъ
указывали его въ помыслахъ; и имъ не надобно
вѣрять, хотя, повидимому, говорятъ правду, по-
тому что съ самою правдою вносятъ ложь, что-
бы по сему частному случаю и на лежащихъ
намъ путяхъ опредѣлять мѣста засадъ. Какъ не
бывшее въ дѣлѣ золото, вложенное въ плавиль-
ную печь, дѣлается чище; такъ и новопосту-
пившій монахъ, переплавивъ нравы свои въ оби-
тели, отличается терпѣливостію. Ибо подъ рас-
поряженіемъ братій оканчиваетъ онъ обученіе
свое послушанію, и подъ десницею наказующаго
уготовляетъ природу къ долготерпѣнію. Поэто-
му, когда съ радостію будетъ принимать оскор-
бленія, и съ самоуничиженіемъ возлюбитъ сми-
реніе, тогда, ставъ выше противныхъ страстей,
начинаетъ потомъ подвизаться въ томъ, чтобы
преспѣвать добродѣтелями, но мѣръ болѣе и
болѣе даруемыхъ ему благодатію силъ. Какъ
опускающіеся въ основанія земли вырываютъ
тамъ золото; такъ нисходящіе до златоподобна-
го смиренія износятъ изъ него добродѣтели.
Тогда умъ ощутишь упокоеніе, когда, отскъши

причины страстей, займется созерцаемъ ; а до отсѣченія страстей ощущаетъ онъ и трудъ и окаянство свое, съ непомощю исходя на борьбу съ сопротивными.

Г л а в а 32. Отшельничество, когда въ немъ соблюдается постепенность, охотно припимаютъ старцы, если только переходитъ кто къ этому, усовершенствовавшись въ добродѣтеляхъ еще въ общежитіи. И да испытаетъ таковой себя, можетъ ли онъ преуспѣвать въ отшельничествѣ. А если, находя сіе невозможнымъ, ослабѣваетъ въ добродѣтели, то пусть возвратится въ общежитіе, чтобы иначе, не имѣя силъ противостать умищреніямъ помысловъ, не лишиться ему разсудка. Какъ плачущей вдовѣ утѣшителями служатъ сыновья, такъ надшей душѣ утѣшеніе — труды ; они разсѣваютъ отчаяніе помысловъ, и посѣвываютъ вѣру въ покаяніе, провозглашаютъ Христова милосердіе, и оглашаютъ содѣянные грѣхи. Поэтому должны мы не по обычаю только заниматься трудами, но съ разумніемъ благодаренія, чтобы душа не оказалась лишеною такого любомудрія. Ибо, если въ каждомъ дѣлѣ уразумѣваемъ Дающаго конецъ трудамъ, то запечатлѣваемъ дѣло благодареніемъ. Какъ у младенца хлѣбъ старается унести молодой пестъ, такъ разумніе у сердца — лукавій помысль. Поэтому, не какъ младенцы будемъ смотрѣть на лукавство противныхъ дѣлъ, чтобы не предать имъ душу на расхищеніе. Какъ сверкающій

соимъ звѣздъ красить небо ; такъ осіявающая истина словесъ украшаетъ человѣка. Посему будемъ носить на языкѣ одинъ образъ истины, потому что Господь *вселяетъ единомысленныя въ домъ* (Псал. 67, 7.). Какъ сильныя молніи промчавшись предвѣщаютъ громъ ; такъ точная рѣчь, будучи произнесена, предвозвѣщаетъ вѣру. Посему будемъ стараться быть вѣрными истинѣ, чтобы приблизиться намъ и къ престольному граду добродѣтелей—любви. Какъ солнце золотарными лучами улыбается всей землѣ ; такъ любовь свѣтозарными дѣлами привѣтствуетъ всякую душу. Если приобрѣтемъ ее, то угасимъ страсти, и просіяемъ до небесъ. Всякій трудъ совершимъ, какъ скоро улучимъ святую любовь ; потому что безъ нея нѣтъ пользы ни въ чемъ настоящемъ, и гнѣвъ свирепѣетъ, и нравы грубѣютъ, и къ трудамъ по высокоумію примѣшивается слава. По смиренію души Давидъ постился со слезами ; и мы будемъ смирять душу постомъ.

Г л а в а 33. Кто подвизается въ самыхъ тяжелыхъ тѣлесныхъ трудахъ, тотъ пусть трудится не для похвалы, и не превозносится славою. Ибо демоны надмѣваются душою спми трудами, и суровость и подвигъ тѣла усиливаютъ славою, увлекаютъ принять на себя еще большіе труды, чтобы человѣкъ еще болѣе превозносился ; ведутъ съ нимъ внутреннюю бесѣду, внушая ему посредствомъ помысловъ : «какъ такой-то

подвизался нещадя себя, и такой-то приобрѣлъ себѣ великое имя, такъ что о немъ говорятъ и по смерти его; такъ и ты взойди на самую высоту подвижничества, чтобы стяжать себѣ славу, и чтобы имя твое содѣлалось великимъ, и по смерти твоей произносилось съ особенною похвалою». Посредствомъ сихъ-то, въ такой мѣрѣ обольщенныхъ помысловъ, не тѣлесными только трудами ведутъ съ тобою брань, но призываютъ паче въ спорничество, чтобы чрезъ нихъ коснуться души въ чемъ-либо болѣе опасномъ; ибо возводятъ челоуѣка до первосѣдательства, возвышаютъ до права говорить, какъ учителю, чтобы за это молва отдавала ему первенство и въ великихъ трудахъ и въ вѣдѣніи. Влагаютъ же въ него соревнованіе и зависть къ тѣмъ, которыхъ преснѣвнія прославляются, дѣятельность достойна удивленія, а близко къ ней и вѣдѣніе. Иногда же усыпляютъ въ немъ разжженіе плоти, съ хитрымъ намѣреніемъ не даютъ во внутренности мѣста нечистымъ помысламъ, чтобы челоуѣкъ подумалъ, будто бы духъ блуда пренобѣжденъ суровостію его жизни, сердце его близко къ свѣтлости святыхъ, и возшелъ онъ на самый верхъ святости. А въ разсужденіи яствъ, отъ которыхъ воздерживался, и постоянныхъ постовъ, опредѣляютъ ему годы, послѣ которыхъ въ правѣ онъ похвалиться, какъ доблестный, и превозноситься предъ братствомъ, какъ чѣмъ-то въ сравненіи съ нимъ низкимъ:

и такимъ образомъ заставляютъ его рассказывать о своихъ подвигахъ, въ которыхъ будто бы преуспѣлъ онъ собственными только силами, потому что сдѣлалъ то и то, подвизался и зло-страдалъ такъ и такъ, шмаю не дозволяя выговорить ему при этомъ: впрочемъ подвизался не я, а дѣйствовавшая во мнѣ помощь. Ибо не позволяютъ ему исповѣдать Бога помощникомъ въ томъ, чѣмъ заставляютъ его хвалиться, чтобы, такъ какъ собственными силами совершилъ все въ своихъ подвигахъ, то и похвалъ въ награду всецѣло требовалъ себѣ, и чрезъ это погрязъ во глубинѣ хулы, несмысленно величаясь, что самъ себѣ былъ онъ помощникомъ.

Глава 34. Посему, когда сердце такъ сильно бываетъ оглашаемо славою помысловъ, и и не противится этому, тогда оно не виѣ тайнаго отупѣнія смысла, а вождь разсудка въ опасности придти въ колебаніе, или отъ сновъ принимаемыхъ съ вѣрою, или отъ превращеній совершающихся въ бодрственномъ состояніи, или отъ видимаго въ преображеніи свѣта. Ибо такъ сатана для обольщенія нашего преобразуется въ Ангела свѣта, иногда показываетъ, что подаетъ дарованія, чтобы ты палъ и поклонился ему, или возвѣщаетъ, что восхитятъ тебя, какъ новаго Илію, или обѣщаетъ сдѣлать святымъ. Иные, принявъ это съ вѣрою, уклонились отъ истины, и впали въ умоповрежденіе. Поэтому ты, молитвенникъ Святыя Троицы, зная, палъ

чѣмъ съ любовію трудисься, со всякимъ храненіемъ блюди сердце, чтобы обращая вниманіе на одни внѣшніе труды, не быть тебѣ коварно уловленнымъ въ трудахъ внутреннихъ. Итакъ мое слово сказано тебѣ, чадо, изреченное же мною да блюдетъ сердце твое. Помни охраняющаго тебя Христа; не забывай достопоклоняемой и единосущной Троицы, во славу Отца и Сына и Святаго Духа нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ (и). Аминь.

(и) Ставословіе переведено по рукописи.

КЪ МОНАХУ ЕВЛОГІЮ

С Л О В О 2.

О ПОРОКАХЪ ПРОТИВОПОЛОЖНЫХЪ ДОБРодѢТЕЛЯМЪ.

Г л а в а 1. Необходимымъ почитаю трудолюбію твоему представить кратцѣ и пороки, противоположные добродѣтелямъ. Хотя до сихъ поръ, воздѣлывая разумъ, на уготовляемой къ сѣянію нивѣ исторгали мы тернія помысловъ; однако же достигли до этого *не отъ дѣль, иже сотворихомъ* (Тит. 3, 5.), *но образъ ильня здравыхъ словесъ* (2 Тим. 1, 13.), какія слышали отъ отцевъ, стали въ иномъ свѣдуши и изъ жизни дѣятельной. Все же сіе отъ благодати свыше. Она указываетъ грѣшникамъ козни оболъстителей, она предостерегаетъ и говоритъ: *что же имали, его же ильси пріялъ* (1 Кор. 4, 7.)? И чтобы, какъ пріявшіе, благодарили мы за это Подателя, а не себѣ самимъ приписывали, съ

мнимымъ самохвальствомъ отрицая дашіе, Апостоль говоритъ для сего: *еще же и пріимъ еси, что хвалишия, яко не пріимъ?* То есть, вы, бѣдные дѣлами, уже *обогастилися*, вы, начавшіе учиться, уже *сыты есте* (8.). Въ такое обольщеніе впалъ недавно и я, какъ въ своемъ предположеніи, скрывая бѣдность дѣлъ, брать въ заемъ, такъ и въ памфреніи подавать совѣты, безъ всякаго порядка излагая науку о томъ, какъ должно обучаться. Впрочемъ, если имѣеть у васъ какую силу извиненіе, то удѣлите его и мнѣ, чтобы могли мы представить вкратцѣ противоположно соотвѣтственные добродѣтелямъ пороки, обозначивъ: что такое чревоугодіе, и вопреки ему воздержаніе, что такое блудъ и цѣломудріе, что такое сребролюбіе и нестяжательность, печаль и вопреки ей радость, что такое гнѣвъ и долготерпѣніе, уныніе и терпѣливость; что такое тщеславіе и нетщеславіе, зависть и независтливость, гордость и смиреніе. Сіи добродѣтели и пороки взаимно соотвѣтственны, противодѣйственны и противоположны. Представимъ ихъ вкратцѣ такъ:

Глава 2. Чревоугодіе есть мать блуда, питательница помысловъ, ослабленіе поста, ограниченіе подвижничества, страшлище, отклоняющее отъ цѣли, живое представленіе снѣдей и приправъ, неуправляемый молодой конь, необузданное неистовство, пріемникъ болѣзни, противленіе здравію, заваль проводниковъ, стѣсненіе

внутренностей, крайній предѣлъ насилій природѣ, таинникъ блуда, нечистота мыслей, немощь тѣла, тяжелый сонъ, печальная смерть. А воздержаніе есть узда чрева, бичъ ненасытности, правило соразмѣрности, обузданіе жадности, отреченіе отъ упокоенія, уставъ суровой жизни, укрощеніе помысловъ, око бдительности, избавленіе отъ воспламененія, пѣстунъ тѣла, столпъ трудовъ, стѣна добрыхъ навыковъ, умягченіе нравовъ, сокращеніе страстей, умерщвленіе членовъ, оживотвореніе душъ, уподобленіе воскресенію, постановленіе освященія. Блудъ есть плодъ сластолюбія, расслабленіе сердца, печь разжженія, увѣщеніе идоламъ, темное (о) дѣло, тѣнью покрытый образъ, воображаемое сочетаніе, во снѣ мечтаемое ложе, неошутимое сопребываніе, обманъ очей, безстыдство взора, постыжденіе молитвы, срамъ сердца, путеводитель къ невѣднію. Цѣломудріе же—риза истины, сѣкира непотребства, возница очей, назиратель помысловъ, обрѣзаніе мысли, отсѣченіе невоздержанія, новое насажденіе въ естествѣ, противоборникъ разжженію, содѣйственникъ въ дѣлахъ, сотрудникъ воздержанію, свѣтильникъ сердцу, указатель молитвы.

Г л а в а 3. Сребролюбіе есть идольская бережливость, прорицаніе толпы, приговоръ скупости, вычисленіе отложеннаго, богатство пора-

(о) По рукописи вмѣсто *δορυγενής* читается *δορυφανής*

бощенія, родъ неправды, тукъ болѣзней, гада-
 тель многолѣтія, обаятель трудолюбія, совѣтникъ
 бдительности, нищета чрева, малоцѣнность снѣ-
 дей, ненасытимое неистовство, многопопечитель-
 ный порокъ. Нестязательность есть искоре-
 неніе сребролюбія, укорененіе несребролюбія,
 плодъ любви и крестъ жизни, неболѣзненное
 житіе, невозбуждающее зависти сокровище, не-
 знающее попеченій небо, неподвижное солнце,
 неизмѣримое вещество, необъятное богатство,
 коса пожинающая попеченія, евангельское дѣло,
 перушимое украшеніе, скоротечный подвижникъ.
 Печаль есть сожительница утратъ, собесѣдница
 неудачи, предтеча страшнической жизни, память
 родства, сообщница воздыханія, соученица уни-
 шія, жалоба на огорченіе, памятникъ обиды, по-
 мраченіе души, суровость нравовъ, опьяненіе бла-
 горазумія, усыпительное противоядіе, облако на
 лицѣ, червь въ плоти, паденіе (п) помысловъ,
 толпа порабощенія. Радость — пагуба печали,
 благодарность въ бѣдствіяхъ, молитвенное видѣ-
 ніе, радованіе въ трудахъ, веселіе благотвори-
 тельности, отпрыскъ отреченія отъ міра, приѣм-
 никъ страннолюбія, прибѣжище надеждъ, пища
 подвижниковъ, утѣшеніе плачущихъ, услажденіе
 слезъ, помощь въ скорби, воззваніе любви, со-
 гласіе великодушія. Глѣвъ—расхищеніе блгораз-
 умія, разстройство состоянія, смущеніе естества,

(п) Въсто *лѣвъ* по рукописи читается *лѣвъ*.

свирѣпость лица, пещь въ сердцѣ, изрыгнутый пламень, законъ раздражительности, негодование на обиды, матерь звѣрей, безмолвная борьба, рожекъ въ молитвѣ. Долготерпѣніе — оружіе благоразумія, судилище гнѣву, врачевство сердцу, урокъ дерзкимъ, тишина мятежнымъ, необуреваемая пристань, благодѣяніе печальнымъ, благость ко всѣмъ; оно хулимое благословляетъ, оскорбляемое радуется, оно—утѣшеніе утѣшеннымъ, зеркало надѣющимся, награда злострадающимъ.

Глава 4. Уныніе — воздушная пріязнь, хожденіе кругомъ, ненависть къ трудолюбію, борьба съ безмолвіемъ, буря во время псалмопѣнія, лѣнь къ молитвѣ, расслабленіе въ подвигѣ, безвременное усыпленіе, непрестанно возвращающийся сонъ, тягота одиночества (р), ненависть къ келліи, противоборство трудамъ, противленіе терпѣливости, узда размышленію, невѣдѣніе писаній, причастница печали, часы показывающіе голодъ. Терпѣніе—отрѣшеніе отъ унынія, отреченіе помысловъ, попеченіе о смерти, размышленіе о крестѣ, пригвожденный страхъ, выбитое золото, законоположеніе скорбей, книга благодаренія, щитъ безмолвія, оружіе трудовъ, кипящая дѣятельность къ добру, начертаніе добродѣтелей. Тщеславіе — мечтаніе о случайности, приликъ трудолюбія, противленіе истинѣ, первая

(р) Въмѣсто: *marias* по рукописи читается *novias*.

причина ересей, желаніе первенства, оно послѣднее на привѣтствія, порабощено похваламъ, оно—многоличный духъ, тысячезубый звѣрь. Среда тщеславія соплетается съ гордостью и завистію, которыя одна въ другой и одна другой враждебны, и это—трепетная цѣль золь, трехсоставный растворъ страстей, тройственный языкъ еретиковъ. Нетщеславіе же есть дѣланіе смиренномудрія, отступленіе отъ угодливости, смѣженіе очей для похвалъ, созерцаніе вѣдѣнія, противленіе міру, здравіе душевнаго чувства, правило бережливости, таинникъ трудовъ, нелюбитель прославленія, въ тѣлѣномъ тѣлѣ сокровенное сокровище. Зависть—одежда гордости, совлеченіе смиренномудрія, корень пересудовъ, слѣпоты къ благодушію, лицемеріе въ дружбѣ, обманчивая свобода въ обращеніи, вражда къ любви, ревность къ одобряемымъ, смятеніе неколебимыхъ, осмѣяніе прославляемыхъ, превращеніе очей. Кто же чистъ сердцемъ, кто не укоритъ себя въ томъ, что отвергъ, или не вполне исполнилъ, заповѣдь Божию, или вознеградѣлъ о ней? Но Христосъ во всякомъ дѣлѣ да приведетъ насъ къ успѣшному исполненію воли Его! Ему слава во вѣки! Аминь.

О РАЗЛИЧНЫХЪ ЛУКАВЫХЪ ПОМЫСЛАХЪ

27 ГЛАВЪ.

ГЛАВА 1. Изъ демоновъ, противниковъ нашихъ въ жизни дѣйствительной, первыми встаютъ на брань завѣдывающіе удовольствіями или пожеланіями чревоугодія, также внушающіе намъ сребролюбіе, и вызывающіе насъ на искательство славы у людей. Всѣ же прочіе, ходя въ слѣдъ за ними, берутся за тѣхъ, которые уловлены уже первыми. Ибо тому невозможно впасть въ руки духу блуда, кто не палъ отъ чревоугодія. Невозможно и гнѣву возмутить того, кто не боримъ неразумными вождельніями или явствъ, или денегъ, или славы. И невозможно избѣжать демона печали тому, кто, или лишился, или не могъ, получить всего этого. Человѣкъ не избѣжитъ гордыни — этого перваго дьявольскаго порожденія, пока не исторгъ *корня всльмъ злымъ — сребролюбія* (1 Тим. 6, 10.);

такъ какъ, по слову премудраго Соломона, *нищета мужа смиряетъ* (Притч. 10, 4.). Короче сказать, невозможно человѣку впасть въ руки демону, если не уязвленъ онъ прежде сказанными выше перваго ряда демонами. Почему и Спасителю представлялъ тогда діаволъ сіи три помысла, совѣтуя сперва камни содѣлать хлѣбами, потомъ, если падеть и поклонится, обѣщая цѣлый міръ, а въ третьихъ увѣряя, что, если послушается, то, ничего не потерпѣвъ отъ такого паденія, прославится. Господь же нашъ, ставъ выше всего этого, повелѣлъ діаволу идти назадъ, научая тѣмъ и насъ, что невозможно прогнать отъ себя діавола, не пренебрегши сихъ трехъ помысловъ.

Г л а в а 2. Всѣ демонскіе помыслы вносятъ въ душу представленія чувственныхъ вещей, и умъ, принявъ въ себя ихъ отпечатокъ, удерживаетъ въ себѣ образы сихъ вещей, а потомъ по самой вещи узнаетъ приблизившагося демона. Напримѣръ, если въ мысли у меня явится лице причинившаго мнѣ вредъ и безчестіе, то обличается симъ приразившійся помыслъ 'памятозлобія. Если также явится припоминаніе о деньгахъ или славѣ; то явно, что поэтому самому узнавъ будетъ и сокрушающій насъ помыслъ. Тоже бываетъ и при другилъ помыслахъ. По представляющемуся въ помыслѣ найдешь, какой демонъ приступилъ къ тебѣ, и внушилъ сіи мечтанія. Не говорю однако, что всѣ припоминанія

о таковыхъ вещахъ бѣваютъ отъ демоновъ, потому что и самъ умъ, приводимый въ движеніе человѣкомъ, воспроизводитъ обыкновенно представленія того, что было; но отъ демоновъ всѣ тѣ припоминанія, которыя влекутъ за собою неестественнымъ образомъ раздраженіе или вождѣніе. Ибо умъ, въ слѣдствіе возмущенія сими двумя силами, мысленно прелободѣйствуетъ, и бываетъ ими боримъ, будучи не въ состояніи воспринять въ себя представленія о положившемъ ему законы Богѣ (с), и свѣтозарность сія появляется во владычественномъ умѣ только во время молитвы, по устраненіи всѣхъ представленій о вещахъ. Невозможно же человѣку отложить страстныхъ воспоминаній, если въ разсужденіи вождѣнія и раздраженія не приложить попеченія, чтобы первое истребить постомъ, бдѣніемъ, возлежаніемъ на голой землѣ, а послѣднее укротить долготерпѣніемъ, непамятозлобіемъ, милостынями; потому что отъ сихъ двухъ страстей составляются всѣ почти демонскіе помыслы, ввергающіе умъ въ па~~д~~бу и гибель.

Г л а в а 3. Невозможно человѣку преодолѣть сіи страсти, если не презреть онъ совершенно и снѣди, и деньги, и славу, даже и собственное свое тѣло, чѣмъ страсти часто предприемлютъ наносить ему удары. Поэтому весьма необходимо подражать бѣдствующимъ въ морѣ, которые,

(с) Слово Θεου дополнено изъ рукописи.

по причинѣ стремительныхъ вѣтровъ и востающихъ волнъ, начинаютъ выбрасывать изъ корабля все, чѣмъ онъ снабженъ. Но при семъ должно обращать строгое вниманіе, чтобы выбрасывая, чѣмъ снабженъ корабль, дѣлать это не на показъ людямъ; потому что, такъ поступая, *воспріемлемъ мзду свою* (Матѳ. 6, 2.), и съ нами послѣдуетъ явное опаснѣйшее перваго крушеніе отъ сопротивныхъ дуповеній демона тщеславія. Почему и Господь нашъ въ евангеліи, поучая нашего кормчаго — умъ, говоритъ: *внемлите милостыни вашея не творити предъ чельовьки, да видими будете или: аще ли же ни, мзды неимате отъ Отца вашего, Иже есть на небесѣхъ* (Матѳ. 6, 1.). И еще: *егда молитесь, не будите, якоже лицемъри, яко любятъ въ сонмищахъ и въ стогнахъ путьи стояще молитися, яко да явятся чельовкомъ: аминь глаголю вамъ, яко воспріемлютъ мзду свою* (5.). И еще сказуетъ: *егда поститесь, не будите, якоже лицемъри стѣнующе: помрачаютъ бо лица своя, яко да явятся чельовкомъ постящися: аминь глаголю вамъ, воспріемлютъ мзду свою* (16.) Напротивъ того, должно при семъ внимательно взирать на Врача душъ, какъ Онъ раздражительность врачуетъ милостынею, вожделѣніе приводитъ въ безспіе постомъ, и также очищаетъ молитвою умъ, и изъ сего создается новый чельовкъ, обновленный *по образу Создавшаго его* (Колосс. 3, 10.), въ кото-

ромъ, по причинѣ святаго безстрастія *нсть мужескій полъ, ни женскій* (Гал. 3, 28.), а по причинѣ единой вѣры и любви, *нсть Елліиъ ни Іудей, обрзаніе и необрзаніе, варваръ и Скиоъ, рабъ и свободъ, но всяческая во всѣхъ Христосъ* (Колосс. 3, 11.).

ГЛАВА 4. Спрашивается: какъ демоны въ сонныхъ мечтаніяхъ производятъ отпечатки и образы въ нашемъ владычественномъ? Подобное сему обыкновенно бываетъ съ умомъ, когда онъ, или видитъ глазами, или слышитъ ушами, или пріемлетъ что какимъ-либо чувствомъ, или заимствуетъ изъ памяти, которая производитъ отпечатки во владычественномъ не посредствомъ тѣла, но приводя въ движеніе то самое, что имѣло оно посредствомъ тѣла. Посему и демоны, кажется миѣ, производятъ отпечатки во владычественномъ, приводя въ движеніе память; потому что тѣлесные органы сномъ содержатся въ бездѣйствіи. А поэтому снова спрашивается: какъ же демоны приводятъ въ движеніе память? Конечно посредствомъ страстей. И сіе явствуетъ изъ того, что чистые и безстрастные не терпятъ ничего подобнаго. Но возможно простое и бѣгое движеніе **п**мяти (т), происходящее отъ насъ самихъ, или отъ святыхъ силъ, по которому входимъ во силъ въ общеніе, бесѣ-

(т) Слово: *памяти* дополнено изъ рукописи.

дуюмъ, и соприсшествуемъ со святыми. Впрочемъ должно принять во вниманіе, что, какіе образы пріемлетъ въ себя душа съ тѣломъ, такіе память приводитъ въ движеніе и безъ тѣла. И сіе ясно видно изъ того, что часто испытываемъ это и во снѣ, когда тѣло покоится. Ибо, какъ можно вспоминать о водѣ и при жаждѣ, и безъ жажды; такъ можно вспоминать о золотѣ съ любостыжательностію, и безъ любостыжательности. А тоже сказать должно и объ иныхъ вещахъ. Но что умъ въ представленіяхъ находитъ тѣ или другія отличія, сіе служитъ признакомъ злоухищренія демоновъ. А вмѣстѣ надлежитъ знать и то, что демоны для произведенія мечтаний употребляютъ и внѣшнія вещи, напримѣръ: для плывущихъ шумъ волнъ. Намѣренію демоновъ очень способствуетъ наша раздражительность, возбужденная не въ естественной мѣрѣ; и она дѣлается весьма годною для всякаго ихъ злоухищренія. Почему ни одинъ изъ нихъ не отказывается возмущать и ночью и днемъ сію раздражительность. А когда демоны видятъ, что она связана кротостію, тогда, по справедливымъ предлогамъ, немедленно даютъ ей свободу, чтобы, ставъ болѣе стремительною, способствовала къ возбужденію звѣрскихъ ихъ помысловъ. Почему необходимо не возбуждать раздражительность ни чѣмъ-либо справедливымъ, ни несправедливымъ, и нападающимъ демонамъ не давать опаснаго меча, что, какъ знаю, дѣлають часто

многіе, и по маловажнымъ предлогамъ воспламеняются болѣе подлежащаго.

Г л а в а 5. Изъ чего, скажи мнѣ, такъ скоро приходишь въ бореніе, если пренебрегъ ты и снѣди, и славу и деньги? На что кормишь пса, давъ обѣтъ не имѣть у себя ничего? А если онъ лаесть, и нападаетъ на людей, то явно, что имѣешь у себя что нибудь, и хочешь это сберечь. И я увѣренъ, что таковій далекъ отъ чистой молитвы; ибо знаю, что раздражительность губительна для таковой молитвы. А сверхъ того дивлюсь, что забыты и святые: и Давидъ, который взываетъ: *престани отъ гнѣва, и остави ярость* (Псал. 36, 8.); и Екклесіастъ, который предписываетъ: *отстави ярость отъ сердца твоего, и отрини лукавство отъ плоти твоея* (Еккл. 11, 10.); и Апостолъ,—который повелѣваетъ воздѣвать ко Господу *на всякомъ мѣстѣ преподобныя руки безъ гнѣва и размышленія* (1 Тим. 2, 8.). Почему же неизвлекаемъ для себя урока изъ этого знаменательнаго и древняго обычая у людей, изгонять изъ дому псовъ во время молитвы, который даетъ разумѣть, что въ молящихся не должно быть раздраженія? И еще сказано: *ярость змѣевъ вино ихъ* (Второз. 32, 33.); а отъ вина воздерживались Назореп. Да и нѣкто изъ языческихъ мудрецовъ утверждалъ, что желчь и бедро не вкушаются богами, самъ неразумѣя, какъ думаю, что говорилъ; ибо полагаю, что желчь есть

символь гнѣва, а бедро — скотскаго вождельнія. О томъ же, что не должно заботиться объ одеждахъ или яствахъ, излишнимъ почитаю и писать; потому что воспретилъ сіе Самъ Спаситель нашъ въ евангеліи, говоря: *не пецѣйтесь душею вашею, что ясте, или что пите, или во что облечетесь* (Матѣ. 6, 25.). Вполнѣ свойственно сіе язычникамъ и невѣрнымъ, отвергающимъ Владычній промыслъ и отрицающимъ Содѣтеля; а христіанамъ совершенно чуждо что-либо подобное, какъ увѣреннымъ, что и два врабія, продаваемые за одніи ассарій, состоятъ подъ смотрѣніемъ святыхъ Ангеловъ. Между тѣмъ въ обычаѣ у демоновъ съ нечистыми помыслами влагать и помыслы заботливости, чтобы отъ столпившихся въ обители разума помышлений уклонился Иисусъ, и слово, подавляемое терніями заботливости, осталось *безъ плода* (Матѣ. 13, 22.).

Г л а в а 6. Поэтому, отложивъ помыслы заботливости, возвергнемъ *на Господа печаль* нашу (Ис. 54, 23.), *довольно сущими* (Евр. 13, 5.), ведя убогую жизнь и прикрываясь убогою ризою, съ каждымъ днемъ будемъ совлекаться сихъ отцевъ тщеславія. А если кто почитаетъ неприличнымъ носить убогую ризу; то пусть посмотритъ на святаго Павла, который *въ зимъ и наготь* (2 Кор. 11, 27.) ожидалъ себѣ *вѣнца правды* (2 Тим. 4, 8.). Но поелику Апостоль *міръ сей наименовалъ позоромъ* (1 Кор. 11, 9.)

и позорищемъ (1 Кор. 9, 24.); то внищемъ, возможно ли облекшемуся въ помыслы заботливости достигать *почести вышняго званія* (Фил. 3, 14.); или исходить на брань къ *началомъ и ко властемъ, и къ мѣродержителямъ тмы века сего* (Ефес. 6, 12.)? А я, вразумляемый тѣмъ, что познаемъ чувственно, не знаю, возможно ли это; потому что я борца конечно зашплетъ и задержитъ хитонъ, а равно и умъ зашплетъ помыслы заботливости; такъ какъ истинно слово, повелѣвающее уму пребывать при собственномъ своемъ сокровищѣ. Ибо сказано: *идиже есть сокровище твое, ту будетъ и сердце твое* (Матѹ. 6, 21.).

ГЛАВА 7. Изъ помысловъ, одни пресѣкаютъ, другіе пресѣкаются, и лукавые пресѣкаютъ благіе, а также благіи пресѣкаются лукавые. Поэтому Духъ Святыи взираетъ на помыслъ первоначально установившиися, и по нему насъ осуждаетъ, или приѣмлетъ. Смыслъ же сказашаго мною таковъ. Имѣю иѣкій помыслъ страннолюбія, и имѣю его ради Господа, но онъ пресѣкается привзошедшимъ искусительнымъ помысломъ, внушающимъ быть страннолюбивымъ ради славы. И обратпо: имѣю помыслъ страннолюбія, чтобы виднымъ быть людей, и онъ пресѣкается привзошедшимъ лучшимъ помысломъ, который добродѣтель нашу направляетъ паче ко Господу, а не для людей понуждаетъ насъ дѣлать. Посему, если въ самыхъ уже дѣ-

дахъ останемся при первыхъ помыслахъ, хотя и искушаютъ насъ вторые; то примемъ воздаяніе только за первоначально установившіеся помыслы; потому что, какъ человѣки, и боримые демонами, не имѣемъ силъ, правой помысль удерживать навсегда неразстѣпнымъ, а также, приобретаема сѣмена добродѣтели, не извѣдать когда-либо и лукаваго помысла. Впрочемъ, если какой-либо изъ пресѣкающихъ помысловъ замедлитъ, и утвердится въ области искушаемаго; то по оному уже помыслу будетъ дѣйствовать движимый имъ человѣкъ. Между помыслами ангельскими, человѣческими, и бывающими отъ демоновъ, какъ дознали мы по многому наблюденію, различіе таково: помыслы ангельскіе прежде всего доведываются о естествѣ вещей, и изслѣдываютъ духовный ихъ смыслъ; напримѣръ: для чего сотворено золото, почему оно разсыяно въ видѣ песка гдѣ-то въ дольнихъ частяхъ земли, и отыскивается съ великимъ усиліемъ и трудомъ, а когда найдено, промывается водою, ввергается въ огонь, а потомъ передается въ руки художниковъ, дѣлающихъ изъ него для скиній *свѣтильникъ* и *кадильницу*, *чашницы* и *фиалы* (2 Парал. 4, 21.), изъ которыхъ по благодати Спасителя нашего не пиетъ уже нынѣ царь вавилонскій (Даніил. 5, 3.), по въ которыхъ Клеона приносятъ горящее отъ силъ тапство сердце (Лук. 24, 32.). Помысль же демонскій не вѣдаетъ и не сознаетъ сего, по

безстыдно внушаетъ одно пріобрѣтеніе чувственнаго золота, и предсказываетъ будущія отъ него наслажденіе и славу. А помысль человѣческой ни пріобрѣтенія не ищетъ, не дождывается и о томъ, что знаменуетъ золото, но вноситъ въ умъ одинъ чистый образъ золота, отдѣльно отъ страсти любостыжанія. Тотъ же законъ, по сему правилу таинственно приновляемый, будетъ имѣть мѣсто и въ разсужденіи другихъ вещей.

Г л а в а 8. Есть демонъ, называемый скитающимся: онъ большею частию прѣходитъ къ братіямъ подъ утро, и умъ отшельника водить изъ города въ городъ, изъ вса въ вса, изъ дома въ домъ, при чемъ умъ сначала имѣетъ однѣ свиданія, сходится съ кѣмъ-либо изъ знакомыхъ, вступаетъ въ долгіе разговоры, нарушивъ для встрѣчающихся свой уставъ, и мало по малу дѣлается далекимъ отъ боговѣдѣнія и добродѣтели, прѣходитъ въ забвеніе о своемъ обѣтѣ. Посему, отшельнику должно наблюдать за симъ демономъ, съ чего онъ начинается, и на чемъ останавливается; потому что не даромъ, и не какъ случилось, дѣлаетъ онъ этотъ длинный кругъ, но съ намѣреніемъ разстроить состояніе отшельника, чтобы умъ его, распаленный всѣмъ этимъ, и упоенный многими встрѣчамъ, впалъ во власть демону блуда, или ~~какому~~ гнѣва, или демону печали, которые наиболѣе дѣлаютъ вреда свѣтлости его состоянія. А мы, если только имѣемъ въ виду ясно узнать всю хитрость сего

демона, не вдругъ будемъ вступать съ нимъ въ бесѣду, и объявлять, что съ нами дѣлается, какъ мысленно производитъ онъ свиданія, и какъ постепенно увлекаетъ умъ къ смерти; потому что иначе бѣжитъ отъ насъ демонъ, такъ какъ не терпитъ онъ, чтобы видѣли, какъ онъ дѣлаетъ это, и мы нимало уже не узнаемъ того, что дознать старались. Напротивъ того дозволимъ ему день или два продолжать свое дѣло, чтобы, въ точности дознавъ коварный его замысль, потомъ обличивъ словомъ, обратить его въ бѣгство.

Глава 9. Но когда во время искушенія произойдетъ, что умъ возмутившись не видитъ въ точности, что дѣлается, тогда по отшествіи демона слѣлай слѣдующее: оставшись на единѣ самъ съ собою, припомниай, что съ тобою происходило, чѣмъ ты началъ, и до чего дошелъ, и на какомъ мѣстѣ уловленъ былъ духомъ блуда, или гнѣва, или печали, и какъ опять случилось все, что съ тобою было, въ ясности дознай это, и хорошо запомни, чтобы тебѣ, когда демонъ придетъ къ тебѣ, обличить его и указать скрываемое имъ мѣсто, и не слѣдовать за нимъ болѣе. Если же хочешь довести его и до неистовства, то обличи тотчасъ, какъ явится, назови и первое мѣсто, гдѣ приступилъ къ тебѣ, и второе, и третье; тогда сильно раздражится демонъ, не терпя стыда. Доказательствомъ же, что говорилъ ты съ нимъ благовременно, бу-

дѣтъ то, что бѣжнть отъ тебя помысль: ибо невозможно уже устоять ему, когда обличаемъ явно. А за симъ побѣжденнымъ тобою демономъ послѣдуютъ самый тяжелый сонъ, омертвѣніе съ великимъ охлажденіемъ вѣждей, непрестанная зѣвота, тяжесть и онѣмѣніе въ плечахъ; но все это, по усильной молитвѣ, прекратитъ Духъ Святый.

ГЛАВА 10. Ненависть къ демонамъ весьма содѣйствуетъ нашему спасенію, и способствуетъ дѣланію добродѣтели. Но сами въ себѣ не въ силахъ мы воспитать ее, какъ нѣкое доброе порожденіе; потому что искажаютъ ее думи сластолюбія, и снова призываютъ душу къ пріязни и близости. Сно-то пріязнь, лучше же сказать, пенсѣльную заразу, Врачъ душъ врачуетъ оставленіемъ; ибо попускаетъ намъ ночь и день терпѣть отъ демоновъ нѣчто страшное. И тогда душа снова возвращается къ первоначальной ненависти, научаемая говорить ко Господу, словами Давида: *совершенною ненавистію возненавидѣхъ я: во врага быша ми* (Пс. 138, 32.). Ибо тотъ совершенною ненавистію ненавидитъ враговъ, кто не согрѣшаетъ ни въ дѣйствительности, ни мысленно, что служитъ признакомъ перваго и самаго великаго безстрастія.

ГЛАВА 11. О демонѣ же, который дѣлаетъ душу безчувственною, должно ли что и говорить? Ибо боюсь писать о немъ, и о томъ, какъ душа выходитъ изъ собственнаго своего

состояніи ; потому что , во время пришествія этого демона, она отлагаетъ и страхъ Божій и благоговѣніе, грѣха не вмѣняетъ въ грѣхъ, беззаконія не почитаетъ беззаконіемъ, о мученіи же и судѣ вѣчномъ помнитъ, какъ о пустыхъ реченіяхъ, и посмѣвается надъ смѣ огненоснымъ подлинно трясеніемъ, и хотя исповѣдуетъ Бога, но что повелѣно Имъ, того не вѣдаетъ. Ударяешь ты въ персп, когда душа стремится ко грѣху, и она не чувствуетъ этого ; говоришь ей отъ нисаніи, и она въ совершенномъ ослѣпленіи, и не слышитъ ; представляешь ей укоризну людей, и она ни во что вмѣняетъ людскіи стыдъ, и вовсе непонимаетъ его, на подобіе свнцы, смѣжившей глаза и пробивающейся сквозь ограду. Но сего демона, отъ котораго, *еще не быша прекратилися днѣ оны, не бы убо спаслася всяка плоть* (Матѳ. 24, 22.), наводятъ на насъ закоснѣвшіе въ насъ помыслы тщеславія. **И** хотя помыслы сн рѣдко проражаются къ братіямъ, однако же демонъ бываетъ и въ нихъ, чему причина очевидна. **И**бо при бѣдствіяхъ другихъ, или удрученныхъ болѣзнями, или бѣдствующихъ въ темницѣ, или подвергающихся внезапной смерти, въ бѣгство обращается сей демонъ ; потому что душа мало по малу приходитъ въ сокрушеніе и состраданіе, и отъемлетъ слѣпота, пронсшедшая отъ демона. Но мы лишены этого, по причинѣ пустыни и по рѣдкости у насъ немощныхъ.

ГЛАВА 12. Сего напаче демона обращающа въ бѣгство, Господь повелѣлъ въ евангелии, навѣщать больныхъ и посѣщать находящихся въ темницѣ; ꙗко говоритъ: *болень бѣхъ, и постыисте Мене: въ темницѣ бѣхъ, и приидосте ко Ми* (Матѣ. 25, 36.). Сверхъ того должно знать, что, если кто изъ отшельниковъ, впасть во власть сему демону, и не пріялъ блудныхъ помысловъ, или не оставилъ дома отъ унынія (у); то онъ пріялъ шедшій съ небесъ цѣломудріе, и терпѣніе, и блаженъ сподобившись такового безстрастія. А тѣ, которые, давъ обѣтъ жить благочестиво, предпочитаютъ водворяться съ мѣрянами, да остерегаются сего демона. Но я сказать, или написать, о немъ что-либо болѣе стыжусь и людей.

ГЛАВА 13. Всѣ демоны учатъ душу сластолюбію. Одиень демонъ печали не беретъ дѣлать это, даже растроиваетъ помыслы объ удовольствіяхъ, уже привзошедшихъ въ душу, пресѣкая въ ней и псушая печалью всякое наслажденіе; такъ какъ *мужу печальну засышутъ кости* (Притч. 17, 22.). Нападая умѣреннѣе демонъ сей дѣлаетъ отшельника благопослушнѣе; потому что убѣждаетъ его не терпѣть ничего мѣрскаго, и избѣгать всякаго удовольствія. Когда же нападаетъ съ большимъ ожесточеніемъ; тогда порождаетъ помыслы, которые совѣтуютъ отшель-

(у) По рукописи читается τὸν οἶκον ἀπὸ ἀκηδίας οὐ καταλείπει.

нику пзвести душу свою, или понуждающе его бѣжать далеко отъ мѣста. Сіе помыслилъ и потерпѣлъ нѣкогда и святыи Іовъ, тревожимый симъ демономъ; ибо сказалъ: *аще бы возможно было, самъ быхъ себе убилъ, или молилъ быхъ много, дабы ми то сотворилъ* (Іов. 30, 24.). Сего-то демона символомъ служить ехидна. Этотъ звѣрь, котораго ядъ, данный въ маломъ приемѣ, дѣлаеть недѣйствительными яды другихъ звѣрей, неумѣренно же принятыи убиваетъ принявшее его живое существо. Сему демону предалъ Павелъ учинившаго беззаконіе въ Коринѣ; потому и пишетъ къ Коринѣянамъ, говоря: *тщательно утвердите къ нему любовь, да не како многою скорбію пожертъ будетъ таковой* (2 Кор. 2, 7. 8.). Но этотъ мучащій людей духъ можетъ сдѣлаться для нихъ и добрымъ снабдителемъ покаянія. Почему и Іоаннъ Креститель уязвимыхъ симъ демономъ и прибѣгающихъ къ Богу называлъ рожденіями ехидны, говоря: *кто сказа вамъ бѣжати отъ будущаго гнѣва? Сотворите убо плодъ достоинъ покаянія: и не начинайте глаголати въ себѣ: отца имамы Авраама. Глаголю бо вамъ, яко можетъ Богъ отъ каменія сего воздвигнути чада Аврааму* (Матѹ. 3, 7—9.). Впрочемъ всякій, кто подражаетъ Аврааму, и пшелъ отъ земли своей и отъ рода (Быт. 12, 1.), сталъ слынѣе и сего демона.

ГЛАВА 14. Если кто преодолялъ раздражи-

тельность, то преодолеѣль онъ демоновъ; а если кто порабощенъ сеѣи страсти, то вовсе чуждъ онъ монашеской жизни и далекъ отъ путей Спасителя нашего; такъ какъ сказается, что самъ *Господь* нашъ научаетъ *кроткія путемъ Своимъ* (Пс. 24, 9). Потому и неуловимымъ дѣлается умъ отшельниковъ, прибѣгающій въ юдоль кротости; ибо ни одной добродѣтели не боятся такъ демоны, какъ кротости. Ее приобрѣлъ и великій опытіи Моисей, названный кроткимъ *паче всѣхъ человекъ* (Числ. 12, 3). И святыи Давидъ сказалъ, что она достойна поминовенія Божія; ибо говоритъ: *помяни Господи Давида, и всю кротость его* (Пс. 131, 1). Да и Самъ Спаситель повелѣлъ намъ быть подражателями Его кротости, говоря: *научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ: и обрящете покой душамъ вашимъ* (Матѣ. 11, 29). А если кто воздерживается отъ яствъ и питій, но возбуждаетъ въ себѣ раздражительность лукавыми помыслами; то подобенъ онъ кораблю, который преплываетъ море, имѣя кормчимъ демона. Потому, сколько есть силъ, должно обращать вниманіе на этого нашего пса, и обучить его, терзать однихъ волковъ, но не поядать овецъ, оказывая *всяку кротость ко всѣмъ человекомъ* (Тит. 3, 2).

Г л а в а 15. Одни изъ другихъ помысловъ, помысль тщеславія многовещственъ, объемлетъ цѣлую почти вселенную, всѣмъ демонамъ отво-

ряетъ двери, ставъ, какъ бы нѣкимъ лукавымъ предателемъ добраго города. Потому весьма унижаетъ умъ отшельника, наполняя его множественномъ понятіи и вещей, дѣлая вредъ его молитвамъ, которыми старается онъ врачевать всѣ язвы души своей. Этотъ помысль возвращаютъ всѣ побѣжденные демоны, и снова чрезъ него получаютъ они доступъ въ души, дѣлая въ подлинномъ смыслѣ *последняя горниа первыхъ* (Лук. 11, 26.). Отъ сего-то помысла рождается и помысль надменія, низрпнувшій съ небесъ на землю *печатъ уподобленія и вѣнецъ доброты* (Иезек. 28, 12.). Но бѣги отъ сего помысла, не останавливайся на немъ долго, чтобы не предать *живота* нашего *шумъ*, и *житія* нашего *немилостивымъ* (Притч. 5, 9.). Обращаетъ же въ бѣгство сего демона усильная молитва, и то, чтобы добровольно не дѣлать и не говорить (Ф) ничего такого, что имѣло бы цѣлю проклятую славу. Когда умъ живущихъ въ отшельничествѣ пріобрѣтетъ нѣсколько безстрастія; тогда, добывъ себѣ коня тщеславія, немедленно мчится онъ по городамъ, упоеваясь неумѣренною похвалою славы. И тогда-то, по смотрѣнію Божию срътивъ его духъ блуда, и заключивъ въ одномъ изъ свинныхъ загоновъ, научаетъ его не оставлять болѣе одра прежде совершеннаго выздоровленія, и не подражать тѣмъ нетерпѣливымъ боль-

(Ф) Слово сіе дополнено изъ рукописи.

нымъ, которые, имѣя еще въ себѣ остатки недуга, пускаются въ путешествія, отваживаются на безвременныя купанья, и впадаютъ въ прежнія болѣзни. Поэтому, оставаясь лучше на мѣстѣ, будемъ внимательны къ себѣ, чтобы, преуспѣвая въ добродѣтели, содѣлаться намъ неудобоподвижными къ пороку, обновляясь же въ вѣдѣніи, пріобрѣсти множество различныхъ познаній, и снова возвысившись въ молитвенномъ состояніи, яснѣе узрѣть свѣтъ Спасителя нашего.

Глава 16. Всѣхъ коварствъ демонскихъ описать я не въ состояніи, и злоухищренія ихъ перечислять стыжусь, боясь простоты будущихъ моихъ читателей. Однако же послушай и хитрости духа блуда. Когда пріобрѣтеть кто безстрастіе воздержательной части, и скверныя помыслы станутъ уже охлаждать; тогда вводитъ онъ мужчинъ и женщинъ, которые обращаются между собою вольно, и дѣлаетъ отшельника зрителемъ срамныхъ вещей и тѣлодвиженій. Но это искушеніе не изъ числа продолжительныхъ; потому что прилежная молитва и самый суровый образъ жизни, съ бдѣніемъ и упражненіемъ въ духовныхъ размышленіяхъ, разсѣваютъ оное, какъ безводное облако. Но иногда этотъ вселукавый касается и плоти, доводитъ ее до неразумнаго воспламененія, примышляетъ тысячи и другихъ ухищреній, которыя нѣтъ нужды дѣлать пзвѣстными и предавать письменн. Но противъ та-

кихъ помысловъ весьма дѣйствительно и возбужденное противъ демона воскипѣніе раздражительности; демонъ наипаче боится сей раздражительности, когда приводится кто въ возмущеніе помыслами, и растроиваетъ его умышленія. Сіе-то и значать слова: *гнѣвайтесь и не согрѣшайте* (Пс. 4, 5). Полезно врачество сіе, если прилагается къ душѣ въ подобныхъ симъ искушеніямъ. Сему демону подражаетъ и демонъ гнѣва, и онъ представляетъ въ призракахъ, будто бы кто-либо, или родители, или друзья, или родные, или домашніе терпятъ обиды отъ недостойныхъ, и возбуждаетъ въ отшельникахъ раздражительность, почему мысленно представшимъ произносятъ, или причиняютъ, они что-либо недоброе. И на таковыя призраки нужно не обращать вниманія, но скорѣе отвлекать отъ нихъ умъ, чтобы, долго останавливаясь на нихъ, не сдѣлаться подвижнику, во время молитвы, дымящеюся головою. А искушеніямъ симъ подвергаются люди раздражительные, наипаче же отъ всего воспаляющіеся гнѣвомъ; они далеки отъ чистой молитвы и отъ вѣдѣнія Спасителя нашего Іисуса Христа.

Глава 17. Помышленія вѣка сего Господь, какъ овецъ доброму пастырю, передалъ чловѣку; ибо сказано: *впѣкъ далъ есть въ сердце его* (Екклес. 3, 11.), сочетавъ въ помощь ему раздраженіе и вожделѣніе, чтобы раздраженіемъ обращалъ въ бѣгство умышленія волковъ, а вожд-

дѣлѣніемъ любилъ овецъ, подвергаясь нерѣдко дождямъ и вѣтрамъ. Сверхъ этого Господь далъ ему и законъ, какъ пасти овецъ, и *льсто злачное*, и *воду покойную* (Пс. 22, 2.), и псалтирь, и гусли, и *жезлъ* и *палицу* (4.), чтобы отъ паствы сей и питался, и одѣвался онъ, и собиралъ *сѣно нагорное* (Притч. 27, 25.). Ибо сказано: *кто пасетъ стадо, и отъ млека стада не ястъ* (1 Кор. 9, 7.)? Посему, отшельнику должно день и ночь стеречь это стадо, чтобы какое-либо помышленіе не было уловлено звѣрями, или не попало въ руки разбойникамъ, а если бы и случилось что-либо подобное въ дебри, немедленно психицать *изъ устъ* у льва или медвѣдницы (1 Цар. 17, 34. 35.). Бываетъ же уловлено звѣремъ помышленіе о братѣ, если оно въ насъ пасется вмѣстѣ съ ненавистію, помышленіе о женщинѣ, если питается нами вмѣстѣ съ сквернымъ вождѣніемъ, помышленіе о серебрѣ и золотѣ, если водворяется вмѣстѣ съ лобостыжательностію, даже помысленія о святыхъ дарованіяхъ, если пасутся въ умѣ съ тщеславіемъ. Тоже будетъ и съ другими помышленіями, если расхищаются они страстями.

Г л а в а 18. Должно же не днемъ только наблюдать за помышленіями, но и ночью стеречь ихъ неусынно. Ибо случается, что воображающій что-либо срамное и лукавое губить свою собственность. Сіе-то и означаетъ сказанное святымъ Іаковомъ: *овцы звѣроядныи не прине-*

сохъ тебѣ: азъ воздаяхъ отъ мене самого татбины денныя, и татбины нощныя. Быхъ во дни жегомъ зноемъ, и студѣнію въ нощи: и отхождаше сонъ отъ очію моею (Быт. 31, 39. 40.). Если же отъ утомленія придетъ на насъ и какое-либо уныніе, то, возшедши нѣсколько на камень вѣдѣнія, займемся псалтирію, ударяя добродѣтелями въ струны вѣдѣнія, и снова будемъ пасти овецъ подъ горою Синайскою, чтобы Богъ отцевъ нашихъ и намъ воззвалъ *изъ купины* (Исх. 3, 1. 4.) и даровалъ слова знаменій и чудесъ. Какъ разумное естество, умерщвленное грѣхомъ, воскрешаетъ Христосъ созерцаніемъ всѣхъ вѣковъ: такъ Отецъ Его душу, умерщвленную Христовою смертію, возстаетъ вѣдѣніемъ себя самой. Сіе-то и означаетъ сказанное Павломъ: *аще узрехомъ со Христомъ, вѣруемъ, яко и живи будемъ съ Нимъ* (Римл. 6, 8.). Когда умъ, сошедши съ ветхаго человѣка, облечется въ человѣка богатнаго, тогда состояніе свое во время молитвы узрѣтъ онъ, подобнымъ сапфиру, или небесному цвѣту, что писаніе именуетъ *и льстемъ* Божиимъ, какое видѣли старцы подъ горою Синаемъ (Исх. 24, 10.).

Г л а в л 19. Когда, наступивъ на тебя, который-либо изъ враговъ нанесетъ тебѣ язву, и тебѣ желательно, по написанному, обратитъ мечъ его въ сердце его (Исая. 36, 15.), тогда поступай, какъ сказываемъ. Разбери самъ съ собою

пущенный имъ помысль, каковъ онъ, изъ чего составился, и что въ немъ особенно поражаетъ умъ. Смысль же словъ моихъ таковъ. Пусть пущень имъ въ тебя помысль сребролюбія. Разбери же его, и размотри принявшій его умъ, понятіе о золотѣ, самое золото и страсть сребролюбія. Потомъ спроси: что же изъ этого есть грѣхъ? Умъ ли? Но какъ ему быть грѣхомъ? Онъ образъ Божій. Не понятіе ли о золотѣ? Но и это скажетъ ли кто вмѣющій умъ? Не самое ли золото есть грѣхъ? Почему же оно сотворено? За сѣмъ остается, что не есть ни самостоятельная по сущности вещь, ни понятіе о вещи, а также и не безплотный умъ, напротивъ же того есть какое — то челоуѣконенавистное услажденіе, поражаемое свободою, и прпнуждающее умъ во зло употреблять Божіи твари, — услажденіе, которое отвѣчь въ насъ предоставлено Божію закону. И какъ скоро разберешь ты это, разсѣется помысль, разлагаемый въ собственномъ его воззрѣніи, и демонъ бѣжитъ отъ тебя, какъ скоро мысль твоя смъ вѣдѣніемъ восхищена будетъ на высоту.

ГЛАВА 20. Если же не хочешь воспользо-ваться мечемъ вѣдѣнія, а желаешь прежде покорить его съ помощію пращи своей: то брось и ты камень пзъ пастушескаго своего *тобольца* (1 Цар. 17, 49.), и взыщи слѣдующаго умозрѣнія: почему Ангелы и демоны приражаются къ нашему міру, а мы не приражаемся къ ихъ

мірамъ? Ибо ни Ангеловъ не можемъ мы приблизить болѣе къ Богу, ни демоновъ не преднамѣреваемся сдѣлать болѣе нечистыми. Спроси также, какъ *деница восходящая завтра спадетъ* на землю (Ис. 14, 12.), и *мнитъ море яко мгроварищу, и тартаръ бездны, якоже пльнника, возжигаетъ же бездну, якоже пещь мѣдную* (Іов. 41, 22. 23.), всѣхъ возмущая своею злобою, и надъ всѣмъ желая начальствовать? Умозрѣніе о сихъ предметахъ жестоко уязвляетъ демона, и обращаетъ въ бѣгство все его полчище. Но сіе бываетъ только для тѣхъ, которые достигли нѣкоторой чистоты, и прозираютъ нѣсколько въ законы сотвореннаго. Нечистые же не знаютъ сего умозрѣнія, и если бы, научившись у другихъ, вздумали сообщать кому, то не будутъ услышаны отъ множества пыли и сильнаго шума, во время брани производимаго страстями. Ибо, безъ сомнѣнія, нужно стану иноплемениниковъ успокоиться нѣсколько, чтобы одинъ Голіаѳъ вышелъ во срѣтеніе нашему Давиду. Такъ и въ разсужденіи всѣхъ нечистыхъ помысловъ будемъ употреблять это различеніе и этотъ родъ брани.

Глава 21. Изъ нечистыхъ демоновъ одни искушаютъ человѣка, какъ человѣка, а другіе приводятъ человѣка въ смятеніе, какъ жпвное безсловесное. И первые, приражаясь къ намъ, влагають въ насъ мысли тщеславія, или гордости, или зависти, или осужденія, которыя не

касаются ни одного изъ безсловесныхъ. А другіе, приближаясь къ намъ, возбуждаютъ сверхъестественное раздраженіе, или вожделѣніе; потому что страсти снѣ общи намъ и безсловеснымъ животнымъ, скрываясь въ насъ подъ природою разумною. Потому и Духъ Святыи тѣмъ, которые впадаютъ въ человѣческіе помыслы, вѣщаетъ: *Азъ ряхъ: бози есте и сынове Вышняго вси: вы же яко челоуцы умираете, и яко единъ отъ князей падаете* (Пс. 81, 6. 7.). Но что говоритъ тѣмъ, которые приходятъ въ движеніе неразумно? *Не будите яко конь и мекъ, илже нсть разума: броздами и уздою челоусти ихъ востягнеша, не приближающихся къ Тебѣ* (Пс. 31, 9.). *Душа же согрѣшающая, та умретъ* (Иезек. 18, 20.). Явно, что люди умирающіе, какъ люди, людьми и погребены будутъ, а умерщвляемые, или падающіе, какъ безсловесныя содѣлаются снѣдїю неясителей и врановъ, которыхъ птенцы, одни призываютъ Господа (Пс. 146, 9.), а другіе *валяются въ крови* (Іов. 39, 30.). *Илпай уши слышати, да слышитъ* (Матѹ. 11, 15.).

Г л а в а 22. Когда нѣкоторые изъ нечистыхъ помысловъ скорѣе другихъ обратятся въ бѣгство, будемъ доискиваться причины, отъ чего сіе произошло, по рѣдкости ли вещи, и потому, что трудно достать вещество, или по нашему безстрастію, не возимъли надъ нами силы враги? Напримѣръ: если кому изъ отшельниковъ,

по внушенію демона, придетъ на мысль, что ввѣрится ему духовное правленіе въ первенствующемъ городѣ; то явно, что не долго будетъ онъ занять сямъ помысломъ, и причина сему, по сказанному, извѣстна. Если же кто представитъ себѣ, что дѣлается правителемъ какого ни есть города, и разсудитъ о семъ подобно первому; то блаженъ онъ за свое безстрастіе. Подобнымъ образомъ окажется, что такой же способъ изслѣдованія имѣеть мѣсто и въ разсужденіи другихъ помысловъ. Сіе же необходимо знать для нашего усердія и силы, чтобы извѣстно намъ стало, переступили ли мы за Иорданъ, и близко ли къ граду Финиковъ (Второз. 34, 3.), или находимся въ пустынѣ, и быють насъ иноплеменики? Ибо весьма разнообразнымъ и изобрѣтательнымъ на обольщенія кажется мнѣ демонъ сребролюбія. Онъ перѣдко, стѣсняясь строгимъ отреченіемъ отъ міра, вдругъ притворяется домостроительнымъ и нищелюбивымъ, радушно принимаетъ непробывшихъ еще странниковъ, отправляетъ на служеніе къ другимъ нуждающимся, посѣщаетъ темницы въ городѣ, выкупаетъ продаваемыхъ, присоединяется къ богатымъ женищинамъ, указываетъ, кому должны сдѣлать добро, а также и инымъ, у кого влагалще полно, даетъ совѣтъ отречься отъ міра, и, такимъ образомъ постепенно обольщая душу, подчиняетъ ее помысламъ сребролюбія, и передаетъ демону тщеславія:

Глава 23. И сей-то демонъ вводитъ множество прославляющихъ главнаго виновника сихъ распоряженій, и представивъ ему, что пные заводятъ по немногу разговоръ о священствѣ, предсказываетъ потомъ скорую смерть настоящаго іерея, и присовокупляетъ, что, употребивъ тысячи средствъ, не избѣжать ему избранія. Такъ бѣдный умъ, связанный сими помыслами, препирается съ тѣми, которые не одобряютъ выбора, а одобрившихъ съ готовностію осыпаетъ дарами, хвалитъ ихъ за признательность, а иныхъ, подающихъ протвннй голосъ, предаетъ судьямъ, и требуетъ изгнать ихъ изъ города. Потомъ за этими помыслами, вошедшими внутрь его и вращающимися въ умѣ, предстаеъ вдругъ и демонъ гордыни, частыми молніями бороздитъ воздухъ въ келіи, насыпаетъ крылатыхъ зміевъ, и послѣднее зло — лишаетъ человѣка ума. Но мы, пожелавъ гибели симъ помысламъ, съ благодареніемъ будемъ жить въ нищетѣ. *Ничто же бо внесохомъ въ міръ сей, явль, яко ниже изнести что можемъ: имѣюще же пищу и одяніе, сими довольни будемъ* (1 Тим. 6, 7, 8.), помня, что сказалъ Павелъ: *корень всѣмъ злымъ сребролюбіе есть* (10.). Всѣ нечестые помыслы, надолго оставаясь въ насъ по причинѣ страстей, доводятъ умъ до пагубы и гибели. Ибо, какъ мысль о хлѣбѣ на долго остается въ голодномъ по причинѣ голода, и мысль о водѣ въ жаждущемъ по причинѣ жажды, такъ и мысли объ

имѣніи и деньгахъ держатся въ нихъ долго по причинѣ любостыжательности, и мысли объ яствахъ и о скверныхъ помыслахъ, раждающихся отъ яствъ, держатся долго по причинѣ страстей. Подобное сему откроется и въ разсужденіи помысловъ тщеславія, также и другихъ помысловъ. Но умъ, подавляемый такими мыслями, не можетъ предстать Богу и увѣнчаться вѣнцемъ правды. Сими-то помыслами низвлекаемый, и оный упоминаемый въ евангеліи окаянный умъ отрекся отъ вечери вѣдѣнія Христова (Лук. 14, 15. 18—20.). А также и связанный по рукамъ и ногамъ и вверженный *во тму кромльшную* имѣлъ изъ сихъ же помысловъ сотканное одѣяніе, которое звавшій призналъ недостойнымъ брачнаго пира (Матѳ. 22, 11—13.). Поэтому брачное одѣяніе есть безстрастіе разумной души, отвергшейся мірскихъ похотей. Какая же тому причина, что долго остающіяся въ насъ помышленія о вещахъ чувственныхъ растлѣваютъ вѣдѣніе, сказано о семъ въ главахъ о молитвѣ.

ГЛАВА 24. У демоновъ, противящихся дѣятельной жизни, начальствуютъ три предстоятеля, за которыми слѣдуетъ все полчище сихъ Филистимлянъ; они-то первые стоятъ на браня, и нечестыми помыслами вызываютъ душу на грѣхъ. Они завѣдываютъ пожеланіями чревоугодія, они влагаютъ въ насъ сребролюбіе, и они вызываютъ насъ искать человѣческой славы. По-сему, вождѣвая чистой молитвы, наблюдай за

раздражительностию, и, любя цѣломудріе, владѣй чревомъ, не давай утробѣ своей въ сытость хлѣба, притѣсній ее и въ водѣ. Бодрствуй въ молитвѣ, и памятозлюбіе держи отъ себя далеко, Слова Духа Святаго да не оскудѣваютъ у тебя, и въ двери писаній (х) толцы руками добродѣтелей. Тогда возсіяетъ въ тебѣ безстрастіе сердца, и звѣздоподобнымъ узришь въ молитвѣ умъ. Изъ мыслей однѣ въ нашемъ владычественномъ кладутъ свой отпечатокъ и образы, а другія доставляютъ только вѣдѣніе, не оставляя въ умѣ ни отпечатка, ни образа. Сказанное: *въ началѣ бѣ Слово и Слово бѣ къ Богу* (Іоан. 1, 1), влагаетъ въ сердце нѣкую мысль, но не производитъ въ немъ ни образа, ни отпечатка. А сіе: *пріемъ хлѣбъ*, — оставляетъ въ умѣ образъ, и также слово: *преломи* (Марк. 14, 22.), — производитъ въ умѣ отпечатокъ. Сказанное: *видѣхъ Господа сядяща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ* (Ис. 6, 1.) оставляетъ въ умѣ отпечатокъ, исключая словъ: *видѣхъ Господа*, въ которыхъ самое изреченіе оставляетъ, повидимому, отпечатокъ въ умѣ, означаемое же имъ не оставляетъ никакого отпечатка. Исаія пророческимъ окомъ видѣлъ, что естество разумное, возвышенное дѣятельною жизнью, пріяло въ себя вѣдѣніе, и именно Боговѣдѣніе. Ибо сказается,

(х) Слово писаній дополнено по рукописи.

что Богъ возсѣдаетъ тамъ, гдѣ познается. Поэтому и престоломъ Божиимъ называется чистый умъ. Называется же и престоломъ безчестія жена, то есть душа ненавидящая правду; а безчестіемъ души—грѣхъ и невѣжество. Поэтому мысль о Богѣ не изъ числа оставляющихъ въ умѣ отпечатокъ, но принадлежитъ къ мыслямъ не оставляющимъ въ умѣ отпечатка. Посему молящемуся должно всячески отрѣшиться отъ всего оставляющаго въ умѣ отпечатокъ. Спросишь: что имѣетъ мѣсто въ разсужденіи тѣлъ и помысловъ о нихъ, то имѣетъ ли также мѣсто и въ разсужденіи вещей безтѣлесныхъ и ихъ понятіи, а иначе ли умъ пріемлетъ въ себя отпечатокъ, взирая на умъ, а иначе взирая на понятіе объ умѣ? Изъ сего-то и познаемъ, сколько духовное вѣдѣніе поставяетъ умъ выше мыслей, оставляющихъ въ немъ отпечатокъ, представляетъ же его Богу не имѣющимъ на себѣ отпечатковъ, потому что помысль о Богѣ не въ числѣ оставляющихъ отпечатки. Также изъ умозрѣній, неоставляющихъ въ умѣ отпечатка, одни означаютъ сущность вещей безтѣлесныхъ, а другія — понятія о нихъ. И въ разсужденіи вещей безтѣлесныхъ бываетъ не то же, что и въ разсужденіи тѣлъ. Пбо мысли о тѣлахъ одиѣ оставляютъ отпечатокъ въ умѣ, а другія не оставляютъ, здѣсь же ни одна мысль не оставляетъ въ умѣ отпечатка.

Г л а в а 25. Когда демонъ тревоугодія послѣ

великихъ и усиленныхъ бореній не возможетъ растлѣть нанечатлѣннаго въ душѣ воздержанія : тогда ввергаетъ умъ въ вожделѣніе высочайшаго подвижничества, почему представляетъ ему на видъ скудную Данилову жизнь и служившія нищею *сымена* (Дан. 1, 16.), напоминаетъ и о нѣкоторыхъ другихъ отшельникахъ, цѣлую жизнь такъ жившихъ, или начавшихъ такъ жить, и понуждаетъ содѣлаться ихъ подражателемъ, чтобы, погнавшись за неумѣреннымъ воздержаніемъ, не успѣлъ человекъ и въ воздержаніи соразмѣрномъ ; потому что не способно къ тому тѣло по собственной своей немощи. Конечно же демонъ восхваляетъ за сіе тѣло и предаетъ проклятію сердце. И справедливымъ признаю для подвижниковъ не слушаться демона сего, и не удерживаться вовсе отъ хлѣба, елея и воды. Ибо вотъ образъ жизни по испытанію братій самый прекрасный — вкушать и сего не въ сытость и однажды въ день ; для меня было бы удивительно, если бы кто, пресыщаясь хлѣбомъ и водою, возмогъ пріять вѣнецъ безстрастія. Безстрастіемъ же называю не сокрушеніе грѣха въ его дѣйственности (ибо это называется воздержаніемъ), но сокрушеніе его, пресѣкающее въ умѣ страстные помыслы, которое святыи Павелъ наименовалъ духовнымъ обрѣзаніемъ *Иудея, иже въ тайнѣ* (Римл. 2, 29.). Если же кто теряетъ бодрость, слыша сказанное ; то да приведетъ себѣ на память *сосудъ избранъ* (Дьян.

9, 15.) — Апостола, въ гладѣ и жадѣ совершившаго свое теченіе. Но демону чревоугодія подражаетъ и противоборникъ истины — демонъ унынія, внушая терпѣливому мысль о самомъ строгомъ отшельничествѣ, призывая стать соперникомъ Иоанна Крестителя и начатка отшельниковъ — Антонія, чтобы, не перенесши долговременнаго и вышечеловѣческаго отшельничества, бѣжалъ подвижникъ со стыдомъ, оставивъ мѣсто, а онъ могъ наконецъ въ похвалѣ себя сказать: *укрѣпихся на него* (Ис. 12, 5.).

Г л а в а 26. Нечистые помыслы къ приращенію своему пріемлютъ и вещественное, и простираются на многое; ибо по великой горячности страсти преплываютъ мысленно великія моря, не отрекаются совершать дальнія путешествія. Очистившіеся же сколько набудъ помыслы бываютъ гораздо ихъ тѣснѣе, и по немощи страсти не простираются на многое. Почему приходятъ болѣе въ противосестественныя движенія, и по слову премудраго Соломона, *время нѣкое виль глумятся* (Притч. 7, 12.), и собираютъ *тростіе* для незаконнаго *плноодѣланія* (Ис. 5, 12. 7.), да спасутся *аки серна отъ тенеть, и яко птица отъ съти* (Притч. 6, 5.). Ибо удобнѣе очистить нечистую душу, нежели очистившуюся и снова уязвленную возвратить опять къ здравію, потому что не допускаетъ сего демонъ печали, но во время молитвы носитъ всегда предъ зѣнницами кумиръ грѣха.

ГЛАВА 27. Демоны не знаютъ сердца нашего, какъ думаютъ нѣкоторые изъ людей, потому что Сердцевѣдецъ одинъ, *свѣдый умъ чело-вѣкъ* (Иос. 7, 20.), *и создавый наединѣ сердца ихъ* (Пс. 32, 15.). Но по произносимому слову и движеніямъ тѣлеснымъ познаютъ демоны многія сердечныя движенія, о чемъ намѣревался я теперь поговорить яснѣе, но удержалъ меня святыи іерей, сказавъ, что подобныя вещи не стоятъ того, чтобы дѣлать ихъ общезвѣстными и говорить о нихъ въ слухъ непосвященнымъ; такъ какъ, продолжалъ онъ, и бывшіе вмѣстѣ съ снѣдѣвшимъ въ засадѣ, по закону, подлежатъ отвѣтственности. Впрочемъ скажу: поелику демоны по таковымъ знакамъ узнаютъ сокровенное въ сердцахъ, и берутъ отъ сего поводъ дѣйствовать противъ насъ, а мы перѣдко обличали нѣкоторыхъ злорѣчивыхъ, не питая въ себѣ къ нимъ любви, то посему стали и мы добычею демона памятозлобія, и снова возымѣли противъ нихъ тѣ лукавыя помыслы, которые, какъ извѣстно намъ, составились прежде. Посему—то справедливо обвиняетъ насъ и Духъ Святыи: *судя на брата твоего клеветалъ еси, и на сына матери твоея полагалъ еси соблазнъ* (Пс. 48, 20.), отворялъ дверь помысламъ памятозлобія, приводилъ въ смятеніе умъ во время молитвы, представляя всегда лице врага своего, и даже боготворя его. Пбо конечно, на чтоъ взираетъ умъ молясь, то достойно того. чтобы признать

се богомъ. Но будемъ возлюбленные бѣгать болѣзни осужденія, не станемъ ни о комъ никогда вспоминать худо, и при воспоминаніи о ближнемъ не будемъ отвращать взоровъ; потому что всякое наше тѣлодвиженіе съ любопытствомъ наблюдаютъ лукавые демоны, и ничего не оставляютъ въ насъ незамѣченнымъ, ни восклоненія на ложе, ни сидѣнія, ни стоянія, ни слова, ни выхода, ни взгляда, на все смотрятъ пристально, все употребляютъ въ дѣло, *весь день* поучаются на насъ *лѣстивыи* (Пс. 37, 13.), чтобы во время молитвы оклеветать смрещенный умъ, и угасить въ немъ блаженный свѣтъ. Смотри, что и святыи Павелъ говоритъ Титу: *во ученіи цѣлость, слово здравое, незазорное: да противный посрамится, ничто же ильа глаголати о насъ укорно* (Тит. 2, 7. 8.). А блаженный Давидъ даже молится, говоря: *избави мя отъ клеветы чловѣческой* (Пс. 118, 133.), чловѣками, по разумности природы, именуя и демоновъ. Да и Спаситель въ евангеліи всѣвающаго въ насъ плевели грѣха называлъ: *врагомъ чловѣкомъ* (Матѹ. 13, 28.) отъ котораго да избавимся по благодати Христа и Бога нашего. Ему подобасть честь и слава во вѣки! Аминь.

С Л О В О

На евангельское изреченіе: *иже имать влагалище, да возметъ, такожде и мѣхъ: а иже не имать, да продастъ ризу свою, и купитъ ножъ* (Лук. 22. 36.),

Г л а в а 1. Предлагаемое изреченіе съ перваго взгляда заключаетъ въ себѣ, кажется, большое противорѣчіе, и противно прочимъ наставленіямъ Господа; но въ смыслѣ возвышенномъ оно, какъ представляетъ полезное для поучаемыхъ, такъ показываетъ благопопечительность Поучающаго, а именно, что наставленія Свои душевнымъ возрастамъ для пресыщенія и усовершенія по мѣрѣ возрастанія, дѣлаетъ Онъ сообразными съ каждымъ состояніемъ. Ибо почему повелѣваетъ теперь взять ножъ тѣмъ, которые научены уже подставлять ланиту ударяющимъ? Почему велитъ продать ризу и купить ножъ тѣмъ, которые, по принятіи ими заповѣди не имѣтъ двухъ одеждъ, и дѣйствительно имѣли у себя одну,

бывшую на нихъ ризу? Ужели Господу угодно было, чтобы Апостолы ходили нагими, что по общему призванію непристойно, и несогласно съ преданіями Господа? Некушіяся о душевной ихъ свободѣ, и неимѣніемъ своей собственности доставлявшій имъ жизнь безначальную, не могъ также вознрадѣть о благоприличіи, повелѣвая ходить съ обнаженнымъ тѣломъ. Ибо, какъ не свойственно лобомудрію — простираться за предѣлы потребнаго и обременять душу излишними суетными заботами, такъ безумно и чуждо состоянію цѣломудрія—отказывать тѣлу въ служеніи ему необходимымъ. Посему должно присекаеть рѣшеніе, сообразное тому и другому повелѣнію, и показать, что прямо слѣдуетъ изъ обонхъ заповѣдей, а именно, что новоначальнымъ прилична первая заповѣдь, а совершеннымъ—вторая. Ибо, если и непристойно имѣть обнаженное тѣло, въ смыслѣ буквальномъ; то въ смыслѣ созерцательномъ не только сіе благоприлично, но и крайне полезно. Поэтому, кто защищаетъ буквальный смыслъ сего изреченія, тотъ можетъ представляющееся въ немъ затрудненіе устранить такъ: Апостоламъ, приступающимъ еще къ богочестію, Господь заповѣдалъ нестяжательность, желая, чтобы занимались они только изученіемъ божественныхъ уроковъ, но и зная, что для несовершенныхъ только опасно пріобрѣтеніе имущества, преусиѣвшимъ и потерпящимъ уже вреда отъ имущества позволяетъ

небоязненно пользоваться имѣніемъ, такъ какъ они не пристрастны уже къ деньгамъ, подобно многимъ другимъ, и не преодолеваются прелестью сребролюбія, и говоритъ: *егда послатъ вы безъ вѣдѣнія и безъ мѣры, еда чего лишени будете?* А теперь говорю вамъ: *иже имать вѣдѣнія, да возметъ, такожде и мѣру* (Лук. 22, 35.). Ибо въ началѣ должно имъ было, не нося ничего при себѣ, извѣдать на опытѣ силу Учителя, которая имъ каждый день безъ ихъ заботъ подавала потребное для тѣла, и даже не это одно, но и сказанное нами не задолго прежде,—чтобы, дѣятельно обучившись нестяжательности, приобрѣли неизмѣняемый къ ней навыкъ, постепенно преуспѣвая въ безпристрастіи къ себѣ самимъ; потому что сребролюбіе погубило многихъ; оно низринуло въ пропасть предательства и Иуду, который привыкъ къ деньгамъ, по причинѣ вѣреннаго ему для служенія вѣрнымъ *ковчежца* (Іоан. 12, 6.).

Глава 2. Но не знаю уже, чѣмъ защитится отстаивающій буквальный смыслъ въ словахъ: кто имѣетъ ножъ, да возметъ, а кто не имѣетъ, да продастъ ризу и купитъ ножъ; когда Господь вездѣ требуетъ, чтобы ученики его были мирны и кротки. Посему посмотримъ, какимъ образомъ это повелѣніе, хотя оно относительно къ тѣлу и въ смыслѣ буквальномъ невозможно, въ дуловномъ смыслѣ возможно и полезно. Приближаясь уже къ страданію и готовясь войти на

крестъ, какъ по злоумышленію Іудеевъ, такъ и по собственному изволенію ради спасительнаго домостроительства, говоритъ сіе ученикамъ Господь, приготовляя къ борьбѣ съ противящимся истинѣ, но не къ борьбѣ по маловажнымъ предлогамъ предприемлемой, гдѣ расположеніемъ борющихся управляетъ раздраженіе, а къ состязанію въ подвигѣ, который внушенъ Богомъ по пламенной ревности къ богочестію. Ибо Господь видѣлъ уже, что безстыдные псы Іудей съ неистовствомъ встаютъ противъ божественнаго ученія, и спѣшатъ положить конецъ спасительной проповѣди, а потому, возставя учениковъ своихъ на сей подвигъ съ Іудеями, повелѣваетъ имъ отложить прежнюю кротость, вооружась же сильнымъ словомъ идти на обличеніе покушающихся низложить истину. Хотя христіанину прежде всего необходимо необходимое одѣяніе, приличное имени его званія; потому что не менѣе одежды украшаютъ христіанина степенная безмятежность духа и правъ скромный; однако же во время борьбы съ противниками необходимо ему и оружіе слова. Посему, говоритъ Господь, въ то время, когда посылалъ Я васъ учителями къ Израилю, хорошо вы дѣлали, выказывая мирное состояніе духа, и такимъ поведеніемъ привлекая непокорныхъ къ послушанію, кротостію доводя ихъ до благопокорности; потому что для убѣжденія дѣйствительнѣе сильнаго слова правая жизнь, въ себѣ самой представляющая знающе-

му оную убѣдительный поводъ признать себя посрамленнымъ. По посылку по Моемъ вознесеніи враги истины нападутъ на нее: то каждый изъ имѣющихъ понеченіе о нравственномъ благоустройствѣ, да отложитъ тщаніе о соблюденіи мира, и да уготовится къ состязанію; ибо нѣтъ никакой несообразности для важнѣйшаго оставить на время менѣе важное, и отложивъ кротость сдѣлаться вонтеземъ.

Глава 3. Сіе совѣтуетъ и Пророкъ говоря: *кроткій да будетъ храбръ* (Иош. 3, 11.). И какъ пророческому слову: *раскуютъ мечи своя на орала, и копія своя на серпы* (Ис. 9, 4.), то есть, по прекращеніи брани со страстями душевныя силы содѣлаютъ земледѣльческими орудіями, такъ и на оборотъ, когда призоветъ брань, хорошо сложить съ себя подобающее украшеніе, уготовиться же на борьбу, и взять въ руки мечъ за Господни заповѣди, созлѣкшись п рпзы нравственныхъ добродѣтелей, если должно будетъ сражаться нагому; ибо таковой, можетъ быть, въ сраженіи будетъ безопаснѣе облеченнаго въ ризу. Сіе дастъ видѣть Пророкъ, сказавъ: *и погибнетъ бѣгство отъ скоротекущаго, и крпкій не удержитъ крпности своей, и храбрый не спасетъ души своей, и быстрый ногама своимъ не уцльметъ* (Амос. 2, 14. 15.), присовокупляетъ онъ: *нагъ поблгнетъ въ той день* (16.). Господу угодно, чтобы таковымъ нагимъ былъ продающій ризу и покунающій ножъ, не отрекаясь, по

причинѣ истины означаемаго, отъ того, что по буквальному смыслу кажется неблагоприличнымъ. Ибо, желая, чтобы люди сообразовались всегда съ тѣмъ, что для нихъ полезно, даетъ перѣдко и противоположные совѣты, какъ сказали мы уже предварительно, иногда научаетъ принимать заупречѣнія и не оказывать негодованія, иногда же повелѣваетъ носить мечъ, показывая воинственный видъ, вызываясь на брань, и до вступленія въ оную устрашая враговъ однимъ видомъ. И когда одинъ пророкъ повелѣлъ воинскія оружія передѣлать въ земледѣльческія орудія, вскорѣ послѣ него другой пророкъ даетъ напротивъ повелѣніе земледѣльческія орудія передѣлать въ воинскія оружія. Одинъ говоритъ: *раскуйте мечи своя на орала, и копія своя на серпы*, а другой: *разсѣчите рала ваша на мечи, и серпы ваша на копія* (Иов. 3, 10.). И совѣты сѣи, хотя противны по буквѣ, но не противны по разумѣнію. Ибо одинъ внушаетъ, что должно дѣлать начинающимъ брань со страстями, а другой, что дѣлать обратившимъ враговъ въ бѣгство. Поэтому до времени хорошо быть облеченнымъ въ одежду, и потомъ совлечься одеждъ, когда потребуется вмѣсто ризы пріобрѣсти ножъ. потому что для безопасности не столько служитъ риза, сколько ножъ; въ одеждѣ — украшеніе, а не безопасность; а ножъ — великое охраненіе сражающемуся. Посему же таковая риза полезна только до времени, достигшему совер-

шенства и восшедшему на кровь умозрѣнія, воспрещается возвращаться назадъ. Ибо Господь ясно учитъ, говоря: *уже на кровь, да не слодитъ взяти ризъ своихъ* (Мато. 24, 17. 18.).

ГЛАВА 4. Но есть в крови превозношенія, восходящихъ на которые порицаетъ пророческое слово, говоря: *что бысть, яко нынѣ возлезосте вси на храминны тщетныя* (Ис. 22, 1.)? Ибо эта хранина была не высота добродѣтели, имѣющая прочное основаніе, но надменіе пустой гордыни, скользкое для того, кто утверждаетъ свое пребываніе на таковой высотѣ. А кровъ истины стоять незыблемо, имѣеть непоколебимую добродѣтель, назданную на умѣренномъ образѣ мыслей, съ него невозможно упасть: потому что самый вѣнецъ крова безопасенъ, восшедшаго горѣ, какъ въ раю, хранитъ нагимъ и невиннымъ. Если же кто не совлекаетъ съ себя таковой ризы по умрениі брани со страстями, и труда о нравственныхъ добродѣтеляхъ не замѣняетъ стараніемъ пріобрѣсти силу слова, даже не хочетъ освободить тѣло отъ безвременнаго труда, когда прошелъ уже мимо досаждающей тѣлу снотолочіемъ; то подвергается онъ укоризнѣ, какъ отлагающей, когда уже не должно, продажу ризы и покупку пожа. И сіе можно слышать отъ приточника, который говоритъ: *отыли ризу свою, преиде бо досадитель* (Прптч. 27, 13.). Ибо не менѣе строгости въ дѣятельной жизни изнуряетъ тѣло рачительность подвиг-

га въ божественныхъ словесахъ, даже еще болѣе способствуетъ трудящемуся о чистотѣ; потому что мысль не имѣетъ времени возвращаться назадъ и заниматься страстями, готовыми его потревожить, такъ какъ помысль непрестанно устремленъ къ лучшему. Трудъ строгаго жптія, изнуря тѣло, даетъ еще, можетъ быть, время страстямъ подвигнуть праздную мысль къ тому, что составляетъ собственное вещество страстей. Умозрѣнiе же, содера првлеченнымъ къ себѣ всецѣлый умъ, не даетъ мѣста, не говорю страсти, но даже и человѣческому помыслу, призывающему, можетъ быть, и къ необходимой потребности. Не только страстное сластолюбiе препобѣждаетъ услажденiе умозрѣнiемъ, въ которомъ съ полезнымъ срастворено прiятное, но и естественную нужду. Зная сiе, и Павелъ говоритъ: *тѣлесное обученiе в малѣ есть полезно: а благочестiе на все полезно есть* (1 Тим. 4, 8.): такъ свидѣтельствуеть о пользѣ перваго при времени, а послѣднему приписываетъ всегдашнюю и постоянную пользу; потому что тѣлесный подвигъ прекращается въ будущемъ вѣкѣ, а вѣдѣнiе прiемлетъ приращенiе въ совершенствѣ, простираясь отъ видѣнiя уповаемыхъ благъ *зерцаломъ въ гаданiи* въ видѣнiю *лицемъ къ лицу* (1 Кор. 13, 12.).

Глава 5. Поэтому, тѣлеснаго упражненiя должно совлечься, какъ ризы, и трудовъ онаго, какъ цѣны за продажное для приобрѣтенiя меча

благочестія, который будетъ полезенъ къ охраненію и ирведенію въ безопаcность того, что есть у насъ. Этотъ мечъ дѣлается п похвалою,— похвалою, то есть не пагубною гордынею кичливаго высокоумія, но благодарнымъ ощущеніемъ помощи Божіей, какъ сказано кому-то: *защититъ помощникъ твой, и мечъ хвала твоя: и солжутъ тебѣ враги твои, и ты на выю ихъ наступиши* (Второз. 33, 29.). Такъ продается риза, такъ покупается ножъ: продается риза, служа къ приобрѣтенію того, чего не было прежде, и сама оставаясь въ способности дѣйствовать, хотя, по смотрѣнію, и прекращаетъ свою дѣйственность. Пбо способность дѣйствовать, хотя и не приводитъ въ исполненіе предстоящаго ей дѣланія, однако же, имѣя крѣпкую силу, когда захочетъ, обыкновенно дѣйствуетъ безпренятственно, подобно тому художнику, который полноту своего знанія показываетъ на веществахъ, и при недостаткѣ оныхъ остается празднымъ, между тѣмъ какъ знаніе его безмолвствуетъ, а не уничтожается. Почему же совлекшійся таковой ризы, и снова, по снпсложденію къ несовершеннымъ, приужденный употребить ее въ дѣло, такъ говоритъ: *сволекохся ризы люея, како облечуся въ ню* (Пѣс. Пѣс. 5, 3.), если не оставалась таковая риза, не выказывая своей дѣйственности, однако же сохраняя силу способности дѣйствовать? Почему продавшій ризу непременно покупаетъ ножъ, и первой

не уничтожая, и приобретаая послѣдній. Да и какой покупаетъ онъ ножъ? Тотъ, о которомъ говоритъ Христосъ: *не придохъ воверици миръ, но мечъ* (Матѣ. 10, 13.), мечемъ называя слово проповѣди. Ибо, какъ ножъ раздѣляетъ сросшееся, и связанное тѣло разсѣкаетъ на части, такъ слово проповѣди, вносимое въ домъ, во всякомъ изъ нихъ соединенныхъ на зло невѣріемъ отсѣкало друга отъ друга, отдѣляя сына отъ отца, дочь отъ матери, невѣстку отъ свекрови, разсѣкая самую природу, показывало цѣль Господня поведѣнія, а именно, что для великой пользы и во благо людямъ повелѣлъ Онъ Апостоламъ взять ножъ.

Г л а в а 6. Посему Петръ немедленно отвѣчаетъ, говоря, что два у нихъ ножа, о которыхъ Господь сказалъ, что ихъ достаточно для лежащаго подвига. Ножи же сн, какъ говоритъ Апостоль, суть обличеніе противопологаемаго и утѣшеніе вѣрующихъ. Ибо въ посланіи къ Титу такъ вручаетъ ихъ учителямъ, говоря: *да силенъ будетъ и утѣмляти во здравомъ ученіи и противящихся обличати* (Тит. 1, 9.), чѣмъ и раздѣляетъ слово на два вида; ибо иной видъ — слово ученія къ вѣрнымъ, и иной — слово истины къ врагамъ: и одно есть обличеніе лжи, а другое — подтвержденіе истины. А что мечемъ называетъ слово, это явно для всякаго: такъ какъ на памяти у каждаго часто повторяемое изреченіе писанія: *живо сло-*

во *Божіе* и дѣйственно, и острѣйше паче всякаго меча обоюду остра (Евр. 4, 12.). Ибо и здѣсь говорится о двоякомъ дѣйствіи слова. Но иный можетъ назвать двумя мечами ясность и истину: ибо когда сочетаются онѣ въ словѣ, достаточно ихъ къ тому, чтобы покорять противящихся. Сему-то и первосвященникъ на словѣ, которое было у него на персяхъ, имѣлъ таинственно возложенныя: *явленіе и истину* (Исх. 28, 30.), — явленіе для уясненія сказуемаго, и истину для изложенія яки. Потому и Петръ, открыто употребивъ ножъ, когда урѣзалъ ухо рабу архіереову, оказывается совершившимъ это вмѣстѣ и таинственно и назнаменательно. Ибо Апостолы въ началѣ проповѣди исполняли и предписываемое закономъ, когда къ Двери, т. е. къ Рекшему: *Азъ есмь дверь* (Іоан. 10, 7.), приводили утверждавшихъ о себѣ, что возлюбилъ они владычество закона, и взявъ *шило* обученія, старались *провертѣть* рабскій слухъ въ свободу послушанія (Втор. 15, 17.). Когда же Иудеи признали себя недостойными жизни вѣчной, и настала нужда обратиться уже къ язычникамъ; тогда Апостолы глаголомъ Духа совершенно отсѣкаютъ имъ слухъ, какъ недостойнымъ уже слова свободы за непокорность. Ибо сказать: *вамъ бы льно первыя глаголати слово Божіе* (Дѣян. 13, 46.), — значило *провертѣть* рабскій слухъ въ свободу; а потомъ присовокупить: *по неже недостойны творите сами себе вѣчному*

животу, обращаемся во языки — значило совершенно отсѣчь имъ слухъ.

ГЛАВА 7. Тоже самое говоритъ Иудеямъ и Павелъ: *уже закономъ оправдаетея, отъ благодати отпадете* (Гал. 5, 4.). Ибо отпасть отъ благодати значило тоже, что и быть отсѣченными отъ слова слободы. Почему и Господь говоритъ: *шедше научите вся языки* (Матѳ. 28, 19.), по урѣзаніи уха у Иудеевъ отвержая къ послушаію уху язычниковъ. О семъ за долго прежде и издревле свидѣтельствуется и ветхозавѣтное писаніе, ясно пророчествуя о томъ и другомъ, а именно, что у Иудеевъ урѣзано будетъ ухо, и что оно приложено будетъ язычникамъ. Ибо и Іезекиль говоритъ іудейскому соимъщу: *поздри твоя и уши твоя обрѣжутъ* (Іезек. 23, 25.): потому что не пріяли благоуханія мура Христова, подобно той, которая говоритъ: *въ волю мура Твоего течемъ* (Пѣсн. Пѣсн. 1, 3.), и по урѣзаніи и отлѣтіи у нихъ главныхъ орудій чувствъ не пожелали, какъ овцы, слушать гласа Пастыря. А Исаія вводитъ самую церковь изъ язычниковъ, которая говоритъ: *приложи ми ухо еже слышати, и наказаніе Господне отверзаетъ уши моя* (Ис. 50, 4. 5.). Такъ языческой церкви Господь приложилъ ухо, и ухо яе урѣзалъ у церкви іудейской. И сіе достаточно сказано о предавшихъ ризу и взявшихъ пожь. Посмотримъ же, всё ли мы, когда коснемъ такую ризу, носимъ ее право? Ибо объ пныхъ

написано: *яко всякую одежду собранну лестію, и ризу съ примиреніемъ отдадутъ* (Ис. 9, 5.), а о другихъ: *ризы своя связующе ужами, завьсы творяху держащіяся требища* (Ам. 2, 8.). Посему не имѣютъ ли у насъ лестію собранной одежды тѣ, которые, въ ересяхъ подстерегая простодушныхъ, одѣваются въ ризы правственныхъ добродѣтелей, но облакаются въ нихъ, какъ въ чужія, не въ правду, а болѣе для соблюденія добраго о нихъ мнѣнія, и преобразуются, принимая на себя видъ кроткій и скромный, чѣмъ и уловляютъ въ погибель попадающихъ на сію уду?

Г л а в а 8. Они-то въ будущемъ вѣкѣ съ *примиреніемъ отдадутъ* таковыя ризы; потому что не воспріимутъ награды за труды, но понесутъ за обманъ наказаніе и мученіе отъ Бога, отмщающаго *на вся обмеченныя въ одьянія чуждыя*, какъ гозоритъ Онъ у Пророка (Соф. 1, 8.). Ибо все, что дѣлается не ради самаго добра, а ради чего-либо инаго, не только остается безъ награды, но и подлежитъ отвѣтственности, а иначе когда устроятся этимъ козни видящимъ, служа гибельною приманкою для простодушныхъ. Какъ тщеславіе дѣлаетъ безполезнымъ трудъ добродѣтели, и лишаетъ трудившагося вѣчныхъ наградъ, само для себя служа малоцѣнною наградою за великіе труды, скоропреходящею похвалою за трудные подвиги, скорогибущею почетомъ, выдающею прежде, нежели со-

зрѣеть, какъ должно ; такъ образъ благочестія, притворно пріемлемый для обмана, дѣлаетъ трудъ не напраснымъ только, но и опаснымъ, осуждаемымъ не на лишеніе только награды, но на продолжительное и крайне мучительное наказаніе. Такъ нѣкимъ, изнурившимъ себя и понесшимъ таковой трудъ, Апостоль сказалъ: *только пострадаете туне? аще точію и туне* (Галат. 3, 4.), словомъ: *туне* означивъ лишенія награды, а словами: *аще точію и туне*—достопаечивность ожидаемаго мученія. *Держащіяся же требица завѣсы, узами связующе ризы*, творять, можетъ быть, и нѣкоторые изъ служителей Церкви, которые лицемѣрно подражаютъ священнодѣйствующимъ непорочно подъ покровомъ внутри святилища. Ибо иное есть завѣса (*καταπέτασμα*), и иное покровъ (*παράπετασμα*), хотя сходство названій скрываетъ различіе вещей. Завѣса вѣшается, гдѣ нѣ есть, на время, по необходимости, чтобы не совершать открыто предъ глазами всѣхъ, что требуетъ сокровенности, и она съ обѣихъ сторонъ прикрѣпляется на перекось вязами отъ правой руки къ лѣвой, не имѣя ничего надъ собою сверху ; а покровъ спускается на вязяхъ, прикрѣпленныхъ сверху, какъ и самое имя, по словопроизводству, показываетъ паденіе ткани сверху, и можетъ быть, означается имъ мы, когда пріемлемъ на себя трудъ въ добродѣтеляхъ ради Владыки, видящаго въ тайнѣ,

укрывая совершаемое отъ очей человѣческихъ долу, обнаруживаемъ Единому зрящему свыше.

Глава 9. И Предложеніе имѣеть причину горѣ, завися отъ благоугожденія Богу, подобно и покровъ свѣшпвается простираясь съ верху. Дѣлая добро, священнодѣйствуемъ мы подъ покровомъ. Но когда, выставляя на видъ образъ цѣломудрія или нестяжательности, въ тайнѣ дѣлаемъ противное, и распространяя завѣсу ужамп грѣховъ, иной образъ отпечатлѣваемъ въ себѣ, а инымъ прикрываемся сверху, притворною наружностію придавая честный видъ скрытному стыду, и обманомъ уловляя взоры людей, чтобы прославиться благочестіемъ и добродѣтелию; тогда подъ завѣсою ташнѣ къ укоризнѣ нашей то, что, если откроется, заслужить осужденіе. Ибо какъ добродѣтель, совершаемая въ тайнѣ, имѣеть похвалу отъ Бога, а совершаемая язно, громко провозглашается; такъ и пороку, пока сокрытъ, угрожаютъ только наказаніе и мученіе, а когда обличенъ, готово конечное осужденіе. Но хотя здѣсь не явны таковыя развращенныя начннанія, прикрываясь благочестною наружностію, однако же непремѣнно обнзжены будутъ тамъ, когда отнимется у нихъ мнимая ихъ слава, обнаружится же, и сама собою возсіяетъ, истинна. Ибо о нихъ-то, можетъ быть, говорить Исаія: *откроетъ Господь срамоту (тѣ бжїма) ихъ въ день оиъ* (Ис. 3, 18.). Но упражняющіеся въ добрѣ не все таковы, хотя нѣкоторые для

уловленія славы человѣческой, званіе благочестія проходятъ нечисто. И по причинѣ обманщиковъ не должно клеветать и на рачительныхъ. Ибо дѣйствительно посвятившіе себя добродѣтели, и дѣламъ не солгавшіе своему обѣту, но и сокровенное уподобившіе видимому, у которыхъ наружность служитъ истолкованіемъ самой вещи, и которые не кажутся только тѣмъ, за что выдаютъ себя, но каковыи пменуются, таковыи въ дѣйствительности, или стараются лучше, не во мнѣніи другихъ, но сами въ себѣ, таковыми быть, три помощи все испытующаго, даже и глубины сердечныя, и воздающаго каждому по собственнымъ его дѣламъ, а не по предзанятому о немъ понятію. А съ другой стороны и изъ нихъ также нѣкоторые уклоняются отъ истинной цѣли, превозносясь и думая, что собственными силами усвоили себѣ украшеніе добродѣтели.

Глава 10. Ибо рѣдкое и крайне трудное дѣло — попести величіе добродѣтели, не превознесишь мыслію, не надмившишь преснѣжаніями, пребывъ смиреннымъ и, какъ говоритъ нѣкто, безкваснымъ; потому что безквасное и вблизи огня не надувается, но пребываетъ въ смиренномъ видѣ, и скромно о себѣ думающій не превозносится, упражняясь въ добродѣтели, благоговѣніемъ удерживаемый отъ надменія кичливости. Имъ законодатель даетъ совѣтъ имѣть предъ очами страхъ Божій, поставивъ его на-

всегда пѣступомъ перазумнаго превозношенія и святымъ наставникомъ въ цѣломудрїи. Ибо повелѣніе на воскресїяхъ ризы дѣлать рясны изъ пряденія снѣга (Числ. 15, 38.), и взирающимъ имѣть въ этомъ всегдашнее напоминаніе о божественныхъ заповѣдяхъ, какъ миѣ кажется, знаменательно даетъ разумѣть сіе самое; потому что, какъ рясна — начало ризы, такъ начало премудрости страхъ Господень. Посему его-то должно искать на всякой вершинѣ добродѣтели (потому что вершины скользки, маломысленныхъ со-вращаютъ въ высокоуміе), — чтобы непрестанно колеблясь предъ очами души, сдерживалъ онъ отъ надменія преуспеяніями и научалъ доблестнаго, что, хотя и самъ онъ истратилъ себѣ ризу, однако же Богъ далъ ему мудрость для такового истратанія, и виновнику познанія, а не дѣлately, подобаетъ восписывать всю силу. Такимъ образомъ и добродѣтель будетъ блистательнѣе, будучи признаваема дѣломъ Божиимъ, и прїобрѣтеніе ея для прїобрѣтающаго пребудеть приводимо въ безопасность страхомъ Божиимъ, какъ всегда охраняемое благоговѣніемъ къ самому Богу нашему. Ему слава и держава во вѣки! Аминь!

СКАЗАНИЯ

О ИЗВІЕНІИ МОНАХОВЪ НА ГОРЬ СИНАЙСКОЙ И О
ПЛЪНЕНІИ ФЕОДУЛА СЫНА НИЛОВА.

СКАЗАНИЕ ПЕРВОЕ.

Святый Нилъ послѣ недавней потери Феодула, не
внимая утѣшенно собесѣдниковъ, оплакиваетъ предъ
ними горе свое.

Скитаясь послѣ нашествія варваровъ, пришелъ
я въ Фаранъ, и слышу (ц) нѣкоторые, проходя
мимо, славятъ пустынную жизнь, и въ разгово-
рѣ между собою соплетаютъ ей множество по-
хвалъ: а именно, что она исполнена тишины,
свободна отъ всякаго мятежа, даетъ въ безмол-
віи просторъ душѣ любомудрствующей о види-
момъ, и чрезъ видимое простираясь далѣе, воз-

(ц) Изъ двухъ чтеній: *τις ἀκούστας μου* (какъ въ рукописи) и
τις ἀκούστος μου (какъ напечатано), здѣсь предпочтено последнее.

водитъ ее до приближенія къ боговѣдѣнію — этому крайнему предѣлу желаній и окончательному блаженству, по еднoгласному признанію всѣхъ мудрыхъ отъ вѣка.

Когда же внимательно посмотрѣлъ я на нихъ заплаканными глазами, и весьма болѣзненно воздохнулъ, потому что сдѣлалъ въ сильномъ смущеніи отъ постигшихъ меня горестей, и на лицѣ моемъ явны еще были свидѣтельства моего бѣдствія; они, желая, можетъ быть, поговорить со мною, поворотивъ съ прямой дороги, уклоняются ко мнѣ, садятся кругомъ, заключивъ меня въ средню, и не много помедливъ, когда увидѣли, что молчу и вздыхаю, неотступно и вмѣстѣ съ участіемъ начинаютъ спрашивать о причинѣ смущенія. А я при этомъ требованіи воздохнулъ еще горестнѣе; потому что вопросъ снова привелъ въ сильное движеніе успокоившуюся нѣсколько память, и понудилъ помыслъ представить себѣ дѣло какъ бы теперь совершающимся, такъ какъ разговоръ о происшествіи долженъ былъ отпечатлѣть въ мысли то самое, что чувствомъ извѣдано на опытѣ.

Въ сказанномъ ли нами печально что тебя, старецъ, какъ ложное, говорили они, и сидишь ты, оплакывая несправедливость нашего міренія? или есть у тебя своя какая нибудь скорбь, близкая къ нашему разговору, и сѣтуешь ты, въ тайнѣ терзаемый воспомнаніемъ? Что не легко твое страданіе, ясно говорить о семъ твоя унылость,

показывающая внутренно мучающую тебя печаль; признакомъ ея служатъ слезы.

Такое обращеніе мужей сихъ едва разрѣшило связанный языкъ мой. Чтòжь мнѣ сказать? отвѣчалъ я. И для чего дамъ вамъ отвѣтъ, когда облако печали не позволяетъ хорошо вникнуть въ сужденіе о томъ, чтò истинно? Одною я мнѣнія съ вами; зная пользу пустыни, весьма дивлюсь ей; посему, препобѣжденный любовію къ ней, принудилъ себя оставить все: домъ, отечество, родство, друзей, домашнихъ, имѣніе. Но пустыня и погубила, чтò всего было для меня любезнѣе, она-то, какъ видите, оставила меня одного, лишеннаго всякаго утѣшенія; и хвалить ее не позволяетъ мнѣ болѣзненное чувство постигнаго меня горя, преодолевшаго и могущество любви (ч). А когда одна страсть превозмогаетъ другую; тогда вовсе не даетъ она мѣста побѣжденной, непременно хочетъ имѣть полное начальство, и какъ чего-то непріязннаго избѣгаетъ того, чтобы призвать кого въ общеніе (ш).

Но вотъ простота моя! пускаюсь любомудрствовать, оставивъ и сѣтованіе о сынѣ, и разсудокъ мой нашель себѣ для этого время, хотя донынѣ боялся и подумать о чемъ-либо иномъ,

(ч) Въместо *τῆ παύσεως* по рукописи читается: *τῆ πόθης*.

(ш) Последняя рѣчь начинающаяся словами *а когда одна страсть* и пр. не читается по рукописи.

кромя Оеодуловой смерти. Ибо вотъ непрестанно передо мною призракъ, такъ и иначе въ разныхъ видахъ смерти представляющій мнѣ умерщвление сына: вижу, думается, какъ онъ отъ удара, гдѣ былъ, упалъ вдругъ, и мечется по землѣ: слышу, кажется, болѣзненный его голосъ, и въ умѣ только представляю все это, что лучше было бы видѣть собственными глазами своими.

Увы, жалкое чадо мое, хотя живъ еще ты, хотя умеръ! Какое горькое рабство, если избѣжалъ ты смерти! Какое и гроба тебѣ недавшее погребеніе, если поразилъ тебя варварскій мечъ! Что буду оплакивать въ твоёмъ рабствѣ? О чемъ буду проливать слезы въ твоей смерти?

Если ты живъ еще и въ рабствѣ (но никакая вѣроятность не позволяетъ этого и думать; потому что варварская рука когда не готова на убійство, чтобы услужить звѣрскому гнѣву, жаждущему всегда человѣческой крови?): то каково твое положеніе? Безъ сомнѣнія, ежедневные побои, незнающіе сострадательности приказы, безошадные угрозы, жизнь звѣроподобная и кровожадная, самыя тяжелыя, выше силъ твоихъ, работы, и помыслить о побѣгѣ не дающая стража, безнадежность свободы, ежедневный страхъ смерти, всегда вблизи мечъ; потому что имъ только умѣетъ варваръ измѣрять свое пегодованіе; нѣтъ у него на готовѣ ни бича, ни жезла для ударовъ, и за малый и за великій

проступокъ извѣстно ему одно наказаніе—смерть; иногда нѣтъ и вины, иногда разсвирѣпѣль варваръ отъ упоенія, или предался неразумной стремительности, и какъ наученъ привычкою, не задумавшись, забавляется гибелью другихъ.

А если умеръ ты, сынъ; то гдѣ и когда тѣло твое подверглось закланію, откуда излился потокъ твоей крови? Какъ трепеталъ (ш) ты, обливаясь съ перстію смѣшанною кровію, и бѣдныя ноги твои на позоръ видящимъ блись въ предсмертныхъ содроганіяхъ? Какъ умолялъ ты убивающаго варвара, жалобными тѣлодвиженіями думая смягчить его жестокость? Человѣческое слово, трогательными звуками изображая прошеніе, преклоняетъ на жалость и раздраженную душу; но вы оба не понимали языка другъ друга. Гдѣ было мѣсте твоего паденія? Какіе звѣри растерзали члены твои? Какія птицы напятались твоею плотію? Какое изъ свѣтилъ при восхожденіи своемъ увидѣло сокровенности чрева твоего, явственно узрѣло излившіяся внутренности? Чтò преодолѣло твердые звѣринныя зубы, или оказалось въ остаткѣ по ихъ пресыщеніи (ъ), или стало недоступнымъ ихъ силѣ, то лежитъ теперь на солнцѣ подъ открытымъ небомъ, и по причинѣ необитаемости мѣста не удостоилось честнаго погребенія.

(ш) По рукописи читается: *ἔλαπιδες*, а не: *ἔλαριδες*.

(ъ) По рукописи читается: *κόρον* вмѣсто: *κόρον*.

Если бы кто принесъ и отдалъ мнѣ это, или привелъ и поставилъ меня у этихъ останковъ; то конечно имѣлъ бы я хотя малое утѣшеніе въ горѣ, какъ съ живымъ и чувствующимъ сталь бы бесѣдовать съ оставшимися членами, хотя кость, или часть плоти и волосовъ была бы предъ глазами у меня. Кого не вдругъ поражаетъ бѣдствіе, тѣ и въ самомъ несчастіи находятъ много утѣшенія, и подлинно вкушаютъ послѣднюю отраду, когда долго ходятъ за больными родственниками, много времени насыщаются ихъ лицезрѣніемъ, сидятъ при нихъ, когда борются они со смертію, слышатъ послѣднія слова умирающихъ, провожаютъ, когда выносятъ умершихъ, и смотрятъ, какъ кладутъ послѣднюю печать на могилѣ. Все это много немалого утѣшенія доставляетъ плачущему: проводы, погребеніе, сострадательность друзей облегчаютъ печаль. А я чѣмъ подобнымъ утѣшу себя въ горѣ? И рода смерти его не знаю, не имѣю и представленія о мертвомъ, которое бы отпечатлѣлось въ воображеніи при его кончинѣ. Чьи черты не преданы памяти зрѣніемъ, тотъ представляется намъ въ образахъ непостоянныхъ и неопредѣленныхъ, которые, такъ и иначе отпечатлѣваясь въ мысли, мучатъ ее, обманывая превращеніями сихъ мысленныхъ отпечатлѣній.

Какая неизвѣстность бѣдствія! Какая неопредѣленность горя! Не знаю, что и оцѣлывать, неизвѣстно мнѣ, о чемъ и сѣтовать. Пролить

ли слезы о мертвомъ, или о живомъ, о заключенномъ въ узы, или объ умерщвленномъ? О потерпѣвшемъ горькое рабство, или о подвергшемся болѣзнямъ смертнымъ? Плѣнникъ долженъ ожидать себѣ всякаго оскорбленія, когда бы и не думалъ, подвергается онъ наказаніямъ, воля господина властна сдѣлать о немъ всякій приговоръ.

До нынѣ все со мною раздѣлялъ ты, сынъ, а плѣнъ теперь испыталъ одинъ. Со мною раздѣлялъ ты дальнее путешествіе, бѣдствовалъ на чужой сторонѣ (ы), терпѣлъ злостраданія въ пустынѣ, во всемъ, что ни предпринималъ, подражая Исааку въ послушаніи его отцу. Почему же теперь разлучило тебя со мною послѣднее бѣдствіе, и одинъ ты исчерпываешь горести плѣна? Для чего оказано мнѣ это человѣколюбіе, и избѣжалъ я смерти, не извѣдавъ острія меча? Почему и меня разящая рука не присовокупила къ прочимъ мертвецамъ, но пощажень я для испытанія болѣшихъ бѣдъ, по зависти лишень скорого избавленія отъ горя, и вдали отъ тебя проливаю болѣзненные слезы?

Но поелику вижу, продолжалъ я, что состраждете вы мнѣ, и тѣ же питаете чувствованія, какія имѣю и самъ я страждущій, чему доказательствомъ служатъ и напряженное ваше вни-

(ы) Сие допущено изъ рукописи

маніе и частыя воздыханія ; то расскажу вамъ о себѣ подробно, не распространяясь въ словахъ ; имѣете ли только досугъ выслушать меня, и не призываетъ ли васъ какая необходимость къ удовлетворенію собственнымъ своимъ потребностямъ (ъ)? Ибо тяжель бываетъ рассказъ для души развлеченной, когда есть у ней помысль о чемъ-либо озабочивающемъ болѣе, нежели то, что слушаетъ.

Но въ лицѣ и въ голосѣ давъ замѣтить, что вопросъ этотъ имъ непріятенъ, сказали они: «какое же препровожденіе времени можетъ быть предпочтено сему—уврачевать скорбное сердце и избавить отъ печали болѣзную душу? Какъ облако перестаетъ быть темнымъ, источивъ изъ себя дождевыя капли, и постепенно теряетъ свою мрачность, очищаясь отъ водянаго тумана ; такъ и душа облегчаетъ свою горестъ, описывая свои бѣдствія и рассказомъ о причинахъ печали истощая въ себѣ непріятное ощущеніе. Горестъ, пока о ней молчишь, обыкновенно мучить, какъ и мокрота въ воспаленной ранѣ, въ которой гной (ѣ) непрестанно требуетъ себѣ выхода, и не имѣетъ пути, чтобы выдти вонъ и очистить парывъ».

(ъ) Въ рукописи читается: *εὶ σχολὴν πρὸς τὴν ἀκρόβουλον ἄγετε, καὶ μὴ τις ἑμῶς ἀνάγκη πρὸς δικαίαν χορείαν κληθεῖ.*

(ѣ) По рукописи читается: *τῷ τραύματος* вмѣсто: *τῷ πάθους*, и *τῷ πλοῦ* вмѣсто: *τῷ ποιοῦ.*

Поэтому признали они справедливымъ, чтобы я рассказывалъ. И симъ-то начинаю мою повѣсть.

СКАЗАНИЕ ВТОРОЕ.

Святый Нильъ рассказавъ, что̀ привело его съ сыномъ въ пустыню, и кратко упомянувъ о недавнемъ убиеніи святыхъ, на возраженіе собесѣдниковъ, что избиеніе сіе не согласно съ путями Божія промысла, многими примѣрами изъ священно́й исторіи доказываетъ противное.

Два родилось у меня сына, друзья: тотъ котораго сидя здѣсь оплакиваю, и другій, оставшійся при матери. По рожденіи ихъ оставилъ я сожителство съ супругою, разсудивъ, что и двоихъ достаточно, для продолженія ли то рода, для услугъ ли подъ старость. Для всякаго же разумнаго существа призналъ я приличнымъ, не до пресыщенія предаваться удовольствіямъ, и дозволеніемъ закона не злоупотреблять въ оскорбленіе природы, но, какъ можно скорѣе, полагать себѣ въ этомъ предѣлъ; какъ скоро услужилъ кто намѣренію (э) Сотворшаго, который

(э) Въсто: *тѣ σκότω*, по рукописи читается: *тѣ σκόπω*.

установилъ бракъ для размноженія рода, а не для удовлетворенія страсти. Иначе же, когда въ послѣдствіи силы увянутъ, пожеланія угаснутъ, сама собою наступитъ старческая тишина, преспѣяніе въ цѣломудріи принишется уже не ревности произволенія, а необходимости возраста. Ибо не извѣдавшій брани никогда не воздвигнетъ себѣ побѣднаго памятника, и по окончаніи борьбы ни одинъ борецъ не можетъ хвалиться побѣдою и тѣмъ, что онъ не палъ, когда некому было уже съ нимъ бороться. Но честь подвижнику, когда, во цвѣтѣ лѣтъ, въ жару вожделѣнія, въ пылу страстей, разумокъ его одерживаетъ верхъ надъ пожеланіями, сильное влеченіе къ супружескому сожитію, хотя оно и законно, подавляетъ въ себѣ, свидѣтельствуя тѣмъ, что полномочную власть имѣетъ онъ надъ собою.

Но меня влекло какое-то сильное желаніе къ симъ мѣстамъ, въ которыхъ теперь потерпѣлъ я утрату; весь окрыленъ былъ я помысломъ о безмолвіи; кромѣ этого не могъ ни о чемъ иномъ думать, ни на что и посмотрѣть. Ибо, когда любовь къ чему нибудь овладѣетъ душею, тогда съ великою силою отвлекаетъ ее отъ всего, даже весьма достойнаго ея вниманія, уносятъ же къ тому, что возлюбила, такъ что не смотритъ она на трудъ и утомленіе, не принимаетъ во вниманіе ни оскорбленій, всѣмъ усердно служить, добровольно отдаваясь въ полную

власть пожеланію, и съ пріятностію несеть на себѣ иго подчиненія, по самопроизвольной и охотно принятой необходимости.

Сія-то любовь предписывала мнѣ идти въ путь, и не могъ я противорѣчить повелѣвавшей такъ самоуправно: беру дѣтей (а они были еще очень малы), привожу къ матери, и одного отдаю ей, а другаго удерживаю при себѣ; сказываю ей, на что я рѣшился, и строго подтверждаю, что не переменю намѣренія. Она же, и прежде не пріучившись противорѣчить, и тогда по лицу моему увидя, что не послушаю просьбы, но, и принужденія не вынося и слезъ не удерживая, соглашается на мое путешествіе, уступивъ больше необходимости, нежели самымъ дѣломъ одобревъ мое произволеніе. Ибо видя, что рѣшеніе мое непремѣнно, и представляя себѣ скорбь разлуки, не позаботилась о своей печали, но поставила для себя цѣлію угодное мнѣ, и пожелала уступить побѣду въ томъ, въ чемъ не могла одержать побѣды, если бы и хотѣла.

Но знаете, какова разлука для тѣхъ, которые единожды навсегда по закону соединены союзомъ брака, по таинственному смотрѣнію Сочетавшаго содѣлались единымъ тѣломъ. Какую боль причиняетъ мечь, разсѣкающій тѣло, такую же причиняетъ и разлука для ставшихъ единою плотію. Дивился я тогда силѣ вождельнія, когда видѣлъ, что препобѣждало оно и природу и долговременную привязанность. Объ этой силѣ за-

ключилъ я потому, что разрѣшала она не разрѣшимыя узы, которыя можетъ расторгать одна смерть, дѣлая расторженіе сіе неболѣзненнымъ, потому что приводитъ въ безчувствіе. А въ живыхъ чувство дѣлаетъ болѣзнь сію еще невыносимою, напоминая и о привычкѣ и о расположеніи другъ къ другу, если только вождельніе высшаго блага не притупитъ вдругъ жага прежняго пожеланія.

Такое вождельніе содѣлало меня любителемъ сего безмолвія, и путеводило до вождельнной пустыни. И пустыня долгое время давала мнѣ возможность проводить жизнь съ пріятностію, наслаждаясь великою тишиною, при попутномъ вѣтрѣ направлять себя къ цѣли, пока, не знаю откуда и какъ, приблизившаяся буря не воздвигла этого волненія, которое подвергло крушенію сіи ладіи, несшія на себѣ тысячи святыхъ тѣлъ,—подвергло крушенію, но не потопленію, разбило ихъ, но не причинило вреда ихъ грузу: потому что, все пріобрѣтенное куплею кормчіе сіи взявъ съ собою, привели ладіи изъ моря къ небу, одни отнадшія доски оставивъ въ добычу разбойникамъ.

Какая же причина избіенію святыхъ? сказали собесѣдники. Почему неукоризненно служащіе Богу преданы на погибель нечестивымъ, ставъ игралищемъ варварской руки? Почему въ бездѣйствіи оставалась сила Промысла, взирая въ молчаніи на таковое злодѣяніе, не воспрепят-

ствовала, хотя и могла, сему нашествію, не поразила слѣпотою приближавшихся злоумышленниковъ, не изсушила незаконныя десницы, простертыя на святыхъ, что, какъ повѣствуетъ писаніе, неоднократно бывало для блаженныхъ мужей? Ибо нѣкогда Вавилоняне, несправедливо ополчившіеся на Езекию, возвратились ни съ чѣмъ. Не въ силахъ были причинить обиду притѣсняемымъ, утратили многихъ изъ собственнаго своего воинства, и когда въ цѣломъ станѣ предались всѣ сну, весьма малое число живыхъ оказалось поутру, потому что сто восемьдесятъ пять тысячъ преданы были смерти, и никто не могъ сказать, какъ они убиты, и кто ихъ умертвилъ. Такое безмолвное пораженіе было дѣломъ одного Ангела въ одну ночь; ряды вооруженныхъ мертвецовъ лежали, и казались болѣе спящими, нежели умершими, не имѣли на себѣ ранъ отъ меча, но не имѣли въ себѣ и жизни, дѣйствительно же стали мертвы, хотя и не показывали на себѣ слѣдовъ убіенія,—чѣмъ въ великое недоумѣніе приводили своихъ. Каждый пробуждаясь толкалъ своего сосѣда, но тотъ былъ неподвиженъ; кликалъ его, но онъ оставался безгласенъ: осматривалъ его тѣло, и оно не было язвлено; искалъ дыханія въ ноздряхъ, и не оказывалось тамъ искомаго; наконецъ возсіявшее поутру солнце объяснило постигшее бѣдствіе, въ цвѣтѣ лица умерщвленныхъ показавъ признаки смерти. А также пришедшіе къ

Елиссею Ассириане и искавшіе святаго, чтобы убить его, и Содомляне, приступавшіе къ Лоту дому для поруганія Ангеловъ, поражены были слѣпотою и преданы въ посмѣяніе тѣмъ, кого искали, стали игралищемъ тѣхъ, кому хотѣли причинить обиду. Одни въ расслабленіи ошупью искали двери, другіе не знали, куда идуть за вождемъ: хотя подлѣ нихъ былъ ими искомый, однако же не въ силахъ были къ нему приблизиться, на подобіе больныхъ и увѣчныхъ; облечены были въ полное оружіе, но оно оставалось въ бездѣйствіи, какъ у лишенныхъ или силы или членовъ для воинскихъ отпращиваній, потому что взоръ, предводительствующій ими, или совершенно умеръ, или погруженъ былъ въ глубокомъ снѣ. Поэтому за однимъ безоружнымъ слѣдовало множество плѣнныхъ враговъ, и могло бы легко быть уничтожено на стремнинахъ и въ пропастяхъ, если бы то было въ намѣреніи и произволеніи ведущаго: но они спаслись, когда попечительностію Пророка возвращено имъ зрѣніе, и могли они увидѣть путь ведущій въ собственное ихъ отечество. Въ другое время, когда нечестивый царь, прогнѣвавшись на Пророка, обличавшаго его беззаконіе, простеръ на него вооруженную руку, меченосная рука его осталась простертою въ обличеніе убійственнаго изволенія, и поднятая вверхъ была суха, какъ у статуи, которая не можетъ дать себѣ иного положенія, кромѣ того, какое полу-

чила въ началѣ отъ вылившаго ее художника. И сіе было для того, чтобы пророческое тѣло не потерпѣло обиды, какую готовила ему незаконная рука, служа несправедливому гнѣву, И такъ почему же умершіе нынѣ умерли какъ безпомощные? Воля убійць удобно совершила дѣло, никто и нигдѣ не противопоставилъ имъ препятствія?

Должно ли теперь, сказалъ я, вести рѣчь о промыслѣ? Да и кто въ состояніи постигать суды Божіи, чтобы при такомъ разнообразіи событій доказать правдивость Божія домостроительства? Всякій человѣческой разсудокъ, если внимательно входитъ въ такое изслѣдованіе, теряется, препобѣждаемый трудностію уразумѣнія, не находя благовидной причины, какую можно было бы приложить къ событіямъ. Ибо и древле бывало много подобнаго, и козни людей лукавыхъ достигали своего конца, а правосудіе пока молчало, не наказывая дерзкихъ и медля отмщеніемъ; потому что изслѣдованіе всего этого, безъ сомнѣнія, предоставляется времени суда. Почему Авеля, благочестіе котораго засвидѣтельствовано Богомъ, позавидовавъ убилъ Каинъ, и тѣмъ опечалилъ родителей, никогда еще не видѣвшихъ мертвеца и совершенно незнавшихъ опытно смерти, разгнѣвалъ Бога тѣмъ, что отважился на сіе первое убійство, въ новой твари уменьшилъ едва начавшій размножаться родъ, не пожалѣлъ брата, съ которымъ раздѣлялъ общее

и рожденіе и воспитаніе, не захотѣль имѣть утѣшенія въ уединеніи, будучи долженъ жить одинъ на такой широтѣ земли, потому что людей было не много, и не утѣшали они другъ друга своею многочисленностію? Почему беззаконная Іезавель велѣла побить камнями Навуея, неуступавшаго ей во владѣніе виноградника? Почему отъ одного меча Доикова пало триста шестьдесятъ три іерея? И еще въ Іерусалимѣ овладѣвшими имъ врагами избито безчисленное множество праведныхъ и предано на съѣденіе звѣрямъ и птицамъ, о которыхъ пѣснопѣвецъ, оплакивая ихъ, сказалъ: *положиша трутнія рабъ Твоихъ брашно птицамъ небеснымъ, плоти преподобныхъ Твоихъ звѣремъ земнымъ: проліяша кровь ихъ яко воду окрестъ Іерусалима, и не бѣ погребай* (Псал. 78, 2. 3.). Почему умирали лики Пророковъ и Апостоловъ, по злоумышленію беззаконныхъ претренныя плюю, усѣченныя мечемъ, побитыя камнями, когда не только не сдѣлали ничего достойнаго смерти, но еще были всегда благодѣтелями умертвившихъ? Не буду говорить о невинномъ возрастѣ младенцевъ, изъ которыхъ одни при Фараонѣ потопляемы были въ рѣчной водѣ, присужденные на сію смерть изъ опасенія, чтобы не умножилось юношество, а другіе при Иродѣ, чтобы не воспитанъ былъ въ тайнѣ подозрѣваемый имъ царь, жалкимъ образомъ убиты мечемъ, прежде нежели вкусили сладостей жизни испытавъ бо-

лѣзни смертныя. И при всемъ этомъ безмолвствовала Судія, невозбранно попустивъ своевольствовать дерзости убійць. потому что день суда назначилъ для нихъ предѣломъ воздаянїя за содѣянное, и до тѣхъ поръ оказываетъ долготерпѣніе, и преступленіе законовъ, и отвѣтственность за это, соблюдая до онаго времени. Но касаться сихъ ученій, какъ сказалъ я предварительно, не соотвѣтствуетъ ни настоящему времени, ни моимъ силамъ. Много нужно времени, и искусный потребецъ языкъ, чтобы согласить это съ правдою Божіею.

Но что теперь побуждаетъ сказать меня горе мое, то скажу; можетъ быть и для меня будетъ это легче, когда облегчится нѣсколько нестерпимое мое мученіе; потому что не могу перенести воспоминанія о томъ, что видѣлъ на самомъ дѣлѣ. Не знаю, какъ перенесъ я это, когда извѣдалъ на самомъ опытѣ, потому что всячески избѣгаю болѣзненнаго о семъ воспоминанія. Готовъ я досадовать на глаза мои, которые стали виновниками преслѣдующихъ меня образовъ, будучи принужденъ постоянно видѣть ихъ передъ собою; непрестанно ощущаю уязвляющее меня горе, — ночью въ сновидѣніяхъ, а днемъ въ помыслахъ, причиняющихъ жестокою скорбь, потому что, когда я сплю, не имѣю беспечальнаго сна, какъ многіе послѣ дневныхъ заботъ во время сна находятъ успокоеніе; и тогда смущаетъ меня представленіе совершив-

шагося, въ ясныхъ призракахъ показываесть только что убитаго и еще тренещущаго, какъ бы новымъ горемъ обновляя прежнюю скорбь.

Но для послѣдовательности, дающей удобство слову, нужно сперва описать житіе святыхъ въ этихъ мѣстахъ и сказать о жизни нападшихъ варваровъ, чтобы цѣлый составъ исторіи имѣлъ связную стройность, и не было опущено ничего такого, о чемъ необходимо знать любующимъ; потому что умолчанное огорчаетъ ревнующихъ о приобрѣтеніи свѣдѣній, равно какъ неудача въ достиженіи того, что было желательное, всегда оскорбляетъ, пока познанное неудовлетворить желанію.

СКАЗАНИЕ ТРЕТІЕ.

Правы и религія Аравитянъ; также добродѣтели и труды святыхъ пустынниковъ, подвизавшихся при горѣ Синайской.

Итакъ упомянутый выше народъ обитаетъ въ пустынь, простирающейся отъ Аравіи до Египта между Чернымъ моремъ и рѣкою Іорданомъ, не занимаясь никогда ни искусствомъ, ни торговлею, ни земледѣіемъ, но въ одномъ мечѣ находя способъ къ пропитанію. Варвары сіи,

или охотясь за пустынными животными, проводят жизнь, питаюсь мясомъ, или грабя встрѣчающихся на дорогахъ, гдѣ устрояють имъ засады, чѣмъ случится, удовлетворяють необходимой потребности. Когда же бываетъ недостатокъ въ томъ и другомъ и совершенное оскудѣніе въ необходимомъ для жизни; тогда употребляютъ въ пищу вьючныхъ животныхъ (а это одnogорбые верблюды), и ведутъ жизнь звѣрскую, питаюсь почти сырымъ мясомъ. Ибо когда для цѣлаго родства, или для живущихъ въ одной кущѣ, закалають верблюда, тогда, въ легкомъ жару на огнѣ смягчивъ жесткость мяса, чтобы безъ большаго только усилія, уступало оно терзающимъ зубамъ, ѣдятъ оное, такъ сказать, какъ псы.

Не зная Бога, ни умомъ познаваемаго, ни рукотвореннаго, поклоняются они утренней звѣздѣ, при восхожденіи ея приносятъ въ жертву лучшее изъ добычи, когда послѣ разбойническаго набѣга бываетъ у нихъ что нибудь годное для заклениа. Но стараются наипаче приносить въ жертву дѣтей, отличающихся красотой и цвѣтущимъ возрастомъ, совершая сіи жертвенныя приношенія предъ утромъ на складенныхъ въ кучу камняхъ.

Сіе-то, друзья мои, краіше меня мучить и смущасть; боюсь, чтобы и сынъ, имѣя видъ пріятный и привлекательный, симъ беззаконнымъ не оказался. по ихъ мнѣнію, пригоднымъ

для сего обычнаго имъ нечестія, и тѣло чистой души не было принесено въ жертву за нечистыхъ убійственнымъ демонамъ, ставъ искупительнымъ и очистительнымъ, какъ думаютъ они, приношеніемъ за нихъ, приобыкшихъ не щадить таковыхъ человѣческихъ жертвъ. Ибо не знаютъ они жалости къ умерщвляемымъ дѣтямъ, хотя бы тѣ стали умолять ихъ жалобнымъ голосомъ.

А когда нѣтъ на жертву дѣтей, бѣлаго цвѣтомъ и не имѣющаго недостатка верблюда, заставивъ преклонить колѣна, и протянувшись всѣ длинною цѣпью, троекратно обходятъ вокругъ лежащаго животнаго. Шествіе же сіе и пѣснь сложенную ими въ честь звѣзды предназначаетъ кто-либо или изъ царствующихъ, или изъ жрецовъ, почтенныхъ по престарѣлому возрасту. Онъ-то послѣ третьяго обхожденія, когда народъ не кончитъ еще пѣсни, и въ устахъ всѣхъ слышны заключительныя слова пѣснопѣнія. извлеки мечъ, сильно поражаетъ верблюда въ шею, и первый съ цоспѣшностію отвѣдываетъ крови, такъ подходя и прочіе, одни отрѣзываютъ ножами по малой части отъ дара даже съ волосами, другіе отсѣкаютъ и полищаютъ, какой случится, кусокъ мяса, иные же простираются до внутренностей и утробы, ничего изъ жертвы не оставляя неупотребленнымъ въ пищу, чтобы ничего не могло увидѣть возшедшее солнце; потому что не отказываются ни отъ костей,

ни отъ мозговъ, препобѣждая жесткость постоянствомъ и твердость старательностію. Таковъ-то у варваровъ законъ жизни и богослуженія. Такъ живя въ пустынѣ, переходятъ они съ мѣста на мѣсто; располагаются станомъ тамъ, гдѣ есть привольный кормъ скоту, и гдѣ можно найти обильную воду.

Но не многія мѣста въ этой пустынѣ, гдѣ тѣлесной потребности можно удовлетворить обиліемъ воды, избрали для себя проходящіе шоческую жизнь, и одни построили себѣ хижины, другіе живутъ поселясь въ подземельяхъ и пещерахъ. Не многіе пзъ нихъ, зная приготовленіе пици изъ хлѣбныхъ зеренъ, бесплодіе этой пустыни прилежаніемъ могутъ принудить къ произращенію жита, малымъ заступомъ воздѣлывая небольшое количество тощей земли, сколько нужно, чтобы прожить со скудостію. Многіе же, возлюбивъ наскоро уготовляемую и безъискусственную трапезу, употребляютъ въ пищу дико растущіе овощи и древесные плоды, и навсегда распростились съ хлопотами поваровъ и хлѣбопекровъ, чтобы, потративъ много времени на услуженіе тѣлу, не стать нерадивыми къ занятію чѣмъ-либо болѣе необходимымъ, но чистымъ умомъ трезвенно служить Богу, не обременяя помысла упоеніемъ плоти и запахомъ вареній не льстя сластолюбію чрева.

А нынѣ такъ усилилось ненасытное сластолюбіе, что и зрѣніе и обоняніе и вкусъ заставляеть

служить прихоти смѣшиваніемъ соковъ въ различные по запаху, цвѣту и качеству составы, уразноображивающіе то, что служитъ къ воспламененію сластолюбія. Для людей лакомыхъ недостаточно разности во вкусѣ и различія въ запахѣ съѣстныхъ припасовъ, если не будетъ раздражать позыва къ пожеланію пищи разнообразіе въ цвѣтѣ вареній, чтобы прежде вкушенія услаждалось зрѣніе желтымъ, бѣлымъ или водянисто-чернымъ цвѣтомъ. А чтобы услаждалось также и обоняніе, надобно примѣшивать къ вареніямъ самыя благоуханныя благовонія, и чтобы вкушасяе пріятно еще было гортани, для услажденія ея должны быть смѣшиваемы вещи разныхъ качествъ, сладкое и пряное нужно срастворять съ горькимъ (ю) и соленымъ. Но надобно и зрѣніе не лишать наслажденія. Для этого желтякъ (я), сарачинское пшено, шафранъ, молоко изъ орѣховъ и другія многія различно окрашивающія вещества живописными смѣсями приправляютъ цвѣтъ кушанья, чтобы этотъ господинъ—чрево по всему признавалъ тщательность пріуготовленія, повѣривъ сказаннымъ чувствамъ, какъ опытнымъ судіямъ, умѣющимъ хорошо оцѣнить ощущасяе имп.

Но не таковъ былъ образъ жизни упомянутыхъ выше пустынниковъ; не за удобствами

(ю) По рукописи вмѣсто *сѣфѣн* читается *сѣфѣйн*.

(я) Растеніе называсяе иначе куркума.

гнались они, и не только отказывали себѣ въ томъ, что пріятно по качеству, надъ всѣмъ, что сверхъ потребности, посмѣваясь какъ надъ напраснымъ и бесполезнымъ, но и во многомъ изъ того, чѣмъ изобилуютъ, ревность къ воздержанію простерли на самое количество, принимая пищу въ такой только мѣрѣ, чтобы не умереть вопреки волѣ Жизнодавца, и чрезъ это не понести утраты въ наградахъ за дѣланіе добраго въ жизни сей. Поэтому, одни прикасаются къ пищѣ только въ день воскресный, продолженіе всей седмицы проводя въ неяденіи, другіе избрали средній путь, предлагая трапезу дважды въ седмицу, иные же вкушаютъ пищу чрезъ день, показывая своею рачительностію, что желали бы они ни въ чемъ не имѣть нужды, и жить не вкушая пищи, но покоряются законамъ природы, едва склоняемые къ тому нуждами тѣлесными, и тогда только снисходя къ удовлетворенію сей потребности, когда дознаютъ, что жизненная сила совершенно изнемогаетъ и не въ состояніи услуживать добродѣтели въ предстоящихъ трудахъ. Ибо въ каждомъ такова ревность къ ангельскому житію, что свойству Ангеловъ, ни въ чемъ не имѣть нужды, хочеть онъ подражать тѣмъ, чтобы довольствоваться малымъ, и старается недостатокъ природы препобѣждать избыткомъ усердія.

Не въ обращеніи у нихъ *златица* Кесарева (Матѳ. 22, 19.): потому что не знаютъ ни купли,

ни продажи. Каждый даромъ доставляетъ другому нужное, и въ даръ за то получаетъ, чего недостаетъ ему. Овощи, древесные плоды и въ рѣдкость хлѣбъ взаимно удѣляются другъ другу съ щедростію, въ знакъ любви даже въ избыткѣ употребляющею то, что у кого есть; придаетъ же ей цѣну не разнообразіе вещей, но великодушіе въ расположеніи, и въ малыхъ дарахъ весьма ясно показывая богатство усердія.

Напротивъ того никогда не имѣетъ тамъ мѣста зависть, обыкновенно всего чаще слѣдующая за преслѣбніями; и кто менѣе благопсусень въ добрыхъ дѣлахъ, того не побуждаетъ къ ненависти превосходство другаго, болѣе, нежели онъ, отличающагося добрыми дѣлами, какъ и послѣдняго не надмеваетъ гордость къ превозношенію надъ первымъ, внушая высоко думать о своихъ успѣхахъ; потому что преимуществующій высоту добродѣтели, приписывая все Божіей силѣ, а не своимъ трудамъ, добровольно смиряетъ себя, какъ не самодѣтель добраго, но орудіе дѣйствующей благодати. А менѣе преслѣбній въ добродѣтели, можетъ быть по тѣлесной немощи, по неволѣ унижаетъ себя, вмѣняя безсиліе не немощи естества, а нерадѣнію воли. И такимъ образомъ одинъ предъ другимъ, и всѣ предъ всѣми, смиренны, и каждый старается имѣть преимущество не въ высокомъ о себѣ мнѣніи, но въ свѣтлости жизни. Для сего-то, бѣжавъ общ-

таемой вселенной, поселились они въ пустынь, преспѣянiя свои являя единому Богу, отъ котораго ожидаютъ дѣлающимъ награды за труды, дѣлiи же своихъ по Богу не являютъ людямъ, которыхъ похвала причиняетъ обыкновенно утрату и усердiя и наградъ, ослабляя первое высокоумiемъ, до нерадѣнiя, и умаляя послѣднiя обольщенiемъ славы. Ибо кто ищетъ челоуѣческой славы за то, что онъ дѣлаетъ, тотъ, получивъ награду, какой искалъ, лишается награды истинной, не имѣя уже права требовать себѣ иной награды кромѣ той, какую прiобрѣлъ (е). И какъ великiе труды совершилъ онъ, будучи превозмогаемъ челоуѣческою славою, то лишается славы вѣчной и истинной.

Живутъ же они не близко другъ къ другу, но довольно далеко, помѣщаясь въ келiяхъ одинъ отъ другаго въ разстоянiи двадцати и болѣе стадiй (v), не по челоуѣконенавидѣнiю, или дикости права (ибо возможно ли сiе въ людяхъ столько благорасположенныхъ другъ къ другу, какъ было о семъ сказано?), но желая въ великомъ безмолвiи прiобучить нравы свои, какъ благоугождать Богу, и стараясь безъ развлеченiя совершать собесѣдованiе свое съ Богомъ. Преусиѣтъ же въ этомъ среди многолюд-

(е) По рукописи читается сiе такъ: *ἄλλον ἀπέντι ἔχων ἐυλόγως ἀπαιτέιν, παρόν ἐκιδρόσαστο.*

(v) Около 3½ верстъ.

ства и народнаго стеченія или трудно, или и невозможно; потому что шумъ окружающихъ отвлекаетъ помысль отъ напряженной внимательности, заставляетъ останавливаться, надъ чѣмъ не должно, а отъ того, къ чему приобучилъ кто себя долговременнымъ навыкомъ, отвлекаться болѣе пріятнымъ, нежели полезнымъ.

Но въ воскресные дни собираются они въ одну церковь, сближаясь другъ съ другомъ черезъ недѣлю, чтобы совершенное также разлученіе со временемъ не пресѣкло единомыслія, постепенно приводя въ забвеніе взаимныхъ обязанностей другъ къ другу; потому что продолжительное одиночество дѣлаетъ обыкновенно нравъ дикимъ, долговременною привычкою отучая отъ общительности и единенія любви. Посему вмѣстѣ приобщаются они божественныхъ тайнъ, услаждаютъ другъ друга упражненіемъ въ приличныхъ бесѣдахъ, умащаютъ одинъ другаго нравственными совѣтами.

Въ нихъ-то особенно имѣетъ нужду для своихъ подвиговъ доблестная жизнь, для которой необходимо приводить въ извѣстность сокровенныя козни сопотвнниковъ, чтобы не уловлены были ими иные, не знающіе хитраго способа сей брани. Ибо кому недостаетъ самаго вещества для приведенія чего-либо въ дѣло, въ тѣхъ и грѣхъ не приходитъ въ дѣйственность, и вся брань совершается въ мысли. Здѣсь и смерть

постигаетъ скоро и непримѣтно, даже тѣмъ, которые видятъ одну виѣшность, не можетъ быть засвидѣтельствована, какъ состоящая въ согласіи только произволенія.

Посему упражнявшіеся въ подвигѣ, руководя неопытныхъ и едва начинающихъ бореніе, совѣтуютъ воздержаніемъ противостать страсти чревоугодія; потому что страсть сія нападаетъ на душу, раздражая бѣшеное неистовство похотливости, испытывая силы едва вступившихъ на поприще, устоятъ ли на ономъ, незыблемо утвердивъ колѣна свои, и крѣпко ли они ополчены, и не могутъ ли скоро отдаться въ руки сопротивникамъ. Ибо кто преданъ сластолюбію, тотъ скоро пренобѣждается и связуется сладострастіемъ, преодолѣніемъ себя въ меньшемъ обѣщая большее паденіе. И въ разсужденіи сего-то проходящимъ еще дѣтскіе подвиги подають совѣты старѣйшіе предъ ними, и по продолжительности времени и по долговременной борьбѣ содѣлавшіеся опытными въ подвижничествѣ, и ясно узнавшіе, какъ разрѣшаются таковыя узы сопротивныхъ.

И сіи совершеннѣйшіе, какъ себѣ самимъ, такъ и другъ другу, воспрещаютъ тщеславіе и гордость, совѣтуя остерегаться ихъ, какъ подводныхъ близъ пристани камней, которые, послѣ великихъ трудовъ въ плаваніи и послѣ борьбы съ волнами, подвергаютъ послѣдней и гибельной опасности не потерпѣвшихъ крушенія среди

треволненія страстей и при обуреваніи нечистыми помыслами. Ибо застигаемые бурей въ моряхъ, по причинѣ одна за другою катящихся волнъ и бушеванія вѣтровъ, боясь близкихъ опасностей, принуждены бывають бодрствовать и трезвиться, но иногда около самой пристани, гдѣ нѣтъ уже волненія, по безопасности ослабѣвъ помысломъ, сокрушаются о сокрытыя мелн, при самомъ устьѣ пристанища теряя вдругъ всю куплю, не погубленную среди морскихъ обуреваній. Такъ и тѣ, которые не уступали прираженіямъ искушеній, но въ подвигахъ и терпѣніи миновали ихъ невредимо, нерѣдко, послѣ побѣды; или смѣло положившись на снисканное искусство въ преспѣваніяхъ, или по высокоумію превознесшись нѣсколько надъ другими, повидимому, болѣе нерадивыми, подобно борцамъ у самыхъ вѣнцевъ и наградъ падаютъ такимъ паденіемъ, послѣ котораго невозможно востать и поправиться, или подобно пловцамъ, по совершеніи онаго дальняго и страшнаго плаванія, теряющимъ грузъ, вдругъ безвременно губятъ съ усиленіемъ мало по малу добытое богатство и по причинѣ сей утраты, подпадаютъ укоризнамъ за нерадѣніе.

Но какъ тщеславіе справедливо лишаетъ наградъ за дѣла, и самое дѣланіе содѣлываетъ бесполезнымъ для трудящихся: такъ гордость вмѣстѣ съ утратою приносить и великую опасность въ самомнѣніи, отвергая, что Богъ — по-

мошникъ во всемъ добромъ, и себѣ приписывая силу преспѣянiя въ добрѣ. Посему такъ говорить о нихъ Пророкъ: *собираяи мзды, собира во влагалнице дираво* (Агг. 1, 6.); едва вложенныя онѣ уже выпадаютъ, не оставаясь на долго во влагалницѣ, но скоро проходя по оному; потому что отверстiе, въ которое выпадаютъ, гораздо шире принимающаго въ себя влагаемое. Таково тщеславiе; у него прiобрѣтению сопутствуетъ потеря, во время самаго дѣла грубостию расположенiя уничтожаетъ оно дѣлаемое. О гордыхъ же говорить приточникъ: *Господь гордымъ противится* (Притч. 2, 34.), отвергнутого противопоставляя непрiязненнымъ врагомъ отвергающихъ. Посему отшельники, представляя себѣ гражданъ этой пустыни, Моисея и Илю, поучаются ихъ некичливости, признавая справедливымъ подражать добродѣтели тѣхъ, въ чьей обитають странѣ. Ибо и Моисея не привело въ высокоумiе величiе власти, и Илю не надмало до высокоумiя чудо при жертвоприношенiи; но, всегда сохраняя тотже образъ мыслей, не измѣнялись они съ перемѣною обстоятельствъ.

Въ сей пустынѣ Моисей, избѣгая египетскихъ козней, и пася овецъ Иоворовыхъ, содѣлался зрителемъ чуднаго видѣнiя, дознавъ тогда, что вѣтви купины крѣпче всепоядающаго огня, и видѣвъ, какъ трава зеленѣетъ среди пламени, а въ послѣдствii предводительствуя народомъ, на сей же горѣ сталъ онъ законодателемъ тогда

іудейскаго только, а нынѣ и всякаго, народа ; потому что благодать по естественному средству простерлась на весь челоѣческій родъ, и уставы житія, хотя нѣкогда, до уясненія своего, оставались сокрытыми подъ спудомъ буквы, бывъ поставлены на свѣщникѣ, возсіяли для всѣхъ.

А Илія пришелъ сюда, спасаясь бѣгствомъ отъ Іезавели. И уснувъ на этой землѣ, когда всталъ, нашелъ ячменный хлѣбъ и *чванецъ воды* (3 Цар. 19, 6.) ; и жилъ въ этой пещерѣ, прикрывая тѣло милотію, симъ древнимъ одѣяніемъ предковъ, и увидѣлъ здѣсь Бога въ *хладъ тонколъ* (12.), и услышалъ гласъ, возвѣщающій, чему опредѣлено быть.

Но послѣднимъ и первымъ признакомъ твердости и терпѣнія сихъ пустынниковъ служить то, что проводятъ они жизнь въ той пустынѣ, въ которой Израильтяне, проходя только оную, возроптали, питаюсь готовою съ неба божественною пищею, и жалуясь на сію трапезу, а также не перенесли сорокодневнаго отсутствія своего вождя, и не умѣли, какъ должно, управить полномочіемъ свободы, но вскорѣ отпали и худо воспользовались безначаліемъ, предавшись нечестію. Но сіи пустынники, терпя недостатокъ въ необходимомъ, во всякое время любомудрствуютъ въ пустынѣ, сами себѣ служа учителями благочестія.

СКАЗАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Внезапное нашествіе варваровъ , избіеніе нѣсколь-
кихъ святыхъ яноковъ; плѣненіе Θεодула, сѣтова-
ніе святаго Пила въ уединеніи и утѣшвленіе его.

Но между тѣмъ, какъ отшельники сіи, въ та-
комъ расположеніи духа, усердно служатъ Богу;
внезапно, сверхъ чаяніа подобно бурѣ, напада-
етъ на нихъ откуда-то варварская дружина ; и
въ глубокое утро сіи незаконные устремляются
на богочестивыхъ , едва только окончившихъ
священныя пѣснопѣнія. Случилось , что и я съ
сыномъ былъ тамъ же, сошедши съ святой горы
посѣтитъ жившихъ при купинѣ святыхъ , какъ
привыкъ сіе дѣлать издавна. Варвары, подобно
бѣшенымъ псамъ ворвавшись и крича что-то
непонятное, собирая все, что было заготовлено
для пропитанія въ зиму (ибо монахи сушатъ и
сберегаютъ на такую потребность древесные
плоды, которые годны въ пищу, и могутъ долго
сохраняться), и насъ самихъ заставивъ носить
это, выводятъ изъ церкви. И тѣхъ, которые
старѣе годами, совлеки съ нихъ платье, на-
гихъ ставятъ въ рядъ для убіенія, потомъ, окру-
живъ ихъ съ яростію и искоса бросая на нихъ
огненные взгляды, извлекаютъ мечи.

Сперва приказываютъ протянуть шею іерею святаго мѣста, и стоявшіе около него, которыхъ было двое, наносятъ ему мечами удары, не оба вдругъ, но одинъ за другимъ, съ той и съ другой стороны, поразивъ въ затылокъ. Іерей не произнесъ жалобы на боль, не показавъ смущенія въ лицѣ, не обнаружилъ и слѣда страданія, но только положилъ на себя крестное знаменіе, и тихо произнесъ устами: благословенъ Господь! Первый ударъ, отъ затылка прошедши чрезъ ухо, достигъ до челюсти; а второй отъ плеча простерся до груди. И такимъ образомъ блаженный, тихо восколебавшись, палъ въ благопристойномъ видѣ, умерщвляемый и обнаженный не показавъ въ себѣ ничего неприличнаго; какая-то пріятность процвѣтала въ его тѣлѣ и прикрывала неблагообразіе наготы. Сіе-то святыи только что съ вечера пророчески далъ знать и дѣломъ и словомъ, когда бывшимъ за вечернею трапезою съ необычною для него ласковостію сказалъ: почему знать, соберетъ ли всѣхъ насъ во едино, хотя еще разъ до смерти, это пиршество, эта трапеза?

Потомъ берутъ и умерщвляютъ жившаго вмѣстѣ съ старцемъ, дряхлаго также по лѣтамъ и крайне обветшавшаго отъ подвижническихъ трудовъ. Въ слѣдъ за тѣмъ умерщвляютъ и прислуживавшаго обопмъ отрока, и именно такимъ образомъ. Одинъ изъ варваровъ велѣлъ ему собрать разсыпавшіеся древесные плоды, отрокъ

въ угожденіе приказавшему садится на землю, тщательно набиваетъ пазуху, сгребая руками лежащіе передъ нимъ плоды, какъ было ему велѣно, всѣми мѣрами показывая стараніе угождать, какъ способный къ услугамъ, и думая, что, оказавшись рачительнымъ, пскупитъ тѣмъ жизнь. Но нимаго не помогло ему это. Не смягчилъ онъ варварской жестокости и не привелъ въ кротость, которая далека была отъ естественнаго варварскаго помысла; другої, стоявшій позади, тайно извлекъ мечъ изъ ноженъ. Отрокъ, или слыша, какъ извлекаемъ былъ мечъ, или предчувствуя готовящееся ему убіеніе, какъ испуганный шумомъ, обращаетъ при этомъ нѣсколько смущенное страхомъ лице, но стоящій передъ нимъ еще болѣе устрашаетъ его варварскимъ крикомъ и блуждающими взорами, и тогда варваръ съ великою силою вонзаетъ въ ключицу мечъ, прошедшій прямо отъ поддерживающей печень связки до груди; и отрокъ прежде нежели мечъ извлеченъ былъ обратно, лежитъ уже мертвымъ; или отъ страха умеръ онъ, или, такъ какъ ударъ былъ смертеленъ, то, прежде нежели ощутилъ онъ смерть, душа немедленно исторглась изъ тѣлесныхъ сосудовъ, и разрѣшилась отъ узъ, изъ которыхъ съ трудомъ исходитъ, будучи связана съ тѣломъ крѣпкими узамн.

Остальныхъ же насъ, не знаю по какому побужденію, гонять, давая знакъ рукою, чтобы

мы бѣжали, въ рукахъ же держать еще окровавленные мечи. И пные, поспѣшая достигнуть горы, побѣжали ущельями, а на самую гору не всходятъ, держась той мысли, что стоялъ на ней нѣкогда Богъ, и вѣщалъ съ нея народу.

Но я оставался безмолвнымъ въ спльномъ затрудненіи, связуемый нѣжною любовію къ сыну, не имѣлъ силъ удалиться, не думалъ и о спасеніи своемъ, удерживаемый узами естества, пока сынъ не сталъ мнѣ дѣлать знаковъ глазами, побуждая уйдти, чѣмъ едва и заставилъ удалиться. Ноги мои шли впередъ, за ними, не знаю какъ, слѣдовало все тѣло; но сердце не хотѣло идти, заставляя часто обращать лице къ отроку; не имѣлъ я силъ остановить взоръ на себѣ самомъ, не продолженіемъ пути занимался, но съ жалостію обращалъ взоры назадъ. Такъ однако же достигъ я до горы, слѣдуя за шедшими впередъ, и съ высоты смотрѣлъ, какъ вводили бѣднаго сына, и какъ онъ, не смѣя глядѣть свободно, украдкой отъ вводившихъ обращалъ ко мнѣ (а) скрытныя взоры.

Таковы узы естества, не расторгаются они при разлукѣ тѣлесной, но скрѣпляются еще сильнѣе. Когда душа не имѣетъ близъ себя любимаго, тогда въ отсутствіи (б) еще болѣе влечется къ нему, и всецѣло имъ занимаетъ память,

(а) По рукописи вмѣсто *ὡς ἐμὲ* читается. *εἰς ἐμὲ*.

(б) По рук. вмѣсто *ἐπιθυμία* читается: *ἀπόστα*.

не имѣя при себѣ того, что могло бы удовлетворить вождельнію. А какъ велика скорбь и какъ жестоко мученіе разлучаемыхъ такимъ образомъ, знаютъ извѣдавшіе это опытомъ: не испытавшіе же пусть научатся сему изъ примѣра безсловесныхъ, въ которыхъ безъ науки вложено естественное непреодолимое чувство сострадательности у дѣтей къ родившимъ и у родившихъ къ дѣтямъ, и оно въ родившихъ къ дѣтямъ при разлученіи съ ними разными признаками и явными страданіями изобличаетъ (в) нѣжную привязанность. Такъ уводимая крава болѣзненно и не умолкая мычитъ, часто оборачиваясь къ увлекаемому отъ нея телцу, и глазами выражаетъ (г), какъ велико ея страданіе. Поелику природа для безсловесныхъ не имѣла другаго орудія, которымъ бы обозначалось ощущаемое ими страданіе; то однимъ глазамъ присвоила способность служить знаками печали, и сдѣлала, что потушенные глаза какъ бы вопіютъ о томъ состояніи, которое сдѣлать извѣстнымъ нѣтъ другой возможности. А увлекаемый телець, не даваясь уводящимъ его насильно, иногда, какъ къ священному убѣжищу, прибѣгаетъ къ матернимъ сосцамъ, и поелику не можетъ обнять ихъ руками, то держится за нихъ пока ртомъ, а иногда кружится около матери, и порывистыми

(в) По рукописи вмѣсто *ἐλέγχοντα* читается *ἐλέγχουσα*.

(г) И здѣсь по рукоп. читается *δείλνυσα*, а не *βοῦσα*.

скачками сказываетъ о своей пуждѣ, потому что лишень дара слова, которое могло бы объяснить страданіе жалобами.

Но не знаю какъ, явившись на верху горы, потому что помысль не сопутствовалъ уводимо-му, и занятъ былъ только бѣдствіемъ сына, вотъ не вижу болѣе и его, сокрытаго отъ взора великимъ разстояніемъ, и не зная, что съ нимъ дѣлается, обращаю слова свои, какъ и естественно, къ Богу, оплакивая плѣнь сына и сѣ-туя объ избѣнныхъ святыхъ, и говорю: гдѣ же теперь труды воздержанія вашего, блаженные и трєблаженные? гдѣ злостраданія терпѣнія? Ужели этотъ вѣнецъ пріяли вы за великій подвигъ? эта награда уготована была вамъ за долговременное подвижничество? Ужели напрасно было теченіе ваше путемъ правды? тщетно трудились вы о добродѣтели? И когда готовилось вамъ убіеніе, безпомощными оставилъ васъ божественный Промысль, убійцамъ не воспротивилось правосудіе, беззаконная рука возымѣла силу надъ преподобными тѣлами, и нечестіе величается побѣдою надъ благочестіемъ, кичась, безъ сомнѣнія, тѣмъ, что восторжествовало надъ истинною! Почему купина не воспыкала древнимъ пламенемъ? Почему не погнала приближавшихся злодѣевъ? Почему не поглотила ихъ разступившись земля, какъ нѣкогда вмѣстѣ съ кущами и со всѣмъ родствомъ пожрала весь сонмъ Кореевъ? Почему умолкли чудныя страхованія

горы Синай, и не поразили незаконныхъ гласомъ громовъ, непроницаемостію мрака и блистаніями молній? Напротивъ того, въ бездѣйствіи оставалась отмщающая сила, не наказала обидчиковъ необычайными громами и пламеншками, не спасла обиженныхъ мощною рукою, чтобы варвары, извѣдавъ на опытѣ чудо, дознали безпримѣрное могущество непреодолимой силы. При самой купинѣ и горѣ законоположенія пали сіи благочестивые, подобно бессловеснымъ жертвамъ, и не оказано имъ помощи. Гдѣ была сила, потопившая нѣкогда Египтянъ и глубину морскую содѣлавшая для нихъ гробомъ? Гдѣ была сила, каменнымъ градомъ избившая нѣкогда иноплемениковъ, которые вступили въ войну съ Израильтянами, и народу своему даровавшая побѣду безъ труда и кровопролитія? Гдѣ была эта сила, которая и въ другій еще разъ, когда враги вторглись въ святую землю, ввергла ихъ въ умозступленіе, такъ что обратили оружіе свое другъ противъ друга, не разумѣли, что избиваютъ въ ослѣпленіи одинъ другаго, и въ убитыхъ не признавали своихъ? Куда сокрыла она помощь свою, не укрывъ впадшихъ въ руки злоумышленныхъ? Но хотя обуздывала прежде свирѣпую ярость львовъ и неодолимую силу огня на ввергаемыхъ, уваживъ досточтимостъ житія, и громогласно провозвѣстивъ благочестіе отроковъ, однако же добродѣтель этихъ мужей содѣлала какъ бы сомнительною, лишивъ ихъ вся-

кой помощи и наводя тѣмъ на мысль, будто бы недостойны были попеченія о нихъ.

Но все это говорили горестъ и печаль, которыя и старающихся сохранить цѣломудріе ума доводятъ бѣдствіями до ропота. И сіе извинительно въ состояніи мучительнаго страданія, которое опечаленнаго и препобѣждаемаго, можетъ быть, великостію злочленій заставляеть говорить многое и противъ воли.

Божія же помощь нерѣдко оставляетъ и праведныхъ, предавая ихъ мучителямъ на претерпѣніе разныхъ пестязаній и неправеднаго убіенія, чтобы явнымъ содѣлалось благоискусное мужество подвигающихся, и просіяла свѣтоносная сила вѣры, до смерти не ослабѣвшая въ своемъ дерзновеніи, но всецѣло страданіемъ пренобѣдлившая неистовство мучителей. Какъ оставшіеся не хотятъ удалиться изъ пустыни, неблагоустроенной жизни въ городахъ предпочитая лучше смерть, такъ и скончавшимся лучшимъ казалось умереть, нежели терпѣть пороки, господствующіе въ обитаемой вселенной. Ибо знали они, что смерть душевная тяжелѣе смерти тѣлесной, и умереть въ грѣхѣ опаснѣе, нежели умереть отъ меча; одна смерть подвергаетъ малому и кратковременному страданію, а другая продолжительному и непрестанному мученію.

Когда же варвары, и многихъ другихъ убивъ и ограбивъ въ пустынѣ, ушли на довольное разстояніе, а наконецъ и ночь дозволила намъ не-

боязненно выдти изъ горъ, сошли мы, и занялись погребеніемъ тѣлъ. И прочихъ находимъ давно уже умершими, а святой старецъ еще дышалъ, и могъ съ нуждою говорить. Съвѣ около него и оплакивая постигшее насъ, такъ провели мы цѣлую ночь, и старецъ увѣщавалъ насъ не смущаться такими пскушеніями. Сатанѣ обычно, говорилъ онъ, спрашивать у Бога, кого бы подвергнуть искушеніямъ. Ибо сколькихъ умервилъ онъ у Іова, погубивъ кого огнемъ, кого мечемъ, а кого паденіемъ дома? Но васъ да не приводитъ въ колебаніе все это, продолжалъ старецъ. Ибо Подвигоположникъ знаетъ, по какому суду предаетъ подвижниковъ противнику, уготовавъ свѣтлыя награды и воздаянія благодушно приѣмлющимъ удары. И каковы сіи воздаянія, показываетъ великій Іовъ, который все, что, по видимому, утратилъ, получилъ въ сугубой, лучше же сказать, въ гораздо большей и несравненно превосходнѣйшей мѣрѣ. Ибо *яже око не видѣ, ухо не слыша, и на сердце чело-вѣку не въздоша* (1 Кор. 2, 9.), — все это, превышающее и подвиги благочестія, и чувство, и умъ, уготовалъ Богъ подвижающимся ради Его. Такъ и подобало великодаровитому Богу, воздаяніями превзойти труды и вѣнцами препобѣдить подвиги, даровать подвижникамъ то, на что не было и надежды, чего и получить не чаяли, чтобы и должную награду воздать, и воздаяніе сіе, по превосходству оного, содѣлать

даромъ благодати.—Сіе говорилъ онъ, и лобызаль окружающихъ его, пока доставало у него силъ говорить и двигать языкъ. Потомъ онъ скончался, и мы со слезами его, и вмѣстѣ съ нимъ и другихъ, предали землѣ.

Потомъ, такъ какъ тма позволяла еще совершать путь скрытно, успѣлъ я придти и къ вамъ. Двое изъ убіенныхъ именовались Павломъ и Иоанномъ, а пресвитеръ — Θεодуломъ, скончались же сіи почившіе въ седьмой день по Богоявленіи, то есть на четырнадцатый января мѣсяца. А людямъ благоговѣйнымъ, безъ сомнѣнія, любопытно знать и время и имена, особливо желающимъ участвовать въ празнованіи дня памяти святыхъ. Были же убиты и другіе за много лѣтъ прежде сего, и ихъ память, по дальности пути и ради множества собирающихся, совершается въ этотъ же день.

СКАЗАНИЕ ПЯТОЕ.

Юноша, плѣненный вмѣстѣ съ Θεодуломъ, спасшись бѣгствомъ, приходитъ къ бесѣдовавшему съ друзьями Цилу, подробно рассказываетъ ему о горестномъ изыиеніи многихъ святыхъ, и извѣщаетъ, что варвары положили на слѣдующее утро принести Θεодула въ жертву утренней звѣздѣ.

Еще продолжали мы разговоръ этотъ, какъ извѣщаютъ, что спасся нѣкто изъ варварскаго стана, и вскорѣ приходитъ къ намъ спасшійся; не исчезли еще на лицѣ его слѣды страха, не могъ еще онъ успокоить въ себѣ душевнаго смятенія, тяжело дышалъ, по причинѣ скорой ходьбы и отъ внутренняго безпокойства, смущаемый мыслию, что преслѣдующіе близко, и немедленно наступнутъ. Потомъ на вопросъ, какъ онъ убѣжалъ, отвѣчаетъ: варвары, разговаривая за ужиномъ, объявили, что меня и сына твоего на утро принесутъ въ жертву звѣздѣ: они соорудили и жертвенникъ, наложили дровъ, хотя мы не знали объ этомъ; мнѣ же о семъ тайно сказалъ одинъ изъ плѣненныхъ съ нами, который понимаетъ ихъ языкъ: а я о намѣреніи варваровъ извѣстилъ и сына твоего, ска-

завъ, что, если не спасемся бѣгствомъ, то на-
 утро солнце не живыхъ уже озаритъ насъ, и
 лучей свѣта его не увидимъ этими глазами. Но
 онъ, боясь быть пойманнымъ, остался и ска-
 залъ, что Божіей воли, какова бы ни была она,
 неизбѣжишь, даже и въ неприступномъ скрываясь
 убѣжищѣ. Я же во тмѣ, когда увидѣлъ, что всѣ
 погрузились въ глубокой сонъ (были же они
 весьма пѣаны), сначала поползъ, какъ можно
 ближе припадая къ землѣ, чтобы, если и про-
 будится кто, не была ему замѣтна выдающаяся
 тѣнь моего тѣла. Потомъ, удалившись нѣсколь-
 ко отъ стана, пустился бѣгомъ, направляясь къ
 здѣшнимъ мѣстамъ, и быстро несясь на кры-
 лахъ страха, а между тѣмъ разсуждая самъ съ
 собою, что, или спасусь бѣгствомъ отъ опре-
 дѣленной мнѣ ими однажды смерти, или, будучи
 пойманъ, потерплю не болѣе, какъ ту же при-
 сужденную (д) мнѣ смерть. Притомъ и незвѣ-
 стность надежды предпочтительнѣе дознанной
 смерти; и если какой опасности невозможно ми-
 новать, оставшись, то есть еще вѣроятность,
 что избѣжишь оной, ввѣривъ спасеніе помощи
 погъ; пбо зналъ я, что многіе нерѣдко скорѣе
 находили помощь въ погахъ, нежели въ тыся-
 чахъ предстательствъ; потому что у погъ бо-
 лѣе заботы о собственномъ своемъ спасеніи, не-

(д) Въ рукописи предъ словомъ *βεβουλευμένου* ить отрицатель-
 ной частицы *ὄυ*.

жели у другихъ, и что постигнетъ цѣлое тѣло, то ноги признають общимъ и для себя (е). Поэтому вотъ не обманулся я въ своемъ рассужденіи, и ногами, которымъ послѣ Бога ввѣрилъ себя, спасенъ, и теперь передъ вами, какъ видите, не потерпѣвъ ничего худаго.

Но еще передъ глазами у меня страшный примѣръ варварской жестокости, и теперь содрогаюсь отъ незаконныхъ ихъ поступковъ, и ужаса исполняютъ меня ихъ дерзости. Ибо господина моего и съ нимъ градоначальника, окончившихъ дѣла службы и возвращавшихся домой, варвары, схвативъ въ пустынь, повлекли къ себѣ со всѣмъ, что у нихъ было; и градоначальника, оказавшаго сопротивленіе, со всѣми его домашними изрубилъ въ куски; а господина моего вмѣстѣ съ сыномъ, который, какъ знаете, еще малолѣтень, увели съ собою. Когда же солнце стало приближаться къ горизонту на западѣ, ставятъ они шатры, гдѣ застигъ ихъ вечеръ. Изъ взятой у насъ добычи устроивъ великій пиръ, приглашаютъ къ ужину съ ними и господина моего съ сыномъ, приказывая быть благодушными и нисколько не бояться ничего: потому что, какъ говорили варвары, здоровымъ и невредимымъ и съ сыномъ возвратится онъ домой, такъ какъ для выкупа двухъ душъ доста-

(е) Последней рѣчи, начиная съ словъ *потому что у ногъ*, въ рукописи не читается

точно другихъ. Черезъ нѣсколько времени, по-видимому, стали они исполнять обѣщаніе, дозволяя идти имъ домой, и для этого запастись водою и взять на дорогу хлѣбовъ, чтобы не подозрѣвали они какого-либо ухищренія; потому что снабженіе дорожными припасами всего убѣдительноѣе обольщало надеждою жизни; и притворство казалось дѣйствительною попечительностію; варварская хитрость не возбуждала ни малаго подозрѣнія въ злоумышленіи. Даже посылають для безопасности пути съ ними проводниками двухъ молодыхъ людей; и имъ-то тайно даютъ приказъ, когда отойдутъ нѣсколько отъ стана, умертвить сопровождаемыхъ. Итакъ проводники, по сказанному, напавъ, прежде отца закаляютъ сына, чтобы и зрѣлищемъ убійства и испытаніемъ смерти усугубить его страданіе (ж), а вскорѣ умерщвляютъ и отца, нанеся ему многія раны, между тѣмъ какъ онъ громкимъ голосомъ жаловался на ихъ невѣрность и злокозненность. Ибо слышалъ я, какъ сынъ жалобно плакалъ, отецъ же вопіялъ отъ боли, при каждомъ ударѣ болѣзненно стоналъ, и звуками своего голоса давалъ возможность измѣрять мучительность наносимыхъ ранъ.

(ж) По рукописи вмѣсто *την τιμορίαν* читается *την δδύνην*.
Сверхъ того выше после слова *проводники* дополняется речью словами снѣжные спасители и защитники, какъ следовало бы отъ другихъ нападающихъ, вдругъ сами, сверхъ чаянія дѣлаются убійцами, и напавъ и проч.

Такъ, обманутый добрыми обѣщаніями, подвергся онъ жалкой гибели. Ибо по бѣдственной участи другихъ должно было ему гадать и о своей. Невозможно уже было избѣжать смерти; но несносно претерпѣть смерть тому, кто прежде былъ обнадеженъ. Неожиданное зло постигнувъ конечно возмущаетъ, ожидаемое же, найдши помысль готовымъ къ испытанію, и бѣдствіе дѣлаетъ легчайшимъ, какъ неоднократно уже занимавшее собою мысли и неизумляющее своимъ явленіемъ уготовившагося къ нему. Варвары вечеромъ во время ужина, за которымъ такъ щедро предлагали питія моему господину, желая потѣшить себя обычною и любимою для нихъ шуткою (убійство и замышленная смерть челоуѣка для нихъ забава), посылаютъ чашу съ питіемъ одному изъ слугъ его (другаго его слугу уже убили): онъ же едва съ принужденіемъ могъ принять; потому что пожеланіе отъ страха умерло въ немъ прежде тѣла, однако же убоившись принялъ, и когда сталъ пить, обнаружилъ принужденіе, усиленіемъ при глотаніи показывая, что дѣлаетъ это противъ воли, потому что не безмолвной гортани передавали питіе уста, но что наполняло скулы, то черезъ горло, какъ черезъ негладкій ровъ, съ клокотаніемъ, при каждомъ глоткѣ, едва пропускала гортань, какъ омертвѣвшая и неспособная уже, по обычаю, пересылать далѣе влитое и останавливающееся въ ней питіе. Послѣ этого варвары по-

сылають юношу убить этого слугу; ибо поручаютъ убивать молодымъ людямъ, изъ дѣтства приучая ихъ къ жестокости. Этотъ юноша съ неистовствомъ приступаетъ къ дѣлу подлинно звѣрскому, удовольствіе свое выражая смѣхомъ. И напавъ на лежащаго слугу, поражаетъ его сперва въ позвоночную кость, по упорству кости дѣлая малую рану; потомъ извлекши оттуда мечъ, пронзаетъ имъ слугу отъ одного бока до другаго, и снова ударивъ въ прежнюю рану, прискакивая повертываетъ въ рукѣ мечъ, потрясая имъ въ воздухѣ. Пораженный долго бился отъ боли, и стеною обливался кровію, наконецъ согнувшись, приклонивъ голову къ чреву, и ноги загнувъ на голову же, какъ бы съ намѣреніемъ перевернувшись встать, перекатился къ лежавшей вблизи кучѣ горячихъ угольевъ, но, какъ и естественно, почувствовавъ боль отъ огня, по необходимости и ногами и руками началъ сильно биться, на подобіе рыбы, стараясь приподнять припекаемую огнемъ часть тѣла. Но будучи не въ состояніи оказать себѣ помощь, потому что съ истекшею кровію истощились силы, изнемогъ и умеръ, терпя сугубое мученіе и отъ меча и отъ огня.

На другой день послѣ этого происшествія, продолжая путь, какъ въ пустынь, не по прямой дорогѣ, но какъ случится, встрѣчающимися препятствіями принуждаемые идти то здѣсь, то тамъ, обходя горы и утесы, переправляясь чрезъ

непротоптаные и неудобопроходимые овраги, видять въ дальнемъ разстояніи мѣсто слегка зеленѣющее, и по растущей травѣ заключая, что оно удобно для пристанища, или даже думая, что живетъ тамъ кто нибудь изъ монашествующихъ, туда обращаютъ путь, какъ изъ моря направляясь къ пристани, дѣлають его цѣлю для выючныхъ животныхъ. Пришедши же находятъ, что мѣсто сіе не хуже ихъ предположенія, и не обмануло надежды обольстительной мечтою. Вода была тамъ въ обиліи, прежде вкушенія увеселяла взоръ чистотою, а поднесенная къ устамъ показывала, что услажденіе зрѣнія мало въ сравненіи съ пріятностію вкуса; росла тамъ и трава, годная въ пищу животнымъ. Посему, снявъ выюки съ верблюдовъ, пускають ихъ свободно пастись. Сами бѣгутъ къ водѣ, пьютъ, купаются, моются, не зная даже, на что и употребить такое обиліе воды.

Ликуя же при водѣ и славя источникъ, видять при подошвѣ горы слѣдъ малой хижины; и всѣ бѣгутъ къ ней, не переводя дыханія, усиливаясь обогнать другъ друга, и приблизившись, разсыпаются вокругъ пещеры. Было же тутъ построено зданіе изъ немногихъ камней, чтобы широкое отверстіе пещеры не доставляло удобнаго входа звѣрямъ. Потомъ варвары, въ небольшомъ числѣ, одинъ по одному, входятъ въ пещеру (многихъ она и не вмѣстила бы), и выводятъ мужа досточестнаго по вѣду и внутрен-

нему состоянію. Влекли его силою; но онъ не смутился, не поблѣднѣлъ, не показалъ и не произнесъ ничего малодушнаго и унылаго (з). Распростерши его на одномъ камнѣ, такъ какъ съ ними мечей не было, убиваютъ камнями (и), смѣясь и распѣвая пѣсни.

Потомъ, перейдя небольшое пространство, схватываютъ другаго, юношу, блѣднаго, истомленнаго, носящаго на лицѣ слѣды своего житія; и его также предають смерти, употребивъ уже въ дѣло мечъ, между тѣмъ юноша возносить благодарственные гласы, и имъ свидѣтельствуеть свою признательность, что изводятъ его изъ жизни крѣпко смлющимся за добродѣтель; ибо, какъ говорилъ онъ, немало боялся я неизвѣстности конца, боялся, чтобы поползновеніе воли, или виѣшняя какая необходимость, не превратили рѣшимости моего произволенія, убѣдивъ, или приневоливъ оное, принять другой образъ мыслей, противный тому, какой угоденъ Богу.

Отсюда отошли они не много, и вотъ открывается одно покрытое зеленою мѣсто, придавала же ему такой видъ древесная растительность. И къ нему устремляютъ свой бѣгъ варвары, снова состязаясь другъ съ другомъ въ быстротѣ ногъ. Приблизившись, нашли они малую хижину, и въ ней юношу, который муже-

(з) Последнія слова дополнены по рукописи.

(и) Слово: *камнями* читается по рукописи.

ствомъ и великодушiемъ самыхъ варваровъ приводитъ въ удивленiе; потому что не соглашается указать имъ скрытые монастыри и чрезъ это спастись, по данному ему обѣщанiю, что оставить его въ покоѣ, если укажетъ; не хочетъ также выдти изъ жилища, снять съ себя одежду, говоря, что указать тѣхъ, которые могутъ скрыться, есть предательство, и вообще послушаться принуждающихъ, къ чему бы то ни было, означаетъ малодушiе и недостатокъ мужества. Ибо отъ подвижниковъ требуется великодушiе (i), и не позволительно для нихъ уступать страху, хотя бы угроза, повидимому, представляла не малую опасность; потому что привычка дѣлается путемъ къ важнѣйшему, и робость, однажды научившись овладѣвать человекомъ, повелѣваетъ ему пренебрегать и великия блага, и научаетъ измѣнить самому благочестiю, какъ скоро страхъ бѣдствiй найдетъ волю покорившеюся уже боязни. Если теперь легко откажусь отъ самообладанiя разсудка и отъ свободы, убоявшись, что скоро предадутъ меня смерти; то буду ли въ силахъ, при предстоящихъ поруганiяхъ и угрожающихъ истязанiяхъ, не вдаться въ нечестiе, приучивъ себя небоязненное предпочитать полезному? Поэтому отказавшись успѣть, въ чемъ надѣетесь, не медля дѣлайте, что угодно вамъ; а я ни мѣсть, гдѣ живутъ боголюбцы,

(i) По рукописи читается *τὸ μεγαλόψυχον δέον*.

хотя и знаю, не укажу, и за дверь, по вашему приказанію, не выду, и одежды съ себя не сло- жу, и никто, пока есть во мнѣ чувство, и гос- подствъ я своего произволенія, не увидитъ меня нагимъ, и не посмотритъ на тѣло, котораго до нынѣ не видали и моп даже глаза. По смерти моей, съ безчувственнымъ уже тѣломъ пусть дѣласть каждый все, что ни будетъ ему угодно. Это послужитъ къ осужденію жестокости такъ поступившихъ (к), а не моей воли, какъ усту- пившей надъ собою побѣду. Ибо произвольно страданіе безчувственнаго, который не можетъ, и не обязанъ, противиться, когда разумъ уже въ бездѣйствіи; неодоушевленное, конечно, без- чувственно и непричастно страданію, а что не- причастно страданію, то, по общему признанію, свободно и отъ обвиненія въ томъ, что страж- деть, какъ равно лишенное власти страдать, или не страдать (л). Поэтому умру внутри моей хижины и въ одеждѣ, какъ рѣшился; ничего не сдѣлаю вопреки моей волѣ, заставленный на- сильно какъ невольникъ. На этомъ поприщѣ, на которомъ подвизался, и смерть прииму; эта хи- жина будетъ мнѣ гробомъ, она принимала преж- де поты трудовъ добродѣтеля, она и теперь приметъ кровь доблестнаго подвига. — Не вы-

(к) Рѣчь сія дополнена по рукописи.

(л) Сей рѣчь, начиная съ словъ: *ибо произвольно не чи- тается по рукописи.*

несли злодѣя такой дерзновенной рѣчи; раздражившись благородствомъ его мыслей, и ставъ какъ бѣшеные, умерщвляютъ его, нанеся столько ранъ, сколько могло помѣстить на себѣ тѣло: потому что каждый, желая излить на него ярость свою, не почиталъ достаточнымъ отмщеніемъ ударъ предупредившихъ его, если самъ не удовлетворить своему негодованію, собственною своею рукою погрузивъ въ него мечъ. Такъ многіе, нанеши ударъ сему великодушному подвижнику уже мертвому, а не живому, удалялись потомъ, содрогаясь отъ ярости, что для большаго мщенія недостасть уже мучимаго тѣла.

Послѣ сего встрѣчаются намъ въ пустынѣ три путешественника, и она-то успокоили нѣсколько пламенѣющей еще гнѣвъ варваровъ, давъ на себѣ выполнить недостатокъ неистовства, излитаго на прежнемъ страдальцѣ. Какъ дикіе звѣри или ловчіе псы, когда добыча покажется только и убѣжитъ, сею неудачею возбуждаются къ большому неистовству, и что встрѣтятся вновь, преслѣдуютъ съ большимъ рвеніемъ, чтобы осторожностію во второмъ случаѣ поправить оплошность (м) въ первомъ дѣлѣ: такъ и сіи убійцы, кинувшись на показавшихся путниковъ, и прежде нежели подошли къ нимъ, извлекши мечи, немедленно умертвили приблизившихся, напавъ на нихъ съ такою жестокостію, съ ка-

(м) По рукописи вмѣсто *σχολήν* читается *χλ.υήν*.

кою приняли бы, встрѣтивъ снова, раздражившаго ихъ.

Не вложивъ еще мечей въ ножны, но держа ихъ въ рукахъ, обнаженные и обогранные горячею и издающею отъ себя паръ кровью, съ того мѣста, на которое пришли, видятъ два стоящіе монастыря, не прямо на дорогѣ, но въ сторонѣ по ту и другую руку въ разстояніи одинъ отъ другаго стадій тридцати, а отъ того мѣста, гдѣ мы были, стадій пятнадцати, каждый же отъ насъ, какъ отъ средоточія на окружности описаннаго круга, отстоялъ въ равной мѣрѣ. Поэтому, раздѣлившись на двѣ половины, пошли въ тотъ и другой монастырь, добычу, какая была собрана, вмѣстѣ съ выючными животными оставивъ на мѣстѣ. И въ монастырѣ, стоящемъ къ югу, что происходило, и кто былъ убитъ, не могъ я узнать. Когда же приближались мы къ монастырю на сѣверной сторонѣ, и были отъ него недалеко; одинъ изъ иноковъ, услышавъ во время сильнаго бѣга звѣнящія въ колчанахъ стрѣлы, предался бѣгству, но варвары, натянувъ луки, пронзаютъ его многими стрѣлами. Потомъ, настигнувъ упавшаго внизъ лицомъ, не оставляютъ его умереть отъ полученныхъ уже ранъ, хотя и прежнихъ язвъ достаточно было для этого; но еще дышущаго и борющагося со смертію, повернувъ лицомъ вверхъ, разсѣкаютъ отъ подбородка до груди; и какъ онъ при семъ разсѣченіи вздохнулъ, внутрен-

ности и все примыкавшее съ обѣихъ сторонъ къ ребрамъ переворачиваютъ копьями, и не прежде уходятъ, какъ растерзавъ все это.

Послѣ этого я убѣждалъ, какъ сказалъ о семь (н) предварительно. Что потерпѣлъ сынъ твой оставшись не знаю; а я оставилъ его живымъ, немѣющимъ доброй надежды, что будетъ живъ, по причинѣ слуха объ уготовляемой ему смерти.

СКАЗАНИЕ ШЕСТОЕ.

Св. Нилъ, опечаленный вѣстною объ опасности Феодула, находить для себя ободреніе въ примѣрѣ великодушнѣйшей жены — матери умерщвленнаго варварами юноши, мужественная кончина котораго описана въ предыдущемъ сказаніи. Жители Фарана отправляютъ пословъ къ царю варваровъ съ жалобою на недавній ихъ набѣгъ; между тѣмъ Нилъ съ братіею погребаетъ тѣла убитыхъ святыхъ, а по возвращеніи пословъ, самъ отправляется отыскивать сына, попадаетъ въ плѣнъ къ варварамъ, но скоро возвращаетъ себя свободу, наконецъ получаетъ извѣстіе, что сынъ живъ, и находитъ его въ Елузѣ.

Выслушавъ это, и имѣя въ памяти ночное видѣніе (а во снѣ читалъ я письмо, только что

(н) По рукописи слова: *ταῖς πράξεσις* вовсе не читаются

врученное мнѣ однимъ изъ знакомыхъ, на котормъ, прежде нежели сталъ развертывать, увидѣлъ надпись: по Богъ господину и отцу моему блаженный Θεодуль), чего не претерпѣлъ я душею, если только во мнѣ еще была душа? Сердце разрывалось у меня, терзались внутренности, ослабѣли силы, однимъ словомъ, всѣ члены истаявали, когда услышалъ я вѣсть, согласную съ свидѣніемъ и недававшую болѣе мѣста недоумѣнію, или сомнѣнію, въ догадкѣ о кончинѣ сына, достоверно подтвержденной двумя свидѣтельствами. И какъ оглушенный громомъ внезапно сразившихся тучъ, не плакалъ уже я и не сѣтовалъ, но неуклонно смотрѣлъ на принесшаго вѣсть неподвижнымъ взоромъ; потому что внутренняя сила, управляющая вѣками, оцѣпенѣвъ совершенно, пребывала въ бездѣйствіи, оставивъ мертвыми чувствамища, которыми править съ прирожденнымъ ей искусствомъ, и которая такая чрезвычайная скорбь дѣлаетъ неподвижными и безчувственными камнями, и слезную влажность сгущаетъ впазу дебелостию дыханія, препятствуя ей входить въ глаза (о).

(о) По рукописи вся послѣдняя рѣчь и съ словъ: *двумя свидѣтельствами* читается кратко такъ: разумно сонъ и плаканія спасался; почему пропалъ у меня послѣ этого голось, и нечего я ни плакать, ни сѣтовать, а только смотрѣлъ на вѣстника.

И едва вывела меня изъ этого оцѣпененія, по Божію промышленію, одна женщина, жительница тамошнихъ мѣстъ; умерщвленный юноша былъ ея сынъ (ибо имѣвшие возможность скрыться отъ варваровъ объявили имена скончавшихся). Какъ скоро узнала она, что сынъ ея убитъ и мужественно подвизался противъ убійць, самымъ дѣломъ доказала родство свое съ нимъ, явившись подлинно настоящею его матерью. Ибо, одѣвшись въ свѣтлую одежду, и принявъ вполне веселый видъ, воздѣла руки къ небу, въ такихъ словахъ взывая къ Спасителю Богу: Тебѣ, Владыка, принесла я въ даръ сына, и Ты спасъ его отъ нынѣ и до вѣка; Тебѣ ввѣрила я юношу, и подлинно сохранилъ Ты его цѣлымъ и невредимымъ. Ибо не думаю ни о томъ, что онъ умеръ, ни о томъ, какъ отрѣшился отъ жизни, по имѣю въ виду то, что избѣгъ онъ испытанія всякаго грѣха. Помышляю не о томъ, что изъязвлено тѣло его, и горькую претерпѣлъ онъ кончину, но о томъ, что чистою и непорочною принесъ туда душу, неоскверненнымъ передалъ духъ свой въ руки Твои. По нанесеннымъ ударамъ вычисляю награды, по этимъ язвамъ измѣряю вѣщцы. О если бы тѣло твое, сынъ мой, вмѣстило на себѣ еще больше язвъ, чтобы и награды тебѣ были бѣльшія! Симъ воздаешь ты мнѣ за мое чревопошеніе, симъ вознаграждаешь меня за болѣзнь рожденія; симъ чувствуешь меня за матернія попеченія о тебѣ.

Въ равной мѣрѣ раздѣляешь со мною подвижническіе труды, потому что у насъ обоихъ трудъ общій. Ты боролся, а я несу на себѣ язвы этой борьбы; ты подвизался, а я соуслаждаюсь твоимъ подвигомъ; ты противосталъ ярости варваровъ, а я вела брань съ самовластіемъ естества; ты пренебрегъ смерть, а я пересилила чувства матерней любви; ты терпѣливо перенесъ болѣзни насильственной смерти, а я съ терпѣніемъ сношу мученіе терзаемой внутренности. И мои страданія равны твоимъ, и никакъ не меньше ихъ. Ты препобѣждаешь меня мучительностію страданія, а я преимуществую продолжительностію времени; крайне болѣзненна была смерть для тебя, но на одинъ часъ, а я буду влачить долговременную скорбь. И если любознѣствуя переносу ее тихо, то не потому, что не чувствую страданія, но потому что силою одерживаю верхъ надъ болью. Чувствую, какъ расторгаются узлы моей внутренности, терзаются пѣдра утробы, но цѣломудреннымъ помысломъ сдерживаю возбуждающіяся во мнѣ страданія. Да и какая польза въ безумномъ плачѣ, который не освободитъ уже отъ того, что пронзило? Поэтому не подражала я плотскимъ матерямъ, которыя въ малодушіи возмущаются подобными бѣдствіями; не соревновала тѣмъ, которыя, родивъ тѣло, помышляютъ объ этой одной жизни: онѣ не знаютъ жизни будущей, ужасною и тяжкою почитаютъ разлуку съ любимыми въ

жизни настоящей. Не раздирала я на себѣ одежды, не била руками въ обнаженную грудь, не рвала волосъ, не искажала лица ногтями, будучи увѣрена, что живешь ты у Бога негибнущею жизнью (п), а вскорѣ и я найду тамъ упокоителя моеи старости, когда, такъ или иначе, сокрушится этотъ скудельный сосудъ, и перейду въ этотъ вѣкъ (р) я, блаженная изъ матерей, представившая Богу такового подвижника, блаженная и трекратно блаженная: потому что подлинно смѣю уже похвалиться, когда отшелъ ты, за котораго я боялась, чтобы зависть не учинила тебѣ чего-либо для меня жестокаго, злоумысливъ къ душевной для тебя опасности. Но иди, сынъ мой, иди въ прекрасный путь, иди! И патриарху Аврааму, если сравню себя съ нимъ, не уступлю я первенства; не соглашусь занять второе по немъ мѣсто; потому что съ готовностію безстрастно, по Божию повелѣнію, приносилъ онъ въ жертву сына, но неизвѣстно, остался ли бы безстрастнымъ по всесоженію, потому что и другіе многіе, при совершеніи дѣла сохранившіе твердость духа, по совершеніи предавались печали, сожалѣніемъ избличая немощь природы; а я теперь мужаюсь, и болѣзненную унылость премѣняю въ благодущіе. Другихъ протекающее

(п) По рукописи предыдущая рѣчь, начинаясь словами и *если лобо мудрствуй*, читается кратко: и перечесу ее тихо, лобомудрствуй и твердъ зная, что живешь ты у Бога и проч.

(р) Слова *перейду въ этотъ вѣкъ* доп. ссы по рукописи.

время оказываетъ уступающими надъ собою побѣду страданію, своею продолжительностію истощивъ по немногу силы терпѣнія; когда память, обновляя скорбное чувство, даетъ разсудку время свободно взвѣсить мучительность страданія. Ибо трудно и крайне неудобно на долгое время сохранять правое сужденіе нимаю не измѣняемымъ; потому что разсудокъ по свободѣ своей легко уклоняется въ противныя прежнимъ мнѣнія. И я оплакивала нѣкогда вдовство свое, какъ безпомощная, скорбѣла о томъ, что лишена попечительности отца твоего. А теперь о чемъ мнѣ плакать, о чемъ сѣтовать, имѣя въ тебѣ такового предстателя предъ Богомъ, который можетъ оттолѣ защитить меня въ бѣдствіяхъ, и богато препитать мою старость, со властію почерпая изъ вѣчныхъ источниковъ милостей, и щедро изливая на меня даже въ большемъ обиліи, нежели какъ могъ бы, будучи еще живъ и обладая царскими сокровищами. Въ царскихъ сокровищницахъ полагается все определенною мѣрою, и что взято изъ нихъ, того уже нѣтъ; а сокровищницы небесныя, сколько ни дождятъ, источаемые дары (с) никогда въ нихъ не оскудѣваютъ.

(с) По рукописи послѣдняя часть сей молитвы не читается, заканчивается же она такъ: а блаженная изъ матерей представившая Богу такого подвижника; и еще скажу блаженная, потому что смю уже похвалиться; такъ какъ ты о Христѣ разрышился, и съ Цимъ будешь, приобщаясь некогдаемыхъ утѣхъ.

Послѣ сихъ словъ стыдно мнѣ стало, что такъ малодушно ослабѣлъ я, скорбя о сынѣ. И поелику оказалось, что женщина превосходитъ меня мужествомъ; то стыдился я окружающихъ, ей дивился, а надъ собой смѣялся, принявъ въ укоризну себѣ слова этой доблестной жены, и сравнивъ свое неразуміе съ ея цѣломудріемъ. Ибо, признавая прежде справедливымъ жаловаться Богу на то, что претерпѣлъ, при этомъ позналъ свое прегрѣшеніе, когда примѣромъ жены наученъ, что прираженіе всякаго несчастія удо-бносимо. Совѣсть огорченная тѣмъ, что, по мнѣнію ея, не выносимо, часто возбуждается къ благодушію трезвенностию претерпѣвающаго что-либо равное, не уступать безъ борьбы страданію научившись у одержавшаго безъ труда (т) надъ нимъ верхъ.

Итакъ, по совѣту живущихъ въ Фаранѣ, послѣ слышанныхъ извѣстій, разсуждено не молчать о варварскихъ злодѣйствахъ, но сдѣлать сіе извѣстнымъ царю варваровъ. И посылаютъ двоихъ, такъ называемыхъ у нихъ, скороходовъ съ жалобою на нарушеніе заключенныхъ договоровъ. Для потребъ же этихъ служатъ юноши не много старѣе вышедшихъ изъ отроческаго возраста, у которыхъ недавно стала расти борода; берутъ они съ собою луки, стрѣлы, копья, огни-

(т) По рукописи, начиная съ словъ: *ибо признавая прежде* и *сдѣлать*. Вся рѣчь сія не читается.

вы, и больше ничего, а это бываетъ для нихъ полезно для поддержанія жизни во время пути, и иное служитъ къ тому, чтобы уловить что нибудь въ пищу, а иное, чтобы добыть огня и испечь; дровъ же и хвороста большее обиліе на всякомъ мѣстѣ, потому что въ пустынѣ некому рубить себѣ лѣсъ на дрова.

Пока ходили посланные, отправились мы для погребенія тѣлъ. Пришли и находимъ, что умерщвленные лежатъ уже пятый день, но не терпѣли ничего такого, чему обыкновенно подвергается многодневный мертвецъ, не имѣли ни запаха, ни гнилости, не тронуты плотоядными птицами и хищными звѣрями, которыя обыкновенно искажаютъ мертвыя тѣла. А что столько времени лежали тѣла, свидѣтельствовалъ о семъ слуга Магадона, — такъ было имя сенатору убитому варварами. Найдены же: Проклъ въ Вио-рамвѣ, Ипатій въ Геѣ, Исаакъ въ обители Салаилъ (у), Макарій и Маркъ, убитые во вѣшней пустынѣ, Вениаминъ внѣ Елима, Евсевій въ Оулѣ и Илія въ Азѣ. Изъ сихъ двоихъ одинъ, какъ нашли мы, хотя имѣлъ много ранъ, но былъ еще живъ; и его перенеся положили мы въ келіи, а сами возвратились для погребенія прочихъ тѣлъ; но пришедши къ нему назадъ, не застали уже живымъ, а нашли мертвымъ и лежащимъ у водоноса. Конечно, томимый жаж-

(у) Слова въ Гсвѣ, Псалмѣ — дополнены по рукописи

дою отъ воспаления ранъ, когда паишлся, упалъ онъ на колѣна, склонясь лицомъ къ землѣ; въ такомъ положеніи скончавшагося оставила его душа. Поэтому и его, какъ и прочихъ, предавъ погребенію, пошли узнать, какое извѣстіе получено отъ повелителя (Ф) варваровъ.

И только что входили мы въ Фаранъ, какъ явились отъ него посланные съ письмами, которыми подтверждался миръ, и повелѣвалось идти къ нему обиженнымъ, особливо же родственникамъ тѣхъ плѣнныхъ, которые остались еще въ живыхъ. А если кто пожелаетъ и за умерщвленныхъ искать удовлетворенія, то повелитель сказалъ, что готовъ виновныхъ выдать для наказанія, и всю добычу обѣщалъ возвратить ограбленнымъ; потому что не желательно ему, какъ объявлено, расторгать союзъ мира, но пріятенъ заключенный съ ними договоръ къ обоюдной пользѣ; потому что немалую приносятъ выгоду взаимная торговля, когда при скудости необходимаго нуждамъ однихъ помогаетъ обиліе другихъ.

Посему, приготовивъ дары и назначивъ пословъ для возобновленія нарушеннаго мира, на слѣдующій день отправляютъ и ихъ и меня, съ доброю надеждою отходящаго въ путь.

Въ осьмой день нашего путешествія (а весь

(Ф) Вместо τῆ δρομίων по рукописи читается τῆ ἐκδρομίας.

путь совершался двѣнадцать дней) оказался у насъ недостатокъ въ водѣ, и терпѣли мы великую нужду отъ жажды; чаяли уже себѣ смерти, всегда угрожающей во время недостатковъ. Хорошо знавшіе мѣстность говорили, что есть гдѣ-то по близости источникъ, и это ободряло многихъ истомленныхъ, ожиданіемъ будущаго врача настоящаго зло; потому что мечтательная надежда подкрѣпляетъ не меньше дѣйствительности, въ совершенномъ отчаяніи питая упавшія силы (х) и поддерживая рукою надежды. Поэтому многіе побѣжали впередъ остальной толпы, поспѣшая прежде найдти искомое, и желая безпрепятственно насладиться тѣмъ, въ чемъ чувствовали нужду. Каждый стремился въ ту сторону, куда вела его надежда успѣха. Издали, окинувъ глазами всю мѣстность, напряженнымъ взоромъ производили подробное ея изслѣдованіе, какъ бы что нибудь сокрытое отыскивая при свѣтильникѣ ока. Медленно шель и я за бѣгущими впередъ, иной можетъ быть сказать: потому что, по старческой немощи, не имѣлъ возможности достигъ болѣе крѣпкихъ, но я признаюсь; потому что не хотѣлъ неблаговидною поступкою при скорости бѣга оскорбить важность моего званія. Силъ же было у меня не менѣе того, сколько требовала нужда, кото-

(х) Начиная съ словъ: *потому что мечтательная* по итальянскому рукописи не читается.

рая можетъ и сверхъ силъ подвигнуть тѣло, понуждая ускорять стремленіе даже и противъ обычая. На дорогѣ у меня передъ самымъ лицомъ находился источникъ, но былъ невидимъ, закрываемый холмомъ, возвышавшимся между имъ и мною. Отставъ отъ разсѣвающихся непрестанно въ ту и другую сторону, подвигался впередъ, держась средняго между ними направленія и гадая, что, здѣсь или тамъ (ц) сдѣлано будетъ открытіе, не въ большемъ разстояніи буду и я находиться.

Но поднявшись вверхъ, когда миновалъ я хребетъ холмовъ, первый увидѣлъ и источникъ и разсыпавшихся около него во множествѣ варваровъ (ч). Встрѣтивъ передъ собою немилосердыхъ враговъ, не былъ я ни смущенъ неожиданностію, ни объятъ сильною боязнію, но, находясь между страхомъ и радостию, успокоивалъ себя размышленіемъ о такой встрѣчѣ, и говорилъ самъ себѣ: или найду у нихъ сына, и охотно останусь съ нимъ въ рабствѣ, наслаждаясь лицезрѣніемъ любимаго, и тяготу рабства облегчая пріятностію сего лицезрѣнія, или буду убитъ, и въ этомъ найду конецъ терзающей меня печали. Варвары, бросившись кучею, прибѣжали ко мнѣ, и схвативъ меня, отъ задумчивости стоявшаго какъ бы въ онѣмени, повлекли

(ц) По рукописи читается: *αἷς ἕτε ἐρθεν, ἐκ' ἐκείθεν ἐνρῖσιως.*

(ч) По рукописи: *βαρβάρους πολλὰς.*

безжалостно. Шедшіе же со мною для отысканія воды, увидѣвъ враговъ, когда сами не были еще ими видимы, тихо воротившись назадъ, съ поспѣшностію совершали незамѣтное отступленіе: приклонясь къ землѣ и ползя какъ пресмыкающіяся, прикрыли тѣмъ бѣгство. А я, котораго визали (ш), рвали, волокли (пбо какихъ не-носныхъ страданій не вытерпѣлъ я при этомъ?), вмѣнялъ это ни во что, и терзаемый не чувствовалъ, что со мною дѣлается, но весь умъ мой занятъ былъ отыскиваніемъ сына; его стараясь найдти, озирая все очами, которыя всякое подобіе принимали за самую дѣйствительность, часто изъ тѣни, по желанію своему, составляли внѣ себя облики. Ибо что умъ представляетъ въ воображеніи, то мечтательно думаетъ видѣть глазами, всему придавая тотъ обликъ, который занимаетъ его собою по приверженности къ искомому (щ).

Не много прошло времени, пока сіе происходило, и вотъ прибыли вооруженные изъ нашего полка, и появившись на верху холма, произвели большее смятеніе въ варваряхъ. Ибо, какъ скоро данъ знакъ о прибытіи ихъ, ни одного изъ варваровъ не осталось на мѣстѣ, но все простран-

(ш) Сие дополнено по рукописи

(щ) Последняя рѣчь, начинающаяся словами *которыя вслѣдъ подобіе* и проч. въ рукописи замѣняется краткимъ выраженіемъ: *взирая всюду, не увижу ли гдѣ вознуженнаго.*

ство, не задолго до сего наполненное людьми, вдругъ сдѣлалось пустымъ. Каждый, поспѣвая спастись, предався бѣгству, не успѣвъ ничего захватить съ собою, и торопился бѣжать, какъ бы гонимый паническимъ страхомъ. При появленіи нашихъ, послѣ прежней небоязненности, напала на нихъ такая робость, что не оборачивали глазъ на погоню изъ опасенія быть схваченными, думая, что враги неотступно слѣдуютъ за ними, извлекли мечи, нѣкоторыхъ бьютъ, многихъ умертвили, и шумъ, какой сами производили, приписывали нашествію противниковъ, пока значительное разстояніе, какое перебѣжали, не позволило имъ перевести нѣсколько духъ, и не придало смѣлости оглянуться и посмотрѣть на преслѣдующихъ. Такъ страхъ заставляетъ почитать предметы большими, дѣлаетъ, что представляются они въ огромнѣйшемъ видѣ, нежели каковы дѣйствительно; потому что боязнь преувеличиваетъ вещи сверхъ того, что онѣ сами въ себѣ.

Поэтому варвары бѣжали одни, оставивъ все, что было при нихъ; пришедшіе на ихъ мѣсто изъ найденнаго извлекли большую пользу (ъ), и остатокъ дня пробыли на семъ мѣстѣ. Потомъ, въ слѣдующій день отправясь въ путь и четыре

(1) По рукописи читается такъ: *ἐκείνοι μὲν οὐκ οὐτ' ἔφυγον, μόνοι πάντες ὅσην εἶχον ἀποσκευὴν καταλείποντες, δὲ παραγενόμενη δὲ πολλὴν ἀπὸ τῶν εὐρεθέντων καρποσάμενη τὴν ωφέλειαν, τὸ ληπὸν τῆς ἡμέρας αὐτοῖσι δὲ ἦγον.* Ἔτι τὴν εἰς δόξιν ἀρξάμενοι κ. τ. λ.

еще дня проведя въ путешествіи, пришли мы въ станъ, и послы, давъ о семъ знать, позваны были для представленія Амману ; — такъ было имя царю варваровъ. Поднесши ему дары, получили отъ него благосклонный отвѣтъ, заняли шатерь близъ шатра его, и пользовались великимъ благорасположеніемъ, пока, по тщательному дознанію, не приведено было въ извѣстность похищенное во время нашествія. И ими сдѣлано это было въ короткое время.

А у меня сильно трепетало сердце, при всякой вѣсти приходилъ я въ ужасъ. Во всякомъ, отъ чего бы то ни было, стукъ, слышалъ, казалось, тихій говоръ о томъ, что занимало меня. и уши приготовлены (ы) были къ звукамъ извѣстныхъ словъ, и умъ ждалъ ихъ какъ вѣстниковъ, смотря, что возвѣстятъ, жизнь или смерть сына. Ибо кто имѣетъ нерѣшительное свѣдѣніе о томъ, чѣмъ занять, и колеблется сомнѣніемъ, тотъ, ни на чемъ не останавливаясь, приводится въ волненіе всякимъ представленіемъ, пока ясное обнаруженіе истины не положитъ конца нерѣшительности недоумѣнія, и кружащуюся мысль не приведетъ въ безмолвіе (ъ).

Когда же приходили ко мнѣ не совѣмъ съ свѣтлыми лицами, поникшіе взоры ихъ принимая признакомъ нерадостнаго извѣстія, говорилъ

(ы) По рукописи вмѣсто *ἐντροπή* читается *ἐντροπή*.

(ъ) По рукописи не читаются слова *ибо кто имлетъ* и проч.

я: не имѣете нужды и въ словахъ, самый видъ вашъ извѣщаетъ (ѳ) меня о бѣдствіи, прежде языка вопіеть о страданіи, предвѣщая наружностію, что̀ будетъ сказано словомъ. Не обмануть меня обольстительныя оговорки, не перехитрятъ близкіе къ вѣроятности рассказы. Вами придуманъ, можетъ быть, приличный предлогъ къ моему утѣшенію, благовидною ложью прикрыта на время горечь истины (э). Но я не обращаю вниманія на слова, которыя могутъ обманчиво принимать на себя видъ вѣроятности, но въ лицѣ вижу душевное страданіе, потому что лице образъ души, ясно выражающій внутреннее ея расположеніе, и не искусственная личина, которая наружно показываетъ обыкновенно инныя черты, а не сокрытыя въ глубинѣ души. Слово, при свободномъ произношеніи, можетъ, когда захочетъ, и печальное передать весело, придавая звукамъ, какой угодно образъ, подобно безобразной блудницѣ, которая природный видъ искусственно прикрываетъ изысканными украшеніями, и дѣйствительную наружность преобразуетъ вводящими въ обманъ красками. Но лице не въ состояніи долго скрывать душевныя страданія; оно дѣлается неподкупнымъ доносщикомъ о скрываемомъ въ тайнѣ, своими явными измѣне-

(ѳ) По рукописи слово *συμπόματα* не читается, а вмѣсто *διηγήται* читается *ἐπαγγέλλει*

(э) Слова *вами придуманъ* и *пр* не читаются по рукописи.

нiями обличая тайное расположенiе, и не можетъ принужденною улыбкою пересилить печаль; какъ и зеркалу невозможно веселымъ и цвѣтущимъ показать лице, уныло потупленное, потому что оно отражаетъ въ себѣ обыкновенно то самое, что выражаетъ собою смотрящiйся (ю). Поэтому, или не притворно, какъ прошу, скажите истину, или знайте, что вы, какъ говорилъ я теперь, сказали уже это. Что пользы на малое время успокоить печальнаго ложнымъ утѣшенiемъ, а въ послѣдствiи огорчить еще больше, когда откроется, что истина дѣйствительно печальна?

Поэтому, хотя увѣряли меня многими клятвами, что сынъ не умеръ, но проданъ кому-то изъ живущихъ въ городѣ Елузѣ, и живетъ тамъ, совѣтовали самому туда идти, и говорили, что найду тамъ сына, однако же и симъ не уврачевали моей печали, хотя и облегчили ее нѣсколько. Чтожь, если и живъ, разсуждалъ я, и этотъ наибольшiй страхъ о смерти его прекращень? все же онъ проданъ, живетъ въ рабствѣ, не имѣетъ воли проводить время вмѣстѣ со мною. Необходимость, поставляющая препятствiя стремленiямъ произволенiя и свободу въ

(ю) Начиная съ словъ *и не искусственная личина*, по рукописи вся послѣдующая рѣчь замѣняется такъ подобно зеркалу; потому что и оно не можетъ показать веселымъ лице, уныло потупленное и исполненное грусти.

своихъ рѣшеніяхъ ограничивающая чужею волею, и самое удовольствіе (я) дѣлаетъ не вовсе чистымъ ; потому что душѣ, что и естественно, желательно величаться самовластіемъ ; что ей по мысли, наслаждаться тѣмъ безпрепятственно, какъ ей угодно, и ни какъ не поработаться (ѳ), когда приневоливаютъ къ тому, что не ею избрано.

Однако же я напоследокъ отправился въ объявленный городъ съ двумя, какихъ дали мнѣ, путеводителями, и на дорогѣ встрѣтился намъ одинъ юноша, слѣдовавшій за навьюченными животными. Онъ видѣлъ меня въ станѣ, и подробно зналъ мои обстоятельства. Бывши же въ Елузѣ и узнавъ безъ сомнѣнія рассказываемое о сынѣ моемъ, какъ былъ онъ плѣненъ варварами, сообщилъ ему извѣстіе обо мнѣ, и взявъ у него письмо, какъ благую вѣсть, несъ отъ него ко мнѣ. Увидѣвъ же меня издали, началъ онъ подходить ко мнѣ улыбаясь ; а я смотрѣлъ на него не какъ на человѣка, о которомъ ничего не хранилось въ памяти, и котораго черты при первой встрѣчѣ вовсе не извѣстны. И онъ, приблизившись ко мнѣ, не какъ незнакомый, заговариваетъ со мною съ свѣтлымъ лицомъ ; протянувъ правую руку, загибаетъ ее назадъ, и ручную кисть оперши на плечо, концами пер-

(я) По рукописи вмѣсто: *тѣмъ дѣломъ* читается: *тѣмъ дѣломъ*.

(ѳ) Слова *потому что душа* и пр. по рукописи не читаются.

стовъ вытаскиваетъ изъ кошана письмо, по-
 даетъ его мнѣ, и сообщаетъ добрую вѣсть, что
 сынъ живъ, совѣтуя быть мнѣ благодушнымъ и
 не думать, что для него, какъ для раба, невоз-
 можно и надѣяться чего-либо хорошаго ; пото-
 му что купившій его есть священникъ божес-
 твенныхъ Христовыхъ тайнъ, да и сынъ, какъ
 говорятъ, посвященъ уже въ священный чинъ,
 и ввѣрена ему пока низшая должность церковно-
 служителей, но по рачительности подаютъ онъ
 великія надежды къ скорому повышенію, въ ко-
 роткое время показавъ много опытовъ добро-
 дѣтели, и всѣхъ убѣдилъ быть такого о немъ
 мнѣнія, приведя ихъ къ тому добротою нравовъ.
 Я, какъ человекъ неимущій и безпріютный, на-
 градилъ вѣстника словами благожеланія, и мо-
 лилъ Бога подать ему многія блага въ жизни,
 потому что не было у меня, чѣмъ заплатить
 ему за добрую услугу, Богу же предоставилъ
 устроить все Своимъ промысломъ, и Ему со
 слезами воздалъ благодареніе за неожиданную
 радость, какъ положившему начало прекраще-
 нію, по человѣческимъ соображеніямъ, непрео-
 долимаго бѣдствія и возвращенію намъ прежняго
 благоденствія.

А какъ скоро пришелъ я въ городъ, прежде
 всего взыскалъ святаго храма, какъ вины благъ,
 и воздалъ подобающую ему честь, оросивъ полъ
 его слезами, и плачевными воплями наполнивъ
 Божіе святилище. Оттуда же, когда указали мнѣ

дорогу, пошелъ къ дому, гдѣ жилъ сынъ мой, въ предшествіи многихъ, старавшихся приходъ мой предварить добрыми вѣстями; потому что всѣ, по распространившемуся напередъ слуху, знали, что я возбудившій много о себѣ толковъ отецъ проданнаго у нихъ. И не было ни одного, кто наружностію своею не показывалъ бы признаковъ радости. Всякій же, смотря на меня, какъ на роднаго, котораго отчаялся и видѣть, веселымъ лицомъ и скача показывалъ, что радѣляетъ со мною радость. Поэтому, когда приближались мы къ дверямъ, многіе вызвавъ сына и сказавъ, что я пришелъ, выводятъ его ко мнѣ навстрѣчу.

Увидѣвъ же другъ друга, и я и онъ нимало не показали удовольствія; но оба плакали, слезами омочивъ лица а равно и хитоны на грудяхъ. И онъ подбѣжалъ ко мнѣ, не совсѣмъ узнавая меня, потому что по длиннымъ на головѣ волосахъ и грязной одеждѣ не легко могъ я быть узнанъ. Однако же, повѣривъ болѣе извѣстившимъ его, нежели, какъ слѣдовало, глазамъ своимъ, шелъ онъ съ распростертыми руками, въ полной готовности броситься на грудь мою. А я и въ толпѣ народа узналъ его тотчасъ; потому что черты лица его были тѣже, и ясно впечатлѣлись во мнѣ непрестаннымъ о немъ памятованіемъ. Не удержавъ порывовъ радости, внезапно утратилъ я всѣ силы тѣла, и упавъ лежалъ на землѣ, не говоря ни слова; многіе

почли меня мертвымъ ; потому что и прежде въ печали своей ни чѣмъ не отличался я отъ мертваго, но кромѣ зрѣнія и дыханія былъ совершенный мертвецъ. Поэтому сынъ, обхвативъ меня крѣпко и сжавъ въ объятіяхъ, едва могъ вывести изъ безчувствія и довести до того, что узналъ я, кто я, гдѣ нахожусь, и кого вижу своими глазами. Послѣ этого и я, взаимно обхвативъ и облобызавъ его, воздавалъ ему такими же крѣпкими объятіями, безъ сытости удовлетворяя давнему желанію.

Потомъ, когда возвратилась у меня способность говорить, сталъ я извиняться и увѣрять, что виновникомъ всѣхъ бѣдствій, какія испыталъ онъ, былъ я, который вывелъ его изъ отечества, и заставилъ жить въ странѣ подверженной непрестаннымъ грабежамъ. И сказанное мною было справедливо. Ибо испыталъ ли бы когда что-либо непріятное, живя тамъ, гдѣ родился и воспитанъ, въ такой странѣ, которая отсюду ограждена миромъ и ни откуда не боится подобныхъ козней? Да погибнуть думающіе, что назначенное судьбою неизбѣжно, и утверждающіе, что какая-то необходимость вѣдетъ страждущихъ къ предопредѣленному.

Наконецъ сталъ я просить, чтобы сынъ рассказалъ, что потерпѣлъ во время пребыванія у варваровъ ; потому что не горько уже извѣщать о миновавшемъ испытаніи. Какъ послѣ болѣзни здравіе, послѣ язвъ врачеваніе, веселятъ,

а не печалить: такъ разсказъ о горестномъ со-
бытіи, по избавленіи отъ него, доставляетъ не-
мало удовольствія, и можетъ быть столько же,
испытаніе сего причиняло болѣзни.

СКАЗАНИЕ СЕДЬМОЕ.

Феодуль разсказываетъ св. Пилу, почему не былъ
принесенъ въ жертву варварами, какъ проданъ ими
и перешелъ въ Елuzu. Епископъ Елзузы рукопола-
гаетъ св. Пилу во пресвитера, желаетъ его съ
сыномъ оставить у себя, и когда собрались они
идти въ монастырь, снабжаетъ всѣмъ на дорогу.

Сынъ, глубоко и тяжело вздохнувъ и напол-
нивъ глаза слезами, сказалъ: какая, родитель,
польза отъ воспоминаія горестей? Такое на-
поминаніе растравляетъ обыкновенно язвы стра-
давшаго. Если подобный разсказъ плѣняетъ своею
занимательностію слухъ посторонняго слушате-
ля, доставляя ему пріятность чужими страдані-
ями; то испытаннаго оныя не дѣлаетъ свобод-
нымъ отъ болѣзненнаго ощущенія минувшей скор-
би, возбуждая оное почти въ равной съ преж-
нимъ мѣрѣ, и какъ бы производя прикоснове-

ніемъ боль въ болячкѣ, когда она не совсѣмъ еще заживлена. Но поелику знаю, что не перестанешь беспокоиться, пока не узнаешь, что знать тебѣ желательно, потому что въ необычайности моего спасенія ищешь повода къ славословію и пріобыкъ пѣснословить Бога за полученныя отъ Него благодѣянія; то слушай съ мужественнымъ духомъ, чтобы тебѣ, по отеческому сердоболію сострадая о тяжести постигшихъ меня бѣдствій и оплакивая оныя своимъ жалобными восклицаніями и меня не растрогать до вопля, или не довести до того, что слезы препятствуютъ мнѣ произносить слова, такъ что отъ рыданій не будетъ слышанъ и голосъ мой. Итакъ о многомъ, конечно, извѣстилъ васъ послѣ побѣга своего служитель Магадоновъ, и повторять это будетъ излишнимъ, а вмѣстѣ, можетъ быть, и тягостнымъ для слуха, которому желательно самое нужное, а что говорится въ другой уже разъ, скучно какъ пустое и незанимательное. Но что случилось послѣ сего бѣгства, о томъ сказать необходимо, такъ какъ сего ты и требуешь.

У варваровъ (какъ сказалъ онъ, ибо конечно говорилъ онъ вамъ объ этомъ) было рѣшено убить насъ, и съ вечера все приготовлено для жертвоприношенія: жертвенникъ, ножъ, возліаніе, чаша, ладанъ; и смерть наша, которой не попустилъ совершиться Богъ, если бы не воспрепятствовалъ Онъ, назначена была въ глубокое

утро. Между тѣмъ служитель этотъ, не скрывъ отъ меня своего побѣга, ушелъ. И разстояніе пройденнаго уже имъ пути, и неудобство предпринять за нимъ погоню, сдѣлали сомнительною возможность его поймать. Ибо не только время отъ вечера до утра было достаточно продолжительно для бѣгущаго, но и неизвѣстность избраннаго имъ пути затрудняла погоню за нимъ. Да и какой искусникъ въ отысканіи слѣдовъ и счастливый угадчикъ неизвѣстнаго могъ бы слѣдить за бѣжавшимъ на такомъ пространствѣ пустыни, не находя никакого знака, оставленнаго проходившимъ, такъ какъ земля въ ней вездѣ жесткая, изрытая оврагами, не показываетъ на себѣ полагаемыхъ на ней слѣдовъ. А я, павъ ницъ, лежалъ на землѣ, лицомъ прикипши долу, а умомъ на крылахъ скорби вспаривъ горѣ, всецѣлый ни чѣмъ не развлекаемый помыслъ погрузилъ въ молитву; потому что предстояла мнѣ смерть. Ибо при безопасности въ нетрезвящихся разсѣвается онъ, занимаясь торговлею, мореплаваніемъ, постройкою домовъ, разведеніемъ садовъ, сватовствомъ, женитьбою, чадородіемъ, военною службой, запасомъ продовольствія, судебными дѣлами, судилищами, судейскими мѣстами, высокими чинами, глашатаямъ, градоправителями, отмщеніемъ врагамъ, свиданіями и всегдашнимъ пребываніемъ съ друзьями, народоправленіемъ, военачальствомъ, правительственными дѣлами, даже мечтая о цар-

скомъ санѣ. Когда же обстоятельства соберутъ его во едино страхомъ опасности, отвлекши отъ всего, что обыкновенно развлекало его въ небоязненномъ и свободномъ состояніи; тогда всецѣло предается тому, что печалитъ его, и обращаясь къ Богу, умоляетъ Его единого, какъ разрешающаго всѣ затрудненія однимъ легкимъ мановеніемъ (v).

И я въ тайнѣ говорилъ Богу такъ: Владыка, Создатель всей видпмой и умопостигаемой твари, въ Твоей рукѣ сердца созданій Твоихъ, Ты обращаешь въ жалость звѣрство неразумнаго гнѣва, когда хочешь по правдивому суду спасти по приговору власти предаваемыхъ на смерть, Ты укрощалъ ярость дикихъ звѣрей, стремящуюся пожирать человѣческія тѣла, Ты удержалъ разливающуюся силу огня, однимъ (а) мановеніемъ вложилъ бездѣйственность въ усилившійся пламень, не пострадавшими сохранилъ осужденныхъ на гибель, неизреченнымъ и чуд-

(v) Вся сія вставка, очевидно затрудняющая ходъ рѣчи и начинающаяся словами *потому что предстала мнѣ смерть* и пр. не читается по рукописи и замѣнена слѣдующею краткою рѣчью воспаривъ умою, и такимъ образомъ безмолвно и самъ въ себя умоляя Бога всяческихъ (такъ какъ ничто житейское не могло привлечь меня, и махнуть какими-либо выгодами, по причинѣ крайности, въ какой былъ я, напротивъ того все заставляло трезвиться, бодрствовать, внимать единому Богу и предать я упованію на Него), къ Нему обратилъ я рѣчь, говоря

а¹ Въмѣсто *φίλω* по рукописи читается *ψιλῶ*.

нымъ могуществомъ Твоимъ содѣлалъ, что волосы и кожа оказались неодолимыми для огня, Ты спаси и меня, ни откуда не имѣющаго надежды на помощь, и прежде нежели лишень я жизни по суду враговъ, по всей видимости уже мертваго, не попусти, чтобы кровь моя послужила возліаніемъ демоновъ, и чтобы лукавые духи наслаждались тукомъ плоти моей. Меня уготовили въ жертву звѣздѣ, соименной страсти похотѣнія; да не содѣлается же приношеніемъ и жертвою демону, одноименному съ непотребствомъ, мое тѣло, до сего дня соблюденное чистымъ. Напротивъ того звѣрское сердце жестокихъ преложи въ милостивое и кроткое. Ты для Есеири пламенѣющей гнѣвъ и дикую ярость Ассиура, царя мидійскаго, преложившій и обратившій въ сострадательное помплованіе, спаси душу, посвященную на служеніе Тебѣ. Отцу—старцу и служителю Твоему возврати сына, необучившагося худому и вознамѣрившагося, сколько отъ него зависить, пребыть благочестивымъ. Ибо не изъ страха опасности теперь въ первый разъ приношу исповѣданіе сіе, такъ что обѣщаніе мое можно было бы почестъ возданіемъ за спасеніе. Свободнымъ помысломъ предупредилъ я вступленіе на подвигъ по необходимости. Докажи, что для спасенія вѣра сильнѣе ногъ, и упованіе на Тебя надежнѣе бѣгства. Избѣжалъ смерти, кто со мною на утро назначаемъ былъ въ жертву, и побѣгомъ добылъ себѣ спасеніе;

а я остался, ожидая, что Тебѣ будетъ угодно, и понадѣявшись на Твою помощь, нахожусь въ рукахъ враговъ Твоихъ. Онъ ввѣрился ногамъ, а я—Твоему могуществу. Мое ожиданіе да не будетъ немощіе надежды на тѣлесныя силы. Онъ спасся, воспользовавшись для побѣга темнотою, и спасся благополучно. А меня вотъ застигъ свѣтъ, даруемый живущимъ для дѣланія заповѣдей Твоихъ.

Такъ молился я съ горькими слезами, и не спящимъ застало меня утро. Возведя вверхъ взоры, вижу, что утренняя звѣзда склонилась къ горизонту. Поэтому вставъ (а дотолѣ лежалъ я падши ницъ), сажусь, объявъ руками колѣна, и склонивъ на нихъ лице, наполняю нѣдро слезами, и снова взываю сердцемъ къ Могущему избавить меня всемошною силою Духа, говоря: *удиви со мною милость Твою, Владыка* (Псал. 16, 7.), имѣющій власть жизни и смерти, какъ удивлялъ со святыми бывшими въ нуждѣ и избавленными отъ всякой скорби, чтобы и намъ возимѣть дерзновеніе призывать Тебя и возлагать на Тебя упованіе, что будемъ избавлены отъ золь, въ какихъ бы мы ни были, въ сихъ святыхъ имѣя для себя образецъ Твоей помощи. Ты Исаака, возложеннаго уже на жертвенникъ, избавилъ отъ закланія, и отца, готоваго вонзить мечъ, отвлекъ звучнымъ гласомъ. Ты исхитилъ Іосифа изъ убійственной братней десницы, и подвергшагося навѣтамъ снова избавилъ отъ не-

праведныхъ узъ и темницы, и по долговременномъ плачѣ возвратилъ отцу уже царствующимъ. Ты и отца его Иакова избавилъ отъ подобной нужды, освободивъ отъ страха отцава, и спасши отъ неистовства жестокосердаго Исава у Лавана въ междорѣчьи, гдѣ сохранилъ и Моусея, бѣжавшаго отъ египетскаго мучительства. Ты двоихъ умершихъ отроковъ, возставивъ отъ одра по пророческой молитвѣ, живыми возвратилъ вдовицамъ матерямъ. И Самъ Ты, Владыка, неизмѣняемъ, и одною и тою же силою, и тогда содѣвалъ, и нынѣ творишь чудеса. И меня, Властитель, возврати отцу, уповающему на милость Твою. Твоею помощію прекрати безутѣшный плачъ, содѣлай, чтобы и невѣдущіе имени Твоего удивились державѣ симы Твоей, о препѣтый Царь всякой силы!

Пока оставался я въ этомъ положеніи, варвары встаютъ въ смятеніи; потому что время жертвоприношенія прошло, и солнце озарило уже лучами своими землю. И не нашедши со мною другаго, спрашиваютъ у меня, что съ нимъ сдѣлалось, получивъ же отвѣтъ, что я вотъ съ ними, а о томъ, котораго не видно, ничего не знаю, успокоились, и угрозы мнѣ не дѣлали, и не показали никакихъ признаковъ негодованія. Тогда ободрился духъ мой, и благословилъ я Бога, не презрѣвшаго молитвы смиреннаго, ощутилъ наконецъ въ себѣ твердость и дерзновеніе, потому что, конечно, Богъ даро-

валъ мнѣ благодать сію, противился варварамъ, когда приказывали ѣсть что-либо скверное, не слушался ихъ повелѣній вмѣшиваться въ игры съ женщинами, пока не приблизились мы наконецъ къ мѣстамъ обитаемымъ. Тогда, незнаю что придумавъ между собою, вводятъ меня въ селеніе, называемое Субанта (б), потомъ жителямъ онаго возвѣщаютъ о моей продажѣ. Но послѣ того, какъ возвратились изъ селенія безъ успѣха, потому что никто не хотѣлъ дать за меня болѣе двухъ золотыхъ монетъ, приведя наконецъ и поставивъ меня передъ селеніемъ, по обычаю своему, кладутъ мнѣ на шею обнаженный мечъ, говоря всякому, что, если никто не купитъ, немедленно отсѣкутъ мнѣ голову. А я, дѣлая имъ знаки обѣими руками, умолялъ приходившихъ для покупки, и просилъ дать, сколько требовали варвары, и не показывать скупости, платя цѣну за кровь человѣческую, увѣрялъ, что въ непродолжительное время уплачу эту цѣну, и буду служить купившему, если это ему угодно, и по уплатѣ цѣны, охотно признавая господиномъ купившаго жизнь мою. И едва сжалился нѣкто надъ мною, такъ умоляющимъ и проливающимъ слезы, и купилъ меня. Оттуда же, какъ видишь, купленъ я сюда; такъ, не распространяясь много, скажу коротко; ибо ви-

(б) Такъ селеніе называемо въ рукописи.

жу, что ты въ волненіи, едва уже не плачешь, и готовъ радость возмутить слезами. Вотъ что претерпѣлъ я, отецъ, и претерпѣвъ, при помощи Божіей, свободенъ. Послѣ сего ты прославь Бога за мое неожиданное и чудное спасеніе.

Ты, сынъ мой, въ своемъ злостраданіи перенесъ тысячи опасностей, и въ ожиданіи претерпѣлъ не одну смерть, хотя, по милости Божіей, и не извѣдалъ ея на опытѣ. А чаать себѣ вѣрной смерти и сознать ее на опытѣ — одно и тоже. Можно же сказать, что первое тяжелѣе послѣдняго; потому что не столько боли причиняетъ усѣченіе, сколько предшествующее ему ожиданіе, которое продолжительнымъ страхомъ усиливаетъ мучительность печали, и дѣлаетъ, что чаемая боль длится болѣе дѣйствительной. А я во время этой скорби отверзъ уста мои ко Владыкѣ, и далъ Ему обѣтъ работать въ строгомъ воздержаніи и всякомъ злостраданіи, если только возвращенъ мнѣ будешь живой. И во снѣ услышалъ я голосъ, вѣщавшій: *утвердитъ Господь глаголь* (3 Цар. 12, 15.), исшедшій изъ устъ твоихъ. И не должно, сынъ мой, преступать исповѣданія и нарушать даннаго Христу обѣта, божественнымъ отвѣтомъ подтвержденнаго, и притомъ, когда молитва пріяла такой конецъ.

И я, родитель мой, сказалъ онъ, охотно прииму долю въ трудѣ съ тобою, буду соучастникомъ въ обѣтѣ, потому что былъ соучастни-

комъ въ милости, и еще больше облагодѣтельствованъ. Ты избавился отъ плача, а я отъ вкупшенія смерти. Если бы и тебѣ одному въ пользу служилъ даръ Божій; то мнѣ, принося благодареніе Богу за отца, должно было бы и благодареніе и воздаяніе за него принять на себя, хотя бы за милость сію надлежало потерпѣть и что-либо горестное. Ибо, если Геѳаою, давшему обѣтъ за побѣду на войнѣ, дочь его послужила смертію своею, и чтобы поддержать добрую славу отца, рѣшилась стать приношеніемъ и жертвою, то чего буду стоить я, если не поспѣшу, какъ можно скорѣе, уплатить отцевъ долгъ? И притомъ, когда долгъ сей буду воздавать Богу, который обыкновенно малую уплату вознаграждаетъ опять новою благодатию, и воздаваемый долгъ пріемлетъ, не какъ долгъ, но вмѣняетъ это въ данное заимообразно, и уплату признаетъ одолженіемъ, въ вознагражденіе за благопризнательность должника, какъ за вземлемое въ заемъ, даетъ тотчасъ новый даръ, всегда предваряетъ милостями, и всегда даетъ рукописаніе въ томъ, что дающимъ взамъ долженъ воздать благодареніями, и вообще воздаяніе должниковъ признаетъ ихъ щедростію, такъ что по великодаровитости и щедротолюбію естества и начинаетъ всегда милостями, и оказываетъ всегда милости, какъ должникъ. Поэтому, родитель, имѣя во мнѣ усерднаго участника въ уплатѣ, начинай сію уплату. Безъ сомнѣнія же Богъ,

вѣдая силы наши, соразмѣрно съ оними будетъ взыскивать съ насъ долгъ, и не посмѣется надъ немощію естества, потребовавъ трудовъ превышающихъ силу.

Къ симъ словамъ присоединилъ и я свой обѣтъ, и сказалъ: да придутъ они въ исполненіе, сынъ мой, да явится на самомъ дѣлѣ, чтобы и обѣтъ воспріялъ добрый конецъ, и благожеланіе было дѣйствительно, и за трудами послѣдовала награда; потому что таковъ конецъ и предѣлъ всякаго дѣла совершаемаго по Богу; дѣла запечатлѣваются воздаяніями, и о подвигахъ свидѣлствуютъ вѣнцы. Достоверность въ воздаяніи, обыкновенно служить нѣкоторымъ доказательствомъ, что дѣла достойны одобренія, а награды — несомнѣнное свидѣтельство о подвигѣ.

Боголюбивый же епископъ того мѣста долго прилагалъ о насъ свое попеченіе, и воставивъ насъ послѣ предшествовавшаго злостраданія, не мало упрашивалъ остаться у него, и дружелюбно общалъ намъ всякое упокоеніе во всякой нуждѣ. Но чтобы не подать повода къ подозрѣнію, будто бы удерживаетъ насильно, по причинѣ внесенной имъ за сына моего цѣны, какъ властелинъ требуетъ, чтобы мы остались у него, предоставилъ поступать намъ, какъ угодно, по своему усмотрѣнію, и въ одномъ только поступилъ съ нами властительски, а именно, возложилъ на насъ иго священства, чего мы не хотѣли.

Разсуждая о тяжести священнослужительства, горько мы сѣтовали, и неудобноносимымъ казалось намъ наложенное на насъ бремя, которое по житію, какого оно требуетъ, едва по силамъ и святымъ; потому что и имъ казалось оно тягостнымъ, и они, призываемые къ этому сану, признавались, что оно превышаетъ ихъ силы, долго прекословили Богу, ссымаясь на свое недостоинство, отрекались отъ рукоположенія, представляя въ предлогъ свою немощь, хотя всѣхъ нынѣ живущихъ были способнѣе къ дѣлу, и за подвижничество свое въ добрѣ и въ священнослуженіи могли имѣть большее дерзновеніе предъ Владыкою. Но епископъ сказалъ, что почестъ сія прилична трудамъ, и что этотъ санъ, какъ полагалъ онъ, дается имъ въ награду за тяготы подвига.

Посему, когда вознамѣрились мы отправиться въ путь и идти домой, тогда щедро напутствовавъ насъ на это продолжительное и довольно долгое путешествіе, и пожелавъ, чтобы сопутствовала намъ Божія благодать, награждающая наконецъ миромъ, отпустилъ онъ насъ, и не только не сдѣлалъ какого-либо неловкаго намека на право господства, какъ можетъ быть поступилъ бы иной, величаясь полномочіемъ надъ купленнымъ, но какъ все, что могло бы показаться неприятнымъ для насъ, облегчилъ великимъ утѣшеніемъ, такъ и отъ себя всякій видъ

киченія отклонилъ скромнымъ и умѣреннымъ образомъ мыслей.

Тамъ же да прекратится и слово мое, гдѣ прекратилось испытаніе горестнаго, и по благодати Божіей, послѣ долговременнаго бѣдствованія, положено начало жизни о Христѣ болѣе радостной, которой да сподобимся всѣ мы и нынѣ, и въ будущемъ вѣкѣ, по силѣ и благодати святой и единосущной Троицы! Ей подобають честь и поклоненіе нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ! Аминь (в).

(в) Заключение начинающееся словами: *которой да сподобимся и мы и пр.* дополнено изъ рукописи.

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО АЛВИАНУ.

Копи, такъ называемыхъ, драгоцѣнныхъ камней и золотоносныя жилы пусть отыскиваютъ миролюбцы, и они пусть услаждаются, гордясь сими вещами, разнообразіемъ цвѣтовъ отсвѣчивающими въ лицахъ что-то привлекательное и пріятное для взора. А житія мужей святыхъ, добродѣтели людей устранившихся и старающихся утаяться отъ міра, и то, въ какихъ преуспѣваютъ они доблестяхъ, пусть, для подражанія ихъ жителству, изслѣдываютъ боголюбцы. Ибо подлинно ни съ чѣмъ не совмѣстно и крайне не смысленно—о томъ, что причиняетъ людямъ столько вреда, что едва ли кому удобно выразить это словомъ, прилагать человѣку много попеченія и рачительности, чтобы прикрываемое этимъ природное благообразіе дѣлалось приманкою сластолюбія для невоздержныхъ, въ которыхъ снѣмъ придаточнымъ украшеніемъ раздражаются страсти до неистовства, а что можетъ украсить душу, исправить погрѣшительное въ жизни, о томъ опять имѣть столько не рачительности и нерадѣнія, что заслуживающее все наше вниманіе пренебрегается, какъ слѣдовало бы пренебрегать что-либо безразличное, или лучше сказать, гибельное.

Ибо какую пользу принесли человѣческой жизни дорогіе камни, золото и прочія къ роскоши служащія вещества? Напротивъ того, какого вреда и какихъ неправдъ не причиняли всѣмъ людямъ, дѣлаясь виною всѣхъ золъ? Отъ нихъ—любостяжательность, хищенія, мучительства, разбои, убійства. Отъ нихъ—грабежи, опустошенія, варварскія нашествія, междоусобныя войны, когда люди пожеланіемъ обогатиться воставляются другъ противъ друга, и не отказываются терпѣть и дѣлать, что бы то ни было, пока избранная цѣль не будетъ достигнута, какимъ бы то ни было способомъ, своею ли собственною смертію, или убійствомъ противниковъ. Нерѣдко предположившіе привести себя въ такое состояніе, чтобы не было у нихъ отнято что-либо изъ обладаемаго ими, сами погибали, бѣдственно умерши душою, въ надеждѣ сомнительной выгоды потерпѣвъ жалкую кончину, и прежде своихъ противниковъ подвергшись тому самому, чему старались подвергнуть ихъ.

Но слышаніе сказаній о пожившихъ хорошо и дознаніе совершенныхъ ими добрыхъ дѣлъ весьма полезны для любоведушныхъ, служа свѣтильникомъ, озаряющимъ сокровенное, къ познанію и приведенію въ дѣйствіе того, что до-толѣ было невѣдомо, хотя всегда оно полезно. Ибо одни поревнуютъ, конечно, ихъ добродѣтели, немедленно ощутивъ въ себѣ любовь къ ней, такъ какъ по какому-то естественному

стремленію душа предается прекрасному; а другіе, хотя подражанію воспрепятствуетъ какой-либо худый навѣкъ, будутъ дивиться ей, признавая себя несчастными, и оставаясь пока при томъ свѣдѣніи, что скудны они въ добрѣ.

Въ отношеніи же къ пользѣ не маловажно и это — чувствовать худое состояніе, въ какомъ человѣкъ находится, и не обольщаться чѣмъ-либо крайне гнуснымъ, величаясь симъ какъ достоинствомъ, подобно тому, какъ иные безчувственные, не уязвляемые еще сознаниемъ грѣха и слѣпотствующіе совѣстію, не боязненно идутъ по негладкому и неудобопроходимому пути его, равно какъ и тѣ, у кого ноги покрыты твердыми мозолями, ступая по терніямъ и остнамъ, не терпятъ ничего такого, что терпѣли они прежде, нежели пріобучили себя къ этому суровостию жизни, и когда ступни ихъ были мягки и нѣжны, и скоро чувствовали малѣйшее поврежденіе. Ибо нѣтъ ничего столько труднаго для тѣла и вреднаго для души, что со временемъ и по привычкѣ не могло бы сдѣлаться легкимъ и сноснымъ, производящимъ уже того неприятнаго ощущенія, какое производило, когда было еще непривычно, и тѣло утомляло, и совѣсть печалмо, пока не обратилось для души и тѣла въ навѣкъ, дѣлающій пріятнымъ казавшееся прежде труднымъ и неприятнымъ.

Итакъ, поелику признается добрымъ дѣломъ не умалчивать о преспѣянiяхъ ревнителей доб-

родѣтели и не скрывать того, что, сдѣлавшись явнымъ, приносить великую пользу въ жизни, научаетъ житію ангельскому, землю обращаетъ въ небо чистотою и беззаботностію житія, когда всѣ стараются благодѣтельствовать другъ другу, и никто не позволяетъ себѣ сдѣлать кому-либо обиду, такъ какъ убѣдились наконецъ, что суетно все здѣсь остающееся, ревностно же вождѣлѣваютъ того, что можетъ быть взято нами въ вѣкъ будущій и на долго быть тамъ полезнымъ: то, изведя на средѹ, содѣлаемъ извѣстнымъ блаженнаго мужа, донинѣ утаеннаго для многихъ; потому что, какъ лань, углубившись въ Нитрійскую пустыню, всегда старался онъ отъ всѣхъ утаиться, боясь житейскихъ напастей, которыя, какъ громовые удары, поражаютъ свыше, и еще болѣе оныхъ повреждаютъ душу, когда она не охраняетъ себя, и не уклоняется отъ обращенія съ людьми. Содѣлаемъ же извѣстнымъ, чтобы отъ способныхъ воспользоваться не утаевалось все, что благоговѣйный оный мужъ старался утаить отъ людей, не по зависти къ тѣмъ, которые стали бы подражать ему, и не потому, что одинъ желалъ украшаться приобрѣтенными добротами, но потому, что избѣгалъ всякаго случая выставять себя на показъ, какъ дѣла опаснаго, которое вмѣсто пользы можетъ причинить вредъ.

Былъ онъ лѣтораслію земли Галатійской, и питомцемъ города Анкиры. Юный же свой воз-

расть такъ управилъ къ цѣломудрію, что, хотя многія толпились вокругъ него, по причинѣ его благообразія, но приведены были въ удивленіе его стыдливостію и степенностію, и это, паче красоты его лица, воспламеняло большую къ нему любовь въ тѣхъ, на которыхъ не обращалъ онъ взоры, и которыхъ не удостоивалъ привѣтливаго слова. Между тѣмъ не одно и тоже быть цѣломудреннымъ, какъ тому, въ комъ никто не раздражаетъ страсти, такъ и тому, въ комъ тысячи стараются возбудить страсть: равно какъ не одно и тоже управлять обуреваемымъ кораблемъ и спасти его ничего не потерпѣвшимъ отъ волненія, и сидя на кормѣ въ пристани, держаться за кормило. Первое значитъ представить признаки искусства въ нужное время, а второе — безъ малѣйшей необходимости показывать наружный видъ, оставляющій еще мѣсто сомнѣнію, точно ли человѣкъ украшенъ опытностію, или при неопытности, не будучи посвященъ въ науку, обманываетъ зрителей, какъ пріобрѣтшій свѣдѣнія.

Поэтому сего блаженнаго, хотя былъ онъ еще юнъ, и потому не способенъ къ прохожденію церковнаго служенія, старался всячески уловить, почитая утратою, если священнической чинъ не будетъ украшенъ свойственною ему лѣлотою, столько же необходимою для цѣлаго тѣла церковно-начальническаго чина, сколько зѣница для глаза, а глазъ для лица; потому что

сіялъ оцъ житіемъ, для многихъ и для всѣхъ былъ полезнымъ примѣромъ, въ юномъ и цвѣтущемъ тѣлѣ показывалъ старческое и благоустроенное состояніе духа. И хотя многіе, употребляли, повидимому, насилія противъ одного, и возвели его въ санъ священства правды, однако же оцъ не потерпѣлъ насилія, устыдившись имѣвшихъ надъ нимъ преимущество, не рѣшился сдѣлать что-либо противъ воли, разсудивъ, что возлагаемое на него дѣло важно, и какъ дѣйствительно это было выше его возраста, убѣгаетъ и общественныхъ мятежей и церковной должности, опасаясь тяжести возложеннаго ига.

И хотя имѣлъ ревность немедленно удалиться въ пустыню; однако же превозмогъ это стремленіе правымъ помысломъ, разсудивъ, что первымъ подвигамъ лучше обучиться напередъ у наставниковъ и руководителей, у которыхъ образуются начинающіе только упражняться въ добродѣтели, нежели, не получивъ первоначальнаго образованія, идти прямо къ учителямъ, которые учатъ совершеннѣйшимъ подвигамъ, и симъ возложить на нихъ трудъ, принудивъ вмѣсто преподаваемаго мужамъ преподавать дѣтскіе уроки, и изъ обычнаго ихъ состоянія снизойти до несоотвѣтственнаго имъ и дѣтскаго, младенцамъ приличнаго, упражненія въ дѣлахъ и словахъ. Поэтому поступаетъ къ подвизающимся у насъ за городомъ на горѣ, надъ которыми начальствовалъ блаженный Леонтій, тогда еще пре-

свитеръ, а потомъ бывшій и епископомъ, мужъ украшенный и дѣянїемъ и вѣдѣнїемъ, даже совершеннѣйшїи подвижающихся въ пустыняхъ, но умѣвшїи снисходить и къ младенчествуящимъ, прїобыкшїи къ начинающимъ еще дѣятельную жизнь, потому что и таковыхъ, вмѣстѣ съ преуспѣвавшими, имѣлъ всегда подъ начальствомъ своимъ.

Потомъ сей блаженный, преуспѣвъ скорѣе, нежели можно было ожидать по времени, превзошедши многихъ и усовершившись болѣе, нежели какъ позволило бы усовершиться время, уходитъ оттолѣ, и дѣло подвига переноситъ въ окрестности Іерусалима, чтобы и видѣть тамошнїя мѣста, гдѣ пребывалъ, творилъ чудеса и напоследокъ пострадалъ Господь Іисусъ, и получить пользу отъ лицезрѣнїя подвижающихся тамъ мужей.

А воспользовавшись отъ нихъ, не скажу, превзошедши ихъ, въ короткое время, удаляется въ сказанную пустыню, и тщательно скрывая священнїи санъ, пока могъ утаевать сіе, прїемлетъ монашескую жизнь, какъ едва только начинающїи. Пользовался же онъ такими учителями добродѣтели, которые скоро возбудили въ немъ любовь къ небу, и желанїе его устремили къ житїю ангельскому; почему возлюбилъ онъ во всемъ умѣренность; ибо ни въ чемъ неимѣние нужды составляетъ отличїе однихъ естествъ безплотныхъ, а связаннымъ плотию невозможно жить, по необходимой потребности не восполняя

пищею ежедневно испаряемаго. И такъ, пренебрегши все въ совокупности сущее на землѣ, весь всецѣло предался онъ горнему любомудрiю, разсудивъ, что, не только относящееся къ тѣлу, но и самое тѣло, излишни для достиженiя цѣли тому, кто прилагаетъ попеченiе о душѣ, и поспѣшаетъ представить ее Богу. Въ такой же мѣрѣ заботился о плоти, въ какой принуждала необходимость, чтобы поддержать только жизнь. А все время употреблялъ единственно на попеченiе о томъ, какъ всегда угождать Богу, какими мыслями и какими дѣлами долженъ украшаться сугубый человѣкъ, чтобы и уста, въ честныхъ и помезныхъ словахъ объясняя внутреннюю чистоту, призывали слушающихъ къ благочестiю, и тѣло скромными движенiями обучало видящихъ благочинiю.

Поэтому и по кончинѣ даже до нынѣ возбуждаетъ онъ удивленiе въ живущихъ тамъ, и воспѣвается ими приснопамятная его слава, и то, какъ и языку и слуху воспрещалъ онъ всегда рассказъ о чемъ-либо житейскомъ, не терпя ни говорить, ни слышать когда-либо о чемъ бы то ни было, бывающемъ въ мiрѣ, называя безвременнымъ и бесполезнымъ все, что не споспѣшествуетъ предположенной цѣли. Всякое искусство и изысканiе, говорилъ онъ, для занимающихся спмъ составляютъ предметъ заботливости, чтобы непрестанно съ каждымъ днемъ и въ словахъ и въ мысляхъ усовершалось все, что объ этомъ

говорятъ и думаютъ ; потому что размышленіе во всемъ приводитъ къ познанію чего-либо большаго, и упражненіе дѣлается благодѣтельнымъ для непознаннаго еще. Почему же мы всего досужнаго времени не употребляемъ на попеченіе о нашемъ искусствѣ, въ которомъ, если пожелаетъ кто (такъ какъ верхъ совершенства недостижимъ) приобрѣсти хотя достаточную опытность, не будетъ имѣть времени обратиться умомъ къ чему-либо иному ; потому что и цѣлой жизни едва достанетъ, чтобы, не говорю, подумать о приуготовленіи къ будущему, но чтобы охранить себя отъ напастей въ настоящемъ. Какъ глазъ кормчаго со всѣмъ вниманіемъ неуклонно смотритъ на мятущіяся волны, и малая невнимательность можетъ стать причиною крушенія: такъ умъ, борющійся съ страстями и лукавыми духами, если трезвится, рѣдко бываетъ окраденъ, а если вознерадѣетъ нѣсколько о внимательности, весь погружается и утопаетъ.

Поэтому блаженнаго сего всегда можно было видѣть безмолвнымъ и сидящимъ въ задумчивости ; самымъ видомъ лица показывалъ онъ, что дѣйствительно имѣетъ попеченіе о томъ, о чемъ говорилъ, молится ли когда Богу, или размышляетъ о чемъ полезномъ. И какъ умъ его предавался горнимъ созерцаніямъ, упокоеваясь въ нихъ, или обращая испытующій взоръ на себя самого, нѣтъ ли чего недостающаго къ благо-

устройству его ; такъ руки не оставались безъ дѣла, добывая тѣмъ потребное для тѣла. Ибо никогда не вкушалъ тѣлесной пищи въ праздности, не терпѣлъ имѣть ее со стороны, и вообще не хотѣлъ, отъ кого бы то ни было, принять какое-либо утѣшеніе, говоря, что всякому проходящему жизнь сію приличнѣе давать, нежели принимать, чтобы не ослабить силъ къ дерзновенію, не быть вынужденнымъ сказать иногда нѣчто и въ удовольствіе доставляющимъ утѣшеніе, и нерѣдко умалчивать правду, если она колка, чтобы не опечалить благодѣтеля.

Да и велики ли, и какія были у него тѣлесныя потребности, чтобы много заниматься ими? Простой хлѣбъ, и то не въ сытость, служилъ пищею, вода — питіемъ, холодная въ зной, и согрѣтая на солнцѣ въ холодъ, одеждою—многолѣтній, равный годами пребыванію его въ пустынь, и во все это время ни разу не перемѣненный, платъ. Ни сандалій, ни сапога не было у него на ногѣ, связки пальмовыхъ листьевъ и кожа серны были для него постелью, когда отходилъ ко сну, не надолго отъ дневныхъ трудовъ упокоевая тѣло, изнуренное усиленнымъ дѣланіемъ ; потому что большую часть ночи, равно какъ и дня, проводилъ въ пѣніи и молитвѣ, разсуждая, что въ эти времена бесѣдуетъ онъ съ Богомъ, и часто повторяя съ Давидомъ: *да усладится Ему бесѣда моя* (Пс. 103, 34.).

Не зналъ онъ кесаревой монеты и того, чья на ней изображена печать. И мѣдь не проходила чрезъ руки его, чтобы не осквернить ихъ однимъ прикосновеніемъ. Все достояніе его составляла книга, и она служила утѣшеніемъ въ уныніи, такъ что чтеніе было нѣкоторымъ улаженіемъ послѣ многихъ трудовъ, и буквальныйъ смысломъ и умозрѣніемъ успокоевая встревоженный духъ. И сію нищету называлъ онъ царствомъ по ея беззаботности, не потому что ничего не приобрѣталъ для поддержанія жизни на утро, но потому что не имѣлъ вожделѣнія ни къ чему такому, что возбуждаетъ удивленіе многихъ. Ибо не обиліе во всемъ, но неимѣніе ни въ чемъ нужды, почиталъ онъ богатствомъ души, которая умѣетъ любомудрствовать при какомъ ни есть довольствѣ, и презираетъ все, какъ бесполезное, что выходитъ за предѣлы онаго.

А что не кучами имѣнія обложить себя, но не желать имѣть у себя что-либо, нужно для того, чтобы прекратить въ себѣ желаніе обогащенія, сему, какъ и многіе другіе съ нимъ, поучалъ онъ, чрезъ мѣру богатыхъ обличая въ скудости, такъ какъ они по ненасытной страсти имѣютъ нужду гораздо въ большемъ, нежели что имѣютъ у себя, а богатыми называя тѣхъ, которые щедро отлагаютъ что нибудь изъ необходимаго на потребу, какъ излишнее и не пригодное для любомудрія. Ибо послѣднее въ под-

лишномъ смыслѣ есть богатство, и справедливо должно такъ называться, а первое—бѣдность и крайняя нищета; потому что одно удерживаетъ отъ насыщенія и чрезмѣрнаго обремененія себя тѣмъ, что есть, а другое возбуждаетъ еще новое и неутолимое желаніе пріобрѣсти и то, чего нѣтъ, и пріобрѣтеніе чего сомнительно, между тѣмъ какъ осужденіе за любостыжательность несомнѣнна, и по приговору Судіи подлежатъ наказанію. Любостыжательностию же будетъ не только стараться отнять чужое, но и желать имѣть у себя нѣчто большее того, что нужно для довольства.

А какъ жизнь сія есть ночь, и совершающееся въ ней — сновидѣніе, какъ говорилъ этотъ блаженный; то какую пользу людямъ приноситъ роскошь по минованіи этого состоянія, когда ночныя привидѣнія исчезнутъ, и не оставятъ даже чувства скорби и упокоенія? Съ наступленіемъ дня, говорилъ онъ, сонныя грезы для пробудившихся оказываются пустыми; представившій себя разбогатѣвшимъ поутру ничего у себя не имѣетъ; мечтавшій, что ѣсть или пьетъ, находитъ, что вовсе этого не дѣлалъ. Кто во снѣ достигъ начальства, накопилъ много денегъ, держалъ въ рукахъ серебро, или спряталъ его за пазуху, оказывается не имѣющимъ всего этого. Иной во снѣ подвергался опасностямъ, а иной напастьмъ и скорбямъ, иной терпѣлъ наказаніе, а иной былъ даже убитъ; всѣ они встаютъ, одни

радуясь, а другіе печалась о томъ, что представлявшееся во снѣ было мечтою, а не дѣйствительностію, и радуются, какъ избѣгшіе испытанія золь, печалются же, какъ не нашедшіе у себя того, что ихъ увеселяло. И никому нѣтъ никакого плода отъ такового мечтанія, днемъ не оказывается имѣющимъ у себя что-либо изъ того, что, какъ представлялось, имѣлъ у себя ночью, кромѣ одного воспоминанія о радующихъ или огорчающихъ призракахъ, возбуждающаго сожалѣніе о наслажденіяхъ, которыхъ лишился, и о веселіи, изъ котораго исторгнуть. Такъ послѣ этого позорища, когда сновидѣніе жизни сей, подобно ночной грезѣ, кончится, теряетъ наконецъ цѣну все здѣшнее, богатство и нищета, пресыщеніе и скудость, слава и униженіе. Остается же однимъ веселіе, другимъ ужасъ и трепеть, и сіе воспріемлютъ они, какъ достойное воздаяніе за то, что сдѣлано въ жизни.

Посему удивленія достоинъ мужъ сей, и да соревнуютъ ему всѣ и во всемъ, кто, взирая на дѣла его, а кто руководясь слышаннымъ отъ него. Тѣснымъ шествуя путемъ, воспріалъ онъ жизнь; житейскія тяготы перенесъ онъ терпѣливо, какъ сновидѣніе, нынѣ же утѣшается тамъ, гдѣ наслажденіе постоянно и истинно, за мало-временные труды даетъ пожнать вѣчное веселіе о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ. Ему слава во вѣки! Аминь.

СОДЕРЖАНІЕ

ТРИДЦАТЬ ПЕРВАГО ТОМА

ТВОРЕНІЙ СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ.

ТВОРЕНІЯ ПРЕПОДОБНАГО НИЛА СИНАЙСКАГО.

(часть 1)

	<i>Стр.</i>
Къ монаху Агаію. Отдѣленіе 1. Введеніе.....	1
Отдѣленіе 2. О воздержаніи.....	7
Отдѣленіе 3. О тщеславіи.....	12
Отдѣленіе 4. О чтеніи и молитвѣ.....	16
Отдѣленіе 5. О томъ, что душамъ пристрастныхъ къ богатству, какъ животолюбивымъ, при смерти трудно разставаться съ жизнью.....	40
Отдѣленіе 6. О томъ, что справедливо наказываются собственность свою передающіе въ владѣніе, кому случится.....	46
Отдѣленіе 7. О тѣхъ, которые во время кончины не прилагаютъ попеченія о своемъ спасеніи, но пишутъ завѣщанія, и отдають приказы о томъ, надъ чѣмъ не имѣють власти.....	51

Отдѣленіе 8. О томъ, что страждущіе при жизни безнечностію и во время кончины вмѣсто того, чтобы позаботиться о самихъ себѣ, прилагаютъ стараніе о томъ, какъ передать имѣніе свое наследникамъ.....	54
Отдѣленіе 9. Обличеніе пишущихъ завѣщанія.....	55
Отдѣленіе 10. О житіи блаженныхъ и злоуміи діавола.....	80
Отдѣленіе 11. Объ Іосифѣ и Сусаннѣ и о томъ, что подвигъ Іосифовъ выше подвига блаженной Сусанны.....	97
Отдѣленіе 12. Притча о виноградникѣ и о дѣлателяхъ нанятыхъ въ разные часы.....	136
Слово о молитвѣ.....	170
О восьми лукавыхъ духахъ. О чревоугодіи.....	201
О блудѣ.....	204
О сребролюбіи.....	208
О гнѣвѣ.....	210
О печали.....	212
Объ уныніи.....	215
О тщеславіи.....	217
О гордости.....	219
Къ Евлогію монаху. Слово 1-е.....	223
Къ нему же слово 2-е.....	272
О различныхъ лукавыхъ помыслахъ 27 главъ.....	278
Слово на евангельское изреченіе: <i>иже иматъ владѣніе</i> и проч. (Лук. 22, 36.).....	312
Сказанія о избіеніи монаховъ на горѣ Синайской и о плѣненіи Θεодула, сына Нилова.....	329
Похвальное слово Алвіану.....	414

ОПЕЧАТКИ

Напечатано:

Должно читать:

Стран. строк.

17	1 сн. не только	не столько
25	8 св. <i>въ кладѣ</i>	<i>въ кладѣ</i>
40	8 — пресеяешься	пресеяется
61	2 сн. тѣснимоу	тѣснимоу
63	5 св. зловоніа	зловоніе
66	12 сн. дары	дара
67	5 св. ни мало	ни мало
83	3 — скудности	скудости
85	11 — одного	одного)
119	15 — <i>пометанъ</i>	<i>наметанъ</i>
166	15 — въ крови	въ кровы
191	14 сн. отгонять	отгонять
238	12 — своего	твоего
276	4 св. рожекъ	роженъ
280	13 сн. не приложить	не приложитъ
290	2 св. обличаемъ	обличенъ
293	1 — понуждающіе	понууждаютъ
—	7 — ехидна. Этотъ звѣрь	ехидна—этотъ звѣрь
296	15 — и хитрости	о хитрости
297	9 — искушеніямъ	искушеніяхъ
307	13 — а иначе ли	и иначе ли
319	5 сн. въ <i>видѣнію</i>	къ видѣнію
322	7 св. Сему-то	Посему-то
327	12 — три помощи	при помощи
360	8 — на себя	на себя
364	6 — уводимому	уводимому тѣлу
377	4 сн. небовзвпенное	неболѣзненное